Гайда Лагздынь

ДВЕ ЖИЗНИ В ОДНОЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гайда Рейнгольдовна Лагздынь - член Союза писателей СССР, России, ветеран педагогического труда, учитель высшей категории, лауреат 2-го Всесоюзного конкурса Госкомиздата и Союза писателей СССР, лауреат Всероссийского конкурса по Центральному федеральному округу, лауреат премии губернатора Тверской области за лучшие книги для детей, дипломант конкурса «Хрустальная роза Виктора Розова» с вручением медали «За вклад в отечественную культуру». Награждена медалью имени М. Шолохова и нагрудным знаком губернатора «За заслуги в развитии Тверской области».

В октябре 2010 года за многолетнюю творческую деятельность, значительный вклад в развитие культуры Тверской области награждена Почетным знаком губернатора «Крест святого Михаила Тверского».

Г.Р. Лагздынь создала и двадцать лет руководила авторским детским музыкальным театром со званием «Народный», «Образцовый». Театр трижды становился лауреатом всероссийских конкурсов театральных коллективов.

«Две жизни в одной. Книга-3» - продолжение автобиографической документально-художественной повести о жизни и творчестве педагога и писателя с включением глав о деятельности общественных фондов и организаций, произведений литературного жанра типа фэнтези и большого фольклорного материала.

- Гайда Рейнгольдовна Лагздынь. ДВЕ ЖИЗНИ В ОДНОЙ. Книга 3
  - Глава 1. Десятый год XXI века
  - Глава 2. Потерянная глава
  - Глава 3. Общества и сообщества
  - Глава 4. Десятые молодёжные Дельфийские игры России «Искусство. Молодость. Талант»
  - Глава 5. Тайны великих снов
    - Время. Купол
    - Волшебный сундучок
    - Букет полевых цветов
    - Ночной лес
    - Планета созвездия «Сверкающих звезд»
    - Загадки небесного замка
    - Бусы мистера Луна
    - Семь царственно-королевских жемчужин

- Одной детской книгой стало больше
- В дальней деревушке жили дед да две старушки
- Таинственный замок. Пришельцы из Фэнтези-страни-мании

- Глава 6. Поговорки, пословицы и другие выразительные средства традиционного творческого стиля в разговорной речи
- Глава 7. Не пиши про горюшко, а пиши про солнышко
  - Сказание про Ваньку Тверского и его дружка Шуршалу-Шебаршалу
  - Молодушка
  - Лысый пряник в стране Сладкоендии
  - Приключения толстого пирожка по имени Пончик
  - Мышиный король
  - Паша´
- От автора
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

Гайда Рейнгольдовна Лагздынь. ДВЕ ЖИЗНИ В ОДНОЙ. Книга 3

Глава 1. Десятый год XXI века

Вот и закончился 2010-й год - юбилейный в моей жизни. Как никогда, проходил он в труде и в обилии праздников, с повышенным количеством встреч с читателями, с презентациями книг, вышедших накануне юбилея. В этот период родились «Загадки небесного замка», «Из века в век в легендах и сказаниях», «Старые дневники и пожелтевшие фотографии», многочисленные сборники крупных московских издательств «Дрофа-плюс», «Росмэн», «Оникс-XXI век», «Олма-Медио-Групп». Издательством «Фламинго» протоптано много тропинок к детям-читателям-слушателям «Топотушками», «Ладушками», «Послушным Зайчонком» тиражом около миллиона экземпляров, что печатались на тверском комбинате «Детская литература».

В десятом году нынешнего столетия появились красочные издания «Я играю и мечтаю» издательства «Махаон». В московском издательстве «Контакт-культура» на средства бюджета Москвы вышла иллюстрированная в «Студии Артема Лебедева» «Моя книга» в 352 страницы, весом около двух килограммов. Очень красивая, цветная, в плотном тиснённом золотом переплете, в красно-малиновой суперобложке. Перед самым Новым, 2011 годом почтой из Москвы доставлены авторские экземпляры издательства «Дрофа-Плюс» «Мои любимые домашние питомцы», а от «Фламинго» - переизданные книги «Кот Федот», «Топотушки», опубликован и новый сборник «Сорока-Белобока». В юбилейном году успела появиться на свет и маленькая книжечка тверского издательства «Рэд» «Приключение толстого пирожка по имени Пончик», где рассказано, как делаются сладости. Московский журнал «Музыкальный руководитель» тоже не забывает печатать стихи. Из номера в номер идут публикации, успевай только ходить на почту.

2010 год отмечен и триумфальным шествием, связанным с возрастной датой, по инициативе, во главе с обществом книголюбов, при активнейшем участии городского и областного комитетов по культуре с участием администрации города, области, руководителей губернии. Начиная с 1 августа, со дня моего рождения, шла активная подготовка. Буквально один раз в неделю заседали в областном комитете по делам культуры. Мне как-то даже порой становилось неловко за такое ко мне внимание. Кроме многочисленных выступлений при непосредственном участии работников музеев и библиотек, была организована выставка, где на стендах литературного музея им. Салтыкова-Щедрина были представлены книги, сборники, многие

из которых не известны тверским читателям по той причине, что не попадают на книжный рынок нашего региона, как говорят московские издатели: «Книги расходятся на корню».

На открытии выставки было много гостей, поздравлений, цветов. Были отсняты и созданы документальные фильмы о ходе работы выставки и театрализованного творческого вечера в Театре юного зрителя. Вечер запомнился многим его участникам. Он был знаменателен тем, что губернатор Тверской области Дмитрий Вадимович Зеленин поздравил меня с юбилеем и вручил награду: «За многолетнюю творческую деятельность, значительный вклад в развитие культуры Тверской области наградить почетным знаком Губернатора Тверской области «Крест святого Михаила Тверского» Лагздынь Гайду Рейнгольдовну - члена регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России». На вечере кроме словесного чествования от администрации, культуры, образования, состоялись театрализованные представления силами творческих коллективов детских садов, школ, училищ.

В течение 2010 года по инициативе Областной общественной организации книголюбов проходил конкурс чтецов, в котором участвовало более тысячи детей в возрасте от трех до восемнадцати лет. Ребята читали стихи, отрывки из прозаических, музыкальных произведений, представляли отрывки из спектаклей. Одним словом, выбирали литературный материал для исполнения по своему усмотрению. Мы колыхнули большую часть области. Было видно, что дети «изголодались» по литературным конкурсам. А какой это был праздник для меня как автора?! Слушать детей, видеть исполнителей твоих произведений. Это воистину огромный праздник писательского признания. Ведь из разных уголков области приезжали дети, лауреаты районных конкурсов. Представление лауреатов среди лауреатов проходило во Дворце детей и молодежи - ДДМ. Жаль только, что мало участвовало школ города Твери, кроме одержимых в желаниях учителей и воспитателей, что не было и самих тверских руководителей. В целом, это был праздник, было чему поучиться и работникам НМЦ. Безкомпьютерная учеба тоже многого стоит.

Награждение областных лауреатов проходило в музее имени Лизы Чайкиной. Отмечали ребят и моими книгами, и теми, что прислали московские издательства, с которыми я работаю: «Лабиринт», «Фламинго».

На выступлении вы бы видели этих одержимых детей! А трехлетнего малыша из Конаково? С каким чувством, с пониманием каждого слова, читал он мои стихи! А какая дикция?

Или ребят из Вышнего Волочка? А игру Конаковского театрального детсадовского коллектива «Теремок»? А чтецов из Лесного района? Учащихся школ №№14,15 из Твери? Трудно всех перечислить. 138 одних лауреатов было прослушано в ДДМ. Выступление детей в музее тоже заказала отснять профессиональной фирме на пленку. Так что при случае обращайтесь ко мне.

Мы говорим, что дети мало читают. Читают, и не мало. Надо их просто стимулировать! Проводить литературные конкурсы. Я спрашивала ребят: «Вам очень важно получить подарок?» - «Конечно, интересно, - сказал один малыш. - Но мы знаем, что денег на это дают мало». А девочка восьми лет добавила: «Самое важное - это читать со сцены и чтобы тебя слушали». Вот такие у нас растут всё понимающие ребятишки. Будь моя воля, я бы для поднятия стимула к чтению объявляла не только конкурсы на исполнение песен, на выступления детских ансамблей! Это тоже замечательное и очень нужное дело. Хотелось бы, чтобы на выступлениях на Евровидении наши ребята были бы впереди. Но я объявила бы еще и Еврочтение. А точнее, Российский конкурс чтецов - детей в возрасте от и до!

Сейчас, сидя за письменным столом, мысленно подводя итог прожитому году, думаю, был он замечательным, хотя и напряженным для моего возраста. Если говорить точнее и откровеннее, то очень и очень трудным. В этот период жизни я работала над автобиографической повестью «Две жизни в одной». Целый год пол в квартире был похож на минное поле, только вместо мин притаились рукописи, письма, рецензии, вырезки из газет, журналов, многочисленные фотографии, книги. Не хватало площади двух столов, а потому, помня недалекое прошлое, располагая в семье площадью небольшой комнаты, привыкла использовать и пространство пола. Сейчас и двухкомнатной квартиры мало! Бумагам и здесь тесно. Впрочем, такая система расположения литературного материала удобна для экономии времени. Во-первых, не надо рыться в пачках архива. Во-вторых, от чего ушел на выступление, на встречу или в магазин, к тому и вернулся. Все находится на месте. Одно неудобство: приход гостей, детей, внуков. Но тут было оправдание, только реже стало посещение и тех и других. Что заставляло меня так обращаться с документами, книгами? За долгую творческую и учительскую жизнь накопилось много материала. Одних авторских книг более ста, а на каждую - море рецензий, откликов. А сколько вокруг хороших людей? Хотелось всех вспомнить, не забыть и главных, и второстепенных действующих героев драм и комедий большого жизненного театра.

Создавая книгу, которую назвала «Две жизни в одной», пришлось приступить к написанию и второй «Книги-2». В итоге получилось: 560 страниц и 344 страницы соответственно, с шестнадцатью и восемью цветными вкладышами. Все это делалось вперемешку с подготовкой книжной персональной выставки в музее Салтыкова-Щедрина, с творческими вечерами, с выступлениями, с юбилейным праздником, с марафонами по библиотекам города и области, совмещая писательскую работу с работой по созданию документальных фильмов, с работой по закладке новых книг в издательствах Москвы и для участия в сборниках новых издательств. А главное, уже писалась «Книга-3», в которой много новых произведений, куда уводила меня усталость от документальных двухтомников.

Кажется, прошел 2010 - юбилейный год. Приближается неделя Тверской книги, а с 16 марта - откроется Международная книжная ярмарка в Москве, куда я уже приглашена. На книжной неделе в Твери запланирована презентация новой книги «Две жизни в одной». Новый год на подходе. У всех длительные каникулы, большой перегон для отдыха, но только не у меня. Сижу, вычитываю «Книгу-2», выписываю «грехи», а они, несмотря на корректуру, все вылезают. А еще создаю «Книгу-3». Но, чтобы ее дописать, надо доделать два фантастических произведения. Одно готово. Ушло почти две недели на 68 страниц текста. Но это была не просто писанина. Когда возникало произведение такого рода, то происходило что-то удивительное со мной. Написание автобиографической повести - тяжелый физический труд. Надо было перелопатить уйму документального материала, не ошибиться в названиях, в датах, в именах, все излагать через чувства и оценку, заранее предвидя реакцию упомянутых лиц. А фантазия? Начинаю понимать ребят, что сидят в Интернете. Фантазия - это действительно какой-то литературный наркотик. Это уже не «сладкая», а «наркотическая кабала». Находясь в своей Фэнтазистрании, я удаляюсь в свой каменный замок и там витаю, играю, как хочу. Возникают герои, действующие образы, новые ситуации. Это увлекает, живешь или тебя нет? Порой, фантазируя, стараешься понять и переиграть своих героев. Полная свобода мысли, не зажатая рамками разумного, иногда это - сплошная чушь! Потом уже, при чистке текста, начинаешь что-то подделывать, чтобы произведение стало логичным, правильно выстроенным. Я вдруг почему-то вспомнила и поняла Нину. Увлекшись образом моего осьминога Османа Великого и превратив его в образ Бородавкина, ее вдруг понесло по глубинам океана, фантазируя и наворачивая одно событие на другое. Ох, и беда от этой литературной неудержимости, свалившейся на

голову фантаста. Ну и призналась бы, что я явилась катализатором! Многих и московских авторов я заводила своим творчеством на ускорение и активизацию.

Фантазия чем-то сходна с цунами! Налетев, захватила, понесла. Лишь бы уцелеть, не разбиться в бушующей стихии.

И вот наступил февраль 2011 года. Библиотека имени М. Горького. Неделя Тверской книги с 15 по 21 число. Открытие, немного странно, но и исторически оправдано, во Ржеве. В Твери - с 16 февраля. В 18.00 - мой творческий вечер. Пойдет разговор о произведениях, изданных в последнее время. Конечно, я буду говорить о книге московского издательства «Махаон» «Я играю и мечтаю», где тридцать шесть стихотворений о профессиях. Продемонстрирую сборник фольклорных потешек «Сорока-белобока» издательства «Фламинго», куда наряду с народным мудрым творчеством вошли стихи ныне живущих детских поэтов: Владимира Степанова, Виктора Хесина, Юрия Кушака, блок моих стихотворений. Книжка получилась очень красочной, немного смутили стилизация В. Степанова и менее качественные произведения В. Хесина. Очень понравились стихи Ю. Кушака.

От презентации книги «Две жизни в одной» жду критических замечаний, откровенных высказываний, ибо считаю, что большое поле распахала. Интересно услышать мнения читателей, отклики на написанное и, конечно, пожелания критического характера. Всегда интересно знать, тем более в непосредственном контакте, а не через «испорченный телефончик», и, тем более, не от подставных, засланных в желтую прессу, личностей. Как правило, уши, что торчат из-под страниц книг, принадлежат в чем-то ущемленным хозяевам. Да бог им судья!

Презентация «Книги-1» и «Книги-2» «Две жизни в одной» проходила в Научном, как его теперь именуют, Славянском, зале. Много знакомых лиц. Помещение, судя по возникшей энергетической атмосфере, насыщено положительной энергией, даже слишком благожелательной. Ни одного критического выступления. Неужели так все хорошо и правильно написано в моей книге? Ведь это моя первая такая сложная, серьезная писательская работа? Возможно, люди еще не вчитались? Страниц-то пятьсот шестьдесят. Или щадят меня? Да и времени всего два часа до закрытия библиотеки. До этого в этом же зале состоялась презентация журнала Тани Пушай «Тверская старина». Многие краеведы, даже желавшие побывать на презентации, в силу своего приличного возраста, извинившись за то, что устали, не смогли остаться. Но зал полон. Радует присутствие молодых и людей среднего возраста. Прозвучали приветствия от советника главы города Николая Николаевича Черникова, поэта Юрия

Николаевича Смирнова, от депутата Областного Законодательного собрания Людмилы Федоровны Воробьевой, от областного Департамента образования в лице главного специалиста дошкольного отдела Майи Константиновны Скачковой. Долго и обстоятельно обо мне говорил Сергей Леонтьевич Киселев, известный заслуженный человек, уважаемый за деятельность в руководстве, в политической и административной работе в Твери. О нашей совместной творческой работе рассказала Людмила Сорокина. Дочь однокашника по институту, Жени Яковлева - друга нашей семьи, врач Нина Евгеньевна Яковлева подарила цветок, который в закрытом пространстве, через полиэтиленовое окошечко, смотрел на меня потом целых двадцать дней. Весь вечер был скрашен замечательными певцами: Львом Тимофеевым, песней на мой текст «Окружная дорога»; в исполнении Руслана Сорокина прозвучала «Песня любви» из моего военного цикла стихов, а Галина Ивановна Никрашевич порадовала шуточной песенкой «Ну-ка, бабка», когда-то давно написанной. Музыку сотворил тверской самодеятельный композитор Николай Павлович Иванов. Я благодарна певцам за их творчество. Звуки красивой музыки, доброжелательные выступления сделали вечер литературно-лиричным, эмоционально приятным.

Закончилась неделя Тверской книги. Для меня наступило время более интенсивной работы над созданием «Книги-3. Две жизни в одной». Надо, не скользя между строк краткими воспоминаниями, одиночными штрихами, а более широко и документально - ясно рассказать об организациях, в которых, не стыдясь этого слова, трудилась, не позволяя делать из себя «свадебного генерала». С первых же строк хочу вспомнить, как их теперь называют, общественные организации: Книголюбов, Детский фонд, Фонд культуры, Фонд мира, Всероссийское общество по охране природы и поблагодарить прекрасно работавших и работающих поныне, с которыми жили и живем в одно время, вместе трудились и трудимся, поддерживая друг друга. Спасибо.

И долог ли наш путь? Неведомо нам знать.
Но главное «спасибо» сказать, не опоздать!

Две жизни в одной

«Горизонты культуры». Февраль, 2011 г.

Утверждение «Мы - самая читающая страна в мире» последнее время у многих вызывает скептические усмешки. Читали, дескать, потому так активно, что не было у нас других

развлечений. Возможно... И все же Неделя Тверской книги (16-21 февраля) вызвала неподдельный интерес у жителей города. На протяжении нескольких дней посетители Тверской областной научной библиотеки им. А.М. Горького знакомились с новинками издательств, общались с известными писателями, презентовавшими свои сочинения.

То, что первым в цикле встреч-презентаций стоит вечер Гайды Лагздынь, неслучайно. Гайду Рейнгольдовну уже давно называют Тверской королевой книг (этот титул был официально подтвержден на праздновании 80-летия писательницы, на котором ей преподнесли мантию и корону). Трудно сосчитать все издания ее произведений для самых маленьких, для школьников, для подростков, и все же новая книга Лагздынь среди них не затеряется. Ведь в ней она рассказывает о своей жизни и своем творчестве.

Давно пора было Гайде Рейнгольдовне самой описать свой долгий путь - уж слишком много ошибок встречается в публикациях. Продвигалась работа над книгой непросто. Писательница признается, что прошедший год стал для нее едва ли не самым сложным. Но вот он позади, вышли в свет первый и второй тома книги «Две жизни в одной», подходит к концу работа над третьим. Итог напряженного труда - несколько сотен страниц, вместивших десятилетия пути, множество встреч и расставаний, радостей и бед, обретений и потерь. Удивительно, но все это взято из памяти - дневников у Лагздынь нет.

Память сохранила и драматические переживания девочки, названной дочерью врага народа, и теплое общение с прекрасными мастерами слова, и первую пробу пера, и первую публикацию, и, конечно, всех ее лучших друзей-детей. Книга позволит читателям не только узнать подробности биографии Гайды Рейнгольдовны и заглянуть на ее творческую кухню, но и увидеть, как относились (и относятся) к Лагздынь собратья по писательскому цеху. Ведь в издание она включила также внушительный список книг, подаренных ей известными авторами, а также их автографы.

Читатель, вероятно, обратил внимание на необычное название книги. Что же такое «Две жизни в одной»? На обложке тома изображен переплетенный ствол дерева, который для Гайды Рейнгольдовны является символом двух неразрывных начал в ее судьбе - литературы и педагогики.

Вместе с томами своей биографии писательница представила новую книгу для малышей «Я играю и мечтаю». Для ребенка игра не просто забава, он часто «примеряет» на себя самые разные профессии, копирует поведение взрослых. В таких играх порой

рождаются интересы, определяющие всю дальнейшую жизнь. В книгу вошли тридцать шесть иллюстрированных по самым разным специальностям, выбранных детьми стихотворений. А всего было написано семьдесят стихотворений. С детской непосредственностью говорит она о своем вечном трудолюбии, заставляющем ее всегда писать «с запасом».

Николай Кутузов

Глава 2. Потерянная глава

По плану построения третья книга «Две жизни в одной» может показаться странной. Действительно, глава «Общества и сообщества» должна была быть в «Книге-1-ой», но так получилось, что она по непонятной причине выскользнула при верстке. Обнаружила я это поздно, когда «Книга-2» была подготовлена к печати. Поэтому, прежде чем читать главу про «Общества и сообщества», я предлагаю ознакомиться с литературным материалом под общим заголовком: «Тайны великих снов».

Фикус Бенджамина

«Тверская жизнь», 19 фераля 2011 г.

Так назвала себя известная тверская писательница Гайда Лагздынь на презентации первых двух томов автобиографии. Писательница не так уж и не права. Это растение, которое в природе достигает высоты до 25 метров, достаточно неприхотливо, имеет повышенную приспособляемость к условиям окружающей среды, а если посадить два или три растения вместе, то их стволы переплетутся в красивую косичку.

В жизни Гайды Лагздынь именно так все и переплелось - высылка в Калинин, обучение по очень далекой от литературы специальности.

Два первых тома своей автобиографической документально-художественной трилогии «Две жизни в одной» известная тверская и российская писательница представила читателям в первый день работы Недели тверской книги, которая при поддержке департамента культуры региона проводится сейчас в области. В Славянском зале библиотеки имени Горького собрались коллеги по писательскому цеху, друзья, почитатели ее таланта. Когда говорят о Гайде Рейнгольдовне, то прежде всего имеют в виду ее творчество, адресованное детям. Действительно, ее произведения для детского чтения широко известны в России, издаются миллионными тиражами, принесли писательнице настоящую славу.

В новой своей книге Гайда Рейнгольдовна предстает в ином, для многих непривычном качестве. Мотивов, побудивших Гайду Лагздынь заняться написанием автобиографии, было, наверное, немало, однако на презентации она озвучила лишь несколько. В критических отзывах о книгах, аннотациях к ним, говорит писательница, часто путают названия отдельных ее произведений и целых книг, приводят неточные биографические сведения.

«Так у меня и возникло желание все расставить по своим

местам», - говорит Гайда Лагздынь. Работа над книгой заняла у нее около года - немыслимо короткий срок, особенно если учесть, что общий объем первых двух томов повести превышает девятьсот страниц. Гайда Рейнгольдовна призналась, что никогда не вела ни дневников, ни записей, все события своей яркой и долгой жизни восстанавливала по памяти и по тем документам, которые хранятся в ее писательском архиве. «Бумажки, книги, - рассказывает она, - были разложены по всей квартире». В этом огромном объеме материала писательница с легкостью находила нужный документ, нужную книгу с автографом своих коллег, с которыми она общалась в разные годы своей жизни.

Рассказывая о себе, Гайда Лагздынь проявляет себя как непревзойденный публицист, и это станет, скорее всего, открытием для читателя, который впервые из первых уст сможет узнать о ее жизни и творчестве. Родители, детство, юность, приход в литературу, занятие педагогикой и детским театром... За этими вехами писательской биографии, знакомыми в том числе и по ее личным выступлениям, все равно очень многое стоит, так много, что в рамках, например, творческой встречи и не расскажешь. Книга «Две жизни в одной» поможет. Гайда Лагздынь, не стесняясь, говорит, что написала про себя все, ничего не утаила. «Здесь, в повести, я вся», - подчеркивает она.

В книге очень много имен - иначе и быть не могло. Много дорогих сердцу воспоминаний. Много жизни. Предположу, что Гайда Рейнгольдовна рассказала обо всех - друзьях, знакомых, доброжелателях и недоброжелателях, о тех, кто оставил в ее жизни небольшой след, и тех, кто занял в ней значимое место. В повесть включены заметки писательницы, в которых она ведет порой острую полемику с литературными критиками - и это едва ли не первый ее открытый ответ им. В частности, в повести цитируются критические статьи о творчестве Гайды Лагздынь, выходившие в разное время, с ее комментариями. Весьма ценным и интересным блоком в книге стал блок фотографий из семейного архива писательницы. ...Дочь балтийского матроса, латыша-революционера, маленькая Гайда вместе с матерью в 1937 году была выслана в Калинин. Дочь врага народа - тогда это был приговор. На выпускном вечере в детском саду ей в отличие от других детей не подарили школьные принадлежности, и, может быть, именно это стало первым событием в жизни маленькой девочки, которое перевернуло ее дальнейшую судьбу. Заставило бороться, заставило учиться добиваться поставленных целей, а в конечном итоге сделать имя Гайды Рейнгольдовны Лагздынь.

Евгений ПЕТРЕНКО

Вещий сон

Я никого не удивлю рассказами о снах, которые посещают не только меня. Многие не придают им никакого значения, а тем более не пытаются их расшифровать. Но я с некоторых пор стала очень серьезно относиться к сновидениям, ибо видела в них часто свое будущее.

Сны бывают разные: маленькие - пустяковые, как бы продолжая жизненные часы в период бодрствования. Но бывают сны очень даже глубинного содержания - вещие сны. В-первых, мы как бы живем в прошлом времени. Во-вторых, в вещих снах - наше будущее, часто не осознанное до определенного времени.

Передо мной лежит сигнальный номер двухтомника «Две жизни в одной», «Книга-1». Вообще-то написание этой книги было необычным. Я все время чувствовала, будто кто-то постоянно мне помогает. Стоило только задуматься над каким-либо вопросом, как тут же приходила помощь извне. Все складывалось так, как надо. Книга была доведена до диска, с которого можно работать - создавать книгу. Но в моем рабочем окружении появился кто-то с явным негативом, и начались трудности. Меня стали посещать тематические сны, которые, я чувствовала, предупреждали меня. Я пыталась их расшифровать, но не могла. А они все яснее и яснее вторгались в мое спящее подсознание. Об этих снах можно писать целые детективы. Особенно ярким был сон, когда передо мной уже лежал сигнальный номер двухтомника «Две жизни в одной» «Книга первая». Знаю, что уже отредактирована, сверстана и «Книга вторая». Глядя на этот изданный тяжелый «стальной кирпич», я поняла тот сон, который посетил меня дней за десять до выхода этого издания. Я была поражена содержанием сна, пересказывала его, просила знающих людей помочь его расшифровать. А сон был такой.

В руках охапка цветов, в которой много красных роз и белых хризантем. Некоторые лепестки еще не заметно, но уже подают признаки увядания. Иду по длинному светлому коридору, зная, что это - больница. Открытая дверь в палату. На кровати, лицом к дверям, лежит молодая женщина в белой одежде. Она больна и очень. Я отделяю от букета часть цветов и передаю ей. Иду дальше. Опять палата, и опять больная женщина, и опять часть цветов отделяю от букета. На этой же стороне, ближе и по ходу движения открыта дверь. За столом три женщины - три врача. Они говорят мне, что заняты, что приема нет. На что я отвечаю:

«Мне не надо на прием, я только хочу вручить цветы». Разделяю букет на три части и передаю, но, каким образом, не вижу. И вот передо мной «Книга первая». Первая печаль - первая палата: обложка не такая, какая задумывалась и какая мной подписана к печати.

Перечитываю книгу, нахожу вторую печаль: на странице до неузнаваемости испорчен текст. Одна строка въехала в другую, создав полный абсурд при чтении. В таком виде невозможно читать стихотворение, а оно о том, что «Я буду президентом». «Книга-1» уже напечатана в количестве 200 экземпляров, сброшюрована, прошита, склеена. Срочно звоню в редакцию, чтобы дали сигнал переплетчикам вечерней смены и приостановили работу. На часах 21.15. Редактор, устав от дел, отключила мобильник. Второй нервный стресс.

А что же означает общение во сне с тремя врачами через раскрытую дверь в ординаторскую? Утром вновь перелистываю книгу. Она очень тяжелая, переплет гнется. Ей бы корочку потолще, тогда бы этот кирпич моей биографической жизни был бы фундаментальным, как моя семья. Кстати, - задаю себе вопрос, - что-то я не припомню, где напечатано о детях и внуках? И где глава: «Общества и сообщества», в которой даны важные информационные сведения о Фонде культуры, о Детском фонде и Обществе книголюбов? Вот они, три врача, три оставшихся букетика от большого букета. Вот она, потеря при создании книги. Уход сведений с болезненной сильной болью не в светлую боль потери.

В этот момент и возникло не только непреодолимое желание, но необходимость с полной ответственностью восстановить упущенное по вине или недомыслию кого-то, не думаю, что по злому умыслу. Виновата и я, перегруженная делами в этот период жизни, - не досмотрела. К сожалению, внести потерянную главу в «Книгу-2» не успеют. Книга сверстана, после корректуры ушла в типографию.

Так возникла третья книга, в которой публикуется потерянная глава и своеобразный цикл из серии «Тайны великих снов», которые меня волнуют давно.

Но сначала читаем про общества и сообщества.

Глава 3. Общества и сообщества

Мне так любы книголюбы

В далекие времена я попала в сообщества. Вроде бы и не стремилась, а оказалась, поскольку была востребована.

Всесоюзное Общество любителей книги возникло в 1974 году. Первым председателем правления Калининского отделения был профессор Никольский Виктор Александрович, затем профессор Огнев Александр Васильевич, потом, ненадолго, на эту должность пришел писатель Михаил Григорьевич Петров, за ним Александр Сергеевич Душенков. В моей памяти деятельность этих руководителей не отпечаталась, хотя в составе правления я была с момента возникновения Общества. Мне больше запомнилась своими делами Галина Васильевна Лаврентьева, она и сейчас неннет да проявится в каком-либо деле. Передо мной вырезки газет из личного архива. В этих статьях рассказывается об одном из автопробегов. Пересказывать статьи не буду, а почти целиком помещу её на страницах книги.

Праздник, который получился

«Смена», 08.07.1979 г.

Впечатляющий кортеж из десяти легковых машин, украшенных транспарантами, проносится по улицам областного центра и выходит на автостраду Москва – Ленинград.

Калинин - Лихославль - Вышний Волочек. Это один из маршрутов агитбригады, цель которой - приобщить к празднику книги шесть районов Верхневолжья.

...И вот уже замелькали утопающие в зелени окрестности Лихославля. Дом культуры. Первое выступление и первое знакомство с учащимися местных профессионально-технических училищ. Представляет гостей руководитель агитбригады, заместитель директора облкниготорга Нина Эвальдовна Истратова.

На сцене калининский поэт Валерий Токарев. Он читает стихи из своей первой книжки «Послевоенные яблоки», которая выходит в свет в этом году. В зале - завтрашние рабочие, и стихи о них и для них.

Литераторов сменяют артисты Калининской филармонии. Песней «Наша биография» открывает программу Вадим Тирон. Внимательно слушает молодежь отрывки из «Братской ГЭС» Е.

Евтушенко, которые читает Надежда Коляда. Ведь это ребятам, сидящим здесь, близко по тематике, а значит, - и интересно. Русские песни в исполнении Елены Романовой сменяют «Фантазии» баяниста Владимира Озерова. Тепло провожают пихославльцы агитбригаду.

А с головной «Волги» уже раздается команда, усиленная динамиком: «По коням!» Теперь одна группа едет в колхоз имени Ленина, другая - в городской сад на детский праздник «Книга - наш друг». Московский писатель Юрий Разумовский и калининский поэт Анатолий Устьянцев читают свои стихи, написанные для детей.

Спустя час литераторов встречают на молочно-товарной ферме колхоза «Прожектор». Идет дойка, но колхозницы находят время, одна за другой доярки собираются в красный уголок и внимательно слушают. «Приезжайте почаще!» - такие слова не забываются.

И снова дорога, теперь уже на Вышний Волочек. Клуб птицефабрики «Юбилейная» полон. Писатель Юрий Разумовский читает свою новую балладу «Три шага». Потом в зале гаснет свет, и свои маленькие секреты на цветных слайдах раскрывает Юрий Аракчеев. Как интересны его пояснения!

Десять часов утра. Совхоз «Вышневолоцкий». Забегая вперед, скажу, что здесь было одно из самых удачных выступлений. Сначала у клуба было пусто. Но то ли вездесущие мальчишки на велосипедах разнесли весть о приезде гостей, то ли в гости приехали рановато, но когда передвижная книжная лавка, наконец, была готова принять первого покупателя, он сразу появился. А за ним пошли пошли и люди.

Праздник, который не кончается

«Калининская правда», 27.06.1979 г.

Итак: организованно прошел в городе Калинине и области праздник книги. Он продолжался три дня.

Его маршруты пролегли через многие города области. Читатели встретились с писателями и поэтами из Москвы и Калинина, побывали на книжных базарах, присутствовали на читательских конференциях. Встреча с книгой происходила на предприятиях и в организациях, в колхозах и совхозах, в пионерских лагерях и по месту жительства.

Дни праздника ознаменовались автопробегами по маршрутам: Калинин - Ржев - Нелидово, Калинин - Бежецк - Красный Холм, Калинин - Лихославль - Вышний Волочек. И везде встречи со столичными и калининскими литераторами

превращались в откровенные и заинтересованные разговоры о судьбах литературы, об интересе людей к книжному богатству.

Заключительный день праздника прошел в городском саду областного центра. Участники: поэты Яков Шведов, Гайда Лагздынь, Алексей Пьянов, Евгений Марысаев.

С двумя замечательными участниками того автопробега, с писателями Евгением Марысаевым и Яковом Шведовым связь впоследствии не оборвалась: встречались и переписывались. До сих пор в моём личном архиве хранится пожелтевший конверт с письмом от Я. Шведова. Я думаю, не одному поколению людей знакомы песни «Смуглянка» и «Орленок»: «Орленок, орленок, мой верный товарищ, ты видишь, что я уцелел? Лети на станицу, родимой расскажешь, как сына вели на расстрел».

В своем архиве я обнаружила и рекомендательное письмо Г. В. Лаврентьевой, когда по командировке от СП СССР уезжала в столицу Карелии - г. Петрозаводск.

№ 180 от 02.10.1984 г.

Заместителю председателя правления Карельской республиканской организации ДОК РСФСР тов. Потиевскому В. А.

Уважаемый Виктор Александрович!

С 12 ноября в течение 20-25 дней в творческой командировке от Союза писателей СССР в Петрозаводске будет находиться член СП СССР Лагздынь Гайда Рейнгольдовна.

Цель поездки - творческие контакты с Петрозаводским театром оперы и балета, с композиторами.

Гайда Рейнгольдовна - популярный в нашей области автор поэзии для детей, лирических песен, много лет успешно выступает в самых различных аудиториях, детских и взрослых, с интересными темами.

Рекомендуется использовать пребывание Гайды Рейнгольдовны и организовать ее выступления в организациях Общества любителей книги.

Ответственный секретарь правления Калининской областной организации ДОК РСФСР Г. В. Лаврентьева.

№172 от 28.07.1989 г.

Первому заместителю председателя Правления ДОК РСФСР тов. Леонову Ю. П.

Направляем Вам характеристику-представление на активиста, пропагандиста книги, члена СП СССР Лагздынь Гайду Рейнгольдовну для награждения ее Почетной грамотой Союза писателей СССР.

Отв. секретарь правления Г. В. Лаврентьева.

Тексты обращения к руководству организаций других областей отражали заботу о писателях. А я, работая на общественных началах в Обществе книголюбов, придерживалась всегда лозунга: «Я не могу быть свадебным генералом».

Рассказано по случаю

За активную пропаганду художественных книг, за участие в выступлениях перед жителями города и области в связи с моим юбилеем была премирована двухтомником сказок Гауфа и братьев Гримм. Купить книги тогда было непросто. Перед их привозом люди дежурили по ночам, чтобы не потерять очередь, в которую записывались с вечера. Когда я смотрю на подписные издания, которые приносят сейчас в магазин «Букинист», на пожилых людей, обладателей тех самых купленных книг, испытываю боль за прошлое и необъяснимое чувство за новое поколение, но, думаю, какими бы ни были современные технические носители, книга не должна исчезнуть с книжных полок. Сколько бы ни использовали Интернет молодые, всего там не поместится. И всегда ли смогут стареющие глаза смотреть на слепящий экран? Не пустеют же библиотеки? А люди продолжают искать редкие книги. Было время, когда мы с ребятами на чердаках деревянных домов Затверечья находили разные пожелтевшие от времени дореволюционные издания. Была политика уничтожения всего прошлого. А теперь днем с огнем ищут многие эти печатные труды старого времени.

Двухтомник «Сказки Вильгельма Гауфа» и «Сказки братьев Гримм» - Якоба (1785-1863) и Вильгельма (1786-1859) - имели суперобложку, были упакованы в специальную красочную коробку, а иллюстрированы так, что даже удивили продавцов, когда я развернула предназначенный для меня пакет, перевязанный бечевочкой. Подарок до сих пор украшает полку моего книжного шкафа и находится в том же голубом хранилище.

В статье Владимира Келлера «Академики народной сказки» приведены такие строки, написанные Якобом Гримм: «Каждый день я сижу за рабочим столом, по меньшей мере, двенадцать часов кряду, и еще хочу напомнить, что тому, кто это делает, скоро исполнится 68 лет». То же мог написать о себе и Вильгельм Гримм. Можно понять слова восхищения Генриха Гейне их трудоспособностью: «Неоценима заслуга обоих исследователей перед наукой о немецких древностях. Один Якоб Гримм сделал для языкознания больше, чем вся Французская академия со

времени Ришелье». Народным массам, детям и взрослым эти писатели известны только как сказочники.

Сказано по случаю

Когда соприкасаешься с великими, начинаешь думать: нужны ли кому-то те литературные часы, отданные написанию этих строк? Нужно ли просиживать порой по четырнадцать-шестнадцать часов подряд в возрасте около восьмидесяти лет, выбегая в кухню, чтобы чем-то подкрепиться? Не выходить из дома по трое суток, когда цветет сирень. Да, кажется, уже отцвела... Но зазвонил телефон: «Гайда Рейнгольдовна, это Полосков. Как продвигается рукопись?» Отвечаю: «Продвигается. Четыреста страниц откатала. Сижу на книголюбах!» «Что-то вас в последние дни нигде не видно! Заходите. Многие узнали, что вы там, как выражаетесь, кропаете! Все ждут!» Я не Гримм и не Гауф. Но какая-то польза и от меня будет. Вот и ответ на мои сомнения.

Общество книголюбов под руководством Лаврентьевой продолжало работать. О деятельности пишутся статьи в областных газетах: от 13.06.1981 г. - о встречах в Андреаполе и Молокове, «Новые знакомства» от 02.07.1981 г., «Собрались читатели» от 03.09.1983 г. Небольшие статейки Валентины Уваровой от 23.03.1988 г. - заинтересованного, не забытого мною сотрудника Общества любителей книги, читаются с интересом. И много всего происходит в тесном сотрудничестве Союза писателей, точнее, руководителей Бюро пропаганды с Обществом. Проходят встречи писателей с читателями по всем районам области. Активно и интересно работала инструктор-методист по Областному отделению - Татьяна Константиновна Пушай. Помню, какие большие литературные вечера под названием «Литературные гостиные» проводила Татьяна в Доме актера, в ТЮЗе, с афишами. За годы работы в Обществе с 1978 по 1987 год было много праздников поэзии с ее участием.

Городским ответственным секретарем была Татьяна Васильевна Колерова, иногда ворчала, когда кто-то не так делал, переживала, но делала всё замечательно. А с мягкой ласковой улыбкой, крепкой правильной рукой вела книжный корабль Г. В. Лаврентьева.

Между прочим, работать Обществу книголюбов в прошлом было легче. В районах на местах были методисты. Сейчас эту роль выполняют библиотекари. А они какие только роли не играют. Во многих школах классные руководители свою работу тоже переложили на плечи библиотек. Так школам и легче и проще!

Наступил 1991 год, подаривший нового сотрудника - умненькую, с круглой улыбочкой, внешне простенькую (но не скажите!) Людмилу Васильевну Рогозину. Много на ее голову свалилось забот, но она умеет, как хороший капитан, повернуть руль туда, куда нужно. Я ей за многое благодарна. Она не подведет, ни в чем не откажет, поможет чем и как может.

На смену Г. В. Лаврентьевой в 1992 году к руководству Обществом книголюбов пришла все понимающая, а кому-то показалось - непонимающая, Вера Викторовна Ткаченко. Встретили ее с осторожностью, ибо ранее плавала она в другом море. Трудное время выпало на ее долю - перестроечное. Тут не только Общество, а вся страна начала перестраиваться, непонятно порой, зачем и не всегда в лучшую сторону. Работа Общества вместе со своим чуть изменившимся названием стала другой и по стилю, и по сути. Пришло время не жить, а выживать. Отсюда и новые формы работы, и новые методики, порой далекие от пропаганды книг и их авторов. К работе приплюсовались разные руководящие надстройки. Оставалась одна надежда: дети.

Мы все - книголюбы

Мысль о создании детского литературного объединения меня посещала многие годы. В 1993 году на базе Методического центра при гороно была создана экспериментальная площадка, одной из сторон деятельности, которой я выбрала работу с детским творчеством. Так возникло детское литературное объединение «Курочка Ряба». Литобъединения создавались в школах областного центра, в больших и малых городах Тверской области. А когда у ребят появилась возможность показывать свои литературные труды в виде рукописных книг - в активную фазу творчества вошли и отдельные школы из поселков и деревень области. Все это уже шло при активном содействии Общества книголюбов. Поток рукописей, рукописных книг, рисунков, поделок и других детских работ стал адресно поступать в кабинет председателя Общества В.В. Ткаченко. А нам, педагогам и писателям, пришлось рецензировать и оценивать как индивидуальные, так и коллективные труды. Работа велась безвозмездно в содружестве с писателем Леонидом Нечаевым, с профессором университета Строгановым Михаилом Викторовичем. Кстати сказать, отношение М.В. Строганова к моему творчеству передано в первом томе «Моей книги».

В первые годы количество рукописей было примерно около ста, затем - более трехсот, сейчас их гораздо больше. Замечательных детских произведений много. Порой даже трудно сказать, какое из них лучше. Поэтому я не совсем согласна с

нормами оценок: ты - первый, ты - второй, третий, ибо всякое творческое начало в ребенке, подростке, во взрослом человеке, пусть даже небольшого литературного объема, бесценно, требует уважения. А, следовательно, должно поощряться вниманием к личности, создавать у автора положительные эмоции, чтобы не гас творческий огонек.

В связи с желанием продолжать работу с литературным объединением, я предложила создать такой коллектив детей при Обществе книголюбов. Для этого на имя председателя была подана заявка следующего содержания:

«В отличие от взрослых людей образное мышление более развито у детей и подростков, отсюда удивительное стремление их к фантазии и словотворчеству. Понимая это. Общество любителей книг и чтения, стоящее рядом с читающим взрослыми людьми, должно способствовать формированию своего будущего заинтересованного читателя и, возможно, поэта и прозаика. Детское литературное объединение, на мой взгляд, не должно быть многочисленным».

В заявке был указан стиль работы, расходы и методика пропаганды детского творчества.

Обращение осталось лишь моим желанием на бумаге. На этот счет у Ткаченко были свои планы. Наступал 1995 год.

Вера Викторовна взяла курс на посольства стран в Москве, но почему-то не со славянскими народами, а с народами более богатых стран. Дети стали трамплином к расширению связей. Это меня удивляло и слегка озадачивало. А потому я на время отошла от деятельности Общества книголюбов, но не отреклась, зная, что это все временное, направленное на укрепление положения Общества книголюбов в глазах областных руководителей, а в целом - на выживание. Возможно, - кольнула мысль, - это совсем другое, чем то, что лежит на поверхности понимания? Власть ведь - дело наркотическое. Но не надо забывать, что сказал президент: 60 лет и - шагом на пенсию! Нас, писателей, это не касается.

Что дальше? Возвращаться к писателям, к их книгам? К каким писателям? К каким книгам? Но движение не может быть по кругу, оно должно идти по спирали. Хватит ли у Ткаченко мудрости? На выживание - хватка есть! Надо выходить на женское движение, подобное тому, по которому почти пошла ассоциация женщин-писательниц в России перед перестройкой под руководством Ларисы Васильевой. А еще надо двигаться в сторону Украины и Белоруссии, тем более, что, к примеру, московское издательство «Аттикус», чьи производственные площади «Парэтто-Принт» на Тверской окружной дороге, частично воссоединившееся с украинским «Махаоном», с

московскими издательствами «Иностранка», «Колибри», а сейчас и с «Азбукой», работают совместно. Пять сборников «Махаона» с моим участием уже лежат на личной книжной полке. Издательство «Юнион» в Москве является веточкой белорусского издательства «Белфакс» в Минске, книга которого «Пусть меня похвалят» также присоединилась к моим сборникам из «Махаона».

Внимательно ознакомившись со статьей в «Вестнике» №2, 2010 г. (это журнал Общественной палаты Тверской области) «Народная дипломатия - путь к миру», поняла, что Ткаченко как член Общественной палаты, заместитель председателя комиссии по межрегиональному и международному сотрудничеству, как председатель правления Тверского областного Общества книголюбов осуществляет интересное дело, продолжая путь народной дипломатии через долгосрочную программу «Читаем, рисуем сказки народов мира». Девять тысяч иллюстраций - прекрасный показатель решения этой задачи. Вся эта деятельность выходит за рамки работы общественной организации Общества книголюбов. Невольно напрашивается желание объединить всё с деятельностью Детского фонда с Фондом мира, но в первую очередь - с образованием.

В руках у меня давнишний план работы Общества книголюбов, в котором не по-старому звучат такие строки: радиоальманах, более близкое знакомство с творчеством калининских писателей, тематические встречи, работа с клубами книголюбов (можно заменить - с литобъединениями), литературные гостиные книголюбов, литературные встречи, добавить: презентации книг, «Неделя детской книги», писатель в школе ведет урок, обсуждение вышедших книг, оформление книжных выставок: «Писатели - детям», связь с культурными центрами Твери и области, можно добавить: с библиотеками, «Писатели к Международному дню защиты детей», «Писатели по охране окружающей среды», «Книга на службе мира», участие в традиционных праздниках, «Неделя молодежной книги», «Писатель и время». Я привела только несколько пунктов из тематического плана работы Общества книголюбов в прошлом, чуть добавила от себя.

Отсутствие пропаганды отечественной литературы приводит и к таким фактам. По публикации «Книжного обозрения» в 2005 году (я привожу цифры только по детской литературе), рейтинг продаж книг: на первом месте из двадцати авторов - В. Степанов, на одиннадцатом - я (это понятно - на детских поэтов есть спрос), а вот Лев Толстой стоял по списку в конце. Его не пропагандируют. Да, он был безбожником. Я хочу вас спросить:

кто тут еще вмешался? В рейтинге продаж на Международной книжной ярмарке мое имя упоминалось еще два раза, где я, кстати, из двадцати шести была на шестнадцатом месте. А потом результаты не стали опубликовывать поименно. Почему? Потому что издают меньше отечественных авторов, чем авторов других стран. Я боюсь, что Вера Ткаченко сейчас стоит на том же пути. Погуляй по Израилю, да и возвращайся к белорусам, украинцам и побыстрее к русским изданиям и русским книгам.

Невольно вспоминаю конкурс рукописных книг, посвященных 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, творческие конкурсы, когда приходилось читать по триста ребячьих работ. Можно ведь придумать много тем, чтобы заинтересовать детей и подростков, взрослых людей (а почему бы и нет?). Общество КНИ-ГО-ЛЮ-БОВ должно быть книголюбским и, в первую очередь, своим национальным.

Верочка Ткаченко! Молодая бабушка! Красивая, очень симпатичная женщина. Не у каждой в голове сто идей! А у В. В. Ткаченко - не одна тысяча! И для меня старается что-то сделать. Мне тоже любы книголюбы.

Нужны ли детям книги?

Вопрос: нужны ли детям книги? Нужно ли столько книг? Судя по моим тиражам и их издательским повторам, нужны. Месяц назад я побывала в Кувшинове, где встречалась с читателями. А 20 апреля по приглашению центральной библиотеки, которой заведует Марина Борисовна Камрикова, а отделом литературы для детей занимается Ирина Владимировна Воробьева, я оказалась в гостях в г. Лихославле. На встречу пришли дети города, приехали из Сосновиц, Калашникова, из прилегающих деревень. Нежданно в городе прекратили подачу электроэнергии. Пришлось встречу из Дома культуры, где нет окон, перенести в здание школы, зал которой мог вместить только половину желающих. Поэтому встреча шла по полтора часа в два захода! Ребята порадовали меня многочисленными вопросами, чувствовалось, что здесь с детьми занимаются чтением серьезно. На встречах было много учителей, что тоже меня порадовало. Верна ведь поговорка, что «рыбка-то гниет с головы». Встречаясь с ребятами на протяжении многих лет, я убедилась в том, что, чем дальше от центра, тем больше интереса к книгам. Жаль только, что книг в районы попадает меньше. В конце выступления педагог школы №2 С.В. Зверева попросила автограф, протянув открытку, на которой стояла моя подпись и был написан текст пожелания, возраст которого измерялся тремя десятками лет. Я вновь подписала: «Тридцать лет спустя и...» Это еще лишний раз

доказывает, что автографы наши хранят, гордятся ими. А потому, подписывая книги на этой встрече, я не торопилась, обдумывая содержание своей надписи.

Тридцать лет тому назад я была в Лихославле. Время много что изменило, в том числе и мое творчество, обогатив его тематикой, объемом изложения, расширив границы от поэзии до прозы, от прозы художественной до познавательной, исторической. Все в мире боится времени. Но время рождает и новое.

Фонд культуры

Фонд, где есть место «Тверской старине»

Я вместе с известной тверской художницей Людмилой Юга, с представителями от культуры, в обществе министра, лечу в самолете на родину В.И. Ленина - Ульяновск, на Учредительную конференцию по созданию Всесоюзного Фонда культуры. Заседания идут согласно тематике, вокруг много известных людей. Знакомлюсь с композитором Яном Френкелем. Нашу беседу на ступеньках здания, где проходят заседания, снимает Людмила Юга. Мне так мечталось поработать с автором музыки к кинофильму «Неуловимые мстители». Договорились о встрече в Москве, но, к сожалению, она так и не состоялась. Ян Френкель ушел в мир иной. В Ульяновске я побывала в доме, где родился Ленин, в гимназии, в которой он учился. Я даже посидела за той партой, за которой сидел юный Володя Ульянов. Это зафиксировала на пленку Юга. А также мы побывали в музее В.И. Ленина, что размещен в огромном здании, в залах с очень высокими потолками. Это всё происходило в 1986 году. В 1987 году Татьяна Константиновна Пушай возглавила Тверской областной Фонд Культуры, который сейчас в названии приобрел еще одно слово - «общественный». С 1987 по 2000 год я была членом правления этого фонда. А Таня - молодец, занимаясь коммерческой деятельностью, создала и продолжает издавать прекрасный журнал «Тверская старина», по счету 33-й выпуск.

Но чуть раньше были события, которые связали меня в будущем с моей общественной деятельностью.

Малышев, Французов, Киселев

Так интересно и непредсказуемо устроена жизнь. Почему, глядя на свои кухонные шкафы и подвесные полки, я вдруг вспомнила Евгения Малышева, известного в прошлом музыканта-

саксофониста, одного из руководителей областного телевидения, ныне работающего в администрации Тверского вагоностроительного завода специалистом по общественным связям? Кто он такой, Евгений Малышев? Каким клином вошел в мою биографию?

Далекие теперь 1948-1952 годы, Калининский педагогический институт, группа «А», в которой среди других студенток - Люська Малышева, старшая сестра Женьки. Жили они возле Волги, рядом с набережной, напротив речного вокзала. Люська - высокая, худощавая, немного чопорная девица, Женька - упитанный мальчишка-коротышка. И кто бы подумал, что наши судьбы переплетутся в судьбоносном клубке деяний в будущем. Евгений Малышев - музыкант от бога. По своим способностям мог бы занять достойное место среди сильнейших саксофонистов. Одно время Малышев работал руководителем музыкальной группы, в которой играл и Владимир Боярский. Руководитель Малышев за какие-то грехи удалил из коллектива Боярского. Пройдя многие ступени в своей карьере, отвечая за общественные связи, Малышев не забывал и о саксофоне. А Владимир Ефимович Боярский возглавляет, имея много званий, Областную филармонию, организуя приём на тверской земле музыкантов мирового масштаба. Вона кривая судьбинушка-то!

Начиная разговор со своей кухонной мебели, не могу не рассказать о событиях, связывающих меня с филармонией.

Был в прошлом «поющим директором» человек с фамилией Тимофеев. При Тимофееве я впервые открывала «Детскую филармонию». Кстати, я ее открывала еще два раза, уже при других директорах. Первый секретарь обкома партии Леонов изгнал «поющего» за моральное несоответствие занимаемой должностью. Хотя эта «моральная любовь» сейчас распространена среди артистов, попортивших слово «голубой».

Многие русские слова нынче стали приобретать другой смысл. Недавно с одним художником московского издательства пришлось провести воспитательную работу. В стихах о животных для книги о профессиях, говоря о том, что дети в селе помогают взрослым выращивать телят, было написано: «...поднимаются на ножки наши телочки, бычки... с добрым утром, новички!» Художник поднял на смех слово «тёлочки». На что я ответила: «У нас на селе родившихся будущих коровок дети называют тёлочками. Это у вас, в Москве, такие, как вы, девушек обзывают тёлками». Уже и небо скоро станет в печати не голубым, а синим.

Мы, бывшие студенты, взрослели, занимая каждый в своей жизни собственную нишу. Я уже член Союза писателей СССР,

Малышев - главный режиссер праздника День города. Предложили написать сценарий для детского блока. Так родились тексты песен о вагонзаводе, о домостроительном комбинате, о Тверской мануфактуре, о комбинате «Искож», превратившихся после озвучиваниях их Малышевым в музыкальные театрализованные композиции для показа в День города на стадионе «Химик». Другого стадиона в Калинине в 1986 году не было.

На праздник я не попадаю по той причине, что вместе с художницей Людмилой Юга нахожусь в качестве делегата от Тверской области в Ульяновске на первом Учредительном съезде по созданию Фонда Культуры СССР.

Когда вернулись в Калинин, городской праздник отгремел. По какой-то причине я оказалась на площади Ленина около здания, где сейчас находится мэрия. Меня увидел Французов и со словами: «А мы вас ищем!» буквально потащил в административное здание. Меня действительно было трудно найти. Домашний адрес новый, телефона нет.

Кто такой Французов?

Пусть снова убегу в сторону от повествования, но не могу не рассказать об этом замечательном работнике культуры. Василий Пантелеевич Французов был самым лучшим директором, самым результативным. Длительное время он руководил сначала Домом пионеров, затем Дворцом пионеров, что на проезде Дарвина. Я не припомню ни одного директора лучше него. На плечи Французова легло строительство Дворца детей и молодежи. Из памяти не уходит мерзкая заказная статья журналиста «Калининской правды» Валерия Бурилова. Из-за какой-то сплетни женщины-прислуги, работавшей у партийного секретаря Леонова, а ранее трудившейся во Дворце, была раздута глупость. Однако, Французова сняли с работы. Бурилов потом много хороших статей написал и о других, и обо мне, но все равно что-то с той поры у меня заклинило в отношении к Валерию. Да он и сам, видно, не может простить себе ту статью. По молодости и по недоразумению согрешил, не правда ли?

Но правда восторжествовала. В тот момент Французов работал в управленческом штате у председателя горисполкома Сергея Леонтьевича Киселева, позднее занимавшего пост Первого секретаря Горкома партии, а потом, после перестройки, четыре года возглавлявшим Совет директоров «Центросвара».

И вот Французов тащит меня в кабинет к Киселеву, приговаривая: «Проси, что тебе нужно». Тогда многие пользовались случаем и выпрашивали себе блага. Да и сейчас,

знаю, люди определенного сорта не упустят подобной возможности. Я же не привыкла просить. К тому же перед отъездом на съезд в Ульяновск я получила ключи от новой квартиры. Теперь могу жить отдельно от своей многочисленной семьи. Квартира была построена на средства Литфонда Союза писателей СССР. Телефона вот только в квартире нет. Очередь на телефон тогда была долгой. Но не стану же я унижаться и клянчить? Телефон по указанию руководства скоро был поставлен, ибо после Дня города меня долго не могли отыскать.

Идем по коридору административного здания. Французов вдруг замешкался, попросил посидеть в его кабинете. Через какое-то время мы вошли в приемную к Киселеву. Сергей Леонтьевич вручил мне огромный букет роз. Догадываюсь, почему Французов усадил меня за свой стол. Какова причина такого внимания со стороны руководства? Участие в Ульяновском форуме? Оказалось, и то, и другое. Другое состояло в том, что наш детский блок своим выступлением спас город от «позора» - быть покинутым американской делегацией.

А события развивались таким образом. Пока мы с Л. Юга отсутствовали, от Питера к Москве двигалась колонна «Марша мира», в котором было более четырехсот человек. Когда марш проходил по русской территории, его участников встречали хлебом-солью, народными плясками и прочими традиционными выступлениями. Войдя на стадион «Химик», где проходило главное празднование Дня города, участники похода, естественно, были встречены так же традиционно. Американцы, не очень церемонные в отношениях, устав от наших обрядов, неожиданно поднялись, чтобы покинуть праздник. Это могло стать позорной страницей для города на весь мир. Но тут началось выступление детского блока. Маленькие артисты - танцоры ДК «Пролетарка» - стали выстилать по всему стадиону ткани - продукцию Тверской мануфактуры, ребята ДК «Металлист» через танец и песенное творчество имитировали движение поездов, передвигая раскрашенные вагоны. Продукция Домостроительного комбината демонстрировалась с помощью кубов, из которых тут же возникали макеты домов, и всё - ярко и сочно, с музыкальным и словесным сопровождением. Американцы на месте, честь города спасена. Как следствие - у меня в руках букет прекрасных роз. Но самое главное, я познакомилась с замечательным человеком - Сергеем Леонтьевичем Киселевым и порадовалась за Французова. Иначе и не могло быть. Золото, брошенное в яму, и на дне блестит.

А причем тут кухонные шкафы и полки? - спросите вы.

Так это мой гонорар за сценарий. Гонорар небольшой, но и

мебель была дешевой. Светло-серые, пластиком обшитые громилы и сейчас стоят на моей кухне. Антиквариат, хоть и не столь древний. Всего-то ему 24 годика.

И вот, спустя 24 года, сидим в помещении ВОПИК, что расшифровывается как Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, с председателем Сергеем Леонтьевичем Киселевым, беседуем, вспоминаем прошлые годы. Я - как член этого объединения.

Кстати сказать

Когда пригласили вступить в его ряды, я очень удивилась. В ответ на мое удивление было сказано так:

- А вы - живой памятник культуры!

Памятник? Замечательно быть памятником, тем более, живым.

Так вот, сидим, разговариваем с Сергеем Леонтьевичем, вспомнили про «Марш мира». И тут Киселев рассказал мне малоизвестную историю.

Рассказ С. Л. Киселева о «Марше мира»

Идут американцы, привыкшие к комфорту. У всех дома есть хотя бы душевые кабины. А тут на протяжении от Петербурга до Москвы и помыться негде. Начало лета, в городах горячая вода отключена, во многих местах ее и вовсе никогда не было. Жалуются американцы: негде ополоснуть своё тело. Тогда калининские власти решили задействовать бани Заволжского и Центрального районов. Дали указание: помещения почистить, помыть, работников облачить в белые халаты, приготовить спецпакеты: мыло, мочалку, полотенце, простынь - всё новое, более четырехсот пакетов накрутили. Возникли сомнения: что скажут за океаном? Что напишут там средства информации? Было боязно. Ведь у них нет обычая мыться голыми в общей бане! Привыкли к своей одиночной душевой кабине. Но баня вызвала большой восторг. Гости мылись хозяйственным, правда, ядровым, мылом, поливались, кидались друг в друга мочалками, оцинкованными тазами-шайками! И этому восторгу не было предела. За рубежом же газеты писали: «Какие замечательные, необычные калининские бани!”

Вот так, вспоминая о Фонде Культуры, невольно воскресили события и деяния наших тверских руководителей, уходящие в историю со знаками минусовыми и со знаками плюс.

Совсем не детские заботы

Калининское отделение Советского детского фонда имени В.И. Ленина возникло в 1988 году. Председателем правления избрали профессора Медицинского института Олега Арсеньевича Дунаевского, ответственным секретарем - Ольгу Евгеньевну Рясинскую. Красивая, обходительная, все успевающая Олечка. Была такой, когда рос сын, и остается такой, когда уже немаленький внук. А вот фонд называется чуть по-другому - Тверской региональный общероссийский общественный детский фонд. Я двадцать два года член правления.

Все мои дела: и рабочие будни, и глобальные спецмероприятия связаны с детьми, с фондом. К примеру, передача книжек-малышек «Тритатушки» издательства «Ушаков и К°» с участием его директора Алексея Ушакова и художницы Оксаны Анисимовой.

Совместно с детским фондом и мединститутом состоялся и «медицинский десант» по выявлению раннего заболевания детей, живущих в области, с оказанием лечебной помощи, как на месте, так и через областные клиники. Причем, через больницы были пролечены не только дети, но и взрослые.

Финансирование акции было связано с моей книгой «Тайна зеленого золота». Чтобы весь доход от реализации книги, изданной «Московским рабочим», поступил в нашу область, тираж полностью был направлен по моей просьбе в Калинин. Поэтому ни один экземпляр не остался в Москве, книга не попала в другие регионы. Я мало заботилась о своем престиже.

У истоков доброты

«Тверская жизнь», 26.09.1990 г.

Со временем у этого медицинского отряда будут свои традиции, своя история. Что-то запомнится, что-то забудется. Но главное останется навсегда - это осознание твоей необходимости. Прошлым летом пять шестикурсников Тверского медицинского института Валерий и Марина Борисовы, Наталья Панкова, Татьяна Жарова и Вячеслав Шнейвайс почувствовали это особенно остро.

Так уж получилось, что не сложился их запланированный выезд в отдаленные села. Заместитель заведующего облздравотделом Лидия Константиновна Самошкина сразу же нашла выход.

Председатель Тверского отделения Детского фонда имени Ленина профессор мединститута Олег Арсеньевич Дунаевский

еще прошлой зимой высказал идею выезда начинающих педиатров в села. Заведующий кафедрой педиатрии профессор Анатолий Федорович Виноградов горячо поддержал коллегу, всеми силами содействовал, чтобы знакомство старшекурсников с реальной работой приносило пользу и удовлетворение.

Командир отряда выпускница института, ныне аспирантка Юлия Хохлова рассказывала, что каждый в отряде четко знал свое дело. Старшекурсники вели первичный прием: измеряли давление, пульс, рост, вес, брали анализ крови.

Врач (их в отряде было шестеро), получив заполненную карточку, анализировал ее и, если надо, направлял детей на прием к специалистам. Пациентов было много. В отдельные дни принимали до 150 человек. Валились с ног, но не роптали. Потому что видели: как же мало у нас совершенно здоровых ребятишек!

Всем, кому требовалась консультация в областной детской больнице, в отделении горбольницы № 6, в диспансерах и клиниках, получали ее незамедлительно. Ребятишек на автобусе утром везли в Тверь, вечером возвращали домой уже обследованными. И сразу же начинался курс лечения.

Может быть, со стороны это сухая статистика. Но давайте примерим это к родным людям, которым вовремя помогли. За двадцать дней было обследовано более тысячи человек. Из 493 взрослых у 391 обнаружена патология, из 528 детей - у 347...

Это был своего рода университет - ведь от общения с такими специалистами, как невропатолог Николай Николаевич Чикунов, кардиолог Алексей Александрович Курочкин, педиатры Алексей Константинович Мазепов, Андрей Дмитриевич Григорьев, Светлана Игоревна Стрельцова, да и со многими другими, они перенимали не только методики, а нечто более непостижимое и важное - деятельное сострадание и творческую неуспокоенность. Юлия Хохлова вспоминала, как поразила ее фельдшер зверосовхоза «Октябрь» Людмила Алексеевна Потанина: «Мы с утра и до десяти вечера работаем, и она с нами. Бегом бегала, любые назначения выполняла сразу и с радостью - ведь лечат наконец-то ее односельчан!»

Тем горше сознавать, что большинство ребятишек из глубинки лишены такой возможности. Пробиться самим родителям на прием не так-то просто. Мешают дальние дороги, неотложные работы и тайная надежда на то, что все обойдется.

Вся акция вовсе не бесплатная. Расходы на автобус, на зарплату специалистам, по сути, немалые, взяли на себя Детский фонд и добрый человек - тверская поэтесса Гайда Лагздынь. При содействии издательства «Московский рабочий» вышла ее книга

«Тайна «зеленого золота». Весь тираж был направлен в нашу область, и работники облкниготорга помогли распространить ее в магазинах, на ярмарках, благотворительных вечерах. В этой книге с эмблемой Детского фонда есть обращение к читателям - стать участниками милосердного поступка. Купив эту книгу, каждый читатель знал, что половина ее стоимости - пятьдесят копеек - шла прямым назначением в Детский фонд. Из этих копеек сложились рубли - 27,5 тысячи. (По тем временам это немалые деньги). Эта сумма целевая - на оплату медицинского десанта - была перечислена на счет Детского фонда. По словам ответственного секретаря фонда Ольги Евгеньевны Рясенской, деньги на этом спецсчете еще есть, и фонд готов опять содействовать этому доброму делу, объединившему поэтессу и врача, книготорговца и водителя, студентов и хозяйственников. И всех, кто сегодня читает прелестные повести и сказки Гайды Лагздынь и верит, что помогать другому - это радость.

Кира Кочеткова

По инициативе Детского фонда, порой по собственному желанию, я выезжала на встречи с детьми, живущими в детдомах и интернатах, отдаленных от центра. В детских учреждениях в Некрасово, Эммаусе, близко расположенных к Твери, чаще бывают гости. Много лет подряд, когда директором была Зоя Петровна Ефремова, приезжала в Зубцовский детский дом. Знала быт, нужды ребят, чем могла, помогала.

Не случайно в рецензии на книгу «Птенцы» московского критика С. Сивоконь есть такие слова: «Лагздынь либо сама жила в детском доме, либо работала там». И не жила, и не работала, просто общалась по зову сердца. Я ездила в Зубцов и тогда, когда более десяти лет руководила детским музыкальным театром.

Праздник в детском доме

«Тверская жизнь», 25.02.1998 г.

На днях в Зубцовском детском доме состоится праздник. В гости к ребятам приезжает детский творческий центр школы №53 города Твери. Участники музыкального театра покажут спектакль «Зоопарк», а юные авторы литературного театра «Жемчужинка» будут читать стихи собственного сочинения. Кроме того, школа организовала для воспитанников сбор игрушек, обуви, одежды. В этом благородном акте участвуют Детский областной фонд и Общество книголюбов. Поездка на автобусе профинансирована общественной организацией «Достоинство» по предупреждению и профилактике правонарушений и преступлений.

Знакомство

Документальный рассказ из книги «Птенцы»

Немолодая корреспондентка областного радио Варвара Алексеевна приехала в детский дом, чтобы познакомиться и сделать запись для передачи о жизни ребят.

Варвара направилась к административному корпусу. В большом зале играла музыка. Шёлковые зеленоватые занавеси слегка покачивались от ветра, влетавшего в форточки. Ребята разного роста и возраста танцевали. Малыш в трусах с голым животом, с двумя чёрными полосками, идущими от шеи к пупку, крутил своё тело в такт музыке. Девочка в жёлтом платье с вышитой ромашкой на кармане плавно подёргивалась, словно дирижировала. В центре танцующей кучки возвышался парнишка в клетчатой рубашке и в тянучках, синих трикотажных брюках.

- Что это у вас? - спросила Варвара.

- К дискотеке готовимся, - ответил клетчатый паренёк, протискиваясь между танцующими навстречу гостье. - Мы тут с Аликом записи проверяли, - он кивнул головой в сторону магнитофона, возле которого хлопотал красивый, кудрявый мальчик-подросток, - а ребята набежали.

Варвара взглянула на большой белый лист бумаги, где крупными буквами было написано: программа. По привычке быстро пробежала глазами текст: «Весёлые ребята», «Бони-М», М. Боярский, О. Зарубина, И. Иванов, А. Градский, А. Симон, «Машина времени», «Верасы», Поль Мориа, А. Пугачёва, В. Высоцкий, Я. Йолла, спецвыпуск «Олимпиада-80» и так далее.

- Эй, Анис! - крикнул Алик, поглощённый делом, - Где Юрка? Обещал диски принести.

- А ну его! - махнул рукой черноголовый Анисимов. - Проигрыватель он без шурупов. Верно, мать не пустила к нам, или записей пожалел.

- Здравствуйте! - покраснел Алик, увидев незнакомую женщину. Ребята обступили Варвару. - Вы к Зое Петровне?

- Сейчас, - сказал юркий мальчонка, - я за ней сбегаю. Она на огороде, огурцы пропалывает. Познакомились быстро. Пришла Зоя Петровна.

- Когда думаете делать записи? - спросила директор.

- Хорошо бы сегодня, но не знаю, успеем ли?

- Если надо, значит надо, - тихо промолвил Алик. - Прокурор, - обратился он к юркому пацану, - давай, Попов, одна нога здесь, другая там. Советчиков сюда.

Не успела Варвара Алексеевна и слово вымолвить, как прибежала группа ребят.

- А где Татьяна? - окинув всех быстрым взглядом, спросила

Зоя Петровна.

- Танька на скотном. Сейчас ей некогда, коровы с поля на обед пришли. Позднее будет, - доложил Коля Попов.

- Вот, Варвара Алексеевна, наш актив, все налицо. Беседуйте.

- Оперативно! - удивилась корреспондентша.

- А как же? - заулыбался Алик, - если надо, значит надо!

С записями Варвара провозилась долго. Ребята волновались, допускали оговорки, делали ошибки. Многие впервые слышали свой голос. А сколько было шуток и смеха! Только к вечеру запись получилась такой, какой она должна быть. А потом ребята слушали себя:

- Хорошо, когда человек всё умеет делать сам. Это важно для жизни. И мы стараемся, как можно больше знать и научиться в детском доме. У нас есть своё подсобное хозяйство. Я очень люблю животных и с четвёртого класса помогаю на скотном дворе. Стараюсь понять характеры, повадки животных, учусь ухаживать за ними. Теперь я могу накормить, напоить, подоить корову.

- Самая радостная пора в доме - это уборка урожая. У нас есть своя выставка достижений. По итогам проводим праздник труда.

- Каждый год к нам приезжают первоклассники. У меня подшефный - Петя Коровин. Пете трудно давалась учёба. Мы с ним читали, учили стихи, занимались устным счётом. Петя стал теперь успевающим. После уроков мы организуем с ребятами-малышами игры, поём песни, учим их пришивать пуговицы, стирать воротнички, вытирать пыль, чистить обувь, полоть грядки, мыть полы.

- Мы не только трудимся, но и проводим спортивные праздники. У нас команда футболистов, волейболистов, городошников. Мы ходим в походы, выезжаем на экскурсии. Шефов у детского дома много. В этом году мы ездили к ним в гости с концертами. Мы очень им благодарны за доброту и тёплую заботу о нас.

- Вот, кажется, и всё! Через неделю слушайте себя в передаче по радио, - Варвара взглянула на часы. - А на автобус-то я опоздала.

- Ну и что! - обрадовались ребята. - У нас останетесь!

- Если желаете, ко мне пойдёмте, - предложила директор, - я сегодня как раз решила ночевать в квартире.

- Спасибо, Зоя Петровна, - но если можно, я лучше останусь здесь.

- Конечно, о чём речь. Есть комната для приезжих. А может быть, всё-таки ко мне?

Перед сном Варвара Алексеевна решила искупаться. Тёмная быстрая вода стремительно несла её к повороту, где светились бакены.

- Течение-то какое сумасшедшее. Не хватало ещё утонуть, - пошутила над собой Варвара. - К берегу надо грести.

Когда она вернулась к детскому дому, ворота и калитка были закрыты, видно, не ведая, ночной сторож постарался. Варвара направилась вдоль штакетника. Должна же быть где-нибудь лазейка? Но лазейки не было.

- Как похож ночью детский дом на крепость, - подумала Варвара. - Днём этого не видно. Солнце, зелень, белые стены, распахнутые настежь окна, двери, узорчатые чугунные ворота. А сейчас? Даже палисадники с цветниками кажутся приставками к этой большой крепости. Бывшее поместье. А это здание - явно пристроено, но гармонирует с ансамблем застройки. Надо будет расспросить у старожилов.

На высоком обрывистом берегу возвышается обелиск погибшим воинам. Высокая стела уходит в сумрачное небо.

- Какая тишь! Ни ветерка, ни шёпота листьев. Кажется, что весь мир спит.

На огромном дереве в широком гнезде вдруг проснулась ворона, поворчала на своём картавом языке, сонно добавила ещё что-то и смолкла.

- Разве в такую тёплую летнюю ночь можно спать? - и как бы в подтверждение Варвариным мыслям из-за Волги долетела весёлая магнитофонная волна.

Мимо стен детского дома паренёк в тёмно-красной рубашке катил по тропе низкую садовую тележку.

- Добрый вечер, - весело заговорил ночной работник. - Вы у нас в гостях?

- А ты разве отсюда?

- Вот приехал. А раньше здесь жил.

- А чего так поздно?

- Да так, городские московские ритмы.

- Вот и я с этими городскими ритмами, потому и в дом не попала.

- Это мы мигом нарисуем! Руки в узоры ворот - и готово!

Со стороны «городка» приближалось белое пятно, оно увеличивалось. С хрустом, откусывая ещё не созревшее яблоко, белорубашечный парень спросил: - Вы тоже не спите? Вот яблоки проверял. Николай. Этому садоводу - родственник.

Варвара Алексеевна вдруг удивилась, что говорит с ним на «ты». Такое с ней редко бывало. Откровенный ночной разговор был о жизни. Николай работал мастером краснодеревщиком на

мебельном комбинате, рассуждал неторопливо, степенно, по-рабочему. Вадим крутился в мире московских артистов, наяву и во сне видел себя в цирке. Говорил, страшно жестикулируя, помогая мимикой и всеми частями тела. Как ни странно, но эти совершенно не похожие между собой юноши были братьями-двойняшками. Как узнала из разговора Варвара, они с первого класса жили здесь. Потом Вадима взяли в другой детский дом. Он был одарённым мальчиком. Там он кончил пять классов музыкальной школы по фортепиано, но вдруг забунтовал и потребовал перевести его назад, к брату. Николай играл на баяне, пел в хоре. Вадим не захотел играть на «деревенском инструменте», тем более, «голосить группой». С тех пор, видно, и стал считать, что ему уготовлена необыкновенная судьба. Всё это Варвара почувствовала, поняла. Вадим, как губка, впитывал в себя все порочные стороны большого города, думал чужими мыслями, говорил чужими фразами. Не имея больших материальных возможностей, но околачиваясь среди знаменитостей, стремился к необычности. Его болезненное самолюбие страдало. Поэтому он ругал всё и всех. Не верил никому и ничему. Под конец разговора Варвара спросила:

- А ты, Вадим, где-нибудь учился?

- Нет. Я работаю. Иногда осветителем, рабочим сцены, а иногда и актёром.

- Поступал в театральное?

- Поступал, но меня не поняли! Но я им докажу! Я буду играть! Они ещё увидят, что такое белое и что такое чёрное! Вы, понимаете, игра двух цветов! Двух контрастов! Это - сильная игра!

- Прости меня, но буду откровенна. С тобой трудно говорить. А ещё труднее, видимо, общаться. Тебя скоро знакомые станут избегать. Ты останешься наедине со своими неудачами. Надо искать себя в другом.

Утром Варвара нашла Николая:

- Знаешь что, Коля, Вадимом надо заняться. Он витает в облаках, никому не верит, кроме тебя. Только ты для него авторитет. Вы хоть одногодки, но ты - взрослый человек, реально мыслишь.

- Я думал над этим. Поэтому мы с ним здесь. Но он не хочет уезжать из Москвы. Я решил сам к нему переехать. Работу по специальности найду, в заочный уже поступил, на второй курс. Постараюсь Вадима втянуть в свою профессию. Он когда-то хорошо соображал в художественной мозаике.

Варвара Алексеевна вошла в кабинет директора детского дома. Возле стола сидела плотная с густым румянцем женщина

лет сорока. Рядом стоял мальчик- подросток. Зоя Петровна протягивала ему листок чистой бумаги.

- Пиши, Гриша! - Григорий косился на ручку, на лист чистой бумаги.

- Пиши, - диктовала Зоя Петровна. - Я, Григорий Горбоносов, обещаю маме и директору вести себя хорошо, не допускать нарушений. Теперь подпишись. Теперь иди к тёте Шуре, пусть она тебе даст чистую одежду. Обязательно надень новые ботинки!

Григорий вышел. Варвара опустилась на диван.

- Домой насовсем забираете?

- Нет! На время! - почему-то испугалась женщина.

- А почему не насовсем?

- Да так, - женщина налилась багровым румянцем.

- А всё-таки?

- Зарплата у меня в совхозе маленькая.

- А хозяйство?

- Огород, куры... кролики... боровок...

- Скажите откровенно, у вас мужчина есть?

- Нет у меня никого. Муж умер. Мы с ним не были зарегистрированы.

- Так для кого же вам жить? - возмутилась Варвара. - Парень в таком возрасте, что можно и сына потерять. К труду приучен, помощник будет! О чём вы думаете? - от негодования Варвара не находила слов. Зоя Петровна молчала.

- Но у меня ещё дочь есть! - тихо оправдывалась женщина. - Она в другом детском доме.

Тут Варвара окончательно взорвалась:

- Да какая вы мать! По всему свету детей раскидала! Вам Гришу доверять нельзя. Нас у мамы было пятеро. Жили в деревне. Немцы дом сожгли. Отец на фронте погиб. Да разве у одних беда была? Не бросали матери детей своих! А растили, голубили. На себя только надеялись. А вы? Мамаша-гуляша?! Молодая, сильная. В совхозе разве постольку зарабатывать надо? Спохватитесь, поздно будет. Отвыкнут от вас дети, не признают матерью. С кем старость доживать будете?

- Да уж и отвыкли, - промолвила Зоя Петровна. - Гриша домой не рвётся. Да чего рваться? Дома почти не видел. Мать второй раз лицезреет. Чужая она ему.

Женщина заплакала. - Нет у меня никого на свете. Тот был непутёвый, детей не хотел, а я родила. Этот пьянь, вон прогнала. Нет у меня никого, кроме них.

- Не понимаю я вас тогда, - уже спокойнее проговорила Варвара. - Чужие люди детей усыновляют.

- Да боюсь я, не проживу с ними. Гриша косится. Полюбит

ли? Матерью не называет.

- Надо быть матерью, и полюбит, - отозвалась Зоя Петровна. - Дети всё чувствуют, всё понимают. Их не обманешь.

- Пошли, мам... - В дверях кабинета стоял Григорий. Когда он появился, никто не заметил. Мать не двигалась. Широко раскрытые глаза женщины смотрели на сына.

- Ма, пошли, - потянул за рукав растерявшуюся мать Гриша Горбоносов.

За два дня Варвара Алексеевна так привязалась к дому, к ребятам, что не хотелось уезжать. Но ехать надо - работа. Ребятишки проводили Варвару до подвесного моста через реку, пожелали благополучно доехать, приглашали опять в гости.

Переходя через мост, Варвара остановилась. Удивительное сооружение - подвесной пешеходный мост, даже не качается! Вдали плавно скользил по реке паром. Высокие лесистые берега, маленькие домики в зелени садов, ласковое солнце, высокое синее небо. Ни заводских труб, ни струйки чёрного дыма. Одна тишина летнего дня. А воздух? Хоть пей! Варвара вдохнула полной грудью: - Первозданная красота!

Так было вчера, так было веками. Веками ли? Взгляд серых глаз скользнул по высокой стеле вверх. В сорок третьем здесь шли ужасные бои. В одном только этом кургане захоронено более пятнадцати тысяч человек. - Варвару кто-то тронул за рукав:

- Володя, Антонов? Ты чего?

Стесняясь, Володя протянул Варваре листок бумаги, сложенный вчетверо. - Вот, посмотрите, сам написал. А это Юра Иванов просил передать.

Варвара развернула листок: «Дождик, дождик, лей быстрей. Ты водицы не жалей, совершай круговорот, поливай наш огород». «Из-за тучи серой солнышко встаёт. На берёзе белой соловей поёт». Когда Варвара кончила читать и подняла глаза, Володи не было. Он также незаметно исчез, как и появился. Варвара развернула другой листок: «Что за душа у вас такая, как будто Бог вас к нам прислал. Таких людей ни разу, как вас, я не видал. Работали вы много, на пенсию пора. Но чтоб душа такая у вас всегда была. Юра Иванов, 3-й класс».

- Откуда у него такие слова: «душа», «Бог», - размышляла Варвара, спускаясь с пешеходного моста по ступенькам на берег. - Неужто я такая старая, что даже дети разглядели! Вот не думала! Хотя... им виднее. - Варвара вздохнула.

- И мы с вами! - услышала Варвара издали тоненький звонкий детский голосок. По мосту шла черноголовая девчушка. Её вела за руку толстая, широкая, очень старая женщина.

- Таня? Куда это ты собралась? - Таня вся сияла. - Сама

черноволосая, загорелая, а как светится! - подумала Варвара Алексеевна.

- Беру домой погостить. Одна она у меня, - сказала бабушка. - Сейчас и едем. Пока в гости, а там видно будет. Может быть, - она осеклась. Старушка и сама не знала, что будет там, понимая, что очень стара.

- Я думала, - продолжала Танина бабушка уже веселее, - они тут сироты печальные, худые. А они танцуют! Серединка, значит, сытая, раз краешки заиграли.

- Да не голодные мы! - засмеялась Таня. - Ты, бабушка, думаешь о детских домах, что до революции были. Нам о них рассказывала Мария Даниловна. А нам чего печалиться? Но домой хочется, - и Таня прижалась к бабушкиной морщинистой руке так, что та остановилась.

О В. Лопотухине в одном длинном предложении

Рассказывая о детских домах и интернатах, не могу не вспомнить замечательного человека, бывшего детдомовца, Владимира Илларионовича Лопотухина, его бесконечные акции помощи, поездки в Сосновицы, издание книги о доме своего детства, его трепетную заботу о детях, там проживающих.

Рассказано по случаю

Невольно вспоминаю слова из своей же книжки «Птенцы»: «Если на каждого нашего находился бы человек с таким сердцем, как Тамара Вдовина, как бы уютнее стало жить на свете нашим птенцам». Кто такая Тамара Вдовина?

Тамара Вдовина была диктором Всесоюзного радио, имела дочь, во время отпуска приезжала в Зубцовский детский дом. В целом, помогла мальчику, тоже по фамилии Вдовин, стать в будущем известным журналистом страны.

Когда кругом власть, как бы не упасть!

Хочется немного рассказать об Альберте Анатольевиче Лиханове, председателе правления, бессменном руководителе Российского Детского фонда, ныне имеющем звание президента Международной ассоциации детских фондов, вспомнить о работе детской секции на писательском съезде в Москве, воскресить в памяти краткоминутные встречи на Грузинской, в особняке, где расположен головной офис Детского фонда, и где я убедилась, что земля - круглая. В Детском фонде произошло знакомство с руководителями издательства «Бэмби» - с Татьяной Германовной Кутуковой и Михаилом Борисовичем Новыш. Если бы не ранняя смерть Татьяны, не одна бы книжка состоялась в этом

издательстве. С точностью до мелочей припоминаю свой разговор с А. Лихановым о его книге «Благие намерения», в которой впервые была затронута тема интернатов. До этого пресса замалчивала существование детдомов в стране. Кстати, эту тему в 2000 году я подняла в повести «Птенцы». Книга была издана в Твери в частном издательстве маленьким тиражом на средства автора.

Незабываемо награждение меня в 1998 году очень элегантным красивым дипломом не строго форматного размера под названием «Признательность» - «За особые заслуги в благородном деле защиты детства», подписанным руководителем Российской и Международной ассоциацией Детских фондов.

И, конечно, надолго останется в памяти вручение премии и лауреатского диплома в 2005 году в Москве Полномочным представителем Президента по Центральному федеральному округу (ЦФО) Георгием Сергеевичем Полтавченко «За лучшую книгу для детей и юношества» - «Моя книга-1». Торжественное награждение проходило в Академии художеств в Москве, с участием от Российского Союза писателей председателя правления В. Ганичева, от Детского фонда - А. Лиханова, от Тверского управления культуры - Николая Михайловича Волокитина.

Кстати рассказать

В составе ЦФО -17 областей и город федерального значения - Москва. На церемонии вручения присутствовали представители в лице губернаторов или их заместителей. Каждую группу сопровождали тележурналисты, телеоператоры с камерами. Наша область была представлена начальником департамента культуры Н.М. Волокитиным, а от прессы - журналисткой газеты «Тверская жизнь» И. Романовой, которой приходилось снимать происходящее фотоаппаратом. В Твери свободных камер не оказалось. Кто такая Лагздынь с ее книжкой, в которую область и рубля не вложила? Но рекомендация на конкурс исходила от управления культуры Тверской области с участием Н.М. Волокитина, Н.М. Петуховой, Г.И. Крыловой. Спасибо им за доверие.

Информации - чуточку, на одну минуточку.

Небольшая заметочка по случаю.

Каковы корешки, таковы и вершки

Вчера, устав от своей писанины, проторчав в квартире более трех суток за письменным столом, выхожу из дома, чтобы пополнить продовольственные запасы. На кромке кирпичной

кладки, возле парикмахерской, добротная женщина торгует молочными продуктами. Ведерко с творогом, прикрытое белой тряпицей, весы, упаковочная тара. Часть продукции расфасована по пластиковым баночкам и полиэтиленовым пакетам. Продавщица предлагает попробовать свою продукцию. Рядом с уличной торговой точкой - молоденькая женщина с коляской. Женщина похожа на мать, крупная, розовощекая, пышущая здоровьем. Таких в прошлые столетия рисовали художники, описывали писатели-классики в своих произведениях. В коляске беззаботно посапывал малыш. Тоже класс! Щекастый, розовощекий. Разговорились. Оказывается, они - мама, дочь и внучка, живут в соседнем доме. А торгуют они молочными продуктами, что привозят из Емельяново... Емельяново, Тургиново, Судимирки, Кокошки - невольно зазвучали названия наших тверских поселений, словно притушенная временем полузабытая мелодия. Да! Приятная прокатилась во мне волна воспоминаний. Но вернемся к началу главы.

В Емельяново живет у них бабушка, держит корову и другую скотину. Кормит себя, дочь, внучку, а теперь и правнучку. И на продажу кое-что остается. Оттого и выросли эти женщины на натуральных продуктах улыбчивыми, добротными, сильными. А не то, что наши городские девчонки, замухрышки, как я их называю, «плоскодонки». Что ручки, что ножки, сами длинные и плоские! Того и гляди, переломятся пополам. А пальчики? С наращенными ногтями? Разве с такими прибамбасами подоишь корову, навоз на вилы возьмешь?

- А сколько вашей маме лет? - интересуюсь я, обращаясь к старшей собеседнице.

- Да скоро будет восемьдесят. Она у нас еще о-ё-ёй!

- Помогаете?

- А как же! И траву косим. И огород обихаживаем.

- Матушка-то в моих годах, - думаю я. - Коровы не имею, а вот морковку, свеклу, капусту да лучок с петрушкой - выращиваю. Люблю в земле ковыряться. А особенно ходить босыми ногами по прогретой солнцем земле. И даже еще не прогретой, мокрой от росы или дождя. Люблю и по мягкому снегу ступать босиком. Помню, идя на репетицию в театр, благо, зал рядом с домом, надевать сапоги на босу ногу, чтобы, возвращаясь с репетиции, постоять на снегу. Какой кайф! А вы попробуйте! Но почему-то старалась это делать тайком, особенно от соседок-старушек моего возраста. Ведь не поймут! Примут за «чокнутую»?

Свою старшую внучку Марию я с детства выпускала босиком на балкон походить по первому снегу, чтобы потом бежать в ванную и обливать ноги горячей водой. И по лужам я ей

разрешала бегать босиком, тайком от мамы, моей старшей дочери Елены.

Выросла Мария не мелкой барышней, а статной красавицей, теннисисткой-разрядницей, сильной, окончила Политех, работает инженером-экологом. Ее дочь Ульяна - моя правнучка, не получив физического воздействия окружающей среды, развивается под прикрытием дочери Елены, тоже с хорошими задатками и по гимнастике, и по другим параметрам, но часто гриппует, потому что не ходила со мной по снегу. Младшая из дочерей, Тамара, как и внучка, Дарья, не знали снежного кайфа, выросли стройными, изящными, но не добротно-крепкими, не то что внук Дмитрий. Сколько я его помню, с младенчества, сам себя физически совершенствовал. Чуть похож на моего брата Феликса, покорявшего Эльбрус и другие вершины альпинистского восхождения. Виделся Дмитрий с ним всего один раз, и то почти в младенчестве, а вот генетически стоит рядом ближе всех других родственников. Так же увлечен альпинизмом, но и четырехлетним обучением в фирме «Андреев-софт», а потому и компьютером, и Интернетом. Все как у всех современных молодых людей.

После покупки серьезного фотоаппарата в дочери Тамаре вновь проснулся профессиональный фотохудожник. Шесть лет работы в Военной Академии и на студии в городе Тамбове не уничтожили дизайнерский талант. И зятья-«водаки» - Сергей да Николай, не торопясь ведут семейные теплоходные баржи по широкой реке жизни. Вот только молодой муж внучки Марии еще где-то от меня в стороне. Наверное, Чечня по Игорю Виноградову сильно полоснула, да и работа в качестве директора льнозавода в Лесном районе не способствует этому сближению. Поживется, как говорится, слюбится. Главное, чтобы были они с Машей счастливы.

Вот такие мысли меня посетили после общения на точке уличной торговли молочными продуктами прямо от производителя, без посредников и переработчиков всего натурального в нечто похожее. И еще захотелось пожелать бабушкам-производителям долгих лет жизни, а их семьям - большего внимания к своим «корешкам».

Фонд мира

А динозавры все-таки живут и похихикивают

Говоря о фондах, не могу не вспомнить Александру Ивановну

Иванову, наши встречи, разговоры, участия Российского Фонда Мира в моих детских мирных делах. Не могу не упомянуть о благодарственном дипломе «За активное участие в работе Фонда на ниве миротворчества и благотворительности, за сердечность и бескорыстие» за подписью нашего любимого председателя А.И. Ивановой.

Фонд Мира свел меня и с трудягой-издателем Сергеем Васильевичем Медведевым, возглавляющим не только издательство «Ирида», но и Фонд поддержки и развития образовательной системы. Сергей Васильевич помогал мне в реализации книг, изданных в Твери. Жаль только, что в то время круг его связей состоял из Бологовского, Фировского, Вышневолоцкого районов и Удомли.

Общество охраны природы

Самоотверженно работает в Твери руководитель Всероссийского общества по охране природы Тамара Андреевна Балицкая, проводит всевозможные акции, выпускает очень интересные книжечки по экологии, а то и с практическими советами разнообразного характера. Держатся наши общества на таких вот «динозаврах».

Программа «Наша Тверь»

Свежо предание, на то - бумажки есть

Но особое памятное поле принадлежит Фонду поддержки городских программ «Наша Тверь», созданного предыдущими руководителями Твери. Фонд до недавнего времени возглавлял Владимир Дмитриевич Савельев. Совместно с Фондом мы провели много благотворительных акций, часть которых проходила при участии Общества книголюбов. Так, в 2006 году в День защиты детей были переданы сто томов «Моей книги» для библиотек, которые имеются в детских больницах. Тогда же книги были переданы и для тверских специализированных школ: первого, второго, четвертого, седьмого и восьмого уровня.

В феврале 2007 года пятьдесят книг трехтомника на благотворительных встречах совместно с концертами моего детского музыкального театра были пожертвованы школам и детским садам микрорайона «Южный» города Твери. Такая же

благотворительная акция прошла в 2008 году, в результате которой библиотечные фонды Твери (100 экз.) и библиотеки школ города (200 экз.) получили триста книг из трехтомника «Моя книга-2» и «Моя книга-3».

В этом же году в библиотеки области было отправлено триста этих книг.

Вспоминая благотворительные акции 2009 года, хочется поблагодарить депутатов областного Законодательного собрания от партии КПРФ, благодаря которым библиотекам города Твери и библиотекам области были безвозмездно переданы книги: «Старые дневники и пожелтевшие фотографии», от меня лично - «Загадки небесного замка» (в количестве ста экземпляров), в конечном счете более тысячи книг, точнее, 1135 экземпляров оказались на стеллажах библиотек города и области.

Книги передавались не только библиотекам школ, библиотекам города и области, а также музеям, вручались на благотворительных встречах с автором. В этом широком фронте благотворительности достойное место заняло и московское издательство «Фламинго», которое приехало по моему приглашению на творческий вечер, что проходил в библиотеке имени Горького в ноябре 2009 года, и пожертвовало библиотечной системе, Обществу книголюбов, детям для литературных встреч триста книг с моими стихами «Послушный зайчонок», «Тритатушки» в мягком и твердом переплетах плюс сто двадцать красочных журналов «Колобок». В 2010 году на конкурс чтецов московское издательство «Лабиринт» прислало девяносто книжек-задвижек для детей младшего возраста.

Благодарственное письмо

Уважаемая Гайда Рейнгольдовна!

Выражаем Вам искреннюю признательность за организацию акции передачи двухтомника «Моя книга-2», «Моя книга-3» в библиотеки города.

Благодарим Вас за долголетнее сотрудничество и дружбу с нами и нашими читателями.

Желаем Вам дальнейших творческих успехов, здоровья и благополучия. Пусть не покидает Вас жизнелюбие, оптимизм и душевная щедрость!

С уважением и благодарностью сотрудники МУК «МБС г. Твери»

Вот так все и стараются, чтобы автора, живущего в Твери, знали не только в Москве, на Севере, в Сибири, но и где-то в лесном и заозерном крае.

Глава 4. Десятые молодёжные Дельфийские игры России «Искусство. Молодость. Талант»

Мне часто, особенно в последнее время, говорят: "Вы счастливый человек. Несмотря на Ваш возраст, все время востребованы!"

Действительно, это происходит, как я считаю, потому, что занимаю активную жизненную позицию, и не в качестве «свадебного генерала», как уже не раз говорила, а в качестве постоянно работающей «лошадки».

Ушел в историю 2010-й, 2011 год набирает обороты вокруг Земли. Изданы и ушли в библиотеки к читателю две книги трехтомника «Две жизни в одной». Заканчивается подготовка третьей книги. Кажется, наступил момент, можно немного передохнуть. Но разве пройдешь мимо Десятых Дельфийских игр, которые будут проходить в Твери? Тем более, что позвонили из протокольного отдела областной администрации и спросили: смогу ли я быть на открытии? Конечно, смогу! И вот передо мной пакет информационных документов и приглашений.

«Национальный Дельфийский совет России, Администрация Тверской области имеет честь пригласить Вас на Официальную церемонию открытия Десятых молодежных Дельфийских игр России.

14 мая 2011 года. Дворец спорта «Юбилейный», Тверская область, г. Тверь, Краснофлотская наб., д.3. Начало 18:00»

И на этот же день приглашение от Губернатора:

«Губернатор Тверской области Д.В. Зепенин имеет честь пригласить Вас на торжественный прием, посвященный открытию Десятых молодежных Дельфийских игр России «Искусство. Молодость. Талант», который состоится в субботу.

14 мая 2011 года, в 20:30 в ресторанно-развлекательном комплексе «Кристалл-Палас»

И покатилось колесо впечатлений от увиденного, на которое, подобно толстой нити с памятными узелками, наматываются на мой жизненный клубок события. Мне как не очень сведущему человеку захотелось узнать подробнее об играх. На вопрос, что

такое Дельфийские, получала односложные ответы: "Это Олимпийские игры у нас." А когда эти игры появились? И кто стал в них участвовать? Ответы оказались не такими «яркими». А потому позволяю себе напечатать эти строки:

«Дельфийские игры представляют из себя: конкурсы, фестивали, а также выставки и презентации в разных областях искусства. Истоки современных Дельфийских игр прослеживаются от античных Пифийских игр, проходивших в древних Дельфах у подножья горы Парнас, посвященных прославлению бога Аполлона, документируются 582 годом до н.э. Одновременно с античными Олимпийскими играми, Пифийские были запрещены в 394 до н.э. как языческие. Возрождение игр связано с именем барона Пьера де Кубертена. В 1912-1948 годы в разных странах мира проводились конкурсы искусств на Олимпийских играх. Включенные в программу Олимпиад художественные конкурсы по разным номинациям были тематически связаны исключительно со спортом. С 1930 года в Греции их проведение прервали из-за больших расходов на организацию. Сейчас в Греции современные фестивали ориентированы в основном на туристов.

Учредительная конференция по восстановлению Дельфийских игр состоялась в Берлине в 1994 году при поддержке ЮНЕСКО. В 1996 г. - в Санкт-Петербурге под патронажем ЮНЕСКО, Совета Европы и городской мэрии, Первого Дельфийского конгресса. По примеру Олимпийской хартии была принята Дельфийская хартия, в которой сформулированы цели и задачи Дельфийского движения и определен 4-летний регламент проведения.

В настоящее время международные Дельфийские игры проводят две организации, получающие в разных формах поддержку ЮНЕСКО, Совета Европы и глав государств, принимающих в своей стране очередные игры».

Дельфийские игры государств-участников - Содружества Независимых Государств (СНГ) проходили, начиная с 2002 года. Первые игры состоялись в Брянске в 2002 году. Вторые - в 2004 в Кишиневе (Республика Молдова). Третьи - в 2005 в Киеве (Украина). Четвертые - в 2006 в Астане (Республика Казахстан). Пятые - в 2008 в Минске (республика Беларусь). Шестые открытые игры содружества прошли в 2010 году в Ереване (республика Армения). С учетом всего этого, одной из тем Десятых молодежных Дельфийских игр России и стал 20-й юбилейный год Содружества Независимых Государств - СНГ.

Первые Российские молодежные Дельфийские игры состоялись в 1999 году **в** Саратове, в 2001 - в Смоленске, в 2003 -

в Вологде, в 2005 - в Рязани, в 2006 - в Красноярске, 2007 - в Ярославле, седьмые в 2008 году в Новосибирске, затем в 2009 в Самаре, девятые - в 2010 году в Московской области. Десятые молодежные Дельфийские игры России - у нас в Твери с 13 по 18 мая 2011 года.

Организаторами стали: Национальный Дельфийский совет России, Администрация Тверской области и города Твери, Министерство культуры, Министерство спорта, туризма и молодежной политики, Федерация независимых профсоюзов России, при поддержке Министерства образования РФ, Олимпийского комитета, Федерации по культуре, Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по делам молодежи, Комиссии Совета Федерации Федерального Собрания, Российской Федерации по делам молодежи и туризму, Государственного Российского Дома народного творчества, под патронатом Международного Дельфийского комитета, под эгидой Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

Юбилейные Десятые молодежные Дельфийские игры России «Искусство. Молодость. Талант» посвящены 20-летию образования Содружества Независимых Государств и добровольчеству (волонтерству). Символично, что в Содружестве этот год объявлен и «Годом историко-культурного наследия».

Размещение участников Игр было на семи теплоходах: «Александр Пушкин», «Валерий Куйбышев», «Капитан Пушкарев», «Михаил Фрунзе», «Семен Буденный», «Федор Шаляпин», «Сергей Кучкин», часть - в гостинице Государственного учреждения «Тверской Областной институт усовершенствования учителей». Кстати, состояние помещений в ИУУ соответствовало занимаемому положению наших педагогов. На местах, где проживали участники Дельфийских игр, было организовано трехразовое питание. На каждом из теплоходов размещалось свыше трехсот человек.

«Дельфийская плавающая деревня», у причала речного вокзала, несколько дней радовала жителей нашего города грандиозным белоснежным колоритом кораблей. «Дельфийская деревня» на Волге и в устье реки Тверцы была местом не только проживания, питания, развлекательных дискотек, точкой на карте России, откуда уезжали на больших комфортабельных автобусах на «битвы по номинациям», а также на четырехчасовые по продолжительности экскурсии: «Торжок - город храмов», «Старица - любимый город». Дельфийцы имели возможность принять участие в поездках, занимающих по времени более двух часов, это: обзорные экскурсии по Твери с посещением Тверского объединенного краеведческого музея, музея Тверского быта,

литературного - имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, музея Калининского фронта, Тверской Областной картинной галереи. Свыше 50-ти экскурсий было организовано нашими замечательными руководителями Игр, тружениками музеев, при участии волонтеров, добровольческих организаций, чему способствовала и слаженная работа департамента транспорта несмотря на внезапно возникшие в городе трудности.

Соревнования участников проходили по 26-и номинациям: фортепиано, скрипка, театр, художественное чтение, изобразительное искусство, балалайка (домра, баян, аккордеон), классическая гитара, саксофон, академическое, народное и эстрадное пение, авторская песня, классический, народный, современный танец, теле-журналистика, фотография, веб-дизайн, ди-джей, кулинарное и парикмахерское искусство, дизайн одежды, кроме этого фестивальную программу дополняли номинации: сохранение народных художественных промыслов, цирк, искусство воспитания.

В играх принимали участие более 1600 юных деятелей искусства в возрасте от 10 до 25 лет из федеральных округов и более чем 70-и субъектов Российской Федерации, ставшие лауреатами Малых Дельфийских игр, отборочные туры которых проходили в нашем регионе с февраля текущего года. Из лауреатов юбилейных Десятых Дельфийских игр России сформируется национальная молодежная Дельфийская сборная для участия в Международных соревнованиях 2011 года.

Почему именно Тверская область, город Тверь, стали местом проведения Дельфийских игр? На территории области расположено более семи тысяч памятников истории и культуры, крупные ансамбли, мемориальные усадьбы, монастыри, такие как Императорский Путевой Дворец XVII-XIX вв., усадьба Вульфов XVIII-XIX вв., Нило-Столбенская Пустынь XVII-XIX вв. и другие архитектурные комплексы. Четырнадцать городов области имеют статус «Исторический город», среди них: Тверь, Торжок, Осташков, Кашин, Калязин, Весьегонск, Вышний Волочек и др. Старейшие города насчитывают более восьми веков жизни. Многие из них являются центрами художественной вышивки, золотного шитья, кружевоплетения, с нашим краем связаны судьбы таких личностей, как святой князь Михаил Ярославич Тверской, Афанасий Никитин, А.С. Пушкин, И. Крылов, И. Лажечников, М. Салтыков-Щедрин, Ф. Достоевский, А. Островский, В. Шишков, М. Глинка, Н. Гумилев, А. Ахматова, А. Венецианов, И. Левитан, И. Репин, М. Мусоргский, В. Андреев, С. Лемешев, и многих, многих других. У нас 852 библиотеки, 5 театров, филармония, 53 музея. Один только Тверской

Государственный объединенный музей в своем составе имеет 34 филиала, фонды которых насчитывают более 500 тысяч единиц хранения. В Тверской областной картинной галерее и ее трех филиалах около 40 тысяч музейных предметов. Кузницей кадров региона являются Тверское училище культуры им. Н.А. Львова, художественное училище им. А.Г. Венецианова, музыкальное им. М.П. Мусоргского, а также 63 школы начального художественно-эстетического образования. 41 театральный коллектив области имеет звания «Народный» и «Образцовый». У нас более 500 драматических самодеятельных театров. Решают задачи по организации и по проведению культурно-массовых мероприятий Дом народного творчества и Дворец культуры «Пролетарка». За последние годы Тверская область стала сосредоточением культурной жизни, включая события общероссийского и международного значения. Ежегодно в регионе проводится около сорока крупных мероприятий. Самым запоминающимся в 2007 году был VIII Российско-финляндский культурный форум. С 2008 года столицей проведения Всероссийских дней славянской письменности и культуры стала Тверь. 2011 год ознаменован проведением в Твери Десятых молодежных Дельфийских игр России под знаком: «Искусство. Молодость. Талант». Для оперативной координации Игр был создан штаб, в котором 38 служб. В качестве волонтеров привлечены более 500 студентов вузов области. Штаб был размещен в здании областной библиотеки им. М. Горького.

Первые минуты: впечатления при входе в зал

Выполняя роль маленьких хозяев Дворца спорта «Юбилейный», хоккеисты спортивной школы приветствовали гостей. По случаю праздничного открытия Игр на моем костюме закреплены награды, начиная от значка лауреата фестиваля народных талантов СССР, памятных знаков, медалей России до недавно полученного нагрудного Креста святого Михаила Тверского. Вид наград на ребят, наверное, произвел впечатление, особенно медалей: к 100-летию Михаила Шолохова и «Хрустальная роза Виктора Розова» за вклад в отечественную культуру России. Один из мальчуганов подарил мне флажок и спросил: «Вы воевали?»

Я сначала удивилась, потом догадалась причине такого вопроса.

Лет пять назад, когда на свой творческий юбилейный вечер я прикрепила на новом, только сшитом в ателье костюме эти самые медали и взглянула на себя в зеркало, то подумала: колодочки с шурупами у медалей прочные, а вот цветные полоски на

держателях, как на медалях у ветеранов Великой Отечественной войны. А потому на вопрос юного хоккеиста ответила так: «Воевала, но не на фронте. Когда шла война, мне было столько же лет, как тебе сейчас».

Вот такие первые впечатляющие минуты до начала официального открытия Десятых Дельфийских игр в Твери.

Открытие Десятых Дельфийских игр

Дворец спорта «Юбилейный», где будет проходить официальная церемония открытия Десятых Дельфийских игр России, встретил шквалом приветствий, речевок, хоровых обращений к участникам. Ребята организованно скандировали, пели, выражая свой восторг и радость по поводу открытия Игр. Много света, улыбающихся лиц, красно-белых фирменных одеяний участников. Все вместе взятое производило впечатление огромного бушующего моря. Помещение Дворца было наполнено такой молодой, чистой, положительной жизненной энергетикой, что я почувствовала, как наполняюсь силой, заряжаюсь, готова сама участвовать в состязаниях.

А затем? Восторг нарастал не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Выход групп барабанщиц из Конакова, Калязина, Тверского Дворца детей и молодежи, слаженное перестроение по-разному одетых в каждой группе юных исполнительниц маршевых ритмов. Грохот более сорока звучащих от ударов барабанных палочек по натянутым поверхностям необычных инструментов наполнил до высокого купола огромный Дворец спорта. А потом вдруг тишина. И снова взрыв музыки боевых барабанов. Затем звуки многоголосого хора со словами: «Будь прекрасней всего на свете, Родина моя!». Марш барабанщиц сменяют группы добровольческих отрядов. Изумительная цветная иллюстрация слов и лиц, будто бы выплывающих из недр Вселенной, возникла и плавно устремилась к участникам официального открытия Дельфийских игр. Из-под купола опустился земной шар, вращаясь, поплыл над конкурсантами, добровольческими отрядами, над гостями и организаторами Дельфийских игр. Затем под музыкальные звуки, льющиеся из сильнейших динамиков, начался парад.

На 83-х плакатах были указаны федеральные округа и субъекты Российской Федерации - участники Дельфийских игр. Парад открыл представитель Республики Адыгея.

Приветствия

Губернатор Тверской области Дмитрий Вадимович Зеленин, приветствуя участников Дельфийских игр, в своем выступлении

сказал самое главное: «Муза - превыше всего! Искусство говорит на языке таланта! Россия ждет ваших талантов».

Советник при Президенте Российской Федерации Юрий Константинович Лаптев пожелал участникам лучше услышать друг друга, передать в свои регионы поздравления от Д. Медведева по случаю 20-летия СНГ (1991-2011 гг.). Были еще приветствия и зачитывались официальные поздравления и пожелания любви к Родине и искусству, звучал гимн России. Сцена удивительно красиво оформлена трепещущими ярко освещенными трехполосными составляющими флага Российской Федерации.

В выступлениях участвовали разные исполнители, в том числе московская группа «Челси». От выступлений этой сильно озвученной группы грохот стоял такой, что, казалось, позвонки вот-вот отделятся друг от друга. И вдруг над всем морем бушующих звуков появились при трансляции прямо из космоса на экране улыбающиеся космонавты, приветствуя открытие Дельфийских игр с пожеланиями сохранить преемственность поколений.

Вечером состоялся прием у губернатора в развлекательном комплексе «Кристалл-Палас». Здание комплекса похоже на большой квадрат, возвышающийся недалеко от железнодорожного вокзала и автовокзала в Твери. Так как я приехала из Дворца спорта «Юбилейный» не на автобусе вместе с другими гостями, а на такси, то оказалась одной из первых приглашенных. На высоком крыльце гостей встречали заместитель начальника Областного департамента культуры Наталья Михайловна Петухова и группа охранников.

Зал второго этажа постепенно наполнялся приглашенными. Многих я знала по делам больше, чем по именам, была рада взаимным приветствиям. Меня как-то незаметно, тактично подвели к одному из столов, и я оказалась рядом с губернаторским, с организаторами и учредителями Дельфийских игр. После приветствия и поздравления в связи с открытием Игр губернатор Д.В. Зеленин неожиданно подошел ко мне, и мы с ним немного пошептались. Этого можно было и не писать.

Одним словом, 14 мая 2011 года стало знаменательным днем для России, а для меня - значимым в жизни, судьбоносным событием, о котором и пишу.

Номинация «Художественное чтение»

Из всех 26-ти номинаций я выбрала «Художественное чтение». Меня как бывшего руководителя детского музыкального авторского театра интересовали авторская песня, академическое

и эстрадное пение, хотелось взглянуть на классические и народные танцы, послушать скрипачей, особенно игру на любимом мною саксофоне, познакомиться с молодыми тележурналистами. Но, к сожалению, участников других номинаций, предварительно победивших в Малых Дельфийских играх, посмотреть не удалось, так как соревнования в области искусства проходили в разных помещениях города и накладывались по времени.

Два дня, 15 и 16 мая, я провела в зале Тверского кукольного театра, прослушала сольное чтение участников старшей возрастной группы от 16 лет до 21 года в количестве 25 человек, участников младшей группы в возрасте от 10 до 15 лет в количестве 18 человек. После первого, второго, потом отборочного туров, присутствовала при награждении чтецов - мастеров художественного слова. Все участники были очень хорошо подготовленными, просто замечательно читали стихи и прозу! Представляю, как было трудно оценивать председателю жюри Морозову Борису Афанасьевичу (г. Москва), членам жюри: Лисовой Екатерине Анатольевне (г. Москва), Андриановой Ирине Васильевне (г. Тверь), прослушивая конкурсные выступления, отбирать для награждения дипломами, медалями лучших из лучших для формирования национальной молодежной Дельфийской сборной, которая примет участие в международных соревнованиях 2011 года.

Авторы, чьи произведения исполняли соревнующиеся в искусстве чтения, были самые разнообразные по известности, по тематике. Замечательно и то, что ребята читали не только стихи, но и прозу, читали вдохновенно, чувствуя каждое слово. Что запомнилось из исполняемых произведений? Это как раз тот показатель таланта как автора, так и чтеца! Рассказ В. Драгунского «20 лет под кроватью», С. Маршака «Отчего у месяца нет платья», Г. Пономарева «Князь Тверской» читал Давыденков Владислав (Тверская область), Бергольц «Пусть голосуют дети» читала Жилкина Полина (Тверская область). Кстати, эти Вышневолоцкие ребята в 2010 году стали лауреатами областного конкурса чтецов, в котором участвовало более тысячи ребят. Проводился он по инициативе Областного Общества книголюбов в связи с моим юбилеем, когда все, а я это знала, почувствовали «голод» детей по литературным номинациям. Прекрасно прочитал прозаическое произведение Л. Корышева «Мать» Вадим Кутузов из Республики Алтай, а потом я еще раз слышала в его исполнении это произведение. Даже при повторном чтении появлялся блеск в глазах слушателей от глубокого проникновения в душу читаемых слов. Но, к сожалению, Кутузов

был отмечен, как и Давыденков, только дипломом.

В Дельфийском соревновании мастеров «Художественного чтения» звучали стихи И. Бродского, Е. Евтушенко, М. Цветаевой, С. Есенина, В. Высоцкого, И. Вознесенского, Р. Рождественского, читалась проза И. Бунина, М. Зощенко, В. Солоухина, К. Симонова, Т. Шевченко, А. Чехова, других классиков, а также произведения малоизвестных авторов. Все соревнующиеся получили свидетельства об участии в Десятых Дельфийских играх.

Бронзовыми медалями были удостоены: Анас Исмаил (Тульская область), 15 лет, читал В. Высоцкого «О моем старшине» и Ф. Искандера «Рассказ о море». Кстати, тема «Он и Она» очень привлекла молодых слушателей зала. Бронзовой медалью был удостоен Владислав Тутак (Пермский край), 17 лет, читал Аветика Исаакяна «Народная лира».

Серебряными медалями были награждены: Светлана Ким (Республика Коми), 10 лет, читала: В. Туркин «Береза» и А. Журавлева «Где живу я». Очень веселая, шустрая, смелая, талантливая актрисочка, самая младшая в номинации «Художественное чтение»; Алехина Анастасия (Республика Северная Осетия-Алания), 16 лет, читала стихотворную композицию В. Ерофеева и Ф. Цаликова «Дети Беслана». При общении мне показалась: милая, словоохотливая девочка близко знакома с трудностями детства.

Золотыми медалями были награждены: Быков Илья (Тверская область), 19 лет, читал поэтическую композицию на стихи Е. Евтушенко и И. Вознесенкого «Идут белые снега». Это уже не подросток, а совсем взрослый человек, опекаемый педагогами музыкального училища им. Мусоргского в Твери, где готовят специалистов конкретно для музыкальных театров. Это замечательно, как и то, что на конкурсном соревновании присутствовали педагоги училища.

Вторую золотую медаль получил Симонишвили Андро (г. Москва), 13 лет, читал Ф. Кривика «Ледовитый океан». Исполнение было неплохим, но я бы лучше на его место определила Кутузова Вадима, чтеца из Республики Алтай, но он из другой возрастной группы. В. Кутузов был удостоен Диплома за чувствительное чтение прозы Лазаря Кокышева «Мать», стихи о маме, со словами «Ты помоги мне… мама… стать…» - очень волнующие строки вдохновенно прочитанного произведения.

Дипломами Дельфийских игр были награждены: Кутузов Вадим (Республика Алтай), 18 лет, читал отрывок из Л. Кокышева «Мать», за искренность и проникновенный лиризм. Красильникова Яна (Кировская область), 16 лет, за

художественную пропаганду творчества СНГ, читала: Р. Гамзатов «Стихи о любви». Меня почему-то это произведение в исполнении чтицы не тронуло. Старцев Максим (Новосибирская область), 16 лет, читал рассказ Ф. Искандера «Начало». Максим по мере чтения из некрасивого, маленького человечка, почти старичка, перевоплощался, раскрывался, словно вырастал, становился красивым мальчиком. Такое чтение не каждому дано, а потому получил очень точную оценку: «За яркое актерское дарование». Худяков Иван (г. Санкт-Петербург), 12 лет, читал отрывок из поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», «О награде» и стихотворение С. Есенина «Я иду долиной». Мне показалось, что чтение было очень наигранным, немножечко нагленько-самоуверенным для этого возраста, но получил оценку «За тонкое понимание творчества Сергея Есенина».

Зенин Тимофей (Новосибирская область), 11 лет, читал: С. Маршак «Отчего у месяца нет платья», отмечен «За высокую исполнительскую культуру». Давыденков Владислав (Тверская область), 15 лет, прочитал Г. Пономарева «Князь Тверской», отмечен «За патриотизм в творчестве».

В результате конкурсных соревнований в номинации «Художественное чтение» участники были награждены: 6-ю дипломами, 2-мя бронзовыми, 2-мя серебряными, 2-мя золотыми медалями, итого 12 наград, из которых один диплом и одна золотая медаль получены тверскими участниками Дельфийских игр.

Общие данные Дельфийских соревнований участников Тверской области: **4 золотых, 4 серебряных, 7 бронзовых медалей и 23 диплома.**

Итого: 15 медалей, из которых на долю номинации «Художественное чтение» в сумме приходится 6 медалей.

По результатам Дельфийских игр, включая и медали нашей области: 127 золотых, 126 серебряных, 110 бронзовых медалей. Итого 363 медали.

По итогам общекомандного первенства, исходя из количества медалей, полученных 83-мя регионами: Первое место - Новосибирская область. **Второе место - Тверская. Третье - Самарская. Четвертое - Москва. Пятое - Красноярский край.**

Шестое - Пермский край.

Данные были озвучены на закрытии Дельфийских игр во Дворце спорта «Юбилейный» Владимиром Николаевичем Понявиным - Председателем исполкома Национального Дельфийского совета России, директором Международного Дельфийского комитета.

Немного о других номинациях

Рассказывая о «Художественном чтении», я не могу не упомянуть такую номинацию в программе Дельфийских игр, как «Искусство воспитания». В сольной номинации в возрасте от 18 до 20 лет золотых медалей никто не получил. Серебро завоевал представитель Алтайского края, бронзу - Панкратова Анастасия Андреевна - детский сад №20/1 г. Тверь в возрастной категории 21-24 года.

Золотая медаль у Ярославской области. Серебряная - у Белгородской. Бронзовая - у Республики Коми.

Еще были утверждены три спецдиплома: «За искусство общения» - Тамбов. «За преданность искусству воспитания» - Ивановская область. «За мастерство и профессионализм» - Пермский край.

Радует, что тема «Искусство воспитания» поднята на молодежный уровень, печалит, что наше образование постоянно меняющимися установками, бесконечными бумажными, компьютерными отчетностями заполонило разными заморочками головы наших педагогов, лишая порой их творческих поисков. Но это уже другой разговор.

В номинации «Классический танец» участвовали в возрасте 15-17 лет 11 танцоров, от 7 и старше - 6. Как оценивают сами руководители ситуацию: малочисленность участников от непродуманности положения: девочки и мальчики должны были быть представлены отдельно. В этом вопросе мне трудно что-либо сказать, хотелось посмотреть, но не получилось.

В номинации «Театр» были представлены 7 коллективов: Калининградская, Ульяновская, Московская области, Москва, Ямало-Ненецкий автономный округ. Серебром и бронзой отмечены театральные студии Твери. Серебро для драмтеатра, если, как говорили руководители других коллективов, там играли два профессиональных актера, награда неплохая. Бронза - тоже хорошо. Даже очень хорошо. Театр вам - не стих прочесть. А вот золота - нет.

Порадовали музыканты училища им. Мусоргского своими достижениями. Медалька к медальке! Вот вам и второе зачетное место Тверской области на Дельфийских играх.

Официальная церемония закрытия Дельфийских игр

Торжественная церемония закрытия Десятых Дельфийских игр России «Искусство. Молодость. Талант» проходила там же, где и открытие, во Дворце спорта «Юбилейный». Ведущий - народный артист Российской Федерации К.Г. Юрченков, актер

Тверского драматического театра, голос которого за кадром, после победоносных фанфар, звучал в словах:

Вперед, Россия! Ты ль не велика
Как сумма наших милых малых родин?
Ты самобытна, как во все века,
Талантлив твой народ и благороден.
Вперед, Россия! Близится расцвет
Духовных сил, науки и талантов.
Где молодежь - национальный цвет -
Займет места геройские Атлантов.

Немного о поэтических строчках из уст ведущего: в наборе слов звучит прекрасная мысль, чего не скажешь при прочтении словосочетаний на бумажном носителе. «Близится расцвет», «науки и талантов». Будто нет талантов в научных трудах молодых ученых. А «малых родин»? «Родин»? Или в стихотворении, которое читает Илья Рогов: «волостей», а в словосочетаниях: «Но юность показала здесь просто высший класс», а не лучше бы было сказать: не «просто», а «в искусстве высший класс».

Только из уст номинантов «Художественного чтения» прозвучали настоящие стихи: «Что-то вас давно не слышно...», «Вспомни, как в избе сосновой...», жаль только, что чтецам не предоставили возможность из-за ограниченного времени прочитать что-либо из своего 2-3-х минутного программного репертуара. Говорим, что дети и подростки меньше читают, а в показательных выступлениях опять уделяем больше внимания другим номинациям.

Зазвучала увертюра к опере «Хованщина» «Рассвет на Москве-реке» в исполнении симфонического оркестра Москвы «Русская филармония», дирижер Сергей Татарин. А на экранах Дворца спорта - видеоролики регионов России, узнаваемость которых сопровождается бурной реакцией зала. И снова звучат слова ведущего:

«Искусство! Молодость! Талант! - Сегодня эти слова по-особенному звучат на Тверской земле! В гармоничном единстве слились дух древней мудрой Руси и обновленная ее сила - будущее страны - молодая Россия. Все мы разные, но объединяет нас чувство Родины, стремление жить и творить во славу Великой России!

После этих слов камерный оркестр «Российская камерата», камерный хор «Русский партес» и танцевальная группа Тверской академической областной филармонии, дирижер - Андрей Кружков, исполнили произведение М. Глинки «Славься».

На сцену затем были приглашены официальные лица

Российской Федерации и Тверской области, представители ЮНЕСКО и Национального Дельфийского совета России.

После выступления губернатора Тверской области Д.В. Зеленина с поздравлениями в адрес участников и пожеланиями на будущее слово было предоставлено заместителю полномочного представителя Президента Российской Федерации и Центрального федерального округа, сопредседателю Попечительского совета Национального Дельфийского совета России С.Н. Самуйлову. Председатель исполкома Национального Дельфийского совета России, директор Международного Дельфийского комитета В.Н. Понявин после приветственного слова объявил победителей в командном первенстве.

Фанфары известили, что официальная церемония, естественно, переходит в новую фазу - в показательные выступления талантливых победителей. Так начался гала-концерт лауреатов Десятых молодежных Дельфийских игр России.

В финале прозвучали слова ведущего: «Сегодня в честь победителей Десятых молодежных Дельфийских игр звучит увертюра, написанная Петром Ильичом Чайковским в честь победы России в Отечественной войне 1812 года. С тех давних пор она исполняется на самых торжественных мероприятиях во всем мире в честь победителей».

И зазвучал фрагмент увертюры, заполняя все пространство Дворца спорта «Юбилейный», в исполнении симфонического оркестра «Русская филармония», камерного оркестра «Русская камерата», хора «Русский партес», духового оркестра Академии ПВО г. Твери.

Сцена Дворца стала наполняться «золотыми» участниками Игр, а над ними - на экране - приветственная надпись: «Лауреатам Десятых молодежных Дельфийских игр - виват!»

Дельфийские игры явились ярким примером социальных инноваций, механизмом многоступенчатого отбора юных талантов и дальнейшей их поддержкой сначала на муниципальном уровне, далее на Малых Дельфийских играх, то есть в отборочных турах, победители которых через заявочные комиссии и стали участниками от регионов России на Всероссийском Высшем форуме искусств, проходившем в городе Твери. Лауреаты общероссийских игр и составят национальную сборную для участия в международных соревнованиях.

Дельфийские игры помогают талантливому молодому человеку независимо от социального положения, места проживания занять достойное место в мире искусства. Став лауреатом Игр, ощутить поддержку глав государства, правительства, руководителей на всех уровнях; оценка

авторитетного жюри с заслуженными званиями в области искусства, порой от кумиров и «живой легенды» становится мощным стимулом на пути самосовершенствования, а общение с признанными мастерами, уже состоявшимися творцами - сохранение преемственности поколений, это является важнейшей задачей Дельфийских игр, что поможет не потерять таланты на пути их становления.

Еще хотелось бы сказать о волонтерах. Движение, возникшее в 1999 году, на Десятых молодежных юбилейных Дельфийских играх стало одной из тем. Без волонтеров молодежные игры не могут проходить. Присутствие, помощь гостям и участникам - сила Дельфийской идеи, а для государства - работа с молодежью. Дельфийские игры были и стали площадкой для встреч и обмена опытом лидеров волонтерского движения России.

Вечером по приглашению Национального Дельфийского совета России я имела честь присутствовать на приеме по случаю закрытия Десятых молодежных Дельфийских игр России «Искусство. Молодость. Талант». Было много сказано официальных слов и теплых поздравлений тверским губернатором Д.В. Зелениным, руководителями Игр. Пересказывать все речи нет смысла. И так ясно, Тверь и Тверская область достойно встретили, достойно участвовали в проведении и закрытии Дельфийских игр, которые проходили в начале второго десятилетия XXI века.

Несомненно, в полном объеме, как бы мне хотелось, я не смогла рассказать о таком знаменательном событии для нашего города и нашей области. Наверное, вы со мной согласитесь, но и пройти мимо мероприятия, в котором принимала участие, тоже не смогла. Вся жизнь ведь складывается из малых и больших судьбоносных событий. А потому тема «Дельфийские игры в Твери» вошла в мою художественно-документальную «Книгу-3» «Две жизни в одной», издание которой, словно поджидая эти события, кстати, немного задержалось.

Родник

Пробивалась струя родника
Из глубокого тайника,
Заискрилась на солнце робко,
По каменьям прошла неторопко,
Разлилась ручейком родниковым
Под навесом тенистым, кленовым,
Отраженьем осинок качала,
Что-то ласково им журчала.
Не от этой ли малой струи

Всё величье моей Земли?
Гайда Лагздынь

Глава 5. Тайны великих снов

Время. Купол

Сердце с утра бьется сильно и со значением. Где-то внутри что-то непонятное и необъяснимое. Волнение охватывает всю плоть - трепещущее, неясное по сути причины возникновения. Но я знаю. Это есть то непреодолимое желание, исходящее оттуда. Меня как бы настраивают, создавая вокруг и надо мной огромный купол, в котором я сейчас окажусь.

Но сегодня кто-то руководит мной на уровне быта, заставляет метаться по квартире, искать место. Я его нахожу в своей маленькой комнате. Здесь пол устлан мягким ковром. Стоит развернутый, не убранный после сна диван. Я проспала почти двенадцать часов подряд. Вдоль стены - огромный письменный стол, заваленный рукописями и перепечатками, настольная цифровая электронная лампа, телефонный аппарат, мелкие игрушки-безделушки. На столе расположился и музыкальный центр «Панасоник» с двумя колонками, на одной из которых симпатичная улыбающаяся Баба-Яга на мотоцикле с прицепом. В коляске сидит смеющийся кот с огромным глиняным кувшином. Созерцание этого глиняного сооружения, дела рук, видимо, улыбчивого доброго мастера, приносит мне всегда огромное удовольствие. На письменном столе - пишущая машинка «Уникс» с заправленной бумагой и с копировальной лентой, готовая к работе. Но меня мой шикарный полированный красивейший румынский письменный стол не приглашает сесть. Даже мягкие любимые игрушки: заяц в половину моего роста, обезьяна Фани и зубастик-ушастик ушли с поля моего зрения. Один только огромный раскидистый зеленый куст, похожий, при моем участии, на круглый шар, остается со мной, протягивает в мою сторону растущие молодые побеги.

Непонятное желание толкает меня взять из кухни столик, принести в комнату, поставить у окна. По белоснежной поверхности кухонного стола запрыгали лучи утреннего солнца. Через широкий квадрат распахнутого окна доносится шум проезжающих машин, чириканье птиц, людской говор. И вдруг я поняла, что место расположения столика в комнате по отношению к солнцу, моему светлому покровителю, именно такое, какое было, когда я жила там, в другом месте, где рождалось большое количество стихов, сказок, повестей и рассказов.

Купол надо мной расширяется. И вот уже нет ни звуков, ни шорохов, идущих от мира. Я в вакууме. Голова моя свершает странные движения. Словно я хочу встряхнуть массу своего мозга.

Со стороны может показаться, что у меня мелкая нервная трясучка. Вот голова стала совершать некие вращательные движения. Внутри мозга, в верхней части, устанавливается как бы пустота. Я еще чуть встряхиваю головой, будто вскрываю ее для выхода мыслей. А, может быть, входа?

Такое состояние мне известно. Я знаю, сейчас авторучка будет с большой скоростью скользить по бумаге, записывать, почти без поправок потом, мои мысли, ощущения, фантазии. Говорят, что это чакры открылись в Космос. Я не знаю, чакры ли это или нет. Я только знаю, что с этой минуты меня уже нет на земле.

Как-то ночью меня посетило это самое состояние. Только происходило все на противоположной стороне квартиры, с окном на северо-восток, а не на юго-запад, как сейчас. Тогда, не отрываясь, я написала фантастический рассказ «Планета созвездия «Сверкающих звезд». Очнулась, не поняла, где нахожусь. Кто-то потом пояснил: это душа возвращалась в астральное тело. Наверное, возвращалась.

«Итак, я готова к общению», - мысленно фиксирую свою готовность.

То ли сон, то ли видение?

Звуки из окна трехэтажного дома, что напротив, взрывая эфир, врезаются в уши, бьют по барабанным перепонкам низкими басами, возвращая меня к действительности. Вот они смолкли по желанию владельца рэпа или по моему нежеланию их слышать. Почему-то вспомнилась чья-то рекомендация: «Если хочешь, чтоб тебе помогли, в темноте, лежа на кровати, скажи: «Валерий, приди. Я хочу с тобой поговорить». Почему Валерий? И о чем с ним хочу поговорить? Из любопытства? Ведь мечтаю же пойти к гадалке, одеться скромно, без косметики, прикинуться старушкой… Хватит с меня любопытства. И так ведь разлюбопытничалась, что стали мучить всякие видения. А тематические сны? Хоть каждую ночь пиши по роману!

Помню, как-то заболела гриппом, лежу на диване, разглядываю свой настенный ковер. Неожиданно среди вытканных завитков вижу маски. Не театральные маски, а фантастические, смеющиеся, строят разные замысловатые рожицы, показывают языки, хохочут и плачут тут же. Что это? Не могла тогда понять. А ведь что-то подобное, но более яркое, я уже видела после операции, когда находилась в реанимационном отделении. Большой клоун, одетый в ярчайший костюм, на освещенной огромной арене под голубым куполом цирка катался на одном колесе от велосипеда, махал мне высоким черным

блестящим цилиндром и выкрикивал что-то на английском языке. А еще длинной указкой писал по голубому, уже бирюзовому небу, сверкающими буквами непонятные слова.

Очнулась я тогда от прикосновения холодной руки лечащего врача. Тогда я объяснила свое видение тем, что в меня вводили обезболивающие препараты. Но сейчас? Что происходит? Кроме двух таблеток сульфадиметоксина и одной таблетки цитрамона я ничего не употребляла.

Маски продолжали появляться как бы из глубины ковра. Ковер турецкой работы. Может быть, это фантазия мастера передавалась через ковровые шерстинки? Но затем вслед за масками на поверхности ковра возникли человеческие тела.

Бушующее море с белоснежными барашками, волна за волной, выкатывало на берег голые тела женщин. И они, подобно морской пене, пропадали. Море снова и снова выкатывало на прибрежную гальку белые, распластанные тела женщин.

- Валерий! - кричу я, глядя на ковер, что на стене, от которого не могу оторвать взгляда. - Приди! Прогони это!

Непонятным сочетанием звуков откликается чей-то голос, погасив все краски и все видения. Открываю шире глаза. Темная комната, на письменном столе слабо светится циферблат электронных часов. Полнолуние. Измеряю температуру. Температура нормальная. А давление? Прибор показывает - чуть повышенное. Чуть? Еще бы! Пережить такое.

Необычные сны

О сны! Вы неповторимы и интересны. Но среди вас есть и такие, которые могут предсказать будущее. Иногда описывают то, что происходило с человеком, ушедшим из жизни. Я расскажу только о четырех снах.

Еще ребенком мне было известно, что видеть во сне церковь, иконы, батюшку, а особенно огромное здание церкви и не перекреститься - это знак того, что предстоят мучительные житейские события.

Мне такой сон приснился в двенадцать лет. Шла Великая Отечественная война. Наш город только что освободили от немецких оккупантов. Я по приглашению маминой знакомой с наступлением лета отправилась пожить в деревне. И вот накануне отъезда снится мне такой сон: церковь, иконы, служители. И, действительно, чего я только ни испытала в пути, когда ехала туда и когда возвращалась обратно. Я чуть не погибла, случайно выжила при аварии на дороге.

Будучи уже замужем, имея двух дочерей, увидела во сне свое будущее. Сон был странным. Земля, в ней люк. Люк открывается,

в него падает мой спутник жизни, отец семейства. Он кричит, улетая вниз. Смотрю в отверстие: живой, стоит на освещенной искусственным светом площадке, машет рукой, как бы прощаясь. Я бегаю вокруг люка, кричу, зову на помощь, слышу его голос: «Спаси!». Но никого вокруг нет, кроме моих двух дочурок. Сон рассказала мужу, а он улыбался чему-то своему. Сама же себе сон и перевела на судьбу. Вскоре произошло то, что называют в народе «разбежались». Никто этому не верил, ведь семья была основательная, крепкая. Но это произошло.

Третий вещий сон. Снится открытый бассейн, в котором обозначены дорожки для пловцов. Мы с режиссершей моего театра плывем рядом, затем наши дорожки расходятся. А потом, как бы спасаясь от кого-то, плыву одна сквозь заросли кувшинок, болотной тины к берегу. Все плыву и плыву, впереди то ясно, то сумрачно.

И действительно, я уплыла с остатками еще дворцового коллектива, оставив все ставки, чтобы создать новый театр, прошла все трудности, в третий раз, возродив театр со всеми лауреатскими московскими фестивальными званиями и достижениями в литературном творчестве, вырвалась из провинциальной рутины.

Старушка в ночи

Многие годы, а точнее, лет двадцать назад, время от времени во сне ко мне являлась старушка, очень похожая на хозяйку дома-пятистенка. Имени ее я не помнила. После окончания пединститута, получив направление на работу, я оказалась в довольно-таки большой глуши. Автобусное сообщение тогда было не так развито. Местом жительства и стал этот дом-пятистенок. Хозяйкой дома была старушка. Поговаривали, что за ней водятся всякие нечистые дела. Я, занятая работой, не очень-то интересовалась всем этим, пока не пришло время вопросов. С наступлением густых сумерек едва теплящиеся огоньки керосиновых ламп в соседних домах быстро гасли. Деревня погружалась в темноту и сон. Моя хозяйка забиралась на широкую русскую печь и затихала до раннего рассвета. Мне же приходилось подолгу сидеть возле керосиновой лампы - готовиться к занятиям: составлять конспекты, писать планы уроков. Работа в школе, несмотря на профессиональную подготовку в период обучения в институте, требовала еще и практического доучивания, пополнения знаний, заучивания текстов. Одним словом, засиживалась я подолгу в окружении черной деревенской ночи.

Пятистенок, в котором я квартировала, был домом с пятью

окнами на улицу, к тому же он стоял на краю деревни у самой реки. С наступлением темных осенних ночей в доме стали твориться какие-то непонятности. Примерно после полуночи в передней, где стояли длинные лавки, покрытые домотканными половиками, собирались шорохи, какие-то перешептывания. В правом углу комнаты висели старинные иконы, перед одной все время горела лампадка. Старушка очень волновалась, когда лампадка гасла. А затухала она часто. Виной тому, как я считала, были те шорохи и тихие вздохи. От всего этого мне становилось страшно. Я ложилась спать, накрывая себя одеялом с головой. Но однажды я решилась выйти из своей комнатки, что была отгорожена от передней дощатой перегородкой со скрипучей дверью и взглянуть на то, что делается в большой. Но стоило только скрипнуть двери, как звуки, доносившиеся до сих пор, прекратились. В передней все выглядело, как обычно, только часы-ходики давно не показывавшие время, двигали стрелками. На другой день я все-таки решилась выяснить, какую тайну хранит, скрывает старый дом с одиноко живущей старушкой. Вечером, притушив с помощью колесика свет в керосиновой лампе, стала дожидаться наступления глубокой ночи. Старушка мирно спала на печи. Предварительно оставив дверь из своей комнаты полуоткрытой, вслушивалась в тишину. Как всегда, после 12 появились непонятные звуки, не похожие ни на поскрипывание рассохшихся досок в старом доме, ни на шуршания мышей. Звуки были такими разными, что трудно сказать, что это было. Но они были! Я выглянула из комнаты, в это же самое время возник звук, похожий на чих. Язычок пламени лампадки слегка дрогнул. Мне показалось, что я вижу деревянные ложки, мерно двигающиеся от края к центру и от центра к краю стола. Посреди него стояла большая деревянная миска, а возле конца скамьи, придерживая кухонным льняным полотенцем глиняный горшок, была моя старушка - хозяйка дома. От неожиданности она уронила горшок вместе с кухонным полотенцем. Лампадка упала с полочки и кончиком фитиля подожгла разлившееся по столу лампадное масло. Старушка вскрикнула и осела на пол. Горящая лужица осветила избу. Вокруг стола было пусто. Но где-то вдали слышались те непонятные звуки, которые заставляли меня бояться спать, накрываться с головой одеялом, толкнувшие и на этот поступок. Я выбежала из передней и схватила в сенях пустой мешок из-под картошки, влетев в комнату, накрыла пламя. Старушка сидела на скамейке, облокотившись на стол, положив голову на сморщенные натруженные руки крестьянки, отрешенная, молчаливая. Ничего не спрашивая, я принесла пузырек с

сердечными каплями, употребляемые моей хозяйкой. Она молча выпила лекарство и так же молча поплелась к себе на полати. Я же еще долго прислушивалась. В доме было тихо, только маятник ходиков-часов, неподвижный дотоле, ритмично двигался, отсчитывая земное время. Так получилось, что на другой день я переехала в школьное общежитие. Одна из молодых учительниц вышла замуж за местного жителя - колхозного механизатора. Освободилось место в старом помещичьем доме, где проживали многие учителя школы.

Я заинтересовалась судьбой своей бывшей хозяйки. Мне поведали, что в этом доме, построенном еще в начале XX века, жила очень большая и дружная семья. Но все давно умерли. Кто по возрасту, кто из-за проклятых войн.

- А почему старушку называют темной? - спрашивала я.

- Да кто что говорит. А сейчас еще темнее стала. А вы ничего такого за ней не замечали? Ни странных разговоров? Ни странных поступков? Поговаривают, у ней не все в порядке с головой.

На такие вопросы я не отвечала, так как не знала истинного ответа.

Поступки и действия стариков, как и поступки детей, бывают не понятны для взрослых и необъяснимы. Кому-то что-то показалось, кому-то что-то пригрезилось, а кому и приснилось.

Встречи со старушкой годы спустя

Шли годы. Часто во сне ко мне приходила старушка того старого пятистенного дома. Она появлялась в одном и том же облике: в черной кофте, в длинной черной юбке, в черном, завязанном под подбородком на узелок, платочке, подходила к кровати и указательным пальцем тыкала мне в грудь, пытаясь что-то сказать. Около 20 лет являлась она ко мне во сне. Знакомая посоветовала пойти в церковь и поставить свечу за упокой ее души. Я и сама так думала, и сходила бы, и зажгла бы свечу, но вот беда: исчезло из моей памяти имя той старушки, да и сама я была некрещенная. Однажды, когда в очередной раз в моем сне появилась старая женщина, я попросила оставить меня в покое.

- Я просто ничего не знаю о тебе, не помню твоего имени, иначе бы ... Прошу, уйди! - сказала так громко, что проснулась от собственного голоса.

В темноте ночи прозвучало имя: «Прасковья!»

За упокой души Прасковьи в христианском храме вспыхнула толстая свеча. Старушка больше ко мне во сне не являлась. Тайна, которую хотела мне поведать старая женщина, так и осталась для

меня не разгаданной. Да простят ее и меня создатели невысказанных слов, в чьей власти находятся наши сны, видения, наши чувства.

Светлые и темные силы

Нас окружают как светлые, так и темные силы, в этом я убеждена. В каком облике эта сила - не всегда возможно понять. То ли это посланцы из другого мира? То ли представители теневой стороны земной жизни? После таких слов, возможно, кто-то подумает: возрастной психоз, кто-то - отклонение от нормы. Что значит «отклонение от нормы»? Быть середнячком в человеческом мире - явление обычное, даже ранее культивируемое. Шаг влево, шаг вправо - уже не норма, в понятии обывателя: «психоз», «сдвиг по фазе». На этот счет я часто применяю выражение: «Сдвиг по фазе? Но! В нужную фазу!» Были же Коперники, Ньютоны, Менделеевы, Королевы, невозможно перечислить всех, кто потряс своими трудами, открытиями мир. Есть и сейчас люди, наделенные особыми качествами. Каждый человек - это целый мир! И этот мир только его! По сути, мы все разные, но не все понятые. Возможно, один ощущает, видит то, чего не ощущает и не видит другой.

Мне рассказывала одна женщина, вполне нормальный человек, которую с давних пор в темное время суток изредка посещает немолодой худощавый, с выразительным лицом человек, точнее - почти старик. Он является, когда та находится в полусонном состоянии, а может, в состоянии, которое создается искусственно кем-то? Когда женщина была беременна вторым ребенком, в сенях, где она спала, так как в избе было очень жарко, в наступивших сумерках впервые появился этот старик, подошел, наклонился и ясно сказал: «Носишь ребенка себе на мучение». Женщина не успела спросить: «На чье мучение? Ребенка или матери?» В общем-то, какая разница: мучения ребенка и мучения матери - одно и то же. Человек, сказавший это, исчез, словно растворился в темноте ночи. Жизнь у той женщины сложилась так, что второй ребенок, в отличие от первого, сам всю жизнь мучается, естественно, мучает этим и мать.

Через несколько лет встречаю эту женщину, Клавдией звали, разговорились. Зашла речь и о том предсказании. Из ее рассказа узнала, что не помолодевший и не постаревший человек, в прежнем обличии, появлялся в ее снах не раз. Когда Клавдия купила дачу и впервые заночевала в доме, возникла знакомая фигура. Человек подошел к кровати, наклонился, ничего не говоря, стал всматриваться в лицо женщины, а потом молча исчез, поселив в душе страх. Клавдия старалась не оставаться

ночевать в даче, если оставалась, то плотно закрывала дверь комнаты, где раньше стояла ее кровать. Но однажды решилась и легла спать на диване в той комнате, и ночью приснился ей такой сон. Открывается калитка, входит священнослужитель, как раньше говорили - «поп», в черной рясе, в черном головном уборе, с крестом на груди. За калиткой против дачи, вдоль соседского заборчика на корточках сидят монахини в черных одеждах. Клавдия проснулась от бешено колотившегося в груди сердца. До утра не могла уснуть. Утром поехала в город, попросила в церкви дать ей святой воды. Вернувшись в купленный дом, окропила все углы и стены, а над входом воткнула булавку. После этого, сказывала женщина, стала ночевать в загородном доме, и все нормализовалось. И старик больше не являлся.

Да! Всякие странные истории приключаются с людьми чувствительными и ранимыми. И сны у них бывают необычными, но у каждого - свои. Не случайно существуют сонники, толкователи снов. Но мне кажется, что СНОВИДЕНИЯ - это тайная деятельность нашего мозга, живущая по своим, не известным до конца нам, законам. Тайна великих снов - большая тайна! Как и тайны Вселенной.

Волшебный сундучок

Старичок

Бывая на базаре, Анна обязательно заходила на то место, где пожилые люди продавали свои старые вещи. Ей было интересно смотреть на предметы, многие из которых были знакомы в молодые годы, а порой и в детстве. Но часто этими предметами торговали уже не хозяева, а перекупщики, заламывая за них как за антиквар большие деньги. Но Анна и не собиралась эти вещи покупать. Просто ей хотелось, как она говорила, «покормить глаза».

На небольшом складном стульчике сидел маленький сухонький старичок. На потертом от времени коврике лежали разные мелкие вещи, старичок с хитрой улыбочкой взглянул на Анну.

- Интересуетесь? - тихим ласковым голосом спросил продавец.

Анну действительно интересовали разные мелкие предметы, особенно она обожала игрушки крошечных размеров. Целая их коллекция располагалась в ее доме на четырех полках застекленного старинного шкафа. Там были разные предметы: фигурки балерин, спортсменок, дам с зонтиками, с собачками, всевозможные раковины и раковинки, привезенные из круизов, фигурки рыбаков и землекопов, купленные еще в Восточной Германии, целая коллекция дымковской игрушки, изделия фарфоровых фабрик России. Так, перечница в виде поваренка в колпачке попала в ее коллекцию, когда ей было пятнадцать лет. Купила она этого забавного поваренка в Ленинграде сразу после войны. Были в коллекции предметы, созданные руками тверских умельцев: кот, осел, баран, божья коровка, рыбка, пудель, прижавшийся к ушастой собачке, созданной лет тридцать назад из теста. Собачка красивая, не потерявшая своей окраски несмотря на возраст. Украшала домашнюю выставку мелких предметов танцовщица из Испании с миниатюрной гитарой, с прекрасной прической, с гребнем в волосах и одним ярким цветком. Маленькая керамическая мышка сидела на кусочке сыра, у ног слоника, что стоял возле блестящего самоварчика, изготовленного тульскими мастерами, поглядывая на крошечную даму величиной в полнаперстка, привезенную Анной из Франции.

- Да разве можно перечислить все предметы, что я культивирую? - подумала Анна, разглядывая «богатства» сухонького старичка.

- Интересуетесь? - через какое-то время тактично повторил

свой вопрос продавец древностей. - Вижу: интересуетесь. Я давно поджидаю такого человека. как вы. Только у вас таких вещиц много.

- Почему вы думаете, что я именно тот человек? - улыбнулась Анна, удивившись проницательности старичка. Словно он бывал в ее квартире.

- Чувствую. Но то, что перед вами, уже не совсем ваш интерес, точнее, пройденный этап для антиквара-любителя. И тут старичок, довольно-таки быстро развернувшись на своем маленьком складном стульчике, откуда-то из-за спины извлек довольно значительных размеров сундучок.

Необычный сундучок

Сундучок был необычным, явно старинным, лишь в уменьшенном виде: с кожаными ремешками, по углам и по крышке - с гвоздиками старинной ковки. С крышки свисал на металлических дужках увесистый амбарный замок. Весь вид сундучка точь-в-точь повторял антикварные старинные дорожные сундуки. Даже по бокам располагались кожаные ручки для лакеев для переноса и укрепления на карете. Только этот сундук был примерно в десять раз меньше самого небольшого транспортного хранилища вещей.

Анна неожиданно для себя ярко представила карету, барина, лакеев, несших сундук, слугу, возницу.

- О! - только и вымолвила Анна, рассматривая предмет. И лишь спустя минуту, спросила: - Вы его продадите?

- Сударыня, - тяжело вздохнул старик, - такие вещи не продают, а только пе-ре-да-ют. У меня, к сожалению, малый запас жизненного времени. Наследников нет. Были, но давно ушли в мир иной. Только я и остался из всего большого старинного рода, - странно блеснув выцветшими от времени глазами, еле слышно добавил. - Возьмите.

- Как можно! - воскликнула Анна. - Я смогу вас за него отблагодарить!

- Купить.., - снова скорбно усмехнулся новый знакомый. - Его бы давно купили эти, - и он кивнул головой в сторону двух бойких парней, торговавших старыми монетами, значками, орденами. - Все поскупали.

Пустозвонные говоруны. А покупают ныне антиквар либо начинающие, это неплохо, но больше - из-за интереса, оттого и в музеи приток антиквара уменьшился, зато иностранцы о-го, интересуются. Вот так и растаскивают Русь по заграницам.

- А вы сами не хотите в музей передать? - спросила Анна.

- Хотел, кабы был уверен, - и старичок неожиданно замолчал.

- А все-таки, почему выбрали именно меня? Вы ведь совсем меня не знаете. Может быть, ошибаетесь? А вдруг я одна из таких же?

- Нет, голубушка. Я редко ошибался, а прожив столько лет, почти совсем перестал ошибаться.

- Если не секрет, а сколько ...

- Не секрет, - словно прочитав вопрос Анны, прервал ее старик. - Разве время измеришь годами? Время - понятие относительное. Вы думаете, на Земле XXI век? Это для удобства. Была и новая эра, а до нее другая и другая. Века, года, месяцы, дни люди придумали для удобства. Время - оно разное по протяженности. Вот мы с вами сколько по времени разговариваем?

Анна взглянула на часы. Там было 14.00.

- Сейчас два часа дня. Я к вам подошла примерно 15 минут назад.

- Верно, в 13.45. То есть мы с вами разговаривали, как вы считаете, 15 минут? Но вы же чувствуете, что мы с вами говорим давно, - старичок хитро посмотрел на Анну, продолжал. - Вы ведь, увидев мой сундучок, осмотрели карету барина, лакеев, слугу, познакомились с большими сундуками, побывали в старом времени. А еще слугу-красавца сравнили...

- Откуда вы это знаете? Я ведь вам ничего не говорила, а лишь подумала об этом! - удивилась Анна, невольно покраснев при упоминании о слуге.

- Да не смущайтесь, дело житейское, - улыбнулся старик, и чуть помолчав, добавил. - Вот то-то и оно. Это и есть время. Не 15 минут, а целое столетие вместило по времени наше с вами общение. А сундучок вам передаю с поклоном от своих предков. Он с секретами, многие из которых мне не известны. Для каждого человека у него припасен свой набор фактов.

Когда Анна взяла в руки подаренную вещь, то ее охватило странное волнение, будто из него исходило что-то такое, о чем невозможно передать словами. Старичок же вместе со старым ковриком и всем, что на нем находилось, со своим складным стулом мгновенно исчез. Перед Анной на земле лежал развернутый, пожелтевший от времени, газетный лист, на котором большими буквами значилось: «Биржевые ведомости. 1902 год». Слова с буквой «Ъ» были явным подтверждением даты выхода газеты из печати.

Таинственный сундучок

Надо сказать, что сундучок, оказавшийся в руках Анны, был довольно увесистым. Как-никак, он был с коваными

металлическими деталями. К тому же и старинный замок амбарного вида смотрелся внушительно, тоже чего-то весил и выглядел как хорошая железная лапа.

- Как же я его открою? - промелькнул в голове Анны вопрос. - Ключа-то нет! Но главное, как я сундучок понесу? Нужна большая сумка!

К великому удивлению, сундучок на глазах стал уменьшаться и в конце концов превратился в миниатюрный сувенирный предмет, примерно размером всего в два положенных друг на друга спичечных коробка, под стать тем предметам, которые она коллекционирует.

Все, что произошло, начиная со старичка и кончая сундучковыми преобразованиями, сначала удивило Анну своей неожиданностью, затем озадачило, а потом напугало. - А что если, - подумала она, - сундучок станет не уменьшаться, а расти, увеличиваться до огромного размера? И почему старичок отдал его? Может быть, избавился? Отогнав от себя нахлынувшие нехорошие мысли, с необычным приобретением отправилась домой, тем более, что рынок не то чтобы закрылся, но стал немноголюдным. Старушки, продававшие разные вышедшие из моды предметы, свертывали свои торговые «поляны». Взглянув еще раз на необыкновенную вещицу, Анна положила сундучок в сумку. В результате всего случившегося она так и не купила продуктов, хотя за ними специально шла на рынок.

Дома сундучок был извлечен из недр хозяйственного транспорта, и Анна стала рассматривать его с помощью лупы. Сундучок был красив, все крепления **и** застежки чистые и на месте. От уменьшения в размере ничего не поломалось. Амбарный замочек величиной с копейку прочно висел на металлических скобочках. Попытка его открыть с помощью маникюрных предметов не давала результатов.

- Надо сундучок поставить на полку рядом с другими мелкими предметами, - сначала подумала Анна. Но, вспомнив, что совсем недавно был он большим, отказалась от этой мысли. - Если снова увеличится, то моим затворникам - экспонатам - несдобровать, как и месту их хранения - стеклянным полкам. Таким образом сундучок оказался на полированной тумбочке. Вот с этого момента и начались сказки.

Сундучковые сказки

Ночью раздался, как показалось Анне, звонок. Но, подняв трубку, через которую можно было услышать звонившего, убедилась, что желающего войти в подъезд не оказалось. Утром вполне отчетливо позвонили в дверь квартиры. На лестничной

площадке стоял молодой человек, одетый не совсем современно, больше походивший на барского лакея времен крепостнического строя в России.

- Я по ремонту, - представился незнакомец, показав документ. - Величают Петром. Вы заказывали мастера разобраться с вашими замками?

- Заказывала. Но вы, - чуть помолчав, высказалась Анна, - какой-то странный.

- Это про мою одежду? Не обращайте внимания! Подрабатываю и, чтобы не опоздать и не попортить имиджа фирмы, заехал прямо с репетиции. Так что там у вас с замками?

- Вроде мелочь, но жить мешают.

- А из мелочей и состоит жизнь. Не вам ли знать? Так к делу.

- Вот, - указала Анна на ванную и на туалетную комнаты. - Поставили двери, а ручки с замками, а у них - защелки! На днях еле открыла туалетную комнату. - И Анна подала мастеру от замков ключи.

- Отделочка - европейская, а сантехника - восточная! - хохотнул парень, раскручивая замки на дверях. - Теперь не защелкнутся. А ключик вам на память. Он теперь для этих дверей не нужен. Распишитесь. Счет к оплате пришлют. - И парень так быстро исчез, что Анна не успела предложить на выбор чай или чаевые.

После ухода работника фирмы Анна, опустившись в широкое мягкое кресло, задумалась. Ключик, побывавший в руках странно одетого человека, вдруг стал крошечным, да таким, что свободно умещался на подушечке фаланги указательного пальца, оставляя место еще для одного такого же.

- Чудеса! - только и вымолвила Анна. - Уж не от сундучка ли он?

Ключик свободно вошел в узенькую щелочку, легко развернул свою металлическую бородку, и замок открылся. Сняв замочек, Анна пыталась приподнять крышку сундучка. Но она не поддавалась.

- Монолит. Бутафория, - высказалась Анна, положив замочек вместе с ключом в хрустальный бокал, так как попытка вернуть замок на прежнее место ничем не увенчалась.

- Что за чертовщина! - вдруг рассердилась Анна. - То так, то сяк! Или я уже безглазая и безрукая? Что это?

- Ничего! - звякнул замочек по хрустальному стеклу бокала. - В сказке все бывает.

- Но я же не сказочница?

- Не была, так стала. Наш старичок не ошибается.

- Но это уже ни в какие рамки не вмещается! - вспылила

Анна.

Дальше этих фраз разговор не пошел. В комнате было тихо. А Анне вдруг стало смешно от своих фантазий. - Я, наверное, в кресле задремала? Надо проснуться и покончить с этой немыслимой историей. Высказав это сундучку, стоявшему на полированной тумбочке, удивилась. Сундучок стал увеличиваться в размере. Опасаясь, как бы не упал, быстро переместила его на пол. Пространства между мебельной стенкой и диваном было предостаточно, чтобы вместить большой сундук. Выросший сундук неожиданно сам открылся, и из него вышел барин, следом выскочил лаптежник, парень кудрявый, весьма смелый, похожий на того мастера, что чинил в квартире в сантехнических комнатах замки.

- Петруха, слушай сюды! Земля вертится? - повелительно спросил барин.

- Вертится, вертится, Савва Перфильевич, вертится. Чую. Ноне еле сам отвертелся от быка нашего. Рога-то вырастил, а все равно скотина непрокая. Прет куды не надобно! Куды не положено. Куды не попадя! Мычит, что волк в кузню залез. Там энтому волку лапы и подковали. Ныне по Европе лапами-то бляцкает.

- Чего мелешь! Не бывать этому!

- Не бывать? А вон-та и бывать! Управы нет ни на кого. Творец нашей жизни ноне по бабам сохнет, да по злату-серебру.

- Сгинь, Петруха! Слушать тошно!

- Сгину, сгину, но вместе с вашим присутствием!

И тут Петруха вместе с барином в сундук ныркнули. А сундук замолчал и вновь стал мелким предметом.

- Глюки! - сказала Анна, пересев с кресла на диван. - Вот он - сундучок, стоит себе, как и прежде, в миниатюрном виде. А кричат, видно, в телевизоре. Я его не выключила.

Вечером, сидя за письменным столом и записывая очередную поговорку, что вылезла из извилин памяти, Анна ругала себя: - Может быть, достаточно выковыривать эти пословицы и людские высказывания? Экая невидаль! Кому они нужны? Неожиданно погас свет. Глянула Анна в окно: весь район погружен в темноту. Такой мрак. Небо затянуло тучами. Луна представлена узенькой полосочкой - месяцем. Анна на ощупь отыскала фонарик: пусть маленький, но светит! «Луч в темном царстве» сказок. Опасаясь за батарейки, зажгла свечу, тем более, что она всегда в подсвечнике, не беда, что оплавленная, оплывшая, приближающаяся к огарку. - А свет от свечи более яркий, чем от крошки-фонарика, пусть и желтоватый, - высказалась Анна.

По стенам комнаты заплясали темные блики. Но тут

неожиданно возник луч, он исходил от фонарика в соседнем доме. Луч вонзился в пляшущую черноту этих темных отблесков, стал тонким, сплющенным до тончайшей плоской иголки. Иголка вонзилась в скважину уже увеличившегося в размере сундука, крышка мгновенно откинулась, высветив лицо с седыми кудрявыми бакенбардами, переходящими в острую клиновидную бородку, в торчащие во все стороны пикообразными усами. На широком, чуть бугристом носу, на переносице, поблескивало пенсне - явный признак, что этот представитель из прошлого. Не замечая удивления и недоуменного взгляда Анны, незнакомец, похоже, продолжал читать лекцию невидимым слушателям.

- Вы думаете, что человек остановился в своем в прогрессивном развитии? Нет, конечно, от первобытного существа, своего предка неандертальца, кроманьонца он отличается и плавной развитой походкой, без раскачивания на широко расставленных, немного кривоватых ногах. Кстати, о ногах. У современных людей встречаются особи с кривыми ногами, как говорят, «ноги колесом». Ученые ссылаются на недостаток витамина «D». Но это совсем не так. Глубинная наследственность порой сказывается при формировании скелета современного человека. За многие тысячелетия многое в человеке изменилось. А вот размер его мозга не увеличился. Голова не стала больше, как и масса самого мозга. Вы удивляетесь тому, что человечество делает все новые и новые открытия, но ничего не изменяется в строении человеческой головы? Ответ один: в мозговой ткани издавна заложено все. Человек же пользуется только крохами своих возможностей. Поэтому, несомненно, всех ждут и еще более удивят изумительные открытия! А вы, ваятельница новых идей, уже это почувствовали? - и человек в пенсне прямо взглянул в глаза Анны, пронзив отблеском пенсне.

- Верно, - отозвалась Анна, - я порой удивляюсь самой себе! Это я о памяти. А что делается в науке? Я бы хотела вас спросить...

Но тут лампочки в люстре и других осветительных приборах засветились, наполнив темную комнату ярким электрическим светом. Узкий луч вместе с ликом в пенсне исчезли. Крышка сундука, довольно громко звякнув застежками, закрылась. Только свисавший с дужек замок как ни в чем не бывало слегка покачивался, словно на языке глухонемых говорил, что гость ушел в прошлое.

- Интересно, - подумала Анна, - в темноте разговаривала сама с собой, что ли? Или с гостем из прошлого? А, может быть, и не из прошлого? Кого из знакомых он мне напоминает? Кого-то из знакомых...

И как бы в подтверждение мыслей о современном, запел мобильник, предупреждая, что через секунду зазвучит героическая музыка и кто-то что-то сообщит, а вернее, спросит. Чаще ведь звонят, когда от тебя чего-то надо.

- Ты что делаешь? - спросили Анну.

- С сундуком разговариваю.

- С каким сундуком? У тебя в доме не только стоеросовая дубина, а еще и сундук появился?

- Появился! Причем с секретом.

- Знаем мы ваши секреты! Небось, что-то новенькое затеваешь? Так вот, оставь свой сундук, а можешь и с ним, приходи завтра на открытие выставки. Интересный художник: античный, заоблачный - космический.

Но тут разговор на полуслове оборвался. Разрядились батарейки.

- Совсем забыла! - вздохнула Анна. - Ведь звонили в мобильнике колокола, предупреждали. Да и связь оплатить небось пора, могут за неоплату отключить. Кончается запас монет.

- Несомненно, - вдруг откликнулся сундучок. - Опусти руку, пошарь, они там лежат.

Анна заглянула в открывшийся сундук и увидела мешочки. На ощупь сразу поняла, что в них - монеты. И, несомненно, старинные.

Старые деньги

На дне сундука действительно лежали три мешочка из холщовой ткани. По виду можно было догадаться, что они не из молоденьких. Но самое интересное, под ними Анна обнаружила старенькие ученические тетрадочки. Раскрыв одну, увидела отпечатки медалей, открыв другую - отпечатки старинных монет.

- Если есть отпечатки, значит, было с чего их делать? А где эти самые оригиналы? - спросила себя Анна.

Не будучи нумизматом даже на уровне школьника младших классов, поняла, что в сундуке ранее был склад этих древностей. И чем больше она об этом думала, тем яснее вырисовывалась картина смерти брата, коллекционера-международника. Истлел, лежа в ванне, предположительно от сердечного приступа, исходя из заключения судебной экспертизы того, что осталось от брата. Но где его коллекция? Ведь в квартире одиноко живущего старого мужчины не осталось даже рубля в российской валюте! Верно, это сделал племянник жены, что увивался вокруг и знал, где что и что почем. Доказательство? Так больше и не появился после гибели коллекционера. Есть же поговорка: «Туда, где гадят,

обедать не приходят». В открытых же Анной мешочках оказались пятаки, двушки, медные полушки, монетки как конца XIX, так и начала XX века, и советские монетки разного вида: от копейки до перестроечного рубля.

- Действительно, - подумала Анна, - история коллекционирования, жизненная, родственная - только ее история. Не случайно же старичок сказал: «Сундучок с секретами, многие из которых мне не известны. Для каждого человека у него припасен свой набор фактов».

- Когда же появился первый рубль? - задала Анна в тот момент себе вопрос. - Как помню, в книгах о деньгах, оставшихся после брата, было написано следующее: «Первый русский рубль был в виде удлиненного бруска серебра весом приблизительно в 200 граммов, грубо обработанным по концам. Появился он на свет в XIII веке. Наука знает об этом из летописей и еще одного источника - из «берестяных грамот». В 1951 году, где стоял древний Новгород, археологи нашли разного вида записи, сделанные в XIII веке на березовой коре. Там было написано: «Поклон от Матвия ко Есифу ко Давыдову. Вывези ми два медведна да веретища да попонъ. А к...ажь води по три рубля продай, али не водя продай». То есть «Матвей шлет поклон свой знакомому Есифу и просит привезти ему две медвежьих шкуры, веретий (грубой ткани) и попоны». А дальше он дает наставление: поторговавшись, по три рубля продай, а не торгуясь, не продавай.

Еще в письменах памятный рубль называется рублевой гривной. Гривенка изготовлялась так: отливался узкий длинный слиток серебра, зубилом рубился на части - гривны, весом приблизительно двести граммов. Эти гривны и назывались рублевыми (рубленными) или просто рублями. С того времени рубль равнялся 10 гривнам. Отсюда и пошла русская десятичная монетная система, которая существует и по сей день: 1 рубль равен 10 гривенникам; 1 гривенник - это 10 копеек. Делили рублевую гривну на две части, получали полтины, на четыре - четвертаки. Франки, марки, доллары, кроны, лиры, рупии, песо - деньги с такими названиями существуют в нескольких странах, рубль - только у нас. Это русская денежная единица».

- Что это я вдруг увлеклась историей денежных знаков? Даже вспомнила отдельные абзацы из книги, когда-то заученные наизусть? Вот ведь как мозг хранил то, что я считала безвозвратно забытым? Правильно говорил человек в пенсне о тайнах наших полушарий. Анна взглянула на свои руки, надеясь увидеть холщовые мешочки, в которых должны были быть старинные монеты. Но в руках у ней был только очень старый кошелечек, оставшийся от брата, в котором лежали с неровными

краями коричневого цвета денежки в виде чашуек. - А ведь они очень древние. В музей надо отнести, иначе совсем погибнут в этом истлевшем хранилище. Брат ведь нашел эти деньги и этот кошелек тверского купца еще будучи мальчишкой. И как это «потрошители древностей» кошелек у мертвого хозяина квартиры не заметили?

Анна полулежала на диване, крепко зажав памятную находку брата в ладони. Сундук же как ни в чем не бывало стоял на месте, даже не двигая амбарным замком.

В отдаленном высоком доме, словно светлячки в лесной чаще, всхлипывал островками свет в темных до этого окнах.

- Видно и там восстановили освещение, - подумала Анна и через оконное стекло взглянула на небо. Она ожидала узреть его ночным, сумрачным, но перед ней простирался голубой простор, похожий на океан, и она увидела огромный линкор, на котором ясно прочла слово «МАРАТ». По палубе в рабочем морском бушлате к носовой части судна шел высокий широкоплечий моряк. Светлые волосы, словно специально раздутые теплым встречным ветром, создавали что-то напоминающее ореол вокруг головы, похожий на те, что изображают на иконах вокруг лика святых. Моряк обернулся. Грустная улыбка на мужественном лице, крупные светло-голубые глаза, как у брата, смотрели не на Анну, а куда-то вдаль.

- Так это же мой отец! - Анна хотела назвать моряка по имени! Живым отца она не помнила, знала только по фотографиям. - Папа! - но слово застряло где-то на полпути в голосовых связках и не прозвучало. Моряк, повернувшись к морю, распластав руки, подобно крыльям, над безбрежной гладью воды, приняв луч солнца, протянул его дочери. На его широкой матросской натруженной ладони лежала крошечная девочка, точь в точь, как она на фотографии в младенчестве.

- Отец, не уходи, - прошептала Анна, - мне так не хватало тебя в жизни. Я знаю, ты умер под пыткой, мученической смертью, но ты оставил после себя свою плоть. Это я и мой брат. Но твой сын ушел из жизни, как и ты, я не знаю истинной причины его смерти. Прости умерших и живущих.

От последних слов лицо моряка сначала помрачнело, затем осветилось непонятной для Анны задумчивой улыбкой. В налетевшем шквальном ветре она вдруг увидела брата. Он лежал в ванне, изнемогая от боли, затем, взметнувшись, охваченный испепеляющим огнем крематория, был подхвачен широко распростертыми руками отца, балтийского моряка. Мрачные тучи стали заполнять пространство между светящейся гладью океана и высоким голубым небом. Грозовые раскаты взволновали воды и

огромные, пока покатые, волны цунами вдруг вздыбились. В ужасе, глядя на происходящее, Анна была готова погибнуть и быть с отцом и братом. Она торопливо перекрестилась и невольно взглянула на все еще одиноко горящую, почти догоревшую в подсвечнике, свечу. Свеча, выпустив струйку прощального дыма, угасла. Анна лежала на диване.

- Сундучок, это ты воскрешаешь чувствительные воспоминания? Может быть, достаточно моих слез, хотя их никто не видит, - с этими словами Анна накрыла сундучок старой бархатной скатертью.

Последняя страничка

- Вот что, - сказала Анна утром, обращаясь к сундучку. - Что с секретами и тайнами, я убедилась. Ты каким-то образом вторгаешься в психические процессы мозга, узнаешь болевые точки и демонстрируешь их. Я свои проблемы знаю, как и достижения с промахами. Спасибо за историческую мимолетную визитку с барином и Петрухой. Я поняла, говоря о них, ты имел в виду назревающие государственные проблемы. Ты не возражаешь, если я тебя передам, ты знаешь куда, как антиквар, как музейный экспонат. Только одна просьба: служащие в архивах и музеях люди на работе не спят, даже не дремлют, так как им приходится работать с документами, а тем более не фантазируют, по твоему выражению, «как сказочники». А еще просьба: не меняйся в размерах. Ты стар, а от этого можешь рассыпаться. Договорились?

Сундучок, прослушав довольно-таки длинную речь-наставление не ответил ничем, лишь только один раз скрипнул покосившейся внутри тканевой обивкой. Он был во всем согласен с Анной. Наверное, потому, что ему тоже, видно, надоело в его-то возрасте демонстрировать разные номерные фокусы.

С тех пор и живет тот сундук в музее Тверского быта. Зайдите, познакомьтесь. Возможно, отдохнув в музейной тиши, он еще и выкинет какое коленце.

Возможно, кто-то спросит: «А где прежний владелец - сухонький старичок?» Отвечу: «Это уже другая история».

Букет полевых цветов

Несмотря на свою основную профессию, Наталья больше ощущала себя не писателем, а художником и музыкантом. Вернувшись домой после очередной встречи с читателями, уютно расположившись в своем любимом обширном кресле, задумалась: почему она не занимается живописью? И почему не стала композитором? Ведь в ней всегда звучит музыка тех стихов, которые она пишет? Даже проза все время просится на основу музыкального сопровождения? События прожитого дня разворачивались перед Натальей подобно широкоформатному фильму. Словно она только что находилась в лесу.

Времени для начала встречи было предостаточно. Сойдя с автобуса, не доехав до места назначения, оказалась в лесочке, прилегающем к поселку. Любуясь природой, невольно вздыхала по уходящему лету. Конец августа. Зелень не столь ярка. По растениям видно, что подходит время скорого увядания. Но какие крупные здесь полевые ромашки! У многих белые лепестки по краям уже желтеют. А эта еще свежа! А вот и другая, и третья!

Разные дикорастущие цветы пополняли собираемую коллекцию. Получался очень красивый букет. - А почему бы на встрече с композитором не подарить букет из полевых цветов? - продолжала думать Наталья, пробираясь сквозь чащу кустов. Неожиданно, словно из-под земли, выросла фигура молодого мужчины. Улыбчивое лицо, ясные глаза, доброжелательный взгляд.

- Я смотрю на Вас и задаю себе вопрос, - заговорил незнакомец, - что за дама в нарядном платье, на каблуках, ходит по лесу? Несмотря на свою изящную обувь, шастает по кустам? Правда, нехорошо об этом спрашивать, но интересно, сколько Вам лет? - неожиданно с нескрываемым любопытством продолжил незнакомец. Наталья, лукаво взглянув на говорившего, подумала: если скажу правду, наш диалог прервется. А ей вдруг прерывать его не захотелось. Ему, видимо, лет сорок. Какой разрыв в годах!

Мужчина тоже стал собирать еще не увядшие соцветия. Букет увеличивался. Она же, принимая от незнакомца цветы, стала обкладывать собранную коллекцию широкими листьями, похожими на листья хрена. Пальцы руки уже с трудом обхватывали и еле удерживали стебли растений. Достав носовой платок и разорвав его до середины, скрутила в виде жгута, увязала букет, превратив его по форме в куклу-матрешку.

- Концерт в клубе дома культуры, наверное, скоро начнется, - высказалась Наталья, - надо спешить.

- Я, кстати, тоже туда, - сказал незнакомец.

К мосту пошли напрямик. На крутой насыпи видны еле различимые ямочки-ступеньки. Наталья понимала, что ей в туфлях на высоких каблуках вряд ли возможен такой подъем. Но незнакомец шагнул вперед и протянул руку.

Шаг за шагом они поднимались вверх. Эти минуты общения были такими ласковыми и приятными, что Наталья была готова идти по этой крутизне хоть целую вечность. Огромный букет, который прижимала одной рукой к груди, казался ей не букетом из полевых соцветий, обернутых в длинные листья дикорастущего растения, а букетом из желтых, оранжевых, розовых, голубых необычных заморских цветов и прекрасных роз. Какая-то любовно-трепетная аура окружила все ее существо.

- От чего возникло необъяснимое это чувство? От общения с природой? С лесом? Или причина в букете? А может быть, искреннее внимание человека, относившегося к ней с явной симпатией? Забытое чувство наполняло каждую клеточку увядающего тела.

А вот и Дом культуры, из которого выходят люди. Служащая перед входом в зал грубо выкрикивает: «Все, все! Встреча закончилась! Композитор больше не общается. Он устал!» К попутчику Натальи подбежал мальчик лет десяти.

- Папа, ты где был? Почему опоздал?

Наталья, последний раз взглянув на незнакомца, с которым так и не познакомилась, незаметно вышла через запасной выход.

- Что было со мной? Что произошло? Я ведь старше его лет на двадцать?

У крыльца ступеней не оказалось, как и самого крыльца. Впереди - пропасть. Глаза неожиданно раскрылись. - Это сон, - поняла Наталья. - Такой ясный, словно все случилось наяву, буквально минуту назад. Теплая волна все еще окатывала ее тело. На душе приятное спокойствие, чуть затуманенное грустью.

- Но откуда взялся этот букет из полевых цветов, что стоит на окне? Ах, да! Мне его подарили на встрече с читателями в сельском Доме культуры.

Ночной лес

На дворе последние дни августа. Скоро наступит осень, а я так и не была ни разу в лесу. А что если сейчас сяду на рейсовый автобус и доеду хотя бы до кромки? Одержимая возникшей идеей, не задумываясь, взяв с собой маленькую корзиночку, выскочила из дома.

- Вы никак в лес собрались? - спросила меня соседка по лестничной площадке - Ведь уже вторая половина дня!

- Да, хочу просто прогуляться.

Автобус, остановившись на шоссе возле густых зарослей малинника, просигналив, ушел по назначению.

- Пока он курсирует до дальней деревеньки, - подумала я, - поброжу среди деревьев, подышу атомарным кислородом. Может быть, и грибок какой найду? Незаметно углубилась в лес. Мне казалось, что я иду правильно в сторону шоссе. Стало темнеть, небо покрылось тучами, начал накрапывать дождь. Стволы берез, словно забинтованные, окружили меня со всех сторон. Небо стало еще более сумрачным. И тут я поняла, что заблудилась. В отчаянии шла то в одну, то в другую сторону. Вконец обессилев, села на мокрый пень. Чуть передохнув, снова пробиралась среди кромешной тьмы. Неясные очертания захламленных берегов привели меня к какой-то пристани. Когда же я подошла, то увидела совершенно пустой катер без единого огня. Катер медленно отошел от берега и исчез в темноте. Я ползла по каким-то рытвинам и ухабам. Неожиданно сбоку вспыхнула фара, на минуту осветив дорогу. О, ужас! Я увязла в придорожной канаве, ноги мои засасывала глина. Свет фар сверкнул в сторону. И снова тьма. Я брела непонятно куда. Вдруг на пути возник дом. На крыльце женщина с желтыми глазами взяла меня за руку и повела в помещение. Это было что-то похожее на больницу. За стеклами бились бабочки.

- Снимай серьги! - сказала женщина, глядя на меня немигающими ярко-желтыми глазами без блеска, в которых мерцали черные точки зрачков. Другая женщина втолкнула меня в комнату. Большие желтые бабочки хотели коснуться меня. Я в ужасе бросилась бежать, но только ударялась о стекла, как те, что были по ту сторону застекленной прихожей. Наконец, мне удалось... В одном месте я увидела, как в моем книжном шкафу, чуть раздвинутые створки, что ездили по полозьям, заходя друг за друга. Еще мгновение - и я на воле. Около подъезда меня окликнула женщина, тоже с желтыми глазами. В ушах у ней были огромные серьги из тончайшего металла, а на голове - рыжая

меховая шапка с козырьком. Женщина пыталась схватить меня. Неожиданно я вцепилась в ее ухо. Красивая огромная серьга оказалась у меня в ладони. Еще толчок в сторону от незнакомки, в руке - меховая шапка. Я бегу напрямик, попадаю в лабиринт труб и старых заборов. Ноги устали, перестают слушаться. Впереди что-то гудит. Машина? Я спешу туда. Из последних сил перекидываю ногу на днище кузова. Сапоги подбитыми гвоздями притянуты к настилу. Ясно! Они намагничены. Еще рывок, еще! Все бесполезно. Я в отчаянии мну железную серьгу, тонкую, как осенний лист, и обнаруживаю вдруг, что она превращается в большого желтого мотылька. Я начинаю мять рыжую шапку, дергать за уши и за меховой козырек. О! От руки моей взлетает ввысь сова с желтыми глазами. Сова несколько мгновений смотрит на меня. Я бросаю ей вслед мотылька. Все равно, ведь он мертвый! Но мотылек превращается в кленовый лист. Лист медленно кружится и ложится к моим ногам. Сова в ужасе взлетает и исчезает в темноте ночи. Ноги вдруг делаются легкими. Я из машины спрыгиваю на землю.

- Куда это ты забралась? - слышу мужской голос. - Сюда нельзя. Здесь нет дороги. Там, - машет он рукой на высокие перекладины, казавшиеся мне старыми трубами, - провода высокого напряжения. Убьет! Смерть! Видишь? Я смотрю: на столбе нарисованы череп, а под ним в виде буквы Х кости. Вокруг светает, поднимается солнце. Я сижу на пне. Вокруг березы. Их так много, и они так похожи друг на друга. И нет березам конца. Под ногами чавкает полувысохшее болото. Где корзинка с грибами? Да бог с ней! Главное - взошло солнце и осветило землю божественным светом. А уж по солнышку дорогу из леса найду. Где же я была этой ночью? Да нигде! Просто кошмарная дремота потерявшегося в лесу человека!

Планета созвездия «Сверкающих звезд»

Велена лежала в высокой траве, глядя широко раскрытыми глазами в такое далёкое и такое близкое небо, до удивления глубокое и синее. Взбитые до невесомой пены облака проплывали, не обгоняя и не торопя друг друга. В душе у девочки вдруг шелохнулось не то воспоминание, не то тоскливое чувство потери. Больше того, ей показалось, что когда-то она сама была частицей этих постоянно меняющих свои очертания пышных белоснежных глыб. Велена провела рукой по мягким кудряшкам, на мгновение прикрыла глаза. Видения, одно другого нелепее, заскользили по векам. Почти забытое ощущение возникло вновь. Тело вдруг приобрело удивительную лёгкость. Чей-то знакомый ласковый голос звал:

- Вселенная! Вселена! Велена! Ве-ле-на!...

Велена с усилием разомкнула веки. Огромная пухлая туча висела над землёй. Трава, как показалось девочке, плавно покачивала своими далёкими вершинами. Пушистая туча неожиданно разделилась на две половины и растаяла...

Велена поднялась с земли, оправила сарафан. На неё смотрели глазастые ромашки, знакомые душистые шарики красного клевера. Девочка улыбнулась стрекозе, кружившейся над высокими травинками, запрокинула голову, распахнула глаза. Небо отразилось в них голубыми озёрами.

На крыльце дома стояла встревоженная мать. Она всегда беспокоилась, если Велена задерживалась. На это Велена не сердилась, уверяя, что с ней ничего плохого не произойдёт. Любовь матери и девочки была необыкновенной. Соседка-старушка уверяла, что такая сильная привязанность погубит либо родительницу, либо ребёнка. А девочку она считала существом неземным, ангелом небесным.

Действительно, Велена была необыкновенной девочкой. Ласковой, словно летний ветерок, лёгкой, будто пушинка. От неё исходила необъяснимая сила обволакивания и тепла. Само её присутствие приносило успокоение, ощущение радости, вселяло бодрость. С детьми Велена не ссорилась, но и не играла в шумные игры.

К вечеру Велена почувствовала, что тело её вновь лишается веса. Ощущение было таким, будто внутри ничего нет. Словно она состоит из одних только глаз, смотрящих в мир. Удивительная лёгкость! Оттолкнись, взмахни руками и взлетишь пушинкой в неведомое.

Сегодня чувство было слишком ярким. Чтобы приглушить

возникшее непонятное ощущение, Велена накрылась толстым ватным одеялом. Огромная оранжевая луна висела у самой земли. Бледный свет падал на подоконник, свободно вливался через настежь распахнутое окно. Что было потом, Велена не могла объяснить ни себе, ни кому-либо другому. Никто бы и не поверил! Или подумал, что всё ей это приснилось! Или сказал, что Велена всё придумывает. Но Велена не выдумывала. Она сама не знала, что с ней творится.

Ощущение лёгкости с каждой минутой увеличивалось. Наступил предел. Чья-то тень скользнула по комнате, растворилась в лунном свете. Неведомая сила приподняла девочку, подхватила, закружила, понесла. Малейшее движение телом - лёгкий виток вокруг лунной дорожки, скольжение по тёмному таинственному небу. Внизу простиралась земля. Дома, словно муравейники, толпились кучками. В городе гасли огни.

Из пелены лунного света неожиданно близко возникло сияние ярко горящей звезды. От неё вдруг отделился огненный комочек. Ещё мгновение, и огненный ком приобрёл очертания ребёнка. Это был мальчик лет восьми-девяти.

- Я - Валентий, - выкрикнул мальчик. - Я с планеты созвездия «Сверкающих звёзд»!

- Ты Валентий? - удивилась Велена. - Уж не тот ли ты Валентий, о котором рассказывают чудеса? Ты случайно не огненный мальчик?

- Может быть, только это не чудеса, а всё правда. Стоит мне пристально поглядеть на что-то, как происходят разные несчастья. Загораются предметы, лопаются электрические лампочки, трескаются стёкла. Я приносил много горя всем, особенно маме. Она не знала, что со мной делать. Вот я и решил улететь на планету созвездия «Сверкающих звёзд». Дети бесследно не исчезают. Они просто переселяются на свои детские планеты. Ты тоже летишь к своей звезде?

- Не знаю, - ответила Велена. - Может быть. Но стоит мне слишком высоко подняться, как тут же я начинаю чувствовать притяжение, идущее от Земли. Да кто во всё это поверит?

- Как кто? Конечно, мама! Она должна поверить! - с жаром подхватил огненный мальчик. - Ты только моей маме ничего не говори. Обещаешь? Пусть она думает, что я сгорел в последнем пожаре. По ночам, в сполохах зарниц, я пролетаю над землёй. Прости, я не могу с тобой больше быть, кабы чего не натворить. Прощай! - и, превратившись в огненный комочек, Валентий стремительно слился с ярко горящей звездой.

- Прощай! - кричала вослед Велена, - я возвращаюсь на землю. Я должна вернуться.

Когда Велена проснулась, в доме никого не было. Ясное солнечное утро смотрело в окно. Неожиданно сама по себе отворилась дверь. Ласковый знакомый голос окликнул:

- Ве-ле-на!

Велена никак не могла вспомнить: чей это голос? Может быть, бабушкин? Но бабушка умерла почти два года назад.

Кто-то невидимый гладил Велену по кудряшкам, тихонько дул в затылок.

- Щекотно, - сказала Велена.

- Хорошо, не буду, - ответил мягкий тихий голос. - А ты хочешь побывать у меня? Посмотреть, где я обитаю?

- Как это? - не поняла Велена.

- С приближением сумерек прилетай на мою планету. Она из созвездия «Сверкающих звёзд».

- А кто вы? - чуть слышно спросила Велена.

- Не узнала?

- Хорошо, я постараюсь. Только у мамы отпрошусь.

- Мама встревожится и не отпустит, - голос вдруг умолк. По комнате прошёл словно лёгкий шорох. Хлопнула открытая форточка.

- Опять привиделось, - громко сказала Велена, откидывая толстое ватное одеяло.

День казался невероятно долгим. Велена и ждала, когда солнце сядет за пригорок, и томилась предчувствием. А мама задерживалась на работе, не приходила.

- Когда-то давным-давно, - думала Велена, - бабушка рассказывала о планете «Памяти». Бабушка уверяла, что существует такая планета среди созвездий.

- После смерти, - говорила бабушка, - душа человека - его дух, расстаётся с телом. На девятый и на сороковой день дух умершего ещё витает вокруг нас.

А через год душа покидает Землю, переселяется на планету «Памяти». Если человек добродетельный, вокруг него много доброго духа. Злой человек после смерти ничего не оставляет, - так рассуждала бабушка.

О других планетах созвездия бабушка ничего не рассказывала, как и о детских планетах. Велена стала забывать бабушкины рассказы и сказки.

Велена задумчиво глядела в бескрайнее вечереющее небо. Когда солнце зависло над горизонтом, а закатная полоска ещё не опоясала край неба, Велена почувствовала неожиданное смутное необъяснимое желание выйти из дома. Неведомая сила подтолкнула её к двери, вывела к сараям, где хранилось душистое сено. Неясные шорохи заполнили мир предчувствием каких-то

событий. Солнце вдруг стремительно опустилось за макушки деревьев. На фоне леса в бледном сиянии Велена увидела светящийся, слегка сплющенный сверху светло- розовый шар. Шар неторопливо плыл навстречу. И когда осталось метров десять, разделяющих Велену от необычного видения, шар как-то ещё больше сплющился, образуя вход. Неодолимая сила втянула Велену в него, наполнив розовым светом.

Велене показалось, что всё это длилось не более одной-двух минут. Розовый свет распался. Она шагнула в пространство. Тело было таким лёгким и таким пустым, будто его и нет. Одни только ярко-синие до голубизны глаза в полнеба давали знать, что она не растворилась, что она существует.

Перед Веленой плыла необыкновенная планета. Действительно плыла, так как всё стояло и двигалось. Высокие округлые купола с немыслимыми уходящими ввысь розовыми спиралями-крестами. Непонятные сооружения из блёклых пастельных расцветок материалов казались нереальными. Но они были. Они окружали Велену, двигались, увлекая за собой. В душе девочки шелохнулось не то воспоминание, не то забытое чувство: будто она была когда-то частицей этих постоянно меняющих своё очертание пышных глыб.

Неожиданно взору открылось огромное сооружение, перед которым простиралась широкая площадь со сверкающими иероглифами, таинственными светящимися знаками, исчерченная невероятными изображениями, штрихами, чёрточками, кружочками, эллипсами.

- Это - звёздный календарь «Планеты жизни», - вроде подумалось, вроде послышалось Велене, - хранилище законов движения созвездий, рождений и умираний планет Вселенной.

- А разве планеты умирают? - удивилась Велена.

- И рождаются, и умирают, но не так быстро, как люди, - послышался ласковый голос. - Но, умирая, они возникают в других созвездиях и мирах. Как и когда-то живший человек.

- А дворцы? - спросила Велена. - Эти круглые купола с уходящими ввысь спиралями-крестами? Эти непонятные сооружения? Что это?

- Это энергия всего жившего во Вселенной. Мировой океан живой энергии. Энергия, как и материя, бесконечна и разнообразна.

- Как это? - не поняла Велена.

- Вокруг всего живущего существует биополе. Чем больше у человека душевного тепла, тем больше этой биологической энергии. От прикосновения рук такого человека всё оживает, цветёт, наполняется трепетом жизни. И твоё биополе, Велена,

большое, тёплое, радостное. Ты сильная, добрая девочка.

- А не потому ли, - опять отозвалась Велена на свои мысли,- я порой теряю себя, делаюсь лёгкой и невесомой?

- Отдаёшь энергию, а потому и получаешь взамен ещё больше от Вселенной. Настоящее добро порождает только добро! Помни об этом. А теперь посмотри мой дом.

- Здесь вы живёте?

- И ты здесь будешь жить потом. Ты уже прожила почти все свои семь жизней, достигла совершенства.

- Я? - опять удивилась непонятным мыслям Велена.

Велена шла по площади, ощупывая пальчиками сверкающие угловатые бугорки, светящиеся линеечки. Легонько вплыла в распахнутые створы дворца, поиграла с розовыми лёгкими пухлыми непонятной формы предметами, засветилась всеми красками планеты.

- Отсюда на Землю ещё никто не возвращался в памяти, - вновь послышался знакомый голос. - Твой приход в этот мир - награда за доброе сердце. Но ты вернёшься и будешь помнить. Прощай!

- Уже? - попробовала робко возразить Велена, но, почувствовав лёгкое прикосновение ласковой руки, умолкла, прижалась плечом к белому пушистому облаку.

- Возьми розовый комочек с собой, верни радость живущим.

Велена вдруг почувствовала, что глаза её стали не такими широкими. Тело наполнилось чем-то тёплым, мягким и ощутимым. Неведомая сила повлекла Велену к светящемуся, чуть сплющенному сверху, светло-розовому шару. И через одну или две минуты, как показалось девочке, легонько вытолкнула на краю поля у кромки леса.

Румяный закат опоясал полнеба, сгущая сумерки.

Велена открыла глаза. Окна в доме не были зашторены. Около дивана стояла встревоженная мама.

- С тобой ничего не случилось? - спрашивали Велену мамины глаза.

- Нет, вроде... - отозвалась Велена, прижимаясь влажной щекой к маминой руке. - А где розовый комочек?

- Какой комочек? - не поняла мама.

- Комочек радости.

- Боже мой, комочек моей радости, - молвила мама, лаская девочку. - До чего же с тобой спокойно и радостно. О, Боже!

Загадки небесного замка

В раннее предрассветное утро темное небо стало окрашиваться в розовый цвет, словно его осветили чем-то ярким. Но свечение возникло не с той стороны, откуда должно было появиться солнце, а совсем с другой стороны. Земля еще спала, когда на холмы опускалось сотканное из золотых лучей непонятной формы пушистое облако. Облако легло на вершину одного из семи холмов и превратилось в небесный замок.

Никто из жителей ближайших и дальних селений не знал, как возникло сияющее днем и ночью необычное сооружение. Даже вездесущая ворона Карлуша и ее приятель старый ворон Каркун ни разу не пролетали над удивительным замком. Цветное покрывало окутывало строение, и всякое стремление когда-либо увидеть его ни к чему не приводило. Неведомая сила гасила желание подойти поближе. Но если кто и приближался, небесный замок сразу превращался в темную синеву, похожую на грозовую тучу.

Райн, Эмми и бабушка Рау

В небольшой деревушке, где домики отделены друг от друга садами и огородами, жили брат и сестра. Мальчика звали Райн, девочку - Эмми. Жили они с бабушкой - премилой старушкой, которую все называли матушкой Рау. Иногда вечерами матушка Рау, дети ее называли бабушкой Рау, рассказывала разные истории: о цветах, птицах, о том, что случается в мире, даже о двух воронах, которые живут на крыше сарая. Придумывала она или нет свои рассказы, дети не знали. Знали они только, что у них нет родителей, а матушка Рау - бабушка Рау - не совсем родная им бабушка. Расспросы о том, кто они и откуда, как и о том, кто ее родные, ни к чему не приводили. Всякий раз разговор об этом заканчивался тем, что старушка уходила в свою маленькую комнатку и закрывала дверь на ключ. Со временем об этом уже не спрашивали. К чему напрасные вопросы? Главное, все друг друга любили и помогали чем могли.

Матушка Рау занималась флористикой. Она, как и дети, выращивала цветы и делала удивительной красоты букеты, которые готовились на продажу. Дети относили их в город, где была небольшая цветочная лавочка, и букеты раскупались. А те цветы, которые оставались непроданными, высушивались, и матушка Рау превращала их во всевозможные причудливые картины и икебаны.

- Когда наступит зима, - говорила бабушка Рау, - а цветы в

саду и в поле уснут, людям захочется видеть красивое. Цветочные фантазии будут их радовать.

В ивовых корзиночках, мастерски сплетенных Райном, или на обтянутых тканью дощечках возникали изящные композиции из цветов.

Корзиночки бабушка Рау и Эмми украшали всевозможными высушенными травинками, веточками, корешками. Для их сбора дети отправлялись в лес, в поле, к ближайшему озеру, по берегам которого росло много молодых ив.

Но случались такие дни, когда бабушка Рау одна ранним утром с корзинкой цветов уходила из дома. Возвращалась назад всегда расстроенная и печальная. А как-то вернулась домой поздним вечером не только опечаленная, но и загадочная. Ничего не сказала детям, закрылась в своей маленькой комнатке изнутри на ключ.

Время в трудах и заботах пролетало быстро. Однажды, взяв большие бельевые корзины, Райн и Эмми собрались за полевыми цветами.

- Далеко не ходите, - напутствовала их бабушка Рау, - мир большой и всякий. И к дальним холмам не надо. Нельзя туда!

- Почему? Почему ты все время повторяешь: нельзя, нельзя? Люди говорят, там очень большое цветочное поле. Цветы на нем растут необычные. А еще говорят, что там много лет в зарослях стоит необыкновенный замок! - наперебой заговорили Райн и Эмми.

- То-то и оно, что все там необычное, - как-то странно взглянув на брата и сестру, вздохнула старушка. Замолчала, будто что-то вспоминая, ушла в свою маленькую комнатку и, чего она давно не делала, опять закрыла дверь изнутри на ключ.

- Люди о цветочном поле болтают разное! - продолжала разговор Эмми. - Плохие говорят плохое. Хорошие - хорошее. А мы что знаем? Что можем рассказать о нем?

- Не знаю, Эмми. Я же младше тебя на целых три года! Я думаю, надо просто сходить туда и все разузнать!

Ворона Карлуша и ее приятель старый ворон Каркун, сидевшие на краю крыши сарая, издали непонятные людям, но понятные им каркающие слова:

- Карр-кун! - прокаркала Карлуша

- Дарр! - ответил ворон.

- Это, кажется, то, чего мы ждали!

- Определенно то! - ответил старый ворон. - Определенно! Пора с этим разобраться.

- Так чего сидим? В путь! Карр!

Когда дети сошли с крыльца, Эмми обратилась к брату:

- А куда идти? Пусть я и старше тебя на три года, но не ведаю! Узнать бы у бабушки, так она закрылась в своей комнате. И, наверно, не разрешила бы!

- Следуйте за нами. Карр! - услышали они вдруг чей-то картавый надтреснутый возглас. - Мы покажем вам дорогу!

- Кто это? - стали спрашивать друг у друга брат и сестра. Но, кроме двух ворон, сидящих на краю сарая, никого поблизости не было. Не считая куриного цыпленка, клюющего крупу у крыльца.

- Это сказала ворона! Это она с нами разговаривает.

- Ты не ошибся, мальчик, - продолжала Карлуша. - Мы ваши соседи. Спасибо за угощения. Благодарствуем! А за добро чем надо платить, Карр-кун?

- Добром! - еще более картаво, еще более надтреснутым от долгого карканья голосом ответил старый ворон. - Мы здесь хоть и давно живем, но, к сожалению, не все знаем. Так в путь, милые дети? - сказав так, Каркун, а за ним и Карлуша сорвались с крыши и полетели в сторону семи холмов.

Цветочное поле

Сколько прошло времени, как дети покинули свой дом, сказать трудно. Ясно было одно: утро ушло в историю жизни, а полуденное солнце стояло в зените. Огромное цветущее поле открылось неожиданно. Оно были большим, благоухало всевозможными цветочными эфирами, словно здесь разлили многочисленные флаконы с духами. Но оно удивило не только разными красками цветущих растений, но еще и тем, что цветы в поле разговаривали.

Цветы были необычными - крупными и яркими. Особенно поразили детей соцветия красного клевера.

- Надо обязательно заготовить этих цветов.

- Обязательно, обязательно! - неожиданно заговорил с Эмми клевер. - Настойка из моих бутончиков - прекрасное средство для очистки сосудов, и от кашля помогает.

- Мы тоже людям нужны! - воскликнула белая пуговица тысячелистника, - особенно матушке Рау. Эта старая мудрая женщина, волшебница, совсем о нас забыла! А раньше мы часто виделись.

- Волшебница? - удивился Райн. - А в чем ее волшебство? Мы что-то не замечали.

Но цветы, словно не слыша вопроса, продолжали начатый между собой разговор. Один только мятлик воскликнул:

- Не знаете? О! Вы еще узнаете! Вот спросите у красной гвоздики. А лучше у желтоглазой ромашки!

- Только не у лекарственной! Не у лекарственной! Она все

путает, - подтвердил подорожник, кивая длинной палочкой с многочисленными семенами. - Или у белой звездчатки!

- Вот еще! - фыркнула красная гвоздика, не расслышав, о чем разговор. - Чем общаться с этой звездоносной, точнее, с мелкозвездной, вам лучше побеседовать с голубым колокольчиком. А я, пусть и без звезд, любой розе фору дам! Да я!.. Да я!..

- Что ты так раскраснелась, гвоздичка моя боевая? Я чертополох, мои цветы тоже на сиреневые звездочки смахивают, а семена маслице дают. Расторопшей меня величают! Масло мое все заживляет. Ну и что? Не кричу! Не шумлю! А твои отношения с белой звездчаткой, вот увидишь, умаслю!

Молодой репейник, возвышавшийся вместе с чертополохом на краю цветочного поля, взмахнув большими лопушиными листьями, тихо буркнул:

- И у нас есть цветы! Их в букеты тоже не берут. А жаль. Мы наверняка пригодились бы. Меня, репейника, лопухом величают. Но я не такой уж и лопух! Вот вцеплюсь в кудряшки этой девчонки, фиг оторвешь! Озорник я, но не злой.

Мои лопушиные листья, особенно с нижней стороны, мягкие, ласковые. От всех воспалительных хворей избавят! От ревматизма, болей в спине, в ногах. Правда, мальчик?

- Не знаю, - от неожиданного вопроса растерялся Райн. - У меня ноги не болят. Иногда, когда много бегаю, устают.

- А голова? - спросил лопух у Эмми.

- Эх! - молвила полынь. - Если вас всех слушать, то одной головы не хватит. Слишком много знаете, а еще больше болтаете, особенно когда ветер. Помолчите хоть минутку. Я вот что хочу сказать: все, что растет и живет, - не просто так. Все мы полезны и по-своему красивы!

- Верно, - отозвалась Эмми, прижимая к груди полевые цветы. - Ромашки, колокольчики, гвоздики, тысячелистник, клевер - прелесть. Нам с Райном этих цветов вполне достаточно. А еще у кромки леса, в корзинах, много разных веточек, сучков, корешков. Бабушка Рау будет довольна. Получатся такие красивые необычные картины - икебаны.

Разговаривая так с цветами и с Райном, Эмми запрокинула голову и посмотрела в небо. Над полем простиралось высокое нежно-голубое пространство. Белые кучевые, местами перистые облака были похожи на белоснежных лебедей. Распластав свои в удивительных пушинках крылья, небесные птицы медленно плыли по голубой глади.

- Райн! Ты взгляни на небо! Какое оно необычное, нежное! Какая красота! Мы ведь чаще смотрим под ноги, чем в небеса!

Прижимая к себе полевые цветы, дети незаметно подошли к краю цветочного поля - и тут увидели необычные ворота. Серебряные створы походили на два сверкающих полумесяца. Воздушная арка над входом, словно небесная закатная полоса, стала наливаться пунцовым густым цветом. Возвышающийся над воротами огромный купол необычного сооружения наполнился неясным мерцающим свечением. Серебряные половинки ворот медленно поплыли в разные стороны. Перед удивленными детьми возник обширный двор прекрасного небесного творения.

Вороны, указавшие детям путь к семи холмам, все время летели следом. Когда ворота распахнулись, птицы пытались проскочить над головами ребят. Но мощная струя воздуха отбросила их с такой силой, что не только влететь, но и удержаться на месте не хватило сил. И ураган унес любопытную пару за пределы цветочного поля. Придя в себя, старый ворон спросил:

- Карр-луша, что произошло? Ты поняла или нет?

- Поняла, - тихо ответила Карлуша. - Все поняла! Как и то, что дети, наши соседи, или в западне, или в прекрасной клетке, или... - Карлуша умолкла. Помолчав, добавила: - А ты успел через раскрытые ворота разглядеть, что там внутри?

- Только самую малость, - вздохнул ворон, - красиво, но непонятно.

- И я толком не успела. Опять одни сплошные загадки, и никакой ясности. Видимо, придется снова ждать. - Проговорив это, вороны сели на крутую ветку большого дуба, росшего поблизости.

Ураган, унесший далеко в сторону птиц, детей не коснулся. Они стояли у широко распахнутых необычных ворот.

- Вот это да! - воскликнул Райн. - Наверно, это тот замок, о котором рассказывают люди.

- Наверно. Но почему он не открывался никому? И вдруг...

- Не знаю. И чего стоим? - мальчик смело шагнул вперед, увлекая за собой сестру. Пропустив детей, ворота неторопливо и бесшумно затворились.

- Добро пожаловать! Добро пожаловать! - словно размытое какими-то подголосками, катилось по замку эхо, затихая в его высоких сводчатых белоснежных колоннах.

Двор воздушного замка

Тишина, окружившая детей со всех сторон, после говорливого цветочного поля была такой невероятной, что Эмми чуть слышно вымолвила:

- Так тихо, что можно оглохнуть.

- Верно, - шепотом подтвердил Райн, - тишина такая, что себя слышу.

Дворцовая площадь была застлана голубым ворсистым ковром. Орнамент по краям покрытия походил на буквы латинского, а, возможно, неизвестного детям небесного алфавита. Различные формулы и иероглифы причудливо располагались по всей поверхности ковра. Они то и дело сбегались и разбегались, словно сверкающие золотые мышки.

- Я не смею ступить на ковер, - опять еле слышно проговорила Эмми.

- И я, - так же тихо отозвался Райн. - Он такой чистый, а мы только что стояли на черной земле.

Но, глянув на свои ноги, дети с удивлением обнаружили на них изящные лакированные туфли. Вместо прежней одежды - блестящие сверкающие платья, украшенные изумрудными квадратиками и треугольничками.

- Что у тебя на голове? - со смехом спросил Райн сестру.

- А у тебя? - в свою очередь фыркнула Эмми. - Шапка! Какая смешная!

Головные уборы причудливой формы со множеством замысловатых рычажков и переключателей были действительно необычными. В небольших углублениях сверкали разной формы кристаллы.

- Что шапки! Смотри, все тут так здорово! - уже громче высказался Райн.

- Несомненно, - более сдержанно отозвалась Эмми. - Но нам, Райн, надо познакомиться с теми, кто все это создал. Долг вежливости - представиться. - И Эмми, взяв за руку брата, шагнула на ковер. Шагнула в неизвестность.

Музыка вселенной. Зал теней

Огромный сверкающий зал встретил гостей прекрасной музыкой. Звучали мелодии Чайковского, Рахманинова, вальса Мендельсона, отрывки из Марша победителей, музыка Баха, Бетховена, Генделя, изредка прорывались могучие отрывки из реквиема Моцарта - Лакриоза. Звучала лучшая музыка вселенной. Под ее звуки по залу скользили танцующие пары. А какие на них были костюмы! Парики! Украшения! Пары, сделав круг возле гостей, рассыпались на блестящие искорки, а затем возникали вновь из осколков света. Танцоры уплывали, словно тени от прекрасных статуэток, возвращались вновь и вновь исчезали.

- Бесконечный танец теней, но красиво! - молвила Эмми. - Но что это? Откуда все это? Как все это понять?

По блестящим стенам, переливаясь всеми семью красками, -

красной, оранжевой, желтой, зеленой, голубой, синей, фиолетовой - пробегали цветные радуги. Затем цветные полоски на одно мгновение сливались в одно целое, образуя дневной свет. Светомузыка дворцового зала так успокаивала и обволакивала, что не хотелось двигаться, покидать этот необычный музыкальный салон. Но стоять посреди зала с открытыми ртами было смешно. Поэтому Райн и Эмми направились к узорчатым дверям. По мере приближения высокие королевской красоты двери неспешно распахнулись, и дети оказались в другом зале. Но он был совершенно пустым.

Загадки небесного замка

- Вот это да! - снова, но не так уж весело рассмеялся Райн, когда узорчатые высокие двери неслышно сомкнулись. - Вот это прием! Ни хозяев! Ни гостей! Ни служителей замка! Даже присесть не на что. А ведь мы с дороги очень устали и проголодались.

- Потерпи, Райн! Ведь должно что-нибудь произойти!

И, действительно, произошло. На темной поверхности пола возникли сначала изображения стола со стульями, а затем и диванов, кресел с мягкими сиденьями и спинками, обитые блестящими шелковыми тканями. Через мгновение все рисунки превратились в реальные вещи.

- Здорово! - снова воскликнул Райн. - Я никогда не видел такой необыкновенной мебели.

- И я не видела такого красивого стола! - И тут Эмми обнаружила себя сидящей на стуле с высокой полированной спинкой, украшенной вырезанными из дерева садовыми цветами. А Райна - лежащим на мягком атласном диване. Затем на гладкой поверхности стола стали появляться рисунки ваз с садовыми цветами и фруктами, графинов с разными соками, всевозможных обеденных приборов и салфеточек. Изображения постепенно, как бы нехотя, стали расти, оформляясь в реальное объемное видение.

- Чудеса! - снова высказался Райн.

- Похоже, что все это нам? Райн, за столом не сидят в головных уборах, - сестра, а за ней и брат сняли шапки и потянулись к вазе, чтобы взять по румяному яблоку. Но как только они дотронулись до плодов, все мгновенно исчезло. Исчезла и еда, и мебель. Сами же они оказались сидящими на полу пустого зала.

- А где мой стул? - удивилась Эмми. Стул появился. Но стоило только девочке дотронуться до него, как он исчез.

- Ну и шуточки! Но забавно! - засмеялась Эмми. - Давай,

Райн, что-нибудь напридумываем! Я, например, хочу, чтобы ко мне пришла моя кошка Дуруся.

- А я хочу увидеть мышку Лушку, что живет в нашем подполе.

Не успели дети закончить излагать свои пожелания, как в зале появилась кошка Дуруся, бегающая за мышкой Лушкой. Но стоило только Эмми прикоснуться к пушистой шерстке своей любимицы, как кошка и мышка исчезли.

- Какой интересный, необычный этот замок, все кажется по-правдашнему, но все понарошку! - говоря так, взяв свою шапку, лежащую на полу, Райн подошел к двери, ведущей из зала, и толкнул ее. В одно мгновение исчезли и Райн, и дверь, до которой он дотронулся. А вместо нее появилась разрисованная радужными красками стена.

- Райн! - закричала Эмми, - не надо шутить! - девочка бегала вдоль цветной стены, искала дверь, звала брата: - Негодный мальчишка! Вернись! Где ты? Мы больше не играем! - В ответ была тишина, от которой закладывало уши.

- Что мне делать? - спросила неведомо кого испуганная девочка. - Я одна! Райна нет!

Но ей никто не ответил. Посидев некоторое время в абсолютной тишине, немного успокоившись, Эмми начала усиленно думать:

- Что в этом замке не понарошку? Ну, конечно! Как я могла забыть?! Наши полевые цветы: ромашки, колокольчики, гвоздики, тысячелистник, красный клевер! Мы положили их на край голубого ковра. Где теперь они?

На темной поверхности пола появились рисунки хрустальных и фарфоровых ваз, полевых цветов. Затем изображения превратились в реальное видение. Но стоило только Эмми дотронуться до лепестков, как вазы исчезли, а цветы, еще мокрые от воды, в которой они стояли секунду назад, лежали на полу у ног девочки.

- Это замечательно! - закричала от радости Эмми. - Живые существа! Хоть что-то живое!

- Мы не что-то! - гордо промолвила красная гвоздика. - Мы представители цветущего поля Земли! Но в вазе с водой нам было неплохо.

Цветы по-прежнему были свежими, еще более красивыми, благоухали и продолжали разговаривать.

- Удивительная хозяйка этого замка! - говорила белая ромашка. - Все время вертится возле зеркал, платья примеряет, украшенные цветами из сада. Петь не умеет, а мечтает о хоре девочек и мальчиков. И чтобы было много-много полевых цветов, как в нашем цветочном поле. Но их никто не приносит! Мы,

кажется, первые. Я не говорю о садовых цветах. А как они попали сюда, ума не приложу!

- И принц с причудами! - высказалась красная гвоздика. - Ему еще бы научиться и тучи грозовые рисовать кроме цветочных картинок.

- А что делать? - вздохнула ромашка. - Хозяйка - принцесса небесная - приказала. Вот он и старается. И наших сборщиков цветов срисует, как нас срисовал. Уж точно. Вы заметили, этот принц в какой-то глазок, что на его широкой шляпе, часто смотрит.

- Заметили, заметили, - перебила ромашку гвоздика. - А когда принц собирается детей срисовывать?

- Да кто его знает! - мягко хлюпнул соцветиями красный клевер, так как в его венчиках осталось немного воды.

- А вот меня принц срисовать в точности не смог! В моих соцветиях слишком мелкие и сложные узоры. Большое количество восьмилепестковых цветочков. Поэтому мои цветочки на первый взгляд похожи на белые пуговки!

- И листочки у тебя, тысячелистник, мелкие. Ты не обижайся, это правда. А я на удивление получилась такой крупной, ярко-красной махровой гвоздикой! Просто загляденье. Показаться не стыдно. У принца бывают талантливые минуты - минуты вдохновения.

- Я тоже неплохо получился, - признался голубой колокольчик, - только тихий какой-то, словно в горе.

- А моя букашечка уселась у принца на кисточке! - весело захлопала лепестками белая ромашка. - Как принц испугался-то! Видимо, ничего подобного не встречал. Да где ему было видеть наших земных насекомых?! Они же с цветками в хоботке в ворота не влетают? Куда моя букашечка теперь уползла...

- Да у меня в пушистом венчике зарылась, - успокоил ромашку красный клевер. - Спит себе в луже, будто все это ее не касается. А вот мальчика и девочку, принесших нас сюда, возможно, здесь оставят.

- Все так, - вздохнула ромашка. - Наше цветочное поле - это реальность... А тут... нас срисовали. Увянем. Пока живые. Но стоит только дотронуться - и нет тебя... - И цветы, повздыхав, умолкли. Через некоторое время они продолжили свой разговор, но говорили так тихо, что Эмми почти ничего не услышала.

- Почему детей, как и нас, впустили в замок? Раньше ведь он никому не открывал свои серебряные створы? - еще тише спросил колокольчик.

- Вы разве не знаете, - уверенно, но так же тихо заговорил тысячелистник. - Ворота открываются всем, кто приносит цветы.

Дети, не ведая об этом, подошли к замку с букетами. Даже эти две старые вороны, много лет летающие вокруг нашего цветочного поля, не догадывались взять в клюв хотя бы по одному цветочку! А ведь всё спрашивали: «Крак! Крак! Как влететь? Как разузнать?» - тысячелистник вдруг заговорил так громко, что Эмми расслышала последние слова: А их, этих ворон, все выталкивали силы!

- Какие еще силы? Зачем и как выталкивали? - не выдержала Эмми, услышав часть цветочного разговора. До этого она боялась произнести хоть одно слово. Ей надо было узнать то, что знают цветы о замке. Потому и молчала.

- Какая сила? Известно какая! - продолжал тысячелистник, - хозяйки в шляпке с огурцами на макушке. У нее и платье с помидорами и баклажанами по подолу.

- С какими еще огурцами? - удивилась Эмми. - Таких шляп не бывает!

- А такие, как у тебя, бывают? - снова заговорил тысячелистник.

Эмми знала, что в руке у нее шапка необычной формы, но как-то из-за смены событий подзабыла. Эмми водрузила необычное творение шляпочных мастеров себе на голову.

- Вот что, - сказала девочка цветам, - вам нужна вода, чтобы не увянуть. Видно, мы все не скоро покинем этот замок. Хотя вы сказали, что мы здесь, возможно, останемся. А вы, случайно, не знаете, где хранятся вазы и где взять воду?

Тут снова появились вазы с водой. Эмми поставила букеты в воду. Из соцветия красного клевера поспешно выползла любимая букашечка белой ромашки. Сладко потянувшись, быстро отползла от нарисованного сосуда и уселась на шапке, которую Эмми, сняв с головы, держала в руках. Девочка стала внимательно рассматривать головной убор. Многочисленные замысловатые рычажки и переключатели, небольшие углубления с прозрачными кристаллами украшали его.

- А ты покрути рычажки-то! - сказала букашечка, повертев вокруг своей маленькой головки тоненькими усиками. Затем добавила: - Наши цветочки уже меньше благоухают. Значит, вянут...

- Вянут, - согласилась с букашечкой Эмми, не удивляясь тому, что и букашка разговаривает. - А я чего жду? - спохватилась Эмми. - Шляпку с огурцами и баклажанами. - И Эмми крутанула красный рычажок так сильно, что один из кристаллов вспыхнул и сгорел. На его месте возникло свечение, похожее на луч дневного света. Затем образовалось небольшое круглое окошечко, подобное хорошему дверному глазку. В него Эмми и заглянула.

Что увидел Райн, оставшись один

Толкнув дверь и исчезнув вместе с ней, Райн совсем не почувствовал своего перемещения. Он только был удивлен тем, что находится в небольшой, довольно-таки темной комнате. И еще тем, что нет рядом сестры.

- Что случилось? - подумал Райн. - Где Эмми?

Не теряя времени, он стал осматривать помещение. В одном месте на полу обнаружил отверстие, наспех заколоченное тонкими досочками. Оторвав их, мальчик оказался в необычной комнате. Комната была узкой и длинной, сплошь заставленная многоярусными кроватками. На кроватях лежали и сидели дети разных возрастов: от бесформенных, еще молчаливых полумладенцев до способных что-то лепетать. Один из малышей беззвучно открывал рот и глядел на вошедшего круглыми небесно-голубыми глазами. Увидев Райна, дети разом заговорили. Только о чем, невозможно было понять. Один сплошной детский лепет.

- Вы чьи? - спросил Райн. - И где ваши мамы?

Дети, словно по команде, замолчали. Они, видимо, не понимали вопроса. Только один, самый старший из них, сказал:

- Они не знают, что такое мама. Но моя мама завернула меня в тряпку, выбросила в контейнер - ящик с мусором. И я умер. Мы все - мрачная картина этого замка. Мы живем только в воспоминаниях. Положи к моим ногам два колокольчика, пожалуйста...

- Пойдемте со мной! Пойдемте! - закричал Райн. - Я отведу вас к нашей бабушке Рау. Она что-нибудь придумает! - Райн, уронив с головы шапку, схватил малыша за руку. Мгновение - и все исчезло. Комната опустела. Ни многоярусных кроваток, ни детского лепета. Тишина, от которой можно оглохнуть, сойти с ума, наполнила мрачное помещение. Только два голубых нежных колокольчика лежали на сером полу комнаты. А чуть дальше - необычный головной убор Райна.

- Что это было? Почему так? - закричал Райн. - Эмми, где ты? Мне страшно!

Схватив шапку, Райн выбежал из комнаты. Он мчался какими-то коридорами, попадал в тупики, снова бежал, пока не оказался в еще более странном зале.

Зловещие тени скользили по стенам, метались отблески огня от костров без запаха дыма. Слышались бряцание оружия, одинокие выстрелы, автоматические очереди, победные крики воинов, свист пуль и снарядов, вой падающих бомб и грохот разрывов. И вдруг в наступившей тишине стали возникать холмы

и холмики с крестами и без крестов, с надписями и без надписей. Курганы и маленькие могилки.

- Зал памяти воинам? - удивленно тихо вымолвил Райн. - Надо положить цветы. Но где взять гвоздики? Они остались там, у серебряных ворот замка, на голубом ковре. К великому удивлению Райна, цветы появились и легли на мраморные плиты. Райн хотел провести рукой по надписям, но подумал: - Могут исчезнуть. Мне бы сейчас кусочек черного ржаного хлеба военного времени, о котором рассказывала бабушка Рау. Помянуть бы павших! А еще бы солдатскую кружку козьего молока от бабушкиной козы.

Появился и хлеб, и солдатская кружка, полная молока. Но все было призрачно. Покидая необычный зал памяти солдат всех времен, Райн не оглядывался. Хотел верить, что все не исчезнет. А вслед звучала музыка из реквиема Моцарта - Лакриоза.

- Я хочу вернуться в тот зал, где танцуют пусть тени, но тени людей! - воскликнул Райн.

На гладкой стене распахнулись высокие, похожие на королевские узорчатые двери. И Райн увидел Эмми.

- Эмми! - закричал мальчик и подбежал к сестре. Но как только он коснулся ее прелестного платья, Эмми исчезла.

- Что это за фокусы? - сначала закричал, потом от бессилия заплакал Райн. Он был храбрым, сильным, умным, но еще маленьким мальчиком. А прекрасная музыка вселенной все звучала и звучала. Призрачные пары продолжали свой бесконечный танец теней прошедших времен.

Мастерская небесного принца

- Как же мне найти сестру? Куда пойти? - думал Райн, глядя на танцующие пары.

Неожиданно из боковой, мало заметной дверцы показалась узкая, как тонкий стебелек, высокая прозрачная фигура. Незнакомец поманил Райна длинным, словно школьная указка, пальцем. Не понимая, что происходит, Райн пошел за ним. И оказался в большой мастерской, уставленной мольбертами, широкими вазами с кистями и красками, с подставками для статуэток. Тонкий длинный незнакомец жестом указал Райну на высокий помост, взял кисть и стал рисовать. И тут Райн увидел свое изображение. Оно появилось на противоположной стороне мастерской. Художник взял предмет, похожий на огурец, и провел вокруг изображения Райна овал, потом по блестящей пустой стене. И вновь, к великому удивлению, Райн увидел себя не в одном экземпляре, а в бесконечном количестве. Все мальчики были как две капли воды похожи друг на друга и на Райна.

Увидев это, Райн неожиданно для себя вдруг рассердился, соскочил с постамента, на котором сидел, подбежал к незнакомцу и швырнул в него шапкой. Как только шапка коснулась художника, тот исчез. Вместе с ним исчезли и все изображения мальчиков на стене.

- Хор мальчиков, - засмеялся Райн. - Певческое поле воздушного замка. Но я же не певец? Хотя хожу в музыкальную школу. Если бы они об этом знали, то... А кто они? И зачем они рисуют меня в таком количестве? И куда подевался этот длинный? Как мне надоел этот необычный дворец со всеми непонятными делами. И чего им надо от нас? Хочу найти Эмми! Хочу домой к бабушке Рау. У нас совсем другая жизнь. Слышите? Вы все черное рисуете, а у нас много светлого! - прокричав так неизвестно для кого, Райн стал про себя думать:

- Сначала надо выйти к воротам. Но как? Шапка, пожалуй, пригодится, - и надел головной убор. Он не говорил вслух, но его желание тут же исполнилось. Райн оказался на голубом ковре перед закрытыми воротами замка.

Костюмерная небесной принцессы

Взглянув в круглый глазок, Эмми увидела необычной красоты светлый зал, по стенам которого были развешаны разного цвета платья: голубые, розовые, сиреневые, красные, оранжевые, зеленые, фиолетовые. Были платья и темные, и даже черные. Если бы Эмми стала рассказывать кому-либо о них, ей бы не удалось передать словами всех оттенков тканей, из которых были сшиты одежды. Но что поражало, так это украшения из живых цветов. На одних платьях красовались розы, ландыши, георгины, хризантемы, нарциссы. На других - садовые незабудки, астры, цветки календулы, всевозможные махровые маки и даже соцветья подсолнечника. Нижнее белье, разложенное по спинкам кресел, также было украшено цветами. Возле платьев стояли лакированные и замшевые туфли разного цвета. Эмми смотрела и не могла наглядеться. Ей захотелось войти в необычный зал-костюмерную и примерить хотя бы одно из платьев. И тут произошло невероятное: что-то черное закрыло глазок, через который смотрела Эмми. Дверь исчезла, и девочка оказалась по другую сторону стены. Длинная тень, одетая в черное платье, появилась из-за кресла. Большая широкополая шляпа закрывала лицо незнакомки. На шляпе действительно были предметы, похожие на огурцы, а подол черного звездного одеяния украшали изображения, очень напоминающие помидоры и баклажаны.

- Небесная принцесса! - взволнованно подумала Эмми. - Вот ты какая!

С молчаливого согласия хозяйки замка Эмми села на высокий постамент. На нее направленно смотрели зрачки овощей, находящиеся на шляпке и на платье принцессы. Перед глазами поплыли круги, квадраты, прямоугольники. Затем в комнату влетел цветной комок, превратившись в длинного художника. Что произошло дальше, Эмми никогда потом не могла вспомнить. Когда же она открыла глаза, то ни хозяйки - небесной принцессы, ни ее платьев, как и художника, в помещении не было. Но на стене зала появились изображения девочек, как две капли похожих друг на друга и на Эмми. Через мгновение близняшки превратились, как и все ранее, в реальное видение. На девочках были платья из необычной костюмерной: разные, яркие, прекрасные платья, украшенные садовыми цветами. Эмми коснулась нежного шелка, лепестков роз и других украшений на платьях девочек, но ничего не исчезло. Потом на другом краю возвышения, похожего на театральную сцену, появились сначала изображения, затем много-много мальчиков. Они так же точно копировали Райна и друг друга. Все были одеты в строгие черные костюмы, только вместо пуговиц на белоснежных рубашках - изящные цветочки-пуговки. Ни галстуков, ни театральных бабочек. На головах детей возвышались, как у Эмми и Райна, замысловатые головные уборы. А вокруг простиралось цветочное поле. Цветы были даже на стенах и на потолке зала. Но они были более крупными, чем обычные полевые. Зазвучала приятная тихая небесная музыка. Девочки запели, а точнее, распевно задекламировали:

- Туман по травам мягким плыл, вздыхало озеро лесное, / Травы дурманный дух бродил и усыплял вокруг земное...

- Играла ночь. Затихло все во власти музыки печальной, - подхватил высокими голосами хор мальчиков. - Заря в небесное окно пришла нежданно гостьей дальней.

Эмми подошла к одному из певцов, коснулась черного костюма. Хор продолжал звучать:

- Ночь встрепенулась, замерла, замолкла музыка ночная...

И неожиданно хор продолжил пение, напоминающее высокий, тихо звучащий свист.

- Что вы так грустно поете? А теперь и на непонятном языке! - удивилась Эмми. - Хоть и похожи на меня и Райна, но, видимо, другие. - И Эмми запела веселую песенку. Как только зазвучала жизнерадостная мелодия, все вокруг преобразилось. Было похоже, что стены зала растворились в огромном цветущем поле. Гвоздик, ромашек, колокольчиков, ярких тюльпанов, синих васильков, желтых одуванчиков делалось все больше и больше. Крупные сиреневатые граммофончики вьюнков обвивали стебли трав и

хлебных колосьев. Платье Эмми стало украшаться яркими в перламутровых росинках полевыми цветами. Все танцевало и пело. А над всем этим великолепием жужжала любимая букашечка белой ромашки. От солнечных лучей ее прозрачные крылышки переливались цветными радугами. Эмми продолжала танцевать и петь:

- Цветы весь луг усыпали, жужжит над клевером шмель. / Так пахнет душистой липою, так пахнет смолою ель. / А небо такое синее, а солнце такое яркое...

Она пела и танцевала. Была увлечена и не заметила длинной тени небесной принцессы. Хозяйка воздушного замка смотрела на происходящее через полупрозрачную пелену. А предметы на шляпе, напоминающие огурцы, и помидоры с баклажанами по подолу платья делали свое дело. Их сверкающие зрачки-кристаллы записывали в неведомую книгу все, что происходило с участием девочки. Сбросив с головы мешавшую танцевать шапку, Эмми стала подбегать и дотрагиваться до хористов. Мальчики и девочки в прекрасных костюмах и головных уборах исчезали. А на полу на возвышенности, напоминающей театральную сцену, оставались лежать лишь увядшие садовые цветы да маленькие изящные цветочки-пуговки тысячелистника с белых рубашек маленьких певцов. Настоящего Райна среди них не было.

- Что произошло? - задала себе вопрос Эмми. - Нас, значит, как говорили цветы, срисовали? Но почему срисованные изображения то исчезают, то нет? Как же я не догадалась? - вдруг удивилась своему открытию Эмми. - Все дело в этом головном уборе. Если он на голове, все, что нарисовано, не исчезает. Если нет шапки, то все при прикосновении пропадает. Остается лишь натуральное - существующие вещи, цветы, люди. На шапке есть рычажки и переключатели. Я нечаянно сожгла один и потому увидела то, что хозяйка - небесная принцесса с помощью художника-принца срисовала для себя. Значит, надо изучать шапку снова! - Решив так, Эмми стала рассматривать ее более тщательно.

Новая встреча и что случилось потом

Решив, что шапка обладает волшебными свойствами, Эмми стала крутить один из рычажков с голубыми крапинками на остренькой ручке. И опять случилось то же самое! Рычажок сломался. Но вместо окошечка, похожего на дверной глазок, раздвинулась стена и открылась панорама. Словно это была живая картина: ярко светило солнце. Облака белыми глыбами висели над большой площадью, где скопилось много народа. Мужчины, женщины и дети куда-то спешили. Только одна дама в

цветном платье будто не торопилась.

- Успеем, - говорила она молодой паре, держащей на руках девочку и совсем крошечного мальчика. - Не надо спешить! - Но ее не слушали.

Вдруг неведомо откуда налетевший черный ветер заполнил живую картину мраком, среди которого видны были лишь лица детей и женщины в цветном платье. Все остальное погрузилось в сплошную тьму.

Эмми почувствовала и услышала, что кто-то резко, словно это были металлические жалюзи, задвинул стену. Узкая длинная тень в черном звездном платье, пролетев над Эмми, провела почти невидимой рукой над головным убором девочки. От всего случившегося Эмми не могла прийти в себя.

- Что это было? Кто эти мальчики и девочки? И женщина в цветном платье? Наверное, с ними случилась какая-то беда? Я вижу, а помочь не могу! Какой чудной этот воздушный замок! Все здесь такое непонятное, будто я сплю, а не существую. Эмми пыталась повернуть другой, не сломанный рычажок. Но он не поддавался. Не двигались и третий, и четвертый. Не работали и переключатели. Один лишь многоцветный кристалл смотрел очень выразительно из квадратного углубления. И, как показалось Эмми, издавал непонятные звуки. Звуки походили не то на плач, не то на смех, а, возможно, и на тихие вздохи.

- Что за дела! - рассердилась девочка. - Все такое странное! И все так меняется. Райн еще куда-то подевался. Где теперь ваза с нашими полевыми цветами? А еще найти бы краски и кисти. Когда-то я ходила в кружок рисования. Я тоже бы их срисовала.

Тут появились и кисти, и необыкновенные краски, и луговые цветы в вазах.

- Попробую изобразить, например, тебя, красная гвоздика, - обратилась девочка к цветку, стоящему в вазе.

- Но меня уже нет, - вздохнула гвоздика. - Мы остались там, возле воинов, у могил и обелисков.

- У каких могил, у каких обелисков? - не поняла Эмми.

- Да у тех, где стоял Райн. Он и положил нас на мраморную плиту. И колокольчиков нет. Они остались с детьми.

- А где тысячелистник и белые ромашки?

- Тысячелистник на рубашках - вместо пуговиц. Одна только белая ромашка жива, но и она вянет.

- А в вазе вы такие свежие!..

- То в изображениях. Я, хотя и боевая красная гвоздика, ничем не могу тебе помочь, кроме совета. Нарисуй солнце. Оно похоже на меня и на ромашку: такое же круглое, яркое.

И Эмми, взяв в руки кисть, используя удивительные краски,

принялась за дело.

Через некоторое время на стене засияло золотое солнце. Яркие лучи осветили потемневшее от времени помещение, наполнили замок слепящим золотым солнечным светом.

- А если я сниму шапку, - спросила Эмми, - все исчезнет?

- Свет не уничтожить! Свет - это не изображение, а реальность, - ответила гвоздика. - Пусть ромашка проверит: дотронется, желтоглазая, до солнца хоть одним лепестком.

- А я не сгорю? - усомнилась нежная робкая ромашка. - Я и так почти увяла.

- Один лепесток - еще не весь цветок, - печально улыбнулась красная гвоздика. - Не трусь!

Эмми сняла шапку, чтобы убедиться, что солнце светит. Солнце не исчезло. Но вазы с цветами не было. Лишь одна полуувядшая белая многолепестковая ромашка была в руке у девочки.

Эмми вновь была встревожена. Одни цветы исчезли, другие увяли. Нет ничего, кроме этой полуживой ромашки. Где Райн, неизвестно. Как вернуться домой, тем более, без брата, Эмми не представляла. Связь с замком только через сломанный аппарат - головной убор. Да какая там связь? И что думает хозяйка - небесная принцесса и художник-принц? Позвать матушку Рау? Ведь появились же кошка Дуруся и мышка Лушка? Но это лишь их изображения. Нет. Одно остается: надо попытаться вернуться к воротам, через которые вошли в замок. Может быть, и Райн догадался это сделать?

Как только Эмми подумала о воротах, она оказалась на голубом ковре, застилавшем двор перед замком. На ковре был тот же орнамент, похожий на буквы небесного алфавита. Только не было сверкающих золотых мышек, шмыгавших ранее между крупными ворсинками цветного покрытия. Возле колонны замка сидел Райн.

- Эмми! - закричал Райн, увидев сестру. - Я тоже оказался здесь!

- Райн! - кинулась к брату сестра. - Сними шапку!

- Зачем?

- Я боюсь, что ты исчезнешь!

- И я!

Но боязнь снова потерять друг друга не помешала им обняться. Они даже забыли про свои головные уборы. Но, к удивлению, ничего не произошло. Перед детьми возникли серебряные ворота, створы которых были похожи на два сверкающих полумесяца.

- Если дотронуться до них, они исчезнут! - сказала Эмми. -

Как и всё в этом замке. Ты касайся ворот, я стены. Давай! Раз, два... - Но ни стена, ни ворота вопреки, казалось бы, проверенному опыту не исчезли. Мало того, вместо ворот возникла сплошная уходящая в небо голубая ограда.

- Ну и дела! Снова проблемы! - вздохнул Райн. - Одно хорошо: мы вместе. И когда все это кончится?

- Я думаю, все дело в этих головных уборах! - продолжала Эмми. - Их снова включили и переключили на новую программу. Ну их! - И дети швырнули шапки на голубой ковер, выстилавший двор. Шапки исчезли.

Неожиданно откуда-то вырвался солнечный луч и осветил брата с сестрой. Блестящая одежда ребят, украшенная изумрудными квадратиками и треугольничками, заискрилась так, будто на них были не геометрические фигурки, а зажженные бенгальские огненные образования.

- Эмми! - закричал Райн. - Ты вся светишься!

- А ты, Райн, горишь! Тебе не больно?

- Совсем нет! Смотри, Эмми! На белых колоннах от наших искр появились ступени! Может быть, это дорога из замка в цветочное поле?

Не раздумывая, увлекая за собой сестру, Райн смело шагнул на движущуюся ступенчатую дорожу, стремительно понесшую их под свод замка. Через мгновение ребята оказались в пространстве, наполненном плотным молочным туманом. Туман постепенно таял, обнажая полуовальные, похожие на столы поверхности, на которых мягко светились разноцветные кнопки разной формы, непонятные буквы, значки. Пунктирные дорожки, пересекая друг друга, скользили по невидимым стенам и прозрачному куполу. Над воздушным замком мигали далекие звезды Вселенной.

- Мы среди приборов! - удивилась Эмми. - Да это небесная карта! Смотри, Райн, картина! На ней наше селение. Но оно совсем другое: большие высокие дома и парки! А что стало с нашей оранжереей, цветочным полем?

- Все зависит от вас. И только от вас. Может быть, вы желаете покинуть земную планету и улететь с нами? - глухое звуковое эхо, похожее на дальние раскаты затихающей грозы, наполнило зал.

- А как же бабушка Рау? - растерянно проговорила Эмми. - Мы так не можем.

- Конечно, не можем! Мы земные! - решительно высказался Райн. - А почему вы сами не покинули замок и не познакомились с нашей планетой?

В ответ возникла оглушительная тишина. Густой молочный туман снова заполнил все пространство. А когда растаял, на

Эмми и Райне была прежняя одежда и обувь.

- Райн, мы в цветочном поле! Море цветов вокруг нас! Они, как и раньше, перешептываются между собой - разговаривают.

Дети оглянулись, чтобы посмотреть, что стало с замком. В вечерних лучах заходящего солнца сотканное из золотых лучей непонятной формы пушистое облако, оторвавшись от вершины одного из семи холмов, плыло в вышину, оставляя за собой прозрачное изображение. Голубая арка над серебряными воротами, похожая на два полумесяца, светилась и сверкала.

- Скоро наступит ночь! - молвила Эмми, пытаясь оторвать свой взгляд от неба. - Надо возвращаться.

Подхватив бельевые корзины, что стояли у кромки леса, дети заспешили туда, где ждала их добрая старушка.

Вездесущая ворона Карлуша и ее приятель старый ворон Каркун, сидевшие на крутой ветке дуба, росшего возле цветочного поля, громко каркали, провожая взглядом необыкновенное сооружение.

- Я же говорила, - каркала Карлуша, - это пустое набитое воздухом облако, в котором толком ничего нет.

- Я не вполне с тобой согласен, - отвечал старый ворон Каркун. - Это не совсем обычное облако. Я же кое-что видел, но мне также непонятно, откуда оно взялось и почему мы, вороны, не смогли на него смотреть сверху.

- И почему дети попали в этот воздушный замок, а мы нет? - отвечала Карлуша.

- И вообще, что делали там Райн и Эмми?

- Мы также до сих пор не знаем, кем приходится им бабушка Рау.

Каркая так, они следовали за детьми, пока не оказались на крыше своего сарая. Цыпленка во дворе не было. Как все куры, он уже спал.

Возвращение. И что произошло с бабушкой Рау

На крыльце Райна и Эмми поджидала бабушка Рау. Ее настороженное вопросительное выражение лица было почти незнакомым. И, наверно, если бы не одежда и прическа из седых пышных буклей, ребята бы подумали, что это совсем другая женщина.

- Где вы были так долго? И почему без цветов? А в корзинках только сучки, корешки и веточки? - строго спросила бабушка Рау.

- Да вот... - начал было оправдываться Райн.

Но Эмми его остановила и тихо произнесла:

- С нами произошло что-то необычное. Мы были в том замке.

- Вот оно что, - сказав так, старушка стала похожа на

прежнюю бабушку Рау. - Заходите, милые, в дом. Вас ждут и обед, и ужин.

После того как дети вкусно поели и немного отдохнули, они рассказали все, что с ними произошло. Бабушка Рау, сидя в своем старом кресле, долго молчала. Потом поднялась и ушла в свою маленькую комнатку, не закрыв за собой дверь. Через несколько минут она вернулась, держа в руках изящную, украшенную перламутром шкатулку.

- Садитесь поудобнее. И слушайте мою историю. Пора рассказать. Вам, наверное, запомнился тот день, когда я рано утром вышла из дома с большой корзиной, наполненной садовыми цветами. Меня долго не было. Почти до самой ночи. И вы были этим очень обеспокоены.

- Верно, - молвила Эмми. - Я хорошо помню тот день. Ты и раньше уходила с букетами, ничего нам не говоря. Но всегда возвращалась к обеду.

- Вот тогда, - продолжала свое повествование старушка, - и случилось это. Я пошла не по той дороге, как обычно, а по незнакомой тропинке. Хотела сократить путь.

- А куда? - спросил Райн.

Но бабушка, будто не слыша его вопроса, продолжала свой рассказ:

- Тогда-то я и увидела цветочное поле. Я слушала, как разговаривает ветер и как цветы отвечают ему. Я чувствовала сотни ароматов необозримого поля. Потом я оказалась возле ворот с голубой аркой. Ворота были покрыты вьющимися растениями, зарослями переплетенных между собой стеблей вьюнков и пахучего хмеля. Я приблизилась. Мрачные замшелые створы ворот, похожие на два полумесяца, неторопливо отползли в стороны. Я шагнула во двор.

- Он был голубой? Ты увидела ворсистый ковер, покрытый разными кружочками и штрихами? - снова не выдержал Райн. - Ты это видела?

- Нет, мальчик. Двор не был голубым. Он был серым, похожим на предрассветный туман, хотя солнце уже взошло. И никакие золотые мышки, о которых вы рассказывали, не шмыгали между голубых ворсинок небесного покрытия. Их не было. Как и самого ковра. Обычный мрачный двор средневекового замка, о каких повествуют старинные сказки.

- А что было после? - не выдержала и Эмми. - Тебя пригласили? Ты слышала слова: «Добро пожаловать»?

- Слышала, потому и вошла, держа в руках корзину с прекрасными садовыми цветами.

- А почему ты их несла? Ведь в поле много всяких крупных

красивых цветов! - изумился Райн.

- Но я же не знала, что тропа приведет меня к такому цветочному полю. Цветы же я несла, как и раньше это делала, чтобы положить на то место, где в автокатастрофе погибли мои родные. - Сказав это, бабушка Рау вдруг замолчала.

Дети тоже молчали, понимая, что старушка вспомнила что-то очень печальное, что от этих воспоминаний ей стало больно. Через несколько минут бабушка Рау продолжила свой рассказ:

- Из того, что вы мне поведали, я теперь поняла, почему отворились ворота и меня впустили в замок. Я несла корзину, полную цветов. В замке я оказалась в огромном пустом помещении. Стены и высокие потолки были как бы сотканы из обрывков кучевых и перистых облаков, мрачных туч и сереньких тучек. Посреди зала находилось округлое возвышение.

- А платье на тебе и обувь не стали другими? - опять не выдержал Райн.

- Нет, все было обычным, - ответила старушка.

- А на твоей голове не появилась причудливая шапка, о которой мы рассказывали? - спросила Эмми.

- Нет. Шапки не было. Но с моей головой что-то произошло. Не торопите меня. Не все сразу.

Над круглым возвышением, на котором я оказалась, с потолка опустился большой широкий красивый абажур. Он был розовым, с блестящими золотыми кисточками по краю и сверкал, сверкал. По абажуру пробегали цветные искорки с разными оттенками. Затем зал стал наполняться ароматами нашей оранжереи. А садовые цветы, покинув плетеную бельевую корзину, закружились вокруг меня, затанцевали.

- А о чем ты в это время думала? - тихо спросила Эмми.

- Я думала, как прекрасен мир! Наш цветущий сад! Наши замечательные огороды, где растут огурцы, помидоры, баклажаны и другие овощи. Я думала о детях, об их увлечениях, о музыкальных занятиях в школе. Я мечтала видеть огромный певческий хор из ребят, поющих среди цветущих растений. Детство должно быть радостным и красивым! Но что интересно, - продолжала бабушка Рау, - среди танцующих роз, хризантем, пионов и других садовых цветов я увидела длинную тень в широкополой шляпе, закрывающей лицо незнакомки.

- Так это была принцесса небесная! Это она! - воскликнула Эмми.

- Вот откуда на шляпе у нее огурцы! - закричал Райн. - А на подоле платья - помидоры и баклажаны! Она и садовые цветы, что ты принесла, срисовала с художником и пришила к нарядам! Ты вспоминала, представляла, а они срисовывали! Но как?

- И делают они это без всяких кисточек! - взволнованно проговорила Эмми. - А что было потом?

- Что было? Да почти ничего! Я вновь погрузилась в воспоминания. И по мере того, как предавалась им, мне казалось, что я перемещаюсь по замку. Танцующие цветы почему-то стали воскрешать в памяти балы в старинных залах, о которых читала в книгах. В голове звучали разные мелодии. Было время, когда я со своей матушкой и сестрами ходила на концерты, слушала прекрасную музыку. Потом вдруг вспомнились войны на нашей земле, неродившиеся дети, сироты, мои переживания. Порой мне казалось, что кто-то задает вопросы, а я мысленно на них отвечаю. Мало того, при разных воспоминаниях менялось освещение залов, их убранство. При грустных - все делалось голубым, холодным, а порой серо-черным. Звучала мрачная музыка. И даже вдруг замолкали невидимые музыканты. Радостные воспоминания рождали прекрасную музыку, цветные видения. Мои садовые цветы, оказавшись в прозрачных хрустальных вазах, были настолько хороши и так благоухали, что длинная тень незнакомки в широкополой шляпе на время куда-то исчезла. Видимо, яркость цветов и их аромат заставляли ее это делать. А затем появился этот, как вы его назвали, принц-художник.

- Вот-вот! - опять высказался Райн. - Он все и срисовал. Садовые цветы, музыку Земли, бабушкины воспоминания. Мы все это видели в замке! И слышали. А хор мальчиков и девочек, о которых мечтала хозяйка замка - принцесса небесная, срисовали уже с нас.

- Почему, Райн, ты такой сердитый и злой? Не надо так переживать. То, что с вами случилось, да и со мной, это сказочно-удивительно! Не каждому дано такое прочувствовать!

- А как же мрачные картины замка? - снова заговорил Райн.

- Наверно, они хотели знать о нас все, - продолжала бабушка. - Они украсили свой серый замок земной красотой! Я его видела невзрачным. Вы - более ярким. А после вас он стал еще светлее. Мои воспоминания - вроде исторической Книги памяти. Я ее и пишу, закрываясь в своей комнатушке.

- Теперь улетели в космос. Там всё будут показывать... - заворчал Райн.

- Только не меня! - сказала любимая букашечка белой ромашки, выползая из кармана мальчика. Но ее никто не услышал.

- Видимо, видимо, так... - задумчиво повторяла бабушка Рау. - Завтра договорим.

Эмми и Райн, взволнованные рассказом матушки, но почему-

то не обратившие внимания на слова о книге, утомленные событиями дня, все меньше и меньше задавали вопросов. Веки тяжелели, слипались. Сквозь сон они не услышали фраз, произнесенных бабушкой:

- Планетой интересуются... Нашей Землей... Возможно, они выглядят не такими, как мы их увидели. Возможно, они по-другому думают, чем мы. Но намерения у них явно дружеские. Вернее, исследовательские, точнее, познавательные...

Последние события

Ворона Карлуша и ее приятель старый ворон Каркун, сидя возле форточки, прослушали все, о чем говорили в доме. Потом долго обсуждали услышанное.

- Хватит каркать! - кудахтнула во сне клуша, сидевшая в гнезде с цыплятами. - Летели бы в лес, там бы и кукарекали!

Вороны чуть помолчали, потом, ответив дружным криком, уселись на конек крыши соседнего дома. Вороны продолжали разговаривать на своем картавом вороньем языке:

- Карлуша, ты помнишь матушку Рау более молодой?

- Ну и что? - ответил старый ворон Каркун.

- А тех двух малышей, что привела в дом?

- Что-то припоминаю.

- А откуда она их привела? - продолжала ворона. - Наверно, из той аварии, что случилась на дальней дороге.

- Возможно, возможно, - ответил Каркун.

- Вот то-то и оно. Нам надо не пропустить хотя бы пение вторых петухов. Может быть, удастся заглянуть в шкатулку, которую принесла старушка из своей комнаты. Шкатулку она поставила на стол. О ней ведь и речи не было?

Раннее утро выдалось пасмурным. Туманный воздух не покидал двора. Все еще спали. Только неугомонный цыпленок вылез из-под теплого крыла мамочки-курицы и отправился гулять. Его заметили вороны.

- Эй, малыш! - негромко каркнула ворона, - если хочешь жить, прыгни в окно и вытащи то, что лежит в шкатулке.

- Да, да! А то заклюем! - добавил Каркун.

Цыпленок нехотя взлетел на подоконник открытого окна. Крылышки у него были еще слабенькими, но уже стремились быть петушиными. Добравшись до шкатулки, цыпленок открыл ее крепнувшим клювом и обнаружил сложенный лист с печатями. Он хотел его взять, но появилась кошка Дуруся. Дурусе это не понравилось, а потому цыпленок вылетел из окна, словно его вымели метлой. Дуруся, обнюхав валяющийся на полу листок бумаги, лениво потянулась и ушла досыпать. Мышка Лушка,

выскочив из норки, попробовала листок на зуб. Отгрызла от него небольшой кусочек. Не понравилось. На полу возле стола, на котором стояла перламутровая шкатулка, валялся обкусанный лист бумаги. На нем было написано, что детей после гибели их родителей усыновила женщина. Но кто эта женщина, прочитать было уже невозможно. Поэтому у ворон остался большой вопрос: кем приходятся друг другу бабушка Рау, мальчик Райн и девочка Эмми? И еще один маленький вопросик: как матушка Рау, бабушка Рау, вышла из небесного замка?

Впрочем, все было просто. Бабушка вспомнила, что дети дома остались одни и что ей пора вернуться. Обитатели небесного замка исполнили желание своей первой гостьи и открыли ворота. А вот почему не познакомились с нашей планетой сами, осталось загадкой не только для ворон, но и для нас, читателей.

Бусы мистера Луна

Лунная сказка

Аня лежала на только что купленном диване. Пушистая светлая обивка была ворсистой, словно прошитая мягкими иголочками. Откидывающиеся овальные подлокотники мягко изгибались, как большие прогнувшиеся подушки.

По просьбе девочки и ее родителей художник на потолке Аниной комнаты нарисовал голубое небо, перистые и кучевые облака, сквозь которые просвечивали лучи невидимого солнца. Картина плавно переходила в узоры стен, создавая впечатление неба, уходящего за горизонт земли.

Ане было уютно лежать на мягком диване, рассматривать художественные росписи. Необъяснимые мысли стали возникать, наполнять необычными образами кудрявую головку девочки.

Неожиданно Аня почувствовала, как ее легкая колыбелька воспарила среди облаков, поплыла куда-то под волшебные звуки чудесных незнакомых мелодий. Налетевший вихрь закружил и стремительно понес в сторону темнеющего вечернего неба. Лунная дорожка подхватила Аню, будто это была не световая тропа, чуть освещенная мерцанием звезд, а восходящая ввысь небесная дорога. Затем стремительно несущийся экипаж остановился. Вместо уютного дивана Аня оказалась на праздничных кружевных носилках. Появившиеся странные человечки окружили ее и понесли. Вокруг было удивительно красиво и непонятно: все пространство заполняли блестящие, похожие на новогодний серпантин нити и разноцветные воздушные шары. Их было до невозможности много. Один из человечков, как бы созданный из осколков разбитого зеркала, с голубыми глазами, но кривым улыбающимся ртом, на полупрозрачной матовой тарелке преподнес Ане очки. Очки были большими, но не круглыми и походили на вытянутые скошенные треугольники, украшенные обрезками серебряных нитей. Среди нитей виднелся рисунок ночного неба с множеством сверкающих звездочек. Звезды не стояли на месте, а двигались. Когда же Аня надела очки, то оказалась в голубом пространстве. Человечки мгновенно исчезли, а перед ней возник сверкающий трон. На троне сидел некто, не похожий на обитателей Земли. Голова незнакомца состояла из длинных зеркальных осколков. Огромные сверкающие глаза напоминали овальные зеркала. Все остальное закрывал плащ с многочисленными прозрачными складками из стеклянной ткани.

На какое-то мгновение Ане даже показалось, что перед ней

изображение неизвестной части неба. Но рядом с троном засуетились появившиеся слуги, похожие на хозяина, с тем лишь отличием, что головы у них были небольшие и напоминали перламутровые пуговицы с маминого белого праздничного пиджака. Затем открылись высокие узорчатые двери и к ногам повелителя бросили маленького человечка.

- Я, я... - остро-звонко зазвенело в ушах у Ани, - я не виноват... Я не хотел... повелитель Луны! Я только думал, мистер Лун!

- Он думал! - послышался голос мистера Луна, похожий на звук разбившейся огромной хрустальной вазы. - Приказываю паршивому Лунику собрать все воедино и передать мадам Лунин! Иначе!..

Мистер Лун вновь издал такой звук, от которого Аня вывалилась из сверкающих носилок. А повелитель со звоном и треском покинул зал.

Аня упала на колючий, в острых стеклянных ворсинках пол.

- Ой! - только и смогла вымолвить девочка.

- Ничего, главное - не обрезалась, - с тихим звоном прошептал новый знакомый - маленький человечек. - Я Луник, младший племянник мистера Луна. Натворил такое!.. - и он с тем же тихим звоном умолк.

Перед Аней стоял человечек точь-в-точь такой же, как мистер Лун, только меньшего размера.

- А чего ты натворил? - спросила Аня. - Попроси прощения, скажи, что больше так делать не будешь.

- В том-то и дело, что этого словами не исправишь!

- Что не исправишь?

- А то, что нужно собрать все вместе и передать мадам Лунин, старшей тетке. Иначе мистер Лун и меня, и ее разнесет на мелкие лунные осколки!

- Так говори же яснее! А то все какие-то загадки! И еще: почему я оказалась здесь?

- Все очень просто, - продолжал Луник звенящим, трескающимся, стеклянным голоском. - Ты ведь на Земле живешь? Луну видишь?

- Ну, вижу. Только она сейчас не Луна, а Месяц. Что дальше?

- А то! Чтобы стать Луной, нужно каждый день катать по Месяцу одну из стеклянных бусинок. Бусинка прокатится - получается лунная дорожка. Дорожка к дорожке - широкая дорога. И Месяц растет, превращается в Луну.

- Вот и хорошо, - молвила Аня, - пусть растет. Ночью на Земле светлее будет!

- Так я же все испортил! - зазвенел Луник. - Решил покататься

на серебряной ниточке, на которой были нанизаны эти сверкающие бусинки. А ниточка лопнула! И посыпались бусинки с неба на Землю. С одной стороны, это хорошо. Когда есть темная сторона Луны, там можно поиграть в пряталки. Но положено, как говорит мистер Лун, Месяцу превращаться в Луну. А затем, когда повелитель снова начнет убирать бусы, Луна будет превращаться в Месяц. А я... И что мне делать? Мистер Лун не пожалеет младшенького: разобьет на мелкие осколочки, превратит в звездную пыль. Ты только и можешь меня спасти. Потому ты тут.

- Я? - еще больше удивилась Аня.

- Да! Все знают: когда сыпались бусы с неба, ты гуляла. И они у тебя!

- У меня? С чего ты взял?

- А с того! Поехали по лунной дорожке на Землю за бусинами. Только бы братец Месяц не узнал! Ему так нравится щеголять и быть таким тонким, изогнутым, крутым!

- Конечно, я согласна поскорее вернуться! - воскликнула Аня. - Но я не знаю, где твои бусы!

- Как здорово мчаться! - закричал Луник, когда сверкающая полоска лунного света подхватила необычный экипаж. Луник закричал так громко, что от звона разбивающегося стекла Аня открыла глаза. Котик Мурзик бегал по столу и катал мягкой лапкой стеклянный шарик. Шарики подарил Ане папин знакомый, который работал на стекольном заводе. Один из шариков лежал на полу рядом с разбитым стаканом.

- Луник! - закричала Аня. - Где ты? - от чего котенок, испугавшись, скрылся под диваном, на котором лежала полусонная Аня.

- Где же взять эти бусы? - шептала Аня, глядя на стеклянные осколки. Через незашторенное окно на Аню смотрело ночное небо, где гулял веселый Месяц. А небесные звездочки сверкали и подмигивали Ане. Но девочка этого уже не видела. Она опять спала.

Бусы

Но Луник уходить не собирался.

- Где бусы? - строго спросил он Аню. - Куда ты их положила?

- Сначала, Луник, давай уточним, как они выглядят и когда они упали с неба.

- Вспомни же: была гроза, с неба падали большие капли. Ты ловила их ладошками, складывала в ведерко.

- Капли?

- Ну да! Замерзшие капли - бусинки.

- Не бусинки, а градины!

- Пусть по-вашему - градины.

- Так они же растаяли! Хотя... - вдруг задумчиво проговорила Аня, - я их ссыпала в пластмассовую баночку из-под сметаны и положила в морозильную камеру холодильника. А вдруг мама баночку выбросила?!

Но бусинки-градины оказались на месте.

- Вот здорово! - звеняще-трескучим голоском засмеялся Луник. - Теперь и я, и мадам Луния спасены. Мы не станем звездной пылью! Скорее давай бусы!

Луник, схватив баночку с замороженными градинами, прыгнул на подоконник. Ночное небо было еще темным. Узкая лунная дорожка чуть светилась.

- Прощай! - крикнул Луник, вскочив на сверкающую полоску и обронив с головы узкий кусочек расколотого зеркальца. - Дарю на память лунные очки!

Горизонт земли озарился светом просыпающегося солнца. Первый луч коснулся зеркального осколка, запрыгал по стенам Аниной комнаты солнечными зайчиками. А в небе белесым бледным полукружком плыл подросший Месяц, в тени которого, возможно, играли в пряталки лунные человечки.

Утром Аня обнаружила на выступе дома под окном своей комнаты пустую пластмассовую баночку из-под сметаны.

- Значит, это мне не приснилось? - спросила Аня у котика Мурзика. - Тогда где же лунные очки?

Семь царственно-королевских жемчужин

На дне великого синего океан-моря, среди каменистых скал, в окружении зарослей подводных растений стоял необычный дворец.

Солнце, двигаясь по небосводу, на короткое мгновение, заглядывая в морские глубины, видело коралловые башни и башенки, украшавшие старинный замок. Правителем подводного государства был царь-король по имени Ером. Когда Ером, углубленный в свои мысли, неподвижно восседал на каменном троне, веселые, забавные, беззаботные рыбки золотыми гребешками расчесывали пышную копну его волос. Тонкие длинные усы, распластавшись в толще морской воды, колыхались над узкой клиновидной бородкой. А глаза, как две огромные раскрытые раковины, излучали зеленовато-голубой свет, от которого все вокруг становилось прозрачным и ясным.

Как и положено, у царя-короля Ерома была венценосная корона. Корона передавалась по наследству. А потому за многие годы чуть потемнела. Семь крупных царственно-королевских жемчужин, когда-то блестящих и белоснежных, потускнели, стали серыми, под стать одеянию самого царя-короля. Жемчужины, украшавшие корону, были не совсем обычными. Они были знаковыми. Одна являлась носителем власти, другая - силы, третья - богатства, четвертая - мудрости, пятая, шестая и седьмая - воплощением добродетели, милосердия и любви. Воссоединенные в едином царском венце, жемчужины и определяли характеры правителей подводного государства.

Морской царь-король Ером сполна обладал всеми этими качествами. Владея огромными морскими богатствами, жил скромно, не по-царски-королевски. Жители подводного государства обожали своего правителя.

У царя-короля Ерома была единственная дочь - царевна Королина. Описать облик маленькой морской принцессы очень сложно, ибо она была сотворена из морской пены, прозрачных кристаллов и кораллов цвета от нежно-розового, красноватого до серо-темного. Огромные светло-зеленые глаза, длинные пушистые ресницы, серебристые локоны были царственно красивы. А движения, а изгибы полупрозрачных рук - такими плавными и изящными, что даже медленно плавающие медузы переставали шевелить прозрачной чувствительной бахромой, глядя на прекрасную морскую девочку. Одна только старая медуза Амалия продолжала неторопливо плавать вокруг Королины, в тайне любуясь юной принцессой.

Однажды на заседании медуз Амалия сказала:

- Я пусть и дальняя родня, но считаю, что Королину пора облачить в достойное для морской девочки одеяние. Хватит морской королевне плавать в коротеньком платье, подаренном ближайшим родственником - Морским Коньком!

- Мы за! - согласились взрослые медузы.

- Мы тоже! - замахала прозрачными накидками крошечная медузка Кларисочка. - Надо, очень надо маленькой принцессочке стать еще красивее!

После этого у Королины и появилось новое платье. Ткань соткали из тончайших полосок морских водорослей, расшили рыбьими чешуйками, украсили морскими раковинками и мшанками. На темном фоне многочисленные бархатистые мшанки делали Королину невидимой. Но когда солнце на мгновение зависало над дворцом, одеяние на принцессе начинало сверкать и переливаться всеми цветами радуги.

Получив в подарок такое замечательное платье - произведение искусства, Королина летала по залам старинного замка, кружилась перед зеркалами, играла с золотыми рыбками, с лениво ползающими крабами, дергала за косички уже начинающих важничать маленьких актиний. А когда море штормило и вода приходила в большое движение, Королина заплывала в коралловые пещеры и пещерки и там резвилась с тупоголовыми рачками и вертихвостыми креветками.

В тихую погоду морская девочка, облюбовав место возле коралловых рифов, поближе к поверхности моря, подолгу смотрела, что делается там и наверху. Сквозь прозрачную толщу морской воды светило Солнце. Яркие струйки, словно золотые ниточки, проникали в глубины.

С наступлением ночи в море-океан в окружении звезд глядела Луна. Она была то белой, то большой оранжевой. Королина мечтала увидеть и Солнце, и Луну поближе. Но отец изо дня в день повторял одни и те же слова:

- Море - это наше царство. Солнце, Луна и звезды принадлежат другим государствам. Надо соблюдать обычаи и не нарушать установленный во Вселенной порядок.

Но как-то случайно он обронил фразу:

- Жить вне моря-океана мы не можем. Мы и есть море-океан. А там, где небесные светила, мы растворимся, исчезнем.

- Почему растворимся? Как исчезнем? - удивленно спрашивала и переспрашивала Королина.

На что царь Ером долго глядел чуть потемневшим взглядом в морскую даль. Затем ответил крутой волной и глухим рокотом прибоя.

Время морских штормов и бушующих волн сменилось штилем и покоем. Королина вновь у коралловых рифов любовалась далекими звездами, Луной и Солнцем, не расставаясь с мечтой увидеть их поближе.

Однажды поздним вечером она вошла в покои отца, чтобы еще раз попросить позволения взглянуть на ночное светило. В ту ночь Луна была такой огромной и такой нарядной!

«Можно мне подняться над водой?..» - хотела сказать Королина. Но отец безмятежно спал на ложе, выстланном морскими водорослями. Корона, украшенная жемчугом, лежала возле его изголовья. Семь крупных царственно-королевских жемчужин светились тусклым бледно-мерцающим светом.

С жемчугом морская девочка была знакома. С младенчества она видела, как ловцы, сильные и ловкие, ныряли в глубины моря, вскрывали раковины и, обнаружив белые шарики, уплывали с ними туда, где не было воды, и где кричали чайки. То, что они находили, было обычными маленькими жемчужинками, не сверкающими, не излучающими света, не царскими.

Тишина спальни усилила любопытство принцессы. И девочка приблизилась к короне. Жемчужины продолжали мерцать, завораживать и притягивать к себе. Одна из них словно улыбалась крошечными трещинками.

- Пока отец спит, я все-таки посмотрю на Луну поближе! - неожиданно для себя решила Королина. - А чтобы не было так страшно, подружкой мне будет одна из жемчужин. И девочка взяла из царской короны в полупрозрачные ладони ту жемчужину, которая с материнской любовью смотрела на нее. По мере приближения к поверхности моря крупный перламутровый шарик делался все светлее. Оранжевая же круглая Луна бледнела. Загадочные точки, штрихи пересекали ее белый лик. Через тонкую водяную пленку морская девочка смотрела на ночное светило. Было оно неподвижным, светлым и таким прекрасным.

- Вот ты какая! - шептала Королина. - А твои придворные небесные звездочки ярче морских звезд. Но зато в наших подводных глубинах есть разные богатства. Взгляни! - и принцесса приподняла жемчужину над водой. На полупрозрачных ладонях она вдруг засверкала необыкновенным искристым светом. Королина не знала, что именно эта жемчужина была носителем чувств и любви.

- Какая ты стала красивая! Словно превратилась в маленькую Луну! - воскликнула морская девочка, глядя на царственно-королевскую жемчужину. Но тут же почувствовала, как медуза Амалия коснулась ее ног жгучей бахромой. От такого прикосновения Королина вспомнила отцовские слова о

возможном исчезновении в случае, если она окажется над водой. И морская девочка поспешила обратно во дворец, крепко держа в ладонях сверкающий шарик. Положив жемчужину на прежнее место, Королина удивилась: жемчужина оказалась блистательно-светлой, более яркой, чем все остальные.

- Наверно, - решила королевна, - лунный свет очистил ее. Если так, хорошо бы это сделать и с остальным жемчугом! Порадовать отца блестящей сверкающей короной.

Утром Ером не обратил внимания на то, что одна из жемчужин в его короне стала более яркой. Царь торопился в дальнюю провинцию своего владения. А потому объявил, что вернется не ранее завтрашнего обеда. Уходя, он добавил:

- Корону оставляю на попечение дочери, так как корона не нужна для дальних морских путешествий, а предназначена для царских пиров и парадов.

День выдался на редкость спокойным. Море покачивало под лучами ослепительного Солнца зеленовато-голубую гладь. Солнечные зайчики прыгали по плавничкам любопытных рыбешек, выглядывающих на секунду из воды. Играть с рачками и медузами Королине не хотелось. Сидя возле коралловых рифов, она глядела из глубины моря на солнечные переливы и шептала:

- Скорее бы наступила ночь, чтобы успеть до возвращения отца сделать корону блистательной! Только бы Луна не спряталась за тучами!

- Ты чего грустишь? - спросила Королину медуза Амалия, медленно проплывая мимо. И когда девочка поведала ей о своем намерении показать Луне шесть остальных жемчужин из царско-королевской короны, Амалия горько вздохнула:

- Делать этого не следует. Если жемчужины засверкают разом, то тут же разом и отсверкают.

- Как это? - не поняла Королина. - Все вместе засверкают и все вместе отсверкают?

- Точнее, - продолжала Амалия, - потускнеют, потрескаются, исчезнут! Ведь все они, воплотившие силу, власть, богатство, мудрость, любовь, добродетель и милосердие, вместе, на равных сверкать не могут. Корона исчезнет. А нет короны - нет и царя-короля. А раз нет царя-короля - нет и царственного королевства.

- Но ведь одна из жемчужин уже светлее других! - возразила Королина. - И ничего не случилось...

- Что одна. Одна - беда небольшая. К тому же эта жемчужина - носительница любви. Пусть сверкает в короне на видном месте, - закончила разговор Амалия.

- А если, - не унималась Королина, - я возьму и покажу жемчужины Солнцу? Что тогда?

На что старая медуза замахала бахромой и поспешно покинула коралловую бухточку.

- Подумаешь, - высказалась уже чуть подросшая медузка Кларисочка. - Все-то бабушка Амалия знает! Да ничего она, старая, не помнит! Делай так, как тебе хочется. На то ты и принцесса морская!

Но Королина не принимала никакого решения. Словно чего-то ждала. Большую блестящую жемчужину любви она опять держала в прозрачных ладонях. Но было это скучным занятием.

Неожиданно возле обросших водорослями кораллов появился молодой ловец жемчуга. Подросток нырял и нырял в глубину. Но раковины, которые он находил и вскрывал, были без жемчуга. Мальчишка упрямо продолжал нырять.

- Королинка, - не унималась медузка Кларисочка, - давай поиграем в догонялки. Ты покажи этому юному искателю морских сокровищ блестящую царственно-королевскую жемчужину! Пусть еще поныряет. На это так забавно смотреть!

- А мне немного жаль его, - ответила Королина. - Но поиграть, порезвиться хочется!

Жемчужина в полупрозрачных ладонях морской девочки сверкала, искрилась, совершая невероятные движения. Мальчишка нырял и нырял, пытаясь ухватить жемчужину. Но она почему-то не давалась, ускользала. Королину маленький пловец не видел, так как ее платье сливалось с длинными листьями морских водорослей, серебристые кудри - с подводным течением. А огромные светло-зеленые улыбающиеся глаза - с цветом прозрачной морской воды. Медузка Кларисочка щекотала мальчишке пятки, покусывала руки остренькими прозрачными зубками. Королина привязывала к ногам пловца ленточки из водорослей, успевая кидать в его кармашки кусочки изумрудных кораллов. Мальчишка выбивался из сил. И вот, нырнув в последний раз, ухватил блестящую жемчужину вместе с руками Королины. Стремительно поднимаясь вверх, он приблизил морскую девочку к самой поверхности моря. Еще миг - и она окажется над водой.

Королина раскрыла ладони, выпустила жемчужину. В руках мальчишки под яркими солнечными лучами жемчужина засверкала золотым царственным светом. Словно это был не перламутровый крупный шарик, а маленькое яркое солнце.

- Вот это чудо! - высказался взрослый ловец, когда в руках у подростка увидел такую удивительную жемчужину. - Сколько лет занимаюсь промыслом, но ни разу не встречал такого крупного жемчуга! Где ты ее отыскал? Где добыл?

- Я ее и не отыскивал. Жемчужина сама плавала в море,

прыгала, кувыркалась, будто играла со мной. Правда, иногда я видел какие-то отблески, сверкающие чешуйки раковин. И почему-то находил в своих карманах кусочки красных кораллов и цветные камушки.

- С тобой играла не жемчужина, - задумчиво молвил старый ловец жемчуга, - а сама царица моря. Я слышал легенду про королевский жемчуг, но не думал, что увижу его. А саму царевну, дочь морского царя, случайно, не встретил? Говорят, очень красивая и вечно молодая. На то она и морская дева. А что ты с этой жемчужиной делать будешь? Она дорого стоит.

- Не знаю. Может быть, подарю маме или... И подросток замолчал.

P.S. Вернувшись во дворец, Королина растерянно смотрела на доверенную отцом корону и не знала, что ей делать.

- Я же говорила, - бубнила, вздыхая, старая медуза Амалия, - ни к чему выносить жемчуг из моря. А тем более освещать и лунным, и солнечным светом. Но раз уж так случилось, не надо печалиться. Жемчужина любви попала к людям. Это замечательно.

И Амалия извлекла из своих бездонных с пушистой бахромой карманов такую же большую жемчужину, как и все остальные в царской короне.

- Я думаю, - продолжала Амалия, - эта жемчужина - носительница ума, познания, мужества - достойна царственно-королевской короны!

- Как замечательно! - взволнованно закружилась вокруг Амалии Королина. - Жаль только, что я не смогла порадовать отца обновленной короной.

- Зато, - весело добавила почти взрослая медузка Кларисочка, - корона не исчезла. Правда, бабушка Амалия? И царство-королевство наше в порядке!

И верно. В глубине синего моря-океана до сих пор существует огромное подводное государство. Правит им морская царевна-королевна и необычный царь-король по имени Ером. А точнее, если читать справа налево, зовут царя-короля МОРЕ.

Одной детской книгой стало больше

«Тверская газета», 3 апреля 2009 года

Второго апреля отмечается Международный день детской книги. В канун этой даты вышла в свет очередная книга тверской писательницы Гайды Лагздынь - сборник из трех сказок под названием «Загадки небесного замка».

- Книга - она, как ребенок. Никогда не знаешь, какой именно она будет, как ни старайся, как ни планируй, а уж книга для детей - тем более, - заметила Гайда Лагздынь во время презентации своего печатного труда. Сборник сказок «Загадки небесного замка» получился красочный. В нем представлены три замечательных произведения, в которых простым и доступным языком автор рассказывает о таких серьезных вещах, как честность, дружба, отзывчивость. Гайда Лагздынь - писательница для всех возрастов, поэтому книга будет интересна не только детям, но и взрослым. Иллюстрации для сборника сделал председатель Союза молодых художников Тверской области Андрей Юдин. Чтобы создать великолепные, воздушно-легкие, лучащиеся светом пастели, ушло несколько месяцев. В общем, «родители» остались довольны плодом своего творческого союза!

- Детские книги - это нечто особенное, - подчеркнула Гайда Лагздынь. - Жаль, что преимущественно их делают в столице люди, весьма далекие от творчества, но определяющие издательскую политику. И при этом забывают, что книги - это не только бизнес, это культура нации.

Яна Антонова

В дальней деревушке жили дед да две старушки

Дом в деревне Мария купила по случаю. Одна знакомая присоветовала:

- Что сидишь в городе, в своей крошечной комнатушечке, на общей кухне с соседями? Тебе как писательнице простор нужен, пустота, независимость от внешней среды. Вот и изолируйся. Деревня глухая, других поселений вокруг мало, лес да болота в округе, санный путь зимой, летом - лесные тропы в цивилизацию. В деревушке той всего две старухи живут да дед замшелый. А дом ладный, почти задарма.

- А ты откуда про всё это знаешь? - спросила свою знакомую Мария.

- Да так... - уклончиво молвила рекомендательница. - Я бы и сама купила, но я - не ты. Разные мы. Тебе, я знаю, это подойдёт, а мне... - знакомая замялась. - И недорого... - и неожиданно добавила: - Да кто туда поедет, в эту тьму тараканью. Там время остановилось...

- Как остановилось?

- А так! Поживёшь - поймёшь, советую. Тем паче, что ты в литературе бултыхаешься.

- Да у меня на дом денег нет, тем более, как ты говоришь, на хороший.

- Хороший, ладно срублен. Чуть староват, стоит-то, считай, второй, если не третий век. Продадут недорого. Давно пустует. Не приживаются в нём. Но я думаю, что он не для обычных людей, ты - в самый раз, - продолжала знакомая.

Этот разговор запал в душу, и Мария, уже не совсем молодая женщина, решила купить этот дом. Но, как оказалось, хозяев у него не нашлось. Старушки глухой деревеньки толком не могли сказать, куда они подевались. Одна из них, та, которую называли Чёрной, только криво усмехнулась, при этом злорадно сверкнув одним уцелевшим зубом, покрытым какой-то сверкающей мишурой.

Переезд был недолгим. Очистить дом от лишнего не составило никакой трудности, так как кроме двух деревянных скамеек да срубленного из дерева стола в горнице, не говоря о полатях за печкой и кровати, покрытой досками, в доме ничего не было. Но, что удивило Марию, окна были целы и даже со стёклами, русская печь в исправном состоянии, с широким, хотя и изрядно прокопчённым шестком. Не один, видно, горшок уходил

в печь и возвращался из неё. В подтверждение всему, возле печи, сиротливо прижавшись в угол, стоял металлический ухват, прикреплённый на деревянной добротной палке.

- Вот и всё, - сказала себе Мария, тщательно рассматривая крепкие некрашеные половицы, крышку стола, которую, видно, добросовестно скоблили-мыли руки живших здесь хозяек дома.

- Да, жили! - услышала она чей-то глуховатый голос. - Жили и живут. - Мария оглянулась, но никого не было, лишь шелест листьев за окном да хриплый голос петуха с другого конца деревушки, где живёт старушка по прозвищу Белая.

- Почудилось, - подумала Мария. - Мысли вслух и слова вслух.

Давно уехали товарищи по перу, помогавшие при переезде, растворился в лесной чаще запах перегоревшего бензина и машинного масла. Тишина поглотила засыпающее солнце. Сначала редкий, потом густой туман плотно запеленал затерявшуюся в лесах маленькую деревеньку. Ни дымка, ни огонька. И ни словечка от жительниц деревни: ни хорошего, ни плохого. Будто она, Мария, здесь и не появилась. Будто её и нет.

Устав с дороги, Мария уснула так крепко, что не слышала ни ночи, ни рассвета. Утренняя заря, как обычно, смотрела в окно старого дома, не проявляя никакого интереса к новому жильцу. Солнце так же безучастно прошло по кромке леса, неторопливо поднимаясь ввысь уже раскалённое, жаркое.

Но жизнь всё же разбудила Марию. Она встала, прошлась по скрипучим, с вечера вымытым половицам, распахнула окно. Душистый запах вместе с ветерком волной вливался в избу, наполняя её чудными ароматами полей и лесов.

- Как здорово! - сказала вслух Мария. - Жаль, что нет электричества. А батареек в приёмнике надолго ли хватит?

Она уже хотела включить его, но возле окна появилась белая старушка, держа в руке кринку с козьим молоком.

- Вот молочко, откушайте. Рады бы ещё, чем попотчевать, да не знаю... - Старушка поставила кринку на подоконник. - Уже прибрались, полы и окна помыли? Это хорошо. Это надо. Я бы посоветовала и печь побелить. Святой водицей углы освятить. А то мало ли что?! - старушка замолчала. Мария хотела спросить, что значит «мало ли что», но не решилась. Вместо этого она протянула руку и сказала:

- Мария. Марией звать. А вас?

- Пелагея, - тихо молвила старушка, собираясь уходить. - Заглядывайте, если чего. Я в конце деревни живу, если это можно назвать деревней. И Прокопыч там. - Пелагея кивнула головой в сторону леса: - В чёрном доме Евфросиния живёт, самая старая по

возрасту.

- А сколько ей лет?! - хотела спросить Мария, но не успела. Старушка посмотрела на неё так, что пробежало что-то по коже, словно её облили шипучей жидкостью.

- Что такое? - подумала Мария.

- Это - время, - вздохнула Пелагея, но вдруг замолчала, а потом добавила: - Ну, бывайте. - И старушка исчезла так же быстро, как и появилась.

- Что за чёрт?! - спросила себя Мария. - Всё непонятно, необъяснимо. А вот молочко - кстати. Что варить и на чём, пока не знаю.

Усевшись на лавку, Мария с аппетитом стала уминать бородинский хлеб, запивая парным козьим молоком.

Около обеда у околицы появился Прокопыч. Крепыш, про которого можно было бы сказать «Старичок-лесовичок», но увеличенного размера. Эдакий легендарный старик с широкой окладистой бородой, почти без седины, с кудрями молодца, только вот нос, разросшийся с годами и бугристый, выдавал немалый срок пребывания Прокопыча на земле. Но сколько ни приглашала Мария старика войти в дом, Прокопыч оставался за воротцами. Старик оказался намного словоохотливее Пелагеи, рассказав, что и как здесь, что растёт, чем богат лес, умолчав, однако, о жителях деревушки. И так, и сяк Мария хотела его разговорить, но ничего не получалось. Прокопыч был таким вёртким и не по возрасту дипломатичным, что Мария оставила эту затею, решив, что сегодня - только первый день её жизни на этой маленькой родине трёх пожилых людей.

Или воздух, или козье молоко оказали на Марию такое воздействие, что после ухода Прокопыча она блаженно растянулась на кровати и неожиданно уснула. Когда же проснулась, была глубокая ночь. Разбудили Марию непонятные звуки. В доме поскрипывали рамы, тяжёлая дубовая дверь, половицы некрашеного пола. Какие-то странные звуки издавала старинная русская печь. И чем больше вслушивалась Мария в эти звуки, тем отчётливее они становились, как бы вбирали в себя всю её сущность. Мария, доведённая до крайнего удивления, решила что-то изменить. Достав из рюкзака свечи, зажгла три и поставила каждую против окна. Скрип рам прекратился. Четвёртую свечу поместила на шестке, а последнюю - напротив дверей. В доме воцарилась тишина.

Мария почувствовала вдруг своё телесное освобождение. Но этого ей показалось мало. Не думая больше о батарейках, Мария включила приёмник и услышала знакомый голос дикторши радио «Маяк», рассказывавшей о событиях в столице, на Востоке и в

Чечне. На музыкальные радиоволны дом неожиданно ответил сначала скрежетом, затем грохотом в чердачном помещении. Что-то с шумом упало, потом всё стихло. Кстати, замолчал и приёмник.

За окном занимался рассвет. Первые светлые блики коснулись покосившихся воротец, лизнули перила крыльца. Где-то заверещала просыпающаяся птаха. Занимался новый день.

- Мария, никак спишь? - спросил Прокопыч, входя во двор. - Ну, и как на новом месте? «Приснись жених невесте»?

- Заходите в дом! - приветствовала его Мария, разминая затекшие части тела.

- Да я вот мимо шел. Дай, думаю, загляну - все ли в порядке? Кажинный день всех обхожу, вроде утренней зарядки. Нас ведь тут раз, два и обчелся.

- Да что вы у крыльца стоите? Дверь не заперта. Входите!

- Как-нибудь в другой раз, - махнул рукой Прокопыч. - Надо завершить обход. Пелагею повидал. Молочка отведал. Козочками белая старушечка с утра занята. К Евфросинье надо заглянуть. Что-то она еще больше почернела.

Мария, выйдя из дома, усевшись на ступеньку крыльца, спросила:

- Прокопыч, а почему Пелагею называешь белой старушкой?

- Да, подишь, узнаешь? Издавна так кличут. Хорошая она, не злобливая.

- А может, - подумала Мария, - из-за светлых волос? Как лунь, белая. А цвет лица? Ни загар, ни работа на земле не повредили. Голова у Пелагеи, словно из фарфора. Правда, белая старушка.

- А Евфросинию почему черной старушкой нарекли? Из-за цвета волос и крепкого загара? Похоже, она не русских, а цыганских кровей?

- Да нет! - замахал Прокопыч так руками, будто отгонял от себя налетевших мух. - Русская. Ну, я пошел. Бывайте. - И старик, не по годам круто развернувшись, поспешно вышел за калитку.

- Опять отвертелся от вопроса! И куда тут спешить? - подумала Мария, вернувшись в дом, чтобы разжечь небольшой костерок на шестке под таганчиком. - Первобытно, но занятно. Но скоро надоест, - высказавшись так, налив в самовар воды, наложив в трубу сосновых шишек, стала готовиться к утреннему чаепитию.

День начинался как обычно для тех, кто приехал на новое место - с благоустройства своего жилища. Помыв еще раз стекла небольших окон, Мария принялась за стены. Бревна были добротно приложены друг к другу, словно дом возвели не в прошлом веке, а сравнительно недавно, только вот древесина

сильно потемнела. Мария решила помыть стены изнутри, как это делали в прежние времена хозяева перед Пасхой. Она скребла выпуклые бока бревен ножом, драила добротным березовым голиком. На глазах древесина приобретала светло-желтоватый оттенок. Увлекшись работой, не заметила, как в калитку вошла Евфросиния, постояла на пороге, криво усмехнулась и так же незаметно ушла.

Прокопченный шесток Мария не пыталась отмыть. Ведь придется снова на нем возводить под таганком костерок.

- Газовый бы баллон купить да портативную плиту? - размышляла Мария. - Да не вдруг отсюда выберешься. Какой тут телефон или радиоточка? Когда и электричества, а самое главное, дорог нет. «Чертов угол», говорили в городе. Километраж ого-го! Через ухабы, канавы да суглинки - «подарок» для транспорта.

- Ну вот, намного лучше стало в моем «медвежьем углу», - проговорила Мария, глядя на результат работы. Чистые стены, окна, почти белый пол. Главное, все из естественной древесины. Ни краски, ни шпаклевки и лака. Первозданная красота! Только не понятно, зачем какая-то дверь на стену наколочена.

За работой Мария и не заметила, как день пошел на убыль. Солнце катилось к горизонту раскаленное, красное. Незаметно подкрались сумерки.

Умиротворяющее время суток, когда хочется тихо сидеть, или молчать, или еле слышно переговариваться с собеседником. А так как такового не было, то Мария разговаривала сама с собой:

- Завтра, как встану, попробую затопить русскую печь. Надо же этот агрегат деревенского быта осваивать. Грибы пошли, сушить буду! Зимой для супчика сгодятся!

Вскипятив самовар, поев, что было из привезенных продуктов, используя еще не совсем очерствевший батон, Мария растянулась на широкой деревянной кровати. Подушки, одеяла, матрац были домашними. Вещи еще хранили запах городского пребывания теперь уже в очень далекой квартире.

- Хорошо-то как! - думала Мария, уставшая от непривычной физической работы. - Наработалась до полненькой катушечки. Тишина-то какая? Можно оглохнуть! Даже мышей не слышно! - сказав все, что думала, вслух, Мария будто провалилась в тишину дома. Но во сне она слышала город с постоянным шумом, с трескотней, проникавшими через стены в квартиру, крики, нередко ругань, разговоры соседей, магнитофонную музыку, которая проникала по стоякам с вытяжками. А эти сигналки машин со двора? Бубнящие звуки охранных устройств? Вот от чего можно было сойти с ума, съехать разумом с собственной крыши! Но среди звуков, напоминавших о городе, во сне

появлялось что-то новое, непонятное, какой-то неясный, чуть слышный шепот, ускользающие лица знакомых, которых Мария не видела много лет. Среди них лица близких, давно умерших родных.

Неясное пробуждение, граничащее с полусознательной явью: по дому, заполняя все его пространство, двигались тени. Руками они касались чисто вымытых стен, поверхности большого деревянного, добела отскобленного стола, печатной машинки, стоящей на нем. Покидая дом, призраки растворялись, словно уходили в заколоченную на стене дубовую дверь.

Занимался рассвет. Где-то одиноко пропел петух. Ему ответила тихим блеянием коза. Краешек раскаленного солнечного диска появился над лесом и осветил все, наполнив радостью нарождающийся день. Блеклый круг луны был еще виден, но это была уже не царица ночи - луна, сверкавшая в темноте черного неба, а бледный ее отпечаток на фоне небесно-голубого пространства. День зародился.

Встряхнув себя, Мария энергично соскочила с постели.

- Ну и сон! Сплошная явь! - проговорила Мария. - Кошку что ли завести? А то и поговорить не с кем? Сама с собой начну разговаривать.

Мария включила приемник. Знакомый голос московского радио извещал о погоде.

- Безоблачно, без осадков. И там и здесь! Нормальная погода! - ответила диктору Мария.

- Совершенно верно, - у окна стоял Прокопыч. - Извиняйте, что без стука, деревня неотесанная. Как спалось?

- Вроде... ничего...

- То-то и оно, что вроде, - усмехнулся дед. - Ну, я пошел проведывать старушек.

- А почему вы в дом не заходите? Как будто чего-то боитесь? Я не кусаюсь!

- Да так. Не привык еще. Ну, я пошел. - И Прокопыч тяжелой походкой старика ушел в туман, который все еще не осел и окружал дом.

- Чудно, - подумала Мария. - Совсем люди одичали в этой глухомани! В дом боятся заходить.

Дни и полные сновидений ночи летели и летели вместе с листочками отрывного календаря. Раньше Мария думала: «Что можно делать, находясь на пенсии, живя в деревне?» Но на деле все было не так просто. Много времени занимал первобытный труд: печь истопить, дров заготовить и воды принести, почистить на реке посуду, сходить в лес, в поле. Да и желание посидеть за пишущей машинкой не покидало Марию. Вопросов возникало,

хоть и местного значения, много. Ее интересовали эти необычные три старика, живущие в заброшенной деревеньке. Почему не уезжают в населенные деревни? Какими мыслями и делами живут? Одна только Пелагея была на виду, обрабатывала огород, пасла коз, заготовляла сено. Сама кормилась со своего подворья и соседей снабжала козьим молоком. Часто сиживала на своем высоком крыльце, всматриваясь вдаль, словно кого поджидая.

Евфросиния чаще находилась в избе или в лесу, никого к себе не приглашала. Прокопыч в большом пятистенке днем что-то стругал, сколачивал; выращивал картошку, кроликов, кур. В отличие от неразговорчивых старушек, был более общительным, но в меру. Говорил больше о своих дальних родственниках, что живут в зарубежье.

Лето набирало обороты. Мария думала о том, как попасть в город за припасами, заодно купить газовый баллон и плиту. В лесу зрели ягоды, требовали заготовки. И вот однажды в деревне появился трактор вместе с почтальоншей. Она привезла старикам пенсию, продукты: муку, сахар, разные крупы, подсолнечное масло, соль - то, что заказывали жители этой глухой деревушки. Кое-как уместившись на столь «комфортном» транспорте, Мария и уехала в соседний городишко.

Когда трактор затарахтел, окутав провожающих зловонным облаком, Прокопыч, подойдя очень близко к Марии, спросил:

- Вернешься, сударыня? Не передумаешь? Скоро наступят темные августовские ночи.

- Ну и что? Разве август не лето? - удивилась Мария. - До осени еще далеко. А мне надо в город.

- Лето, конечно... Но все же... Ну-ну, - только и добавил к сказанному Прокопыч, - как знаешь. Я предупредил.

- О чем? - хотела спросить Мария, но трактор выкинул из себя такую серенаду, что мощным тарахтением заглушил последние слова старика.

Обратно в деревню Мария вернулась через три дня, прожив в маленькой гостинице уездного городка, если это можно было назвать гостиницей, упросив частника с машиной доставить ее и все прочее приобретение к месту жизни. Мужичишка всю дорогу чертыхался, плевался, пока ехали, ругал всех и всё за проклятые на Руси дороги, приговаривая:

- Ой, дамочка! Куда же ты забралась! Оттуда весь народ сбежал. Это же чертов угол!

Но остался доволен оплатой, даже в пристройке к дому подключил газовый баллон к плите, дав указание, как поступить со вторым, когда первый выйдет из строя. Но войти в дом наотрез отказался, потому что спешил вернуться в город.

- Как мало нужно человеку для того, чтобы быть счастливым? - думала Мария. - Живя со всеми удобствами, человек не замечает этого и печалится совсем из-за ерунды!

Мария ходила по избе и громко оповещала, глядя на деревянные бревенчатые стены:

- Быт устроен! Вот только батарейки для приемника оказались бы хорошими. Да свечи некоптящими! Да стекло линейное в керосиновой лампе не лопнуло бы!

На все восторги Марии дом отвечал тишиной и запахами старого жилища. Отворив окно и взглянув на ранее выскобленный до желтизны стол, обнаружила, что он вроде бы потемнел и чем-то испачкан. В правом углу дома, над деревянными лавками висела икона, а под ней горела лампадка. Еле заметный язычок пламени чуть колыхался от ветерка, влетевшего в распахнутое окно.

- Что это? - удивилась Мария. - Ни иконы, ни лампадки ведь не было? Дверь была заперта! - и тут же усмехнулась. - Что значит заперта? Ключ-то под притолокой, что над дверью со стороны крыльца. От кого тут что прятать?

На скамейке перед домом сидел незаметно появившийся сосед.

- Вы уж извиняйте, похозяйничал, решил войти, иконку повесить. Мало ли что. Человек, вижу, вы хороший. - Больше ничего не сказав, ушел, тщательно закрыв за собой скрипучую калитку.

Береза, росшая перед домом, шелестела уже давно не липкими листочками.

- Вот и поговорили, - высказалась Мария, обращаясь к дереву. - Уж ты-то, верно, многое здесь видела и много знаешь. Рассказала бы?

Но в ответ слышался только тихий шепот листвы, а в пристройке, на плите, громко посвистывая, стоял чайник, оповещавший, что он вскипел.

Вернувшись в избу с чайником, проворчала:

- Чаю не с кем попить. - И, как показалось Марии, кто-то ответил:

- Почему не с кем? А с нами?

- Что за чушь? Может, водитель-мужичок вернулся? Или от тряски голову растрясло?

Заварив чай в изящном чайничке, расставила красивые чашечки на блюдечках, насыпала в сахарницу привезенного песка, положила на тарелку мягкую буханочку хлеба, отрезала большой ломоть, водрузив на него толстый кусок еще свежей вареной колбасы, включила приемник.

- Вот и чудненько!

Под звуки рэпа, наполнившего дом, приступила к чаепитию. Половицы старого дома стали поскрипывать, будто по ним кто-то ходил приплясывая или пританцовывая.

- Ну и домик! Видно, такой старый, что от музыкальных звуков потрескивает! - высказалась Мария, глядя на лампадку, подмигивающую медленно, но ритмично

Проснулась Мария на кровати. Как она здесь оказалась, не помнила. Верно, так устала с поездками да мытарствами по городку, по деревенской трассе, что, попив чая, в полусне добрела до постели. Ходики, подаренные Прокопычем, мерно отсчитывали минуты. Гири неторопливо, через каждый стук, отмеряли свой шаг в сторону пола.

- Интересно, кто же в мое отсутствие гири подтягивал? Ведь механического завода им хватало лишь на сутки?

Но размышления Марии прервал хотя и хриплый, но громкий голос петуха. Петух исполнял свою раннюю петушиную песню. Глазастая полная луна еще висела над землей. Царица ночи пристально, не мигая, смотрела на Марию через оконный проем. Полнолуние! Проснувшиеся вороны пронеслись на фоне сверкающей луны, громко каркая, словно только что свершили черное дело.

В доме у Марии происходили странные вещи. Длинный обеденный стол с лавками вдоль стены, как его ни драила Мария, постоянно темнел, словно его не мыли долгие годы. Эта часть дома неизменно сохраняла свой прошловековой вид. Сначала это удивляло, потом стало беспокоить Марию. Но постепенно с этим она смирилась и не стала обращать никакого внимания на шутки старого строения, считая это каким-то аномальным явлением в природе. Но на столе вскоре стали появляться зарубинки - отметинки, сделанные ножом.

- Что это? Откуда? - однажды спросила она у Прокопыча. - Пойдемте, покажу!

- Откуда? Оттуда! - Но от предложения войти в дом решительно отказался. - В этот дом я не вхож. Хватит и одного раза.

- Вы о чем?

- Да все о том! - снова ответил старик. - Может, черная старуха расскажет. Спросите. Она раньше здесь жила.

- Она? Здесь? А сейчас почему в другом доме? - на что Прокопыч, как всегда, ушел от разговора, вспомнив какой-то нелепый случай с бараном. - А кто хозяин у дома? Могу ли я с ним встретиться? Оплатить за «хоромы»? - продолжала допытываться Мария.

- Кому платить? Некому платить! - почти огрызнулся Прокопыч. - Они все туда давно ушли. Их нет!

- Куда ушли?

- Больше не спрашивайте! Туда! - и Прокопыч поспешил в сторону своего дома.

Попривыкнув к поведению дома, Мария все же стремилась понять, что происходит и что является причиной таких аномалий. Не найдя для себя никакого объяснения, однажды взяла и спросила громко и выразительно:

- Дом, ответь мне! - После этих слов изба неожиданно стала наполняться людьми, появившимися из пустоты. Фигуры ходили по дому, были слышны скрипы половиц. Один старичок почти вплотную подошел к кровати, на которой лежала Мария, и внимательно на нее посмотрел. Две молодые женщины уселись на печи, свесив ноги, беззаботно болтали, касаясь голыми пятками печных отдушин. Часть пришедших расположились на лавках вокруг стола. На той части стола, той, что всегда темнела, появились разные предметы. Кто-то, смочив льняную нитку дегтем, подшивал валенки, кто-то из глины мастерил игрушки-свистульки и даже небольшие горшочки. И никакого звука, кроме упавшего возле печи ухвата да опрокинутого пустого ведра.

- Это что, сон? Или разгулявшаяся писательская фантазия?

Мария, словно примагниченная, лежала на своей деревянной кровати не в силах от нее оторваться. Да и зачем? Что она могла изменить? Один из немолодых гостей даже попробовал покрутить колесико у приемника. Но батарейка, к счастью, села, а потому приемник молчал. Неожиданно все встали, поклонились в сторону правого угла, где висела икона, и так же внезапно исчезли, как и появились. Лишь только скрип половиц выдавал их приход, а затем и уход. Занималась заря, окрашивая верхушки сосен легким розовым свечением. Раннее сумрачное небо очень быстро светлело, словно торопилось осветить землю солнечным светом. Мария лежала, будто парализованная увиденным. Смешанное чувство страха, любопытства необъяснимого захватило ее целиком. Доселе молчавший приемник вдруг издал звуки, затем выдал музыку победного марша.

- Наверное, батарейка сама встала на место. Есть питание - есть трансляция! - подумала Мария.

Но музыкальные звуки так же неожиданно оборвалась, как и появилась.

По грибы

Наступивший день был обычным. Ранним утром у ворот послышался голос Прокопыча:

- Мария, никак спишь? Ведь за грибами собрались? А то перерастут. Нынче белых-то пропасть! Посушишь, - продолжал Прокопыч. - Зимой варево будет!

Наспех собравшись, Мария вышла из дома.

- А чего такая смурая? - поинтересовался единственный мужчина деревни. - Хотя оно и понятно: деревня - не город. Завянуть тут можно.

- Прокопыч, - спросила Мария, - ты бы лучше рассказал про все дела, ты же знаешь! И про жительниц - твоих соседок?

- Да что рассказывать, - ответил старик, бодро шагая рядом с Марией. - Что говорить о них? Пелагея живет здесь смолоду, как и я. Вместе гуляли, под гармошку каблуками дробили. Считай, всю жизнь здесь прожили. Раньше в деревне была уйма народа. Да кто куда подался. Кто в город на заработки, кто помер. Оба мы вдовые.

- А Евфросиния? - спросила Мария.

- Она пришлая. Давно появилась, но откуда - не ведомо. Странная старушка. Возникла - и все! Вот и живет. А ты чего гриб не срезаешь? Смотри, какой здоровяк! Кряжистый! На целых полкило вымахал. Хотя я предпочитаю беленькие собирать поменьше размером.

И Прокопыч, вновь уйдя от разговора о жительницах деревни, стал рассказывать Марии о способах сушки, соления, консервирования грибов, о тех доходах, которые можно иметь, если заниматься грибным делом.

- Как только насушим белых, подберезовиков, подосиновиков, - продолжал дед, - появится на мотопырке скупщик. Все заберет. И куда ему столько? Видно, на продажу или в кафе. А нам разве плохо? Доходец, прибавка к пенсии. Через месяц примерно снова почтальонша с лавкой заявится. Деньжат да продуктов привезет. Вот и пополним наши запасы крупами, мукой, сахарком да маслицем. А овощи да живность своя есть. Вот так и живем. Тебе бы тоже хотя бы курей завести. Хлопотно с кормами, но... А ты еще, чай, не на пенсии? - неожиданно свернул Прокопыч продовольственную тему.

- Уже, только что, - ответила Мария.

- Потому сюда и подалась. Возраст - дело такое - относительное. Можно быть молодым, но старым. А можно и наоборот! - неожиданно закончил философствовать Прокопыч. - Ты здесь покружи, если что, поаукай. Далеко не ходи, чтоб деревня была видна. А я загляну на свою поляну. - После этих слов дед, сам похожий на гриб увеличенного размера, растворился в кустах.

Покружив по окрестностям, пошарив под елями, березами,

под осинами Мария набрала почти целую корзину грибов, усевшись на пень, стала размышлять о ночном визите в дом непонятно кого. За этим ее застал старогрибник, неся полную бельевую корзину с будто нарисованными художником образцами прекрасных грибов. Шоколадного цвета шляпки белых на округлых бочкообразных ножках сказочно смотрелись среди красноголовых подосиновиков. Менее выразительными были подберезовики. Но если бы они лежали отдельно, то тоже были бы неотразимы: свеже-тугие светло-коричневые шляпки сидели на чуть покрытых тычинками белых грибных немного тонковатых ножках.

- Не корзина с грибами, а натюрморт! - засмеялась Мария, любуясь собранными и красиво, со вкусом лежащими в корзине лесными дарами. - Прокопыч, а вы случайно не художник?

- В следующий раз, - не обращая внимания на высказывания Марии, молвил грибник, - сведу туда, куда ходил. Вишь, разведка каких языков нахватала за той балкой. Тут недалече. Километра два, не более! Но пора возвращаться до дома. Небось, оголодала?

- Пора, но что-то не хочется.

- А почему?

- Да так. Красиво здесь ... Лес чистый. Воздух - хоть пей. Не то что в городе.

- А... - протянул дед. - А я думал про другое. Неохота назад вертаться? Понимаю. Привыкнешь тут ко всему. Главное, не трусь! Это не опасно, - добавил Прокопыч, когда подходили к деревне. - Я пошел. Кур да кроликов надо кормить. Курица, правда, и сама себе пропитание отыщет. Лапками погребет, семечко, червячка найдет. Это, конечно, летом. А вот кролики в загончике, в неволе. Их кормить надо.

Дом встретил Марию тишиной и прохладным уютом. Почистив грибы, разложив на решеточки, подаренные накануне Прокопычем, Мария затопила печь.

- Картошка с грибами - прекрасное провинциальное блюдо! - сама себе сказала хозяйка, доедая деревенское жаркое.

Самовар веселее пофыркивал, выпуская через повернутый краник воду в чашку, где лежал пакетик с чаем.

- А теперь пора и за работу! - Мария сказала об этом так громко, что изумилась сама себе.

Но, несмотря на удивление, продолжала:

- Вот что значит привычка находиться постоянно среди людей? Всегда кто-то чего-то спрашивает. Надо отвечать, порой не поворачивая головы. А тут? Поговорить и то не с кем. Нет, нужно хоть кошку завести. Но где взять котенка? И чем я буду его кормить? Грибами с картошкой?

Необычная гостья

Кошка неожиданно пришла сама. То ли из другой деревни? «А может, кто завез и бросил?» - подумал Мария, Но, в то же время, как ей показалось, гостья вышла прямо из стены. Прошла сквозь толстую приколоченную дубовую дверь. Но Мария очень обрадовалась гостье и не стала над этим размышлять. Кошка же, вскочив на колени к Марии, прижалась к ней и стала мурлыкать так выразительно, словно о чем-то рассказывала.

- Ах ты, милая! Откуда ты, такая красивая, явилась?

Кошка действительно была красивая, не слишком крупная, с мягкой коричневой шерсткой и с рисунком на спине, напоминающим надпись, сделанную непонятными знаками. Одним словом, появившаяся представительница кошачьего сословия явно изъявляла желание остаться жить в доме.

На другой день, как всегда, Прокопыч, подойдя к распахнутому настежь окну, заглянул с обычным вопросом:

- Живы? Я тоже. - Но, увидев кошку, воскликнул. - Ингурка? Ты ли это? - На что кошка, посмотрев на Прокопыча злыми глазами, убежала под печь.

- Откуда она взялась? А что это Ингурка, я не сомневаюсь. Только у ней был на спине такой рисунок! Но ведь прошло столько лет? Мы еще были пацанами, когда в деревне появился негр с этой кошкой. Мальчишки дрессировали ее, заставляли танцевать и прыгать через палку. Она очень сердилась, но все-таки исполняла нами придуманные номера.

- Но ведь кошки, - удивилась Мария, - столько лет не живут?

- То-то и оно! Ингурка, Ингурка! - позвал Прокопыч. - Я не буду тебя мучить! Хочешь курятинки? Для Марии нес. Для тебя кусочек, думаю, выделят! Ингурка, Ингурка! - повторил Прокопыч.

Кошка вылезла из-под клети и прыгнула на подоконник к старику.

- Точно. Это она. Вон и ухо правое чуть надорвано. Ванька тогда перестарался. Идиот! Чудно как-то все! - вздохнул Прокопыч, вручая Марии куриную тушку. - Хочешь, вари. Хочешь, запеки в печке. Нынче курей много. И Прокопыч, продолжая глубоко вздыхать, направился к воротам, остановившись, добавил:

- Ты у Пелагеи спроси. Племянница у ней жила по мужской линии вместе со знакомой. Может, чего Пелагея побольше расскажет.

Марии нравилось бродить по лесу, дышать пусть уже не цветущими растениями, а запахами начинающих желтеть листьев.

Лето ушло в прошлое, осень потихоньку предъявляла свои права. От большого количества свежего воздуха хорошо спалось. Да и прислушиваться к ночным звукам Марии надоело. Возможно, их стало меньше? Дом принял ее к себе? Возможно, и кошка своим присутствием действовала успокаивающе, одним словом, дом замолчал, почти переставая проявлять свои странности. Марии уже стало казаться, что все, что с ней было - это какой-то полусон разыгравшейся писательской фантазии. Смущало только то, что появившаяся кошка, как уверял Прокопыч, была именно той, из его детства. На что Мария находила объяснение. По законам Менделя далекие наследственные признаки могут проявиться и через несколько поколений. И этот рисунок на шерсти - тоже результат из области генетики. Только вот поведение кошки иногда наталкивало на мысль, что здесь все-таки что-то не так. Кошка часто подходила к стене, к которой была приколочена дубовая дверь, словно прислушивалась к чему-то. А дверь была просто декоративным украшением, за которым не было ничего, кроме бревен стены дома.

Неожиданно наступила зима. Хорошо, что буквально накануне успел появиться трактор с заказанным продовольствием и почтальоншей.

- А мотопырка! - сокрушался Прокопыч. - Так и не явилася. Зря столько грибов насушили! Видно, сломался транспорт у парня. А можь, он и сам того? Мало ли. Всяк в жизни бывает! Но наш товар, Марьюшка, не портится. Главное - мешок с грибами под потолок повесь, поближе к печи, год провисит. Теперь-то мы уж точно, - продолжал старик, - отрезаны от всего мира. Как-нибудь прокукуем до весны. Вот так-то, Мария. А то, если хочешь, переселяйся в мой дом, хотя... - Прокопыч вдруг замолчал.

- Конечно, можно, - ответила Мария, - но свой дом - есть свой дом. Тем более, я живу со стучащей машинкой как с товарищем по работе. Не хочу мешать. Да и вы, вижу, не очень рветесь жить в сообществе? Все здесь привыкли жить по одиночке.

- Что верно, то верно, - ответил Прокопыч, стоя возле калитки. - Ты дорожку к колодцу почаще от снега чисти, а то навалит, без воды будешь. Пока землю морозит еще слегка дедуля-Мороз. Керосинчик зря не жги, да и дровишки экономь. Где их зимой добыть-то. Те, что из лесу натаскали, попиливай, не ленись. Все при деле. А то и с ума можно сойти в нашей-то глухомани. Никуда ведь теперь не подашься! - и Прокопыч ушел.

- Эх, Ингурка, Ингурка! - вздохнула Мария, глядя на кошку. - Чем я тебя кормить-то буду? Придется на консервы налегать, уж не взыщи. В пристройке мыши бегают, вот и кормись по случаю. А пока не замело, сходим-ка к Пелагее за молоком да за сметаной.

Козы-то у ней еще дойные.

Подходя к дому белой старушки, Мария увидела, как та, стоя у крыльца, смотрит в сторону леса и бесконечно крестится. «К чему это?» - подумала Мария. Увидев соседку, Пелагея опустила руку и сделала вид, что хочет взять хворостину со ступеней. - И чего стесняется? У каждого свой бог, своя вера.

- К вам можно? - спросила Мария.

- А почему нельзя? - доброжелательно ответила старушка. - Коза Зойка куда-то подевалась. Волки еще далеко, свои логова обихаживают. Уж потом появятся, как оголодают. Вы уж кошку на двор не выпускайте. Мало ли что. В позапрошлом году была в деревне не одна, всех клыкастые перехватали. А кошечка-то ваша мне знакома! - вдруг неожиданно, странно улыбнувшись, продолжала Пелагея. - Ингуркой звать. Прокопыч давеча сказывал. Садитесь, - предложила хозяйка, постелив на ступеньку крыльца толстый домотканый половик, сложенный в несколько рядов. - Хотите узнать про племянницу и ту женщину? Так слушайте и ничему не удивляйтесь, главное, не пугайтесь. Да, - махнула Пелагея рукой, - теперь вы никуда до весны не уедете. Уйти отсюда трудно. Сто с лишним километров по такой дороге, точнее, по бездорожью, по глубокому снегу будет не под силу. Но знать кое-что вам следует.

Как объяснить, что старушка вдруг заговорила? Наверное, предчувствует - приближается зима.

- Не природа и не зима, - мысленно отозвалась Пелагея, - а желание освободиться от гнетущих воспоминаний. Но вслух произнесла:

- Время здесь остановилось, вы разве этого не почувствовали? Так слушайте. Давно это было. Деревня наша была многолюдной. И дорога в мир, пусть и просеками, но существовала. Пока не появилась Евфросиния. Откуда она взялась, никто не помнил. А поселилась она в доме, в котором вы сейчас живете. А дом-то был вроде постоялого двора, по-нынешнему, если говорить, что-то вроде гостиницы. Но многие, что останавливались у ней на ночлег, куда-то исчезали. Многие. Много уж лет никто не заходит в дом. Боятся. Исчезли из него все его хозяева. Ушли в никуда. Жил у ней постоялец - квартирант, старичок ученый по инженерной части, исчез. Вскоре пропали две веселых подружки - туристки. Исчезли разом. Искали, не нашли. Как сквозь землю провалились. Куда-то подевался немолодой механик, непьющий, негулящий. С тех пор стал люд утекать из деревни. Кто в город, кто в другие селения подался. Природа здесь замечательная, только далеко расположена деревня от центров. Но слава нехорошая. «Чертов угол» - как его величают в народе. А мы вот

себе живем и вроде ничего. Только оба с Прокопычем вдовые. Детей у меня всего один сын. Где бродит, не знаю. Как говорится, ни слуху ни духу. А Прокопыч бездетным так и прожил всю жизнь. Дуняшка его рано померла. Он считает, в этом виноват наш «чертов угол», скорая не доехала. А вот пенсионные, хоть и гроши-грошовые, за колхозную работу начислили. И Евфросиния получила по каким-то справкам, хоть век в колхозе не работала. По каким - не знаем. И не наше это дело.

- А почему, - спросила Мария, - вы с Прокопычем в мой дом не заходите? Даже разговариваете через окно или калитку в воротцах? Я ведь не исчезла. И почему раньше ничего не рассказывали?

- Не хотели говорить, потому что вы нам приглянулись, боялись, что уедете. Сами понимаете, как нам тут пустынно жить. А дом ваш проклят людьми. Ведь его хозяева и все, кто в нем оказывался, потом исчезали. Одна Евфросиния, пожив там, цела, но и она ушла в пустой дом, что на краю деревни. Как живет, чем живет - не известно. Черная старуха. Но жаль ее, помогаем чем можем. Ведь у каждого своя судьба, а чужая душа - потемки.

- А почему тогда я до сих пор не исчезла? Живу в доме невредимой? Правда, была с его стороны попытка попугать меня! Верно, дому я понравилась.

- Не совсем так. Прокопыч постарался. Святой водой стены, двери, окна, углы окропил да икону с лампадкой повесил. А еще оберег возле дома соорудил. Вы разве не заметили деревянную вырезанную из пня фигурку, что у крыльца?

- Заметила. Его спросила, не художник ли он?

- Настоящий, народный, - вздохнув, улыбнулась Пелагея. - Мы ведь очень старые, а по годам вроде еще не совсем. Время-то здесь остановилось. И вы долго будете в том возрасте, в котором сюда пришли. Года будут идти, возраст ваш будут замерять цифрами, а вы, как и мы, будете все в том же возрастном времени. Это случилось с тех пор, как появилась Евфросиния. Мы не знаем, что это такое. Может, - перейдя на «ты», продолжала Пелагея, - чего выведаешь у самой Евфросинии? - С этими словами, поклонившись Марии в пояс, Пелагея совсем не по-старушечьи вбежала на крыльцо. - Но я не все рассказала. Коз пора доить. Приходи завтра. Творожок поспеет. С этими словами Пелагея плотно затворила за собой входную дверь.

- Почему, - вновь подумала Мария, - меня не приглашают в свой дом ни Пелагея, ни Прокопыч? Наверное, я носитель чего-то такого, что может войти вместе со мной? Ну и дела! - глубоко вздохнув, Мария неторопливо направилась в сторону своего дома.

А из-за желтеющей листвы огромного куста за ней следили

сверкающие не старческим блеском глаза черной старухи Евфросинии. Однако кошка Ингурка, чуть отстав от Марии, громко мяукнув, прыгнула на ветку с явными боевыми намерениями.

Наступление следующего дня Мария ждала с нетерпением. Примерно прикинув по времени «рабочий день» Пелагеи, отправилась к дому белой старушки. Пелагея поджидала ее на крыльце почти в той же позе, в которой обычно сиживала: глядя вдаль. Без всякого вступления начала свой рассказ:

- Давно это было. Деревня наша, как я уже сказывала, была многолюдной. Однажды ко мне из города приехала племянница по мужниной линии, а с ней ее знакомая. Лихая бабенка. Весь фронт прошла от Пскова до Будапешта. Грудь в медалях и орденах. Хватка солдатская. Смелая баба. Да и сильная. Сколько мужиков с поля боя израненных на себе перетаскала. Сколько жизней спасла. Катериной звали, по отчеству, кажется, Перфильевной.

Не желая нам с племянницей мешать, поселилась еще при жизни хозяев в том доме, который теперича, Мария, твой. От хозяев она и прослышала про дальний хутор, что еще дальше от нас в глубине леса. Как ни отговаривала ее старая Ермолаиха, говоря: «Нечего там делать! Черное это место. Не один смельчак хаживал, а потом или исчезал, или с ума свихивался. Особливо если за душой какой грех имел. А безгрешных людей, считай, нету». Не послушалась Катерина, пошла. А ведь люди, зная про дурную славу того хутора, даже на дрова не растащили. А можь, и оттого, что далековато. Другие поговаривали: возьмешь хоть гвоздь ржавый - приведешь за собой темную силу. В доме том давно никто не жил. Одна москвичка то ли не знала, купила его за бесценок. Но как одолели ту женщину «стукачи». Что ни ночь, шаги по чердаку да постукивание. Женщина была тоже не из трусливых, раньше спортом занималась, пыталась найти причину стуков. Как застучат, заходят по потолку, она за фонарик и на чердак. Звуки стихнут. Вроде, говорила, все щелочки, уголки у потолочины знала, а поди тебе, снова шишек не сосчитать! Устала она от этих стуков, бросила дом, так как продать некому. Слава уж очень плохая.

- А куда подевалась та москвичка? - спросила Мария.

- Да кто помнит? Верно, в город подалась, а может, и нет. Так вот, - продолжала собеседница свой рассказ. - Решила Катерина сама сходить на заброшенный хутор, тоже со «стукачами» познакомиться. На фронте не на такие страхи насмотрелась, как говорится, «прошла сквозь огонь и трубы, да не попала черту в зубы». А тут какая-то развалина, дом заброшенный. Невидаль

какая!

Старый дом встретил Катерину затхлостью, мертвой пустотой. В доме можно было бы жить, если крышу подлатать, дыры в навесе заделать. Скрипучие половицы, печь, старый сундук возле стены да одна кривая лавка, - вот и все богатство. Ночевать Катерина не собиралась. Да и зачем? Если долго не задержаться, то можно к ночи успеть назад вернуться. Но потом передумала, решила все-таки провести там ночь.

Время незаметно подбиралось к Катерине, уставшей от дороги по лесным завалам. Она, устроившись на сундуке, ублажала себя веселыми нотками: «Вот, мол, что такого? Хутор как хутор. Дом как дом! Тоже напридумывали: стукачи там какие-то. Деревенские все сказки! Сядет солнце, тогда посмотрим и послушаем!» Но, когда стемнело и луна заглянула в окно, непонятное волнение, граничащее с каким-то тяжелым внутри тела напряжением, стало овладевать Катериной.

- Ой! - молвила Мария, - как похоже на то, что было и со мной в моем доме поначалу!

- Ясное дело! - отозвалась Пелагея.

- Что ясно? - перебила ее Мария.

- Ясно, что дело темное. Так слушай, коли хочешь знать, - отозвалась Пелагея, продолжая рассказ:

- Ничего, - успокаивала себя Катерина. - Сейчас свечку зажгу, посижу, послушаю, если они есть, этих «стукачей». Не беда, что на дворе ночь. Могу и печку затопить. Не в такой темноте шарахались на фронте. Только так подумала, как в сенях что-то загремело, будто уронили корыто, которого там не было.

И что-то непонятное стало наполнять избу. Спокойно горящая зажженная свеча заколебалась, язычок пламени заплясал мелко и судорожно. Со всех сторон стали выползать черные тени, а в углу, под самым потолком, возник лик женщины. По описанию Катерины, - продолжала Пелагея, - очень похожа на Евфросинию, хотя с ней она еще не встречалась. Где-то за потолочиной застучало сначала тихо, затем все яснее и настойчивее. Долго ли были видение старушечьего лица, а также звук, идущий с потолка, Катерина не запомнила, так как была поражена появлением силуэта черного человека без лица. Расплывчатая фигура медленно надвигалась на Катерину, и она инстинктивно закрыла лицо руками, громко закричала:

- Уйди, нехристь. Черная твоя душа! Сгинь! Кто впереди, того по груди! Кто по бокам, того по рукам! Кто сзади стоит, тот в огне горит! - неожиданно для себя прокричала Катерина детскую кричалку.

Что было потом, не помнила. Но когда Катерина открыла

глаза, было светло. Она сидела на сундуке, привалившись к стене спиной. На полу валялись сиреневые бусинки от ее ожерелья и разорванная холщовая ниточка от нательного крестика, что навязала ей на дорогу старая-престарая Ермолаиха, последняя хозяйка твоего, Мария, дома. Больше Евлампию Ермолаевну и ее деда Тимоху - Тимофея Ивановича, царство им небесное, никто не видел. Но зато неизвестно откуда взялась Евфросиния. А потом и пошло и поехало. Стали разъезжаться и исчезать люди. А кто в город подался, а можь, еще куда, вообще непонятно. Тогда и мой сынок уехал. Да так и не объявился по сей день.

- А что стало с Катериной? - спросила Мария.

- А кто знает? Племянница моя по мужниной линии куда-то завербовалась, уехала. С Катериной она так и не встретилась. Разминулись. Эту историю я услышала от самой Катерины. Больше она к нам не приезжала. А Евфросиния вскоре из твоего, Мария, дома ушла жить в пустующий на краю деревни, где сейчас и проживает.

- Так вот почему вы не заходите в мой дом? - усмехнулась Мария, - Думаете, что из него исчезнете? Но я вот не исчезла? Даже, наоборот, с прибавлением! Кошка Ингурка появилась.

- Она-то появилась, а куда подевался ее хозяин - негр? Он ведь тоже исчез?

- Сколько же вы мне загадок загадали. На целую зиму хватит разгадывать. Хотела писать о селе, о жизни одиноких стариков, а вот на тебе! Опять целая фэнтази-история получается?

- Получается, - усмехнулась Пелагея. - Для разгадки Евфросинию попробуй разговорить. Да ты постой! Не уходи! Я сейчас творожок принесу, с вечера отварила! Для удаления пахты вот над тазиком в марлевом мешочке на кухне висит.

После рассказа Пелагеи о событиях, связанных с ее домом, Марии вдруг совершенно расхотелось возвращаться в свое жилище. Но не ночевать же на улице? Войдя в переднюю, осмотрелась по сторонам. Какое жалкое убожество? Эти бревенчатые стены, деревянные лавки, постоянно темнеющий стол? Даже побеленная печь уже не вызывала прежнего восторга. Радовало только то, что в доме после уже рано темнеющего и прохладного вечера было тепло. «Пожалуй, - подумала Мария. - Пора в доме создавать уют, иначе можно, действительно, как говорит Прокопыч, завянуть». Она достала из-под рогожи в углу подаренные городской приятельницей, которая была связана с домом народного творчества, домотканые половики, на стол постелила вышитую крестиком нитками мулине скатерть. Под иконку, что висела в углу, на полочку в виде уголка постелила кружевной платочек, затем, достав из чемодана куски цветного

ситца, принялась мастерить занавески на окна. Хотя от кого надо было зашторивать окна? От дедушки мороза, что пожалует в скором времени? Закончив с деревенским уютом, усмехнулась:

- Верно, думают старики: не жить мне здесь долго. «Кто где родился, там и пригодился»! Выросла на асфальте, туда, на асфальт, и тянет. Правда, Мурочка-Ингурочка? «Тишь у нас, да гладь, да божья благодать».

В окно неожиданно громко постучали.

- Кто бы это мог? - удивилась, чуть даже испугавшись, Мария, поспешно отдернула занавеску.

Под окном стоял парень.

- Я от Прокопыча. К вам можно?

- Конечно, - обрадовалась Мария. - Какими судьбами?

- Да вот за грибами приехал. Думал, не доеду, но сумел. А сейчас, видите, снег повалил? Теперь мне не выбраться. Если застряну, можно мне у вас остановиться?

- Милости прошу. Буду очень рада! Заходите, гостем будете! - обрадовалась Мария неожиданному гостю. А сама подумала: «Как знала, в доме «красоту» навела! Какой-никакой, но создала уют».

- «Незваный гость - хуже татарина!» - высказался незнакомец. - Как у вас красиво! - громко и улыбчиво высказался молодой человек, входя в дом. - Как будто попал в деревню к своей бабушке. Только ее нет, как и самой деревни.

- А где ваш двигатель внутреннего сгорания? - спросила Мария. - Мотопырка, как называет мотоцикл Прокопыч.

- Заглох. Там на дороге стоит. Можно я его закачу к вам во двор?

- Не вопрос. Конечно, закатывай! - Мария действительно была рада гостю, нормальному молодому человеку без загадок и всяких умалчиваний.

Самовар весело попыхивал на сосновых шишках, выпуская с носика струйку кипящей воды. Керосиновая лампа, зажженная по случаю прихода гостя, освещала на полную мощность помещение мягким неброским светом.

- Я - Санька, Александр. Студент-заочник. Путешественник и грибной спекулянт! - весело говорил гость, нежась возле печки, с аппетитом прихлебывая чай. - Кошка у вас красивая, необычная. В городе кошек много, но я почему-то таких не видел. Импортная? Из-за границы привезли? Вы, говорил Прокопыч, писатель? Наверное, много ездили?

- Эй, Мурка! Ты куда? - воскликнул гость вслед убегающей кошке. - Чего это она вдруг испугалась? Я животных люблю.

Но кошка, подойдя к приколоченной к стене дубовой двери, вдруг коснувшись ее, словно слилась со стеной и растворилась.

- Что это с ней? - удивленно спросил Санька, недоуменно глядя на Марию.

- Вот и я так говорю и думаю, - погрустнела вдруг Мария. - Не понимаю, что здесь происходит? Называй меня тетей Марией.

- А знаете, тетя Мария, - вдруг, больше не удивляясь, неожиданно предложил Саня, - можно я у вас останусь до следующей сессии? Грибы ведь не скиснут? Мы с вами чего-нибудь и разумеем.

Так в доме у Марии появился постоялец студент-заочник юрфака университета, Александр по фамилии Топик.

Зима грянула неожиданно, засыпала округу снегом, намела сугробы. Но Марию она уже не пугала. У нее был помощник. Парень с утра очищал от снега тропинки, помогал пилить дрова. При помощи двуручной пилы и у Марии получалось неплохо. Вода - в колодце рядом с домом. Продукты, заготовленные с осени, конечно, не были рассчитаны на зимовку двух едоков, но пока были. Прокопыч подкинул два мешка картошки, Пелагея выделила моркови, свеклы, лука, да и на козлятинку не поскупилась. Куры зимой неслись плохо, а потому яичко только экономилось к Христову дню. Третьего едока в доме не было. Ингурка пропала, похоже, навсегда, оставив своим исчезновением очередную загадку.

Молодой человек оказался очень общительным, начитанным, с ним было интересно разговаривать. А поэтому все, что происходило ранее в доме у Марии, стало доподлинно известно Александру. И история с Катериной Перфильевной на дальнем хуторе тоже не осталась без внимания. Через несколько дней Санька предложил Марии начать раскрутку Евфросинии.

- Надо, - предложил он, - войти к ней в доверие, заманить в ваш дом и вызвать на откровенный разговор. Не может же живой человек один, сидя у себя, все время молчать? Это, тетя Мария, я беру на себя, - сказав так, студент отправился, расчищая тропу деревянной лопатой, прокладывать путь к дому черной старушки.

Прокопыч высказанную Александром идею не поддержал, но и не отверг. Тем более, что пробиться сквозь снег, а его намело предостаточно, было старику не под силу. Как там зимует Евфросиния, они почти не знали. Видели только издали, что ходит возле дома, значит, жива.

Как и о чем Санька с ней разговаривал, никто не слышал, но старушка согласилась придти в дом к Марии. С раннего утра Мария поставила тесто на закваске, которую ей дала Пелагея. К вечеру все было готово к приему гостьи. Картошка, развaристая перловая каша, пироги с ягодами и с капустой украшали стол. Черная старушка вошла в дом вместе с Санькой, держась за

толстую суковатую палку. Было видно, что здоровья в ней не прибавилось по сравнению с летом. Но глаза были все те же - черные, не по-старушечьи сверкающие. При ее появлении фитилек лампадки, дрогнув, погас, а маленькая намоленная иконка, соскользнув вместе с платочком, повисла, еле держась на холщовой веревочке, а затем рухнула на пол. Неторопливо переступив через порог, вошла и, не перекрестившись, села у края стола.

- Что вы от меня хотите? - спросила глухо и мрачно. - Желаете узнать, кто я? Откуда взялась? Куда исчезали люди, попав в этот дом, и те, которые в нем жили? И почему я ушла из этого дома? - вопросы были поставлены и сформулированы, несмотря на возраст Евфросинии, очень четко. - Я - не Евфросиния и не житель деревни. Я из того мира, который существует параллельно с вашим. Я - оттуда.

- Вы ничего по старости не придумываете, не путаете? - спросил Санька. - Если оттуда, то почему здесь? То, что происходило, мне тетя Мария пересказала.

- Пересказала, - с неуважительной надменностью повторила Евфросиния, снова сверкнув черными глазами.

Неожиданно с улицы послышался звук, похожий на шуршание полозьев саней по смерзшему хрусткому снегу.

- Я гляну, тетя Мария! - и, схватив шапку с курткой, Сашка выскочил за дверь.

- Спрашиваете, откуда я взялась в этой захудалой деревеньке? Да с того самого хуторка и взялась. Катька-то свечу зажгла, а погасить забыла. И сгорел мой хутор - наше пристанище. Пришлось следовать за Катериной, создавать новую, невидимую для вас, живущих, связь с нашим миром.

- Спрашиваете, куда народ подевала? Они по своей воле отправились в потусторонний мир. Кто по возрасту, кто из-за научного интереса, кто ради шутки, а кто и по глупости. Сама видела: довольны. Иногда возвращаются в определенное время и на короткий миг и занимаются привычным ремеслом, но этого живущие на земле не видят. А покинула этот дом потому, что, отправляя хозяев дома в мир иной, невзначай задела и пролила жбан с освященной водой. А мы это не приемлем. Потому и пришлось снова покинуть дом. Поселиться в доме Прасковьи.

- А куда, Евфросиния Петровна, делась кошка Ингурка?

- Петровна ... Какая я Петровна! Прасковья Петровна была та, что жила в доме, в котором я сейчас обитаю. Кошка... Ингурка... Скотина непрокая. Из-за нее я и осталась по эту сторону при входе в чулан.

- В какой еще чулан? Нет в моем доме никакого чулана!

- Есть! Ты, хозяйка, плохо смотрела. Дверь-то, чай, дубовую видела, что к стене намертво приколочена! Это и есть темное место в твоем доме. Я бы и ушла, кабы икона в доме не появилась. С этими словами черная старуха встала и приблизилась к прибитой к стене дубовой двери. Из-под косяка, кувыркаясь, выкатился небольшой предмет, похожий на трехгранную пирамидку, через мгновение тяжелая дубовая дверь с грохотом отвалилась от стены и упала на пол. В стене зияло черное отверстие.

- Хочешь в ином мире побывать? Но возвращения не обещаю, - предложила Евфросиния, сверкнув одним черным глазом. - Что, боишься, тетка Мария? - снова вызывающе усмехнулась старуха.

- А чего бояться! - поправив нательный крест на груди, ответила Мария. - Двум смертям не бывать, одной не миновать! И она, чуть помедлив, хотела вслед за Евфросинией шагнуть в темное пространство. Но ее опередила Евфросиния. С неожиданной для старушки силой толкнула Марию из реальности в нереальность.

Возле дома Марии стоял Прокопыч, глядя на освещенные окна.

- Эй, Мария! Какой-то парень на снегоходе примчался, вроде, Саньку твоего прихватил. Тот только успел крикнуть что-то, но я толком не расслышал. Мария, чего молчишь! Печаль у нас: Евфросиния нисподобилась. Царство ей небесное. А, может, и не небесное? Как хоронить-то будем? Постоялец твой, палочка-выручалочка, умчался с этим шальным чертом. А Евфросиния? Чудно! Подошел, сидит на снегу, вся белая. Вроде на Евфросинию и не похожа! На Прасковью смахивает! Как у той, родинка на щеке. Знать, долго сидела. Вот и смерзлась. Вот что смертушка вытворяет! - почти прошептал Прокопыч, глядя на зашторенные окна. - Молчишь? - продолжал старик, вслушиваясь в тишину дома. - Никак и тут беда? Эх, была-не была!

Перекрестившись, Прокопыч вошел в дом. В доме никого не было. Лишь самовар еще продолжал кипеть, выпуская из себя во всевозможные отверстия горячий пар.

- Я так и знал, печально кончится эта история, - старик тяжело опустился на лавку. - Время, оказывается, не остановилось.

За занавеской кто-то зашевелился. Отодвинув полог, Прокопыч увидел Марию. Она спала, крепко сжимая в руке шариковую ручку. На полу, возле лежака валялся блокнот. Поднимая его, Прокопыч прочитал: «Думала написать о стариках, живущих в глубинке, а получилось...». Далее запись обрывалась.

- А что за дыра? - удивился Прокопыч, разглядывая отверстие в стене и рядом стоящую дубовую дверь.

- Это не дыра, а вход в чулан! - из темноты на свет керосиновой лампы вышел Санька, держа в руке свечу и кошку Ингурку. - Тоже мне. Мясца мышиного захотела,

- Как это? - оторопел Прокопыч. - Ты же на снегоходе умчался!

- Я? Вы что, сбрендили? Я в чулане старыми вещами занимался. А нашел кошку. Надо же! Подземное под домом хранилище оказалось, если бы не ее мяукание, век бы не узнали. Снегоход, говорите, видели? Это черт под старый Новый год развлекается! Пуржит, ветлами машет.

- Да ну тебя, пересмешник! Видимо, и впрямь что-то по старости напутал, али померещилось. Чайком не угостите, хозяева?

- Сейчас организую! Тетка Мария, хватит спать! Гость у нас!

Прокопыч, сидя на лавке, попивая чаек из красивой чашки, улыбчиво высказался:

- Одним приснилось, другим привиделось, третьим прифантазировалось.

Так и рождаются сказки, легенды, небылицы.

А у нас все по-настоящему.

P.S. Не успели как следует отзимовать, как накатила ранняя весна. Снег стал так интенсивно таять, что хоть не выходи из дома. Улыбчивое солнце делало свое дело. Как-то утром Санька сказал:

- Тетя Мария, мне пора. Иначе из института отчислят за несдачу рефератов и зачетов.

- Как добираться-то будешь? Твоя мотопырка увязнет в наших суглинках.

- А я пешком. Краешками, да овражками. Только сапоги резиновые на прокат выделите! А за мотоциклом, как подсохнет, с приятелем приедем. И грибы прихватим!

Ранним утром, как всегда, возле дома писательницы появился Прокопыч.

- Мария, слышь? Почта прикатила. Говорят, недалече богатенький дом построил, дорогу почти до нас довел. Еще столбы ставят. Электричество, как в городе, будет. И еще хорошая весть. К Пелагее сын приехал после службы, в плену был. В город поедешь? Трактор крепенький! Ты что, Мария, опять спишь?

Вот такой у нас деревенский воздух.

Приписочка

Дописывая эту полуфантастическую повесть о стариках,

живущих в отдаленных от цивилизации поселениях, задумалась над тем, как закончить повествование. Может быть, не надо печального конца в этой истории? И так хватает грусти в жизни. Я невольно вспомнила свой правдивый рассказ о «Быстроходной черепахе». На встречах ребята выражали желание сохранить ей жизнь. Но ведь в наших климатических условиях, оказавшись на воле, зимой она обязательно замерзнет. Сделать слащавый конец в угоду читателю? Тогда где ответственность за тех животных, которых мы берем к себе и приручаем? В том произведении такого оптимистического конца не могло быть. А в этой полуфантастике как?

Таинственный замок. Пришельцы из Фэнтези-страни-мании

Возвращение

Пройдя значительную часть жизни, полную событий, Мифодию вдруг захотелось побывать там, где прошло детство, где жил он у бабушки вместе с младшей сестренкой Аней. Сестра выросла, вышла замуж за военного, изредка навещает дом и бабушкину могилку. Продавать «поместье», как называет Анна когда-то крепкий, теперь старенький дом, не собирается, считая, что память предавать нельзя.

Свернув с асфальтированной трассы, Мифодий почувствовал, как колеса его «Опеля», перестав шуршать покрышками о цивилизованное покрытие, мягко покатились, слегка покачивая элегантным кузовом. Высотные городские дома остались где-то там, за поворотом. На скрытых, поросших зеленью ухабинках проселочной дороги спокойное, без встречного транспорта движение успокаивало, убаюкивало, словно он находился в деревенской люльке. Вид родных березовых рощ, пушистых ельников действовал на Мифодия сильнее всяких снотворных средств. Клонило ко сну. Сказывалась перегрузка последних дней, отнявшая много сил: восьмичасовой перелет с Мальты, оформление покупки квартиры, масса дел по благоустройству на новом месте.

- Может быть, - подумал Мифодий, - притормозить, остановиться и немного поспать?

Но впереди стали вырисовываться первые постройки, утопающие в буйной зелени отцветающих яблонь. Машина неторопливо двигалась мимо сиротливо стоящих заколоченных домиков, чуть ухоженных домишек, в которых еще не слышны голоса дачников, мимо полуразрушенных строений, на задворках которых возвышались каменные коттеджи. В отдалении Мифодий заприметил красивое здание с причудливыми, навороченными украшениями вдоль карнизов, с необычными фигурными воротами и высоким каменным забором. Кругом много незнакомого, но и узнаваемого в деталях. Вот голубятня соседнего дома. Вроде она, а вроде и нет? На крыше - вороны. Возможно, среди них те, что жили на бабушкином сарае? Для ворон двадцать пять лет - не годы!

- Столько лет прошло, как я не был здесь, - вздохнул Мифодий. - Работа за рубежом, бесконечные поездки, командировки, просиживание за письменным столом -

безвозвратно поглотили годы жизни. Сестра Аннушка с мужем военным, с детьми, тоже кочует, наконец, осели в не очень дальнем городе. В последнем письме договорились встретиться в бабушкином доме.

Машина с главной деревенской улицы круто свернула в отдаленный проулок. За полуразвалившимся забором, среди густо заросшего яблоневыми дичками сада, стоял старый дом. Странное непонятное доселе чувство овладело Мифодием еще при въезде на полузнакомую улицу. А сейчас, при виде дома, сердце стало то замирать, то так колотиться, что пришлось остановить машину. Руки соскользнули с руля и повисли, словно плети. Слабая истома наполнила тело, было ощущение, что в него вошло туманное облако.

- Вот он - родительский дом, где прожиты незабываемые счастливые, беззаботные годы в окружении любящих тебя людей. Сейчас, - подумал Мифодий, - выйдет на крыльцо бабушка и станет журить, что долго не приезжал, а маленькая сестренка примется обнимать, целовать в щеку и говорить, говорить сразу много и обо всем. Но вместо невозможного возвращения в прошлое, словно из-под земли, выросла фигура крупной старухи в мужском пиджаке, подпоясанном цветным женским платком.

- Пожалуйте! Кажись, братенец? - громогласно высказалась обладательница мужского пиджака, судя по сильному голосу, еще не дряхлая женщина.

- Браток мой, царство ему небесное, велел передать ключи от дома. Сестрицы вашей что-то давненько не видно? Чай, опять далеко сослали служить? Дом как могла оберегала. Цел. Только часть забора и сарая спалили. Строили тут недалече. Спасибо воронам скажи. Чуть что, такой хай устраивают! Мертвого поднимут! - И добавила: - Без хозяина дом - сирота. Без хозяина нечисть и вокруг, и в доме, заводится. С этими словами, вручив Мифодию ключи, хранительница дома исчезла так же внезапно, как и появилась. Вороны, может, те, из далекого детства, а, может, и другие, сидя на крыше ветхого дырявого сарая, подозрительно поглядывали и на появившуюся машину, и на ее хозяина, шагнувшего в сторону крыльца. Возможно, две из них, более лохматые, не столь гладкие, как остальные, то есть более старые вороны, совсем тихо, слегка подкаркивая, переговаривались на своем вороньем языке и только. Но громкого вороньего крика не последовало. Крупная взъерошенная ворона, словно чем-то подавившись, промолвила:

- Я - птица вещая. Наша жизнь каким-то образом должна измениться, раз приехал хозяин - Мифа!

- Мифа! Мифа? - чуть громче прокаркал старый ворон. - Карр-

кой тар-кой Мифа?

- Мифодий! Мифа! Ну и склерозник! - уже более громко каркнула в ответ подруга-ворона. - А еще уверял, что мы - долгожители! Можем до четырехсот лет быть в здравии! Верно я говорю, кот Объедун? - на что большой черный кот по имени Объедун никак не отреагировал. Свернувшись в плотный комок, кот продолжал спать на краю крыши.

Бабушкин дом, казавшийся Мифодию в детстве таким большим, был совсем не велик. Но это было деревянное творение зодчества XX века. Как любой заброшенный, дом имел изъяны: дырявую железную крышу, подгнившие бревна стен, заколоченные окна.

- Развалюха! - высказался Мифодий. - Чинить нет смысла!

- Нет, нет! - поддакнула одна из ворон.

- Не хорош! - добавил ее друг - ворон.

- Точно, не хорош! - подмяукнул проснувшийся кот.

- Это вы, - спросил Мифодий, рассматривая нахохлившихся ворон, - хранительницы дома?

- Хранители! Хранители! - хором откликнулись довольные вороны. - Но дом-то очень старый! Строй новый! Хочешь, покажем, какой? - каркнула ворона. - Тут один крутой возвел. Хотят продавать. Босс-то проштрафился!

- А баня там какая! - добавил кот. - Крыша только на сарае рифленая, холодная.

- Зато навес шикарный! - снова закаркали вороны.

Но громкого вороньего карканья, как и слов мяукающего кота, Мифодий не понял. А те по старости или забыли язык, на котором разговаривали с людьми, или совсем его не знали.

Войдя в дом, Мифодий увидел прогнувшийся потолок, услышал скрип давно не крашенных деревянных половиц. Но в целом, как ему показалось, ничего в доме не изменилось. Те же потемневшая от времени печь, старая кушетка, бабушкино кресло, на стенах выцветшие фотографии, совершенно серо-кремовые вырезки из газет. Пыль лежала повсюду толстым слоем. Решительно оторвав доски от заколоченного окна, Мифодий распахнул створки. Свежий воздух, настоянный на аромате цветущих садов, стал наполнять помещение, унося запахи неприятной прели, старых вещей, пыли. Кресло-качалка, словно вспомнив о своем предназначении, слегка качнулось под Мифодием, но не треснуло.

- Бамбук - вещь прочная, - подумал Мифодий, продолжая покачиваться. - Дом очень, очень старый. Восстанавливать нет смысла, нет смысла, смысла... - повторял в который раз Мифодий. - Нет, нет... - Цепь воспоминаний все захватывала и захватывала

его. - Бамбук - вещь прочная... Нет смысла... нет...

- Когда хозяина в доме нет, нечисть заводится! - хихикнул кто-то за печкой. - Вот мы и завелись. А окно зря распахнул. Дует. Хватит в кресле качаться! Успеешь еще. Поди погуляй по окрестностям-то!

- Погуляй, погуляй, милок! - напутствовала появившаяся у покосившихся ворот старуха, хранительница ключей и дома, уже без мужского пиджака и цветного платочного пояса.

- А за домиком я приглядывала и пригляжу. Обязательно пригляжу! Не сумлевайся! Охраняла, вот и сохранился. А то бы по досочкам, по бревнышкам растащили. Один бы скелет на стропилах да печка стояли бы. Тут недалече дом каменный построили. Вот уж домик так домик! Хоромы! Даже не хоромы, а дворец! Сходи, погляди, можь чего надумаешь?

- А почему бы и нет? - подумал Мифодий. - Пока сестра с семьей не приехала, схожу, взгляну, заодно и с соседями познакомлюсь.

Высокий мраморный забор был великолепен. Из-за его высоты дом на близком расстоянии был виден частично. Нажав на кнопку звонка на воротах, через домофон получил ответ:

- Хозяин отсутствует. Приказано ни с кем не общаться.

Неожиданно для самого себя Мифодий спросил:

- А вы не можете передать владельцу мою просьбу: не желает ли он продать дом?

Сказав так, удивленно подумал:

- Какой черт дернул меня за язык? Разве я смогу купить? Да и зачем? В городе квартиру только что приобрел, а здесь бабушкин дом есть. В ответ раздалось сначала мелкое похихикивание, затем резкое, хриплое:

- Нет!

Мифодий почему-то, отойдя от необычных фигурных ворот за придорожную канаву, сел на широкий пень и стал рассматривать постройку, действительно похожую на каменный дворец. Сказочные башни, увенчанные причудливыми фигурами, резными карнизами, были великолепны. Дом во многом напоминал замки, увиденные им во время странствий по свету. Иметь такой дом было совершенно немыслимо, даже в мечтах. Как говорится, на трудах праведных не наживешь домов каменных. Но Мифодий опять неожиданно для себя, будто кто его подталкивал, подошел к воротам и позвонил, задав через домофон очередной вопрос:

- Когда можно встретиться с хозяином замка? И сколько тот хочет получить за это строение?

На что тут же, через микрофон, получил ответ:

- Хозяина нет, а с его адвокатом можно пообщаться хоть

сейчас.

Буквально через несколько минут отворилась часть ворот и показался небольшого росточка чернявый, странного вида человек. Человек представился как уполномоченный от владельца замка. После этого за воротами, перед входом, возник небольшого размера куб. Дверь куба отворилась, и странной внешности человек попросил Мифодия войти в передвижной кабинет. Предложив присесть на крутящийся стул, расположившись в кресле, представитель владельца показал Мифодию сертификат на недвижимую собственность, назвав стоимость покупки. Сумма была такой ошеломляющей, что у Мифодия, не совсем бедного человека, перехватило дыхание. При всем желании он не смог бы купить даже части забора этого великолепного сооружения из белого и цветного мрамора. А потому был вынужден тут же отказаться от своего предложения. Представитель хозяина, смерив Мифодия с ног до головы странным взглядом, включил небольшую светящуюся коробочку, издав фразу на языке, не похожем ни на какой иностранный, которые знал Мифодий. Проговорив буквально секунду, незнакомец совершенно внятно и понятно произнес:

- Хозяин согласен продать замок за... - И уполномоченный представитель откинул от стоимости покупки сразу несколько нулей. Сумма была ничтожно малой.

- Но, - продолжал представитель от владельца, - хозяин выдвигает несколько условий. Во-первых: до оформления документов на территорию покупаемого объекта не заходить.

- Как не заходить? - изумился Мифодий. - Я что, кота в мешке покупаю?

- И кота тоже, но не в мешке! - хмыкнул маленький черный человечек не то носом, не то еще чем-то. - За такую мизерную цену, - продолжал незнакомец, - надо принимать любые условия.

- Что бы там ни было, - подумал Мифа, - надо соглашаться. Один только массивный забор из мрамора, широкие, с металлическими кольцами ворота, украшенные выпуклыми барельефами, чего стоят? А фигурные башни? Их можно было видеть, не входя на территорию! Настоящие сторожевые башни с бойницами старинного замка средневековья.

- Так вы согласны или нет? - нетерпеливо спросил представитель от владельца, продолжая перечислять условия купли-продажи. - Но главное: вы никогда не будете иметь права продать или подарить приобретенное имущество. Если решите это сделать, то вам придется отдать самое-самое, что есть у человека, самое дорогое... - после чего говоривший замолчал, пронзив Мифодия острым колющим взглядом, как показалось

ему, не двух, а четырех рыжих глаз.

- Что самое дорогое у меня? - задал себе вопрос Мифодий. - Сестра, ее дети. Своих наследников у меня нет.

- Совершенно не то, - словно подслушав или прочитав мысли, сказал уполномоченный представитель. - Сестра и ее дети не в счет!

- Тогда жизнь?

- Что такое жизнь? - хихикнул черноволосый. - Один миг, оборвалась, и нет ее.

- Что же тогда у меня самое дорогое? Мои рукописи и мои книги? Но они уже не мои! - подумал Мифодий.

- Совершенно верно, - подтвердил маленький человечек. - Не ваши. Они - достояние библиотек, архивов, музеев. Они - достояние людей. Тем более, что написаны для детей! И пишутся? - уточнил представитель.

- Конечно, пишутся! - удивился Мифодий. - Я же детский писатель!

- Мы это знаем! - неожиданно сказал уполномоченный представитель.

- Так тогда что же это самое важное для человека, самое дорогое? - воскликнул Мифодий.

- Сможете узнать, если нарушите условия купли-продажи. Так вы покупаете недвижимость или нет? - еще более нетерпеливо продолжал посредник.

- Кота, так кота!

- Не кота! - вновь недовольно возник и поправил Мифодия представитель торга. - Вы даже не представляете, что покупаете! То, что вы приобретаете - это творение рук вне-сверхчеловеческих!

- Каких вне? - переспросил Мифодий.

- А вы как думали? За что нули из суммы улетели? - криво усмехнулся непонятного вида черноволосый. - Учтите, территорию вашей усадьбы надолго не покидать. У себя никого не принимать. Чтобы не было никаких посторонних, ни животных, ни людей. Но это еще не все. В договоре будет еще несколько пунктов. Жизнь - штука сложная.

- А как быть с сестрой? Она вот-вот должна приехать вместе с семьей. Мы договорились встретиться!

- Родная по крови? - резко спросил черноволосый.

- Сестра с мужем и с двумя детьми.

- Вводим подпункт, - согласился представитель от хозяина дома. - Но пребывание их должно быть кратким, иначе ...

- Что иначе?

- Что иначе? - но тут представитель вдруг сообщил, что его

вызывают по телефону, хотя никакого звонка по мобильнику не было слышно. Лишь еле уловимый, похожий на жужжание маленькой пчелы, тихий, приглушенный звук.

Все остальное проходило очень быстро. Оформление документов, доверенностей, докладных и закладных, перечисление со счета на реквизиты других счетов. Так Мифодий внезапно, как ему показалось, в один миг, стал хозяином огромного каменного замка за высоким мраморным забором.

Согласно купчей - документа, подтверждающего право владения землей и зданием, - получалось, что вся купленная площадь располагается на возвышенной части села, окружена каменным забором, занимает столько-то гектаров, на территории, кроме жилого дома, бассейна, сада с плодовыми деревьями также находятся лесопарк и старое, давно заброшенное кладбище, древнее захоронение, неприкосновенное для использования под что-то. Кроме всего прочего, в купчей был прописан порядок ознакомления с приобретенным имуществом: инструкция.

- Как в музее! - удивился Мифодий, вновь перечитывая условия покупки. - Уж не музей ли я купил?

- Не музей, но здесь может всякое случиться, - услышал он вдруг тихий, похожий на мяуканье кота, голос. - Желаю бодрствовать и ничему не удивляться.

Мифодий оглянулся. Вокруг никого не было.

- Что со мной происходит? Что-то не так. Это мгновенное решение? Быстрая покупка? Я - владелец замка? - вслух произнес Мифодий.

- Владелец, владелец! - прокаркали вороны, усевшись на ворота.

- Давай, залетай! - кричала одна ворона другой. - Хватит на крыше старой развалюхи кантоваться! Мы теперь тоже хозяева этого каменного дворца!

И вороны с громким, хриплым карканьем устремились к башенкам купленного Мифодием сооружения.

Каменный замок

Открыв тяжелые ворота большим, воистину средневековым ключом, Мифодий вошел во двор. Вдоль аллеи в разных позах застыли скульптуры сторожевых собак. Возле окаймленного белоснежным мрамором бассейна овальной формы в экзотических позах лежали львы и тигры. Их искусственные сверкающие глаза казались живыми, следящими за всяк идущим к ступеням парадного входа в здание. Белые статуи на широких мраморных ступенях как бы приглашали войти в помещение. Вид полуобнаженных женщин и мускулистых сплетений в теле статуй-

мужчин был великолепен, фигуры выглядели настолько натуральными, что казались живыми людьми, только окаменевшими, а не сотворенными из природного мрамора.

Войдя в роскошное полукруглое помещение - гостиную, Мифодий увидел необычного вида диван. Золотистая сверкающая парча и форма подушек поразили своей красотой. Возникло ощущение присутствия в каком-то сказочном государстве восточного правителя, но современного стиля. Диван так искрился и так притягивал к себе, что Мифодий невольно опустился на одну из подушек.

- Действительно, все это великолепие стоит той суммы, что была обозначена на бумаге с огромным количеством нулей, - мимолетная мысль проскользнула в сознании Мифодия, уступив место вопросам: почему хозяин дома так легко отбросил нули? Почему, приобретая здание, были поставлены условия: не увижу всего до покупки, не имею права распоряжаться своим имуществом при желании продать его? И что я должен в этом случае отдавать взамен?.. Как замечательно пахнет магнолия! Кавказская крупная сирень? Как утонченно играют музыканты. Нежно звучавшие звуки извлекают скрипки. Как задушевно, с надрывом, вздыхает любимый музыкальный инструмент - саксофон...

Запахи и звуки все дальше и дальше уводили сознание Мифодия в глубины сна. Тревожные далекие звуки барабанной дроби на мгновение заставляли с усилием поднимать набухшие веки, жаждущие только сна. И тогда Мифодию казалось, что на мгновение он опять оказался на крыльце. Но веки опять опускались, предоставляя возможность владельцу глаз внимать звукам арфы, мягкому звучанию флейт, отдаленно поющим клавишам рояля. Иногда в прекрасную мелодию вкрапливалось какое-то легкое потрескивание. Мифодий безмятежно спал. В окно смотрела огромная луна.

- Полнолуние, черт. Светло! - сквозь сон услышал Мифодий чей-то шепот. - Пока спит, откручивай! Откатывай! Чего медлишь?

- Полнолуние. Вот почему слабость во всем теле, словно вчера перекопал весь бабушкин огород. Что за чушь слышу? Это, верно, от луны. Она силу вытягивает.

Но проснуться окончательно Мифодий не мог. Утро застало его спящим на том же блестящем диване посреди прекрасного зала гостиной. На вершине длинного шеста, укрепленного в каменной широколапой подставке, восседал ярко-разноцветно-раскрашенный петух. Как только забрезжили первые блики наступающего нового дня, каменный петух превратился в

настоящего живого. Встрепенувшись, распушив перья, петух громко пропел свою утреннюю побудку. Высокий голосистый звук петушиной песни ворвался через распахнутые настежь двери, но никак не повлиял на Мифодия. Мифодий продолжал спать. Куриный солист, покрутив головой, еще больше растопырив перья вокруг шеи, второй раз попробовал пропеть свою раннюю утреннюю песню. Он имел право это делать только один раз на рассвете. Убедившись, что новый хозяин продолжает спать, Петя послушно сложил крылья и замер, вновь превратившись в каменного раскрашенного петуха. Зато крупный каменный кот, вдруг сладко потянувшись на каменной скамейке, что стояла у входа в зал, высказался:

- Ну и соня! - и добавив еще чего-то по-кошачьи, снова замер, словно и не был минуту назад живым котом, только тонкие длинные усы продолжали слегка подергиваться, будто к чему-то принюхиваться.

А принюхиваться было к чему. Из-под банкетки, что стояла в углу зала, выскочили два мышонка. Вскочив на скамейку, где лежал кот, взобрались на его спину, обнюхали усы, чуть покусав самый длинный из них, пискнув, полезли в ботинки Мифодия, что стояли на полу у входа в зал. Не найдя там ничего интересного, скрылись за спинкой дивана. Кот безмолвствовал, так как был каменным.

Минутка за минуткой подталкивали солнце над горизонтом. Спавшие в саду цветы расправили свои венчики. Росинки, упавшие из предутреннего тумана, светились и переливались всеми цветами радуги. Занимался новый солнечный день. Мифодий потянулся, похрустел онемевшими ото сна косточками, обвел глазами стены, высокий потолок зала, похожий на поднебесный купол, подобный тому, что видел в обсерватории, невольно улыбнулся. Чувство радости, зародившееся в сердце, не покидало его.

- Замечательный дом! - громко воскликнул Мифодий. - И спал хорошо.

Но... Вдруг вспомнился сон, который, как ему показалось, занял половину ночи. Луна, слабость, чей-то шепот, какие-то разговоры.

- Что за чепуха? Чепуха! - высказавшись еще громче, Мифодий окончательно проснулся. - Рядом должны быть комнаты специального назначения, как: туалет, ванна, кухня и столовая. Должны же они быть?

И, действительно, он их отыскал.

Туалетная комната

- Надо проанализировать события с высоты сегодняшнего дня, - размышляя так, Мифодий приблизился к двери, на которой большими буквами было написано: «ТУАЛЕТНАЯ КОМНАТА». Но попасть туда удалось не сразу. Дверь была закрыта изнутри, и там слышались всплески воды. Кто-то принимал ванну или поливался из душа. «А вдруг, - подумал Мифодий, - пока я спал, приехала Анна с семьей? Но она бы оповестила телеграммой!»

- Простите, вы кто?

За дверью, несмотря на обращение Мифодия, молчали. Затем звук льющейся воды стих, и дверь сама собой распахнулась. В ванне никого не было, только теплый, влажный, еще не унесенный через вытяжку воздух был свидетелем того, что все это Мифодию не показалось. Неожиданно он почувствовал прикосновение к оголенной голени чего-то легкого и мягкого. Это к ноге прикоснулся меховой хвост, похожий на павлиний, принадлежащий черному коту.

- Никак из бабушкиного дома прибежал? - спросил Мифодий.

- Прибежишь тут! Как же! - чуть слышно фыркнул кот. Неожиданно добавил:

- Удивляетесь? Все это пустяки, излишки быта, Гидра Верлоха из аквариумной комнаты плещется. Мало ей там места, так сюда залезла. Сангигиеническая особа!

Мифодий кошачьего языка не понимал, но, спрашивая, получал ответ. И все делалось ясным.

- А где она сейчас, эта Верлоха? Куда подевалась?

- Как куда? К себе помчалась через водяной сток. Обычный ее путь: туда и обратно через канализацию!

После такой информации желание принять душ у Мифодия напрочь отпало.

- А еще, - добавил кот, - сюда иногда госпожа Мрамор заходит.

Но этих слов Мифодий или не расслышал, или его непонятный переговорник испортился, а потому он подумал: «Не пора ли на кухню?» Кот же вдруг, задрав хвост, помчался к выходу и исчез, словно растворился в свете солнечного дня.

Необычный пункт питания

Столовая, совместно с кухней, оказалась совсем рядом с гостиной, в которой спал Мифодий. Все необходимое оборудование было, только отсутствовали продукты.

- А почему они должны быть? - задал Мифодий себе вопрос. - Пора становиться хозяином дома!

С этими словами, взяв рюкзак, направился к выходу. Тяжелые ворота при его приближении неожиданно, без применения ключа,

открылись и так же неторопливо за ним закрылись.

На окраине деревни в продмаге было много народа. Продукты, как говорили жители, еще с вечера были завезены в большом количестве, причем разнообразного ассортимента. Продавщица терпеливо выслушивала очередного покупателя и так же, даже чуть помедленнее, отпускала товар. Поэтому люди, хорошо знавшие друг друга, вели между собой разно-неровную жужжащую беседу, обсуждали новости. Один из покупателей сказал:

- А в замке новый владелец! Богат, видно, раз приобрел такой домище!

- Богат-то, богат, - вставил словечко другой посетитель, - а ходит пешком.

- Шагать, конечно, полезно для здоровья, - добавил другой посетитель магазина. - Машина то хондроз, то геморрой насылает. Знать, здоровье бережет.

- Бережет, да не убережет! Дом-то со знаменьями! Он уж у дома хозяин какой по счету?

Дальше Мифодий ничего не услышал. Люди стали громко кричать на какого-то пришлого заезжего дачника, желающего отовариться без очереди.

Нагрузив рюкзак продуктами, Мифодий, не торопясь, шагал к дому, думая над словами, услышанными в магазине: он уже не первый по счету! Что бы это означало? Ворота при его приближении так же открылись и так же послушно закрылись. Оказавшись у себя, Мифодий обратил внимание на каменных собак. Собаки не лежали в прежних позах, а стояли, вытянув огромные морды в сторону входящего. Искрящиеся иголочки вылетали из сверкающих глаз, будто каменные охранники были чем-то недовольными, словно были настоящими собаками, а не мраморными.

- Что за дела? - подумал Мифодий, - возможно, я ошибся? - Но следы от широких собачьих лап на примятой траве свежие? А поза собак? Вот они - знаменья, о которых говорили в магазине. А может, не знаменья? - рассуждая вслух, Мифодий подошел к парадной лестнице, где на ступенях стояли скульптуры мужчин и женщин. Позы их были прежними, если не считать накидки, упавшей с плеча женской фигуры. Накидка каменной вуали висела на перилах.

- Что это? Опять двадцать пять! Наваждение или игра моей писательской фантазии?

- Это не наваждение и не игра. Все недовольны твоим долгим отсутствием! - голос был мягким, но противным.

- А кто эти все? И кто ты такой? - спросил Мифодий и

добавил: Мне что, с голоду умирать? Нужны были продукты!

- Мог обойтись и своими запасами, что в машине. Или взять на нашем складе.

- На каком? - удивленно спросил Мифодий.

- А ты как будто и не знаешь, на каком?

Тут послышались звуки, похожие на фырканье кота. Но голод, который испытывал Мифодий, заставил на какое-то время забыть увиденное и услышанное. Он заспешил на кухню, чтобы приготовить пусть поздний, но завтрак. Сковорода и чайник стояли на плите новенькие, словно их только что купили.

Вода из водопровода звонко бежала, словно хрустальный ручеек, в сопровождении мелодии известной детской песенки. Жаркое на сковороде из колбасы и яиц весело квакало, подобно лягушкам в болоте. После завтрака Мифодий, вопреки графику, написанному в купчей, решил идти знакомиться с новым жилищем по своему усмотрению.

Две вороны после ухода Мифодия, усевшись на подоконник, стали внимательно наблюдать за тем, что делается в кухне. И что же они увидели? А увидели они большого черного кота, который вышел из-под стола, обнюхал сковородку, языком слизнул остатки пищи и, сказав: «Мяу!», улегся на пестрый коврик, превратившись в каменного. Одни только глаза да подрагивающие кончики усов говорили о том, что он, хоть с виду и каменный, но внутри живой.

- Странный кот, - высказалась ворона.

- Странный, - отозвался ворон. - Похож на нашего, как его? Вспомнил: кота по кличке Объедун!

- Мы опять с тобой в какую-то историю попадаем! Вот что значит долго жить. Чего только ни услышишь и ни увидишь! - вздохнула приятельница-ворона.

Королевская спальня

В отличие от того зала с диваном, обтянутым золотистой сверкающей парчой, на котором Мифодий проспал всю ночь, следующая комната была настоящей «королевской спальней»: широкая мягкая кровать, белье из тончайшего батиста с кружевами, с полупрозрачным палантином, отгораживала подушки изголовья от полированного туалетного столика с овальным зеркалом в узорчатой раме. Спальня была великолепной. Пушистое из овечьей шерсти одеяло манило к себе, обещая уютное тепло и крепкий сон. И Мифодий не удержался от соблазна, решив хотя бы на минутку растянуться на прекрасном ложе после пусть и позднего, но сытного завтрака. Солнце, словно кому-то повинуясь, стало торопливо клониться к

горизонту. Бледная луна в виде белесого кружочка безучастно висела над землей, закутанная в полупрозрачное серебристое темное марево. Но когда солнце, опустившись за горизонт, окончательно скрылось, а небо стало сумрачным, луна заискрилась, засверкала, стала увеличиваться в размерах, приобретая красновато-кровавый отблеск.

- Полнолуние, - сказала старая ворона, глядя на небо. - В такую ночь случается непредвиденное. Лучше мы, мой старый друг ворон, проведем эту ночь на крыше нашего сарая.

И вороны улетели.

Клоунский колпак

Мифодий, сев на кровать рядом с подушкой, увидел колпак с двумя пришитыми колокольчиками к рогатым украшениям.

- Такой, как в детстве! - воскликнул Мифодий и со смехом стал натягивать колпак на голову.

- Я - клоун Би-ба-бо! - скорчив рожу и сказав это, взглянул в прикроватное зеркало.

Но в зеркале увидел не себя, а непонятное сооружение, неожиданно возник звук, будто где-то заработала высоковольтная турбина. Еле уловимая мелкая вибрация, все больше и больше захватывая тело, словно болезнь Паркинсона, овладевала Мифодием. Не раздумывая, Мифодий пошел на звук. В отдаленной комнате он увидел такое, от чего волосы на его голове зашевелились, но не от страха, а от удивления. Бесшумно работающая машина, по внешнему виду очень похожая на клоунский колпак, танцевала, издавая эту самую звучащую вибрацию.

От непонятного воздействия невидимых волн прядки волос у Мифодия превратились в стальные пружинки. Концы этих пружинок уперлись в спустившийся с потолка неопределенной формы предмет. И когда острые кончики волос воткнулись в его щит, Мифодий на волосах повис под самым потолком. Звуки вибратора все больше усиливались. Из пола, где образовалась воронка, стали вылетать сначала комья земли, затем древесины, а уж потом - пластины мрамора. В образовавшемся углублении что-то блеснуло. Появившиеся невесть откуда проворные лопатки подхватывали вылетающие из недр большие и маленькие куски сверкающего металла, складывали их вдоль комнатной стены. Работа не прекращалась ни на минуту. Поэтому пустая часть помещения быстро заполнялась золотыми бесформенными слитками. Поток драгоценного металла не прекращался.

- Зачем столько? Это же золотовалютный запас не одного государства! - закричал Мифодий.

Но от его крика ничего не изменилось.

- А хочешь, - смеялся танцующий колпак, размахивая блестящими колокольчиками, - еще золота? Бери, его много! И беги из этого замка!

- Но я не могу оторвать себя от потолка! - изо всех сил старался Мифодий перекричать шум работающей машины. - Кинь мне самый большой слиток!

- А ты хитрец! - еще громче засмеялось машинно-колпачное существо. - Все знают, что золото очень тяжелый металл. С его помощью можно оторваться не только от потолка! Можно оторваться и от страны, в которой добываешь!

- Да пропади ты вместе со своим золотом! - замахал Мифодий руками так энергично, что задел свои волосяно-железные пружины ладонью и с грохотом упал с потолка.

Когда же он открыл глаза, то увидел себя лежащим на полу около кровати. Клоунский колпак валялся рядом.

- Эй, колпачино-дурачино! Ты что ль это все напридумывал? - в ответ блестящие рогатые украшения головного убора только звякнули двумя полурасплавленными колокольчиками.

- А все-таки где эта комната, в которой столько золота? Неужели это был сон? Я спал в колпаке? Но почему тогда так изменились колокольчики? Какая-то чертовщина! - еще чуть поразмышляв, Мифодий снова уснул.

Необычный знакомый

Кот, которого увидели в кухне вороны, спокойно лежал на коврике, не подавая признаков жизни, так как был каменным. Но при виде двух мышек, бегающих по кухне, страшно возмутился:

- Непорядок, когда по каменному дворцу снуют обыкновенные грызуны! - от возмущения кот снова стал живым.

Догнать же проворных юрких мышат не смог, а потому, забыв, видимо, что может вновь стать каменным, улегся на ногах спящего Мифодия.

Просыпаясь, Мифодий ощутил поверх одеяла что-то тяжелое, но мягкое и теплое.

- Эй, кошара! Откуда ты опять взялся?

На что кот, приоткрыв один рыжий глаз, взглянул на говорящего, будто впервые его видел, повернулся на другой бок, изменив форму клубка, но продолжал спать.

- Я тебя спрашиваю!

- Уже спрашивал. Я не из бабушкиного дома! Не мешай!

- Вот еще! - возмутился Мифодий, - лежит на мне и не желает разговаривать.

Диалог между Мифодием и котом проходил без единого

слова, ибо каждый говорил про себя на своем языке. А вот как понимали они друг друга, было непонятно. Видимо, это был телепатический разговор. Но в последний момент Мифодий вслух громко высказался:

- Ну и спи!

- Я же кот. Мяукающее животное, - сквозь длинные пушистые усы лениво отозвался незваный гость. - Повторяю: не мешай спать! Мне здесь нравится.

Мифодий машинально провел рукой по волосам и обнаружил кусок не то мягкой проволоки, не то полоску от войлочной прокладки. Бросая все это на туалетный столик, что стоял возле кровати, обнаружил возле зеркала приглашение прекрасной полиграфической работы, в котором его уведомляли о скором выступлении балетного коллектива в зале второго этажа.

- Какой балет? - удивился Мифодий. - Я не заказывал ничего подобного, тем более - целый коллектив!

Покидая «королевскую спальню», думал о том, что произошло накануне. И еще про сон, который ему снился. Или не снился? Мифодий внезапно был ослеплен ярким светом. Появившаяся огромная сверкающая афиша над дверями в виде длинной растяжки, что бывают на улицах города, извещала, что выступление коллектива вот-вот должно начаться. Звуки музыки доносились все явственнее, постепенно заполняя пространство помещения, от чего все, что было в гостиной, где оказался Мифодий, начало двигаться. Первыми, шаркнув ножками, поехали вдоль стены банкетки. Их полукруглые атласные сидения заулыбались, словно были сотканы не из ткани, а сотворены чьей-то художественной фантазией. Потолочная люстра, неторопливо прозвенев хрустальными подвесками, стала мелодично подыгрывать звукам, доносившимся со второго этажа. Даже ковровая дорожка, положенная от входной двери к ступеням, ведущим наверх, стала совершать плавные колебания, словно ее встряхивали при выколачивании на белом чистом снегу.

- Надо взглянуть, что происходит на втором этаже моего дома без моего позволения! Дом же не Дворец культуры? - и Мифодий решительно шагнул к лестнице.

Но на первых же ступенях ему перегородили дорогу статуи, в руках которых были секиры и копья.

- Да ну вас! - в сердцах выкрикнул Мифодий. - Сплошное наваждение!

- Наваждение! - глухо и томительно-противно, и протяжно раздалось под сводчатым потолком большой гостиной.

- Да, да, - отозвался мягким ласковым звуком блестящий парчовый диван, словно заговорили не пружины, а струны арфы. -

Это вам предупреждение, чтобы не нарушали порядок ознакомления с замком.

- Зачем было идти без приглашения в золотую комнату? Теперь ты знаешь, как богат! - перейдя на «ты», резко оборвал речь говоривший.

Мифодию же показалось, что это лопнула диванная пружина благозвучащей доселе арфы.

- Это все ваши изумительные изыскания? - спросил невесть кого новый хозяин дома. - Не случайно люди говорили, что замок «со знамениями»!

После такого высказывания музыка неожиданно смолкла, и Мифодий оказался сидящим в кухне возле большого круглого стола. Перед ним на тарелке лежали галушки, обильно политые свежей сметаной.

- Вот это - другое дело! - высказался Мифодий. - Еще бы чайку! Чай пить - не дрова рубить и не загадки разгадывать.

Кукольная комната

После обильного вкуснейшего чаепития Мифодий, согласно плану, приложенному к купчей, заглянул в комнату, где на дверях была нарисована груша. Войдя в комнату, а она действительно была грушевидной формы, Мифодий увидел шкафчики с картинками, как в детском саду, который посещал ребенком. Стены комнаты были украшены самыми разными поделками, масками, выпуклыми фигурками. На подвесных полках навалом лежали мягкие небольшого размера игрушки. В беспорядке расставленные книги дополняли хаос не то неухоженной детской комнаты, не то игрушечного магазина при переезде из одного помещения в другое. Рассматривая игрушечное богатство, Мифодий чуть не был сбит с ног огромным шаром с двумя отростками - ручками. Верхом на плотно надутой окружности сидел шут-плясун. Шут махал кисточками на рукавах и башмаках, совершая невероятно сложные прыжки. Но к удивлению нового хозяина, с шара не падал. Вслед за надутым шаром и шутом, покачивая маленькой головкой с рожками, горделиво, но молча, поворачивая длинную шею вместе с туловищем, шагал жираф. Зато серый слон трубил так старательно, что его хобот раздувался при каждом звуке и был готов вот-вот лопнуть. Слон своим надутым носом гонял шуструю мартышку по комнате. Та, увертываясь от ударов, размахивая пачкой газет и договоров по изданию книг, кувыркалась, скакала, как говорится, где попало. А потому и свалилась на голову Мифодию. Мифодий провел рукой по ушибленному месту, обнаружил в волосах куски от авторучек и обрывки старых рукописей. Отскочив от прыгающей обезьяны,

Мифодий поскользнулся на блестящем пластиковом полу и упал.

- Чертовы дети! - высказался писатель, обожавший ребят.

- Чертовы? - переспросил себя Мифодий. - Почему чертовы?

- Потому что чертовы! - услышал он в ответ. - Когда хозяина нет, нечисть заводится.

- Что-то опять здесь не так! - продумал про себя Мифодий.

- Так, так! Все так! Зайди-ка в аптечную комнату, а то на голове шишка будет! - высказался не то жираф, не то тихо протрубил серый слон.

- Зайди, зайди! Тут недалече, за углом грушевидно-кукольной, -хихикала обезьяна, продолжая скакать, кривляться и строить разные рожи.

- А если хочешь, загляни в цирюльню, там лысых плешивыми делают. Захочешь, то и наоборот.

- Весело, но грустно, спасибо за прием, друзья детства! Век не забуду! Ну и комнатенка? Кому это все нужно? - размышлял Мифодий, направляясь в сторону аптечной комнаты. - Тоже мне шутники: лысых в плешивых переделывать!

Аптечное помещение

Легкие белые занавесочки, как в поселковой больнице, дохнули на Мифодия запахами корвалола, валерьянки и других успокаивающих средств. За столиком в ресторанном кресле, облокотившись на изящно изогнутую часть змеиного тела, сидела Мадам Удав.

По комнате бегали маленькие удавчики. В один миг юркие удавчики обвили ноги Мифодия, пытаясь его укусить. Мадам Удав, покрутив сначала по часовой, потом против часовой стрелки крупными, круглыми, выпуклыми глазами, высокомерно вымолвила:

- Удав, конечно, будет прав, если съест кого удав! У змеи такой уж нрав, потому что он - удав. Не желаете ли мензурочку змеиного яда? Или тюбик крема «Софья» с экстрактом пиявок?

- Какие еще яды и пиявки? - возмутился Мифодий. - Если вы служите в моем личном замке, извольте занять подобающее место. А это место - террариум! А не в кресле и за столом, как в баре! И уберите своих удавчиков! Они уже почти до синевы сдавили мои ноги!

- Тут вы не правы. Здесь виноваты не удавчики, а ваши заболевающие кровопроводящие коммуникации, - смакуя каждое слово, продолжала Мадам Удав. - Надо, молодой человек, уже повнимательнее относиться к своему здоровью. Вы не мальчик. А что касается удара по голове, то не мы виноваты, а ваш дом.

- Уважаемый новый, якобы, хозяин дома! - продолжала Мадам

Удав, собираясь покинуть аптечную комнату. - Я немного врач от народной медицины. А потому имею свое собственное мнение в отношении врачей и рекомендуемых лекарств. Наиболее любопытные врачи испытывают на своих пациентах новые лекарственные препараты, экспериментируя отчасти на основании своих личных недугов. Равнодушные лекари применяют в лечении определенные схемы, не учитывая особенностей каждого пациента. Врачи, как и коты, только прикидываются друзьями, лжехозяин!

С этими словами Мадам Удав с чувством собственного достоинства покинула аптечную комнату, оставив на столе тюбик крема от синяков и стакан, наполненный кусочками прозрачного льда.

- Почему «якобы, лжехозяин»? Ну и домик купил! - не то с сожалением, не то с удивлением вымолвил Мифодий. - Куда ни шагнешь, обязательно на что-нибудь набредешь.

- И верно! - поддакнул появившийся кот. - Но это еще цветочки. Ягодки будут впереди. Я вот тоже не из-за интереса за мышами гонялся. Такие шустрые и с чувствами, как и Мадам Удав, как и Гидра Верлоха. Проползли под забором и живут! И запретить никто не может! - с этими словами, не мяукая, кот исчез.

Но через минуту появился вновь и добавил:

- Каменными эти дамы не бывают. И никто ничего не может поделать - слишком чувствительные особы. Да и большими грехами не страдают!

Но пылкую речь черного кота Мифодий не понял, как и предыдущее высказывание, так как не располагал справочником переводов с кошачьего языка.

Комната с ковровым потолком

Одно из помещений замка было совершенно пустым, если не считать единственного кресла, стоящего в углу. Но это только казалось на первый взгляд. Потом комната стала наполняться всевозможными предметами. Ковер, застилавший блестящий паркет, не был сплошь цветочным или узорчатым, как обычно, а выглядел новомодным: с геометричными фигурными кругами, эллипсами и трапециями. И лишь небольшие цветочные узоры переплетались с линиями, образуя всевозможные связанные между собой замысловатые конфигурации.

- Занятно смотреть, - подумал Мифодий, усевшись в глубокое полуовальное кресло. - Комната замечательно оформляется и с какими-то непонятными поворотами?

Он стал следить за появлением новых предметов убранства.

Но, к сожалению, их видение было ограничено временем. Предметы быстро возникали, а появившись, так же быстро исчезали. Мифодий стал рассматривать ковер. Всматриваясь в узоры, неожиданно поймал себя на мысли, что рисунки, как и вещи, двигаются. И не только перемещаются, но и преображаются. Неровный, округленный с разными рваными кривыми штрихами полуовал вдруг превращается в лицо улыбающегося, с маленькими ножками и ручками человечка. А рядом - хмуроглядящий, небритый черноглазый тип с кинжалом.

- Недоброе лицо! - подумал Мифодий.

А вот старушка с котомкой за спиной неожиданно возникла у самого края ковра. Мальчик, подперев щеку ладонью, сидя на пне, читает книгу. Хмурый человек занес над ним кинжал. «Что это?» - встряхнул головой Мифодий. Возникшие изображения моментально исчезли. Ковер был прежним с незатейливыми рисунками незнакомых цветов и со знакомыми геометрическими линиями.

- Что бы это могло значить? Какой-то игрокалейдоскоп! - думал Мифодий, продолжая сидеть в кресле.

Неожиданно геометрические линии и ковровые цветы стали наполнять комнату, превращаясь в толстые пластины. Застилая пол, они ложились пластами, словно бумажные, только пухлые, страницы при наборе книг. Объем помещения стремительно уменьшался.

- Ты чего сидишь? - услышал Мифодий голос, похожий на мяуканье кота. - Ковровая потолочина тебя придавит! Напридумывали, тоже мне, подвесные ковровые потолки? Только моль да клещей разводить!

- И то правда, чего сижу? - спохватился Мифодий, покидая ковровую комнату. - Вот кресло жалко. Сломается ведь. Пусть не дорогое, но таких сейчас не производят - антиквариат!

- Да хватит ныть! Лучше голову побереги! - снова услышал Мифодий уже более громкие мяукающие звуки.

Комната света и зеркал

Разгуливая по замку, словно по лабиринту, Мифодий обратил внимание на луч света. Будто из темноты светили крошечным фонариком, подобным тому, что висел у него на брелоке вместе с ключами от машины. Свет исходил из глазка двери. Слегка толкнув ее, Мифодий очутился в ярко освещенной комнате. Возникло такое чувство, будто он оказался в прозрачном сосуде, в котором один только свет. Света становилось все больше. Он исходил от ярких дисков. Диски все сильнее раскалялись, число их с каждой минутой увеличивалось. Ничего в

комнате, кроме этих пылающих окружностей, Мифодий не разглядел. Он плавал в огромном аквариуме без воды. Затем почувствовал мягкий, обволакивающий тело, яркий туман. Желто-оранжевое облако стало оседать. Мифодий увидел стены. Это были не просто стены комнаты, а сплошь, как в гимнастическом зале, состоящие из зеркал. В них Мифодий отражался в разных позах. Особенно забавно было смотреть на выражение своего лица.

- Так это же комната кривых зеркал! - Еще в детстве они с сестрой бывали в городском саду, где в небольших домиках - «комнатах смеха» - были такие зеркала! Люди заходили туда, глядя на свои отражения, смеялись. И тут Мифодий, как в те далекие годы, расхохотался так громко, что его отражения с искривленными лицами, грустно взглянув на него, исчезли вместе с зеркалами.

- А ты хотел бы стать хозяином такого заведения, где, в отличие от современного солярия, все как в этой комнате? - то ли спросили его, то ли ему послышалось. - В таких заведениях можно много творить! А сколько можно зарабатывать?

- Зачем мне кривые зеркала и искусственный солнечный свет? - хотел спросить Мифодий, но его опередили:

- Тебя, видимо, ничем не удивишь! И ты ни на что не покупаешься! Чем же можно тебя взять?

Через мгновение золотистый свет в комнате стал обыкновенным - дневным, так как расшторили окна, смотревшие в сад. Яблони отцвели. На месте бледно-розовых лепестков обозначились крошечные узелки будущих плодов.

Рабочий кабинет

Покинув зеркальную комнату, Мифодий вспомнил вновь про договор и про план, согласно которому он должен знакомиться со своим новым домом. Еще раз проворчав о том, что он купил не какой-то там музей или Дом культуры, а жилое помещение, что он теперь его хозяин, а потому может находиться, где захочет, подумав, решил все-таки заглянуть еще раз в подписанный документ. Для всякой работы, тем более с бумагами, должен же быть кабинет?

Кабинет, как оказалось, располагался также на первом этаже в дальней части дома.

- Замечательное рабочее место! - восхитился Мифодий, усевшись на крутящемся кресле возле полированного письменного стола, украшенного резьбой, с двумя тумбами и ящиком посередине. - Ну, точь-в-точь, как в моей городской купленной квартире! Даже настольная лампа в чем-то похожа.

Сидя за столом, держа ручку наготове, Мифодий задумался о своей судьбе.

- Конечно, хорошо, что никто не мешает работать, заниматься любимым делом - писательской писаниной. Но, в конце концов, ведь проходит жизнь? Вот и сейчас заточил себя в доме, обрек на одиночество. Все в нем удивляет, но не пугает, а, наоборот, веселит. Но веселье какое-то непонятное, порой скучное, а еще не хватает общества людей. Скорей бы сестра с семьей приезжала.

Тишину кабинета нарушило еле ощутимое шуршание. Мифодия охватило странное чувство присутствия кого-то, хотя в кабинете он был один. Возникшее ощущение присутствия не проходило, а даже усиливалось. Такое состояние трудно поддается описанию. Сумрак позднего вечера заполнял помещение. Мифодий протянул руку к кнопке настольной лампы, чтобы осветить кабинет. Еле различимая тень метнулась в сторону оконного узкого пространства и слилась с ним.

- Кто ты? - резко, хриплым, севшим от напряжения голосом, спросил Мифодий.

В ответ - тишина и полное молчание ночи. Кружок света от настольной лампы ярче осветил часть стола, стопку неисписанной белой бумаги и авторучку, зажатую в руке. За окнами вдруг чуть забрезжило, словно в глубине ночи занимался рассвет. На кушетке, стоящей в углу кабинета, кто-то заворочался.

- Эй, котище? Откуда ты взялся? Это твои проделки?

- Возможно, возможно, - на непонятном языке пробурчал через пушистые усы кот.

Он еще никак не мог приспособиться к тому, чтобы на какое-то время становиться не каменным, а живым котом. И котом ли? А почему так случилось, не хотел рассказывать даже тем двум приятельницам - рыжим кошкам, что стали проявлять к нему интерес и назначать встречи в дальнем конце усадьбы.

- Возможно, возможно, - снова почти по-настоящему ясно промурлыкал кот. - Если пожелаете, я к вашим услугам.

- Пожелаете? - удивился Мифодий словам, сказанным на совершенно понятном языке. - Ну и котик! Ты, видно, тоже подарок от прежнего владельца?

- Подарок-не подарок, но не в мешке! - проворчал кот.

- Знаешь что, Мурлыка? Раз кто-то нас рас-шур-шал, пошли на кухню.

- Хорошая мысль, - отозвался, потягиваясь, кот. - Я стал обожать кухню. Мне бы чего язычком лизнуть.

- Лизнуть? - снова удивился Мифодий, поняв, о чем говорит кот словами, а не с помощью передачи мыслей. - Ну и везет мне

на всякое непонятное в природе.

- Совершенно с вами согласен! - ответил пушистый черный комок, зыркнув на Мифодия рыжими глазами. - Так ты идешь на кухню или нет?

- Иду, иду! - заторопился Мифодий, радуясь, наконец, живому разговору с живым существом, пусть и в образе кота. - Небось, невидимая кухарка уже приготовила жаркое.

Действительно, на столе в глубокой утятнице Мифодия ждала запеченная в духовке утка, обложенная яблоками.

- Как я проголодался, - громко высказался Мифодий. - Мне и двух таких птичек будет мало.

Электрический чайник, свистнув, просигналил, что вскипел, и отключился.

- Хватит играть в невидимки! - сказал Мифодий так громко, что кот, уже пристроившись к миске со спецкормом, отпрянул и на всякий случай прыгнул на подоконник.

Но в кухне ничего не произошло. Лишь металлическая ложечка брякнула о край подстаканника. Отзавтракав, Мифодий решил продолжать начатое с вечера дело: знакомиться со своим новым жильем. Ему даже очень хотелось увидеть что-нибудь такое, чтобы могло повеселить или напугать его.

Особо говорящий кот. Кинеры

Выйдя в сад, Мифодий не обнаружил на каменной скамье скульптуры, изображавшей спящего кота, так похожего на того, что лежал у него на ногах поверх одеяла, того, с которым завтракал в кухне.

- Не превратился же камень в живое существо?

- Превратился, потому что...! - неожиданно откликнулся кот, прыгнув на скамейку и усевшись в той же позе. - Разве не похож?

- Похож, похож! Но ты ведь не каменный и колбаску любишь?

- Хорошую, - заметил новый знакомый, - имей в виду, чтоб не кормили всякой дрянью.

- Ух ты! - только и сказал Мифодий, опустившись на скамейку рядом с котом, уже не удивляясь тому, что тот продолжает разговаривать, будто он и не кот совсем. - **А** звать-то тебя как? - спросил Мифодий.

- Как, как! Как назовешь, так и буду прозываться. Только не надо Мурзиков, Васек вспоминать. Что-нибудь поэлегантнее, согласно моему происхождению. Я ведь совсем не из семейства кошачьих. Пришлось быть...

- Ты что, из старицких каменоломов? Или из каменно-подольских? - перебив кота, усмехнулся Мифодий. - Ишь какой, особо говорящий!

- Фу, как грубо! Как хочешь, так и думай! Но я... И тот чернявый, что оформлял купчую на покупку дома, не человек, а кинер. Взгляни в бумажки-то. Ничего не поймешь. Там нет ваших букв. Там все в знаках, для вас непонятных. И вообще, существуем ли мы с тобой сейчас? Мне кажется - нет. Я точно не существую. Мы же все пришельцы из страны Фэнтези-страни-мании. Ты еще держишься за краешек видимого. Но скоро тоже станешь кинером.

- Каким еще кинером? И что за страна, которую ты назвал Фэнтези-страни-мания? И как не стать кинером?

- А я почем знаю! - вдруг сердито фыркнул кот. - Вот станешь кинером, узнаешь. Я сам то живой, то каменный. А то половина на половину. Кончики усов двигаются, хвост - самую малость, а все остальное - в мраморе. Вона ваша полуокаменевшая Госпожа Мрамор, что в туалетной комнате бывает, зачем по парку пошла? Знает, потому что - кинер! Да и эти! - махнул кот хвостом в сторону каменных собак. - Лаять и то не могут. Только и умеют клыки показывать. А мне вот стало охота за кошками побегать. Вчера две рыжих приходили, а я был каменным, возле моего хвоста покрутились, пофыркали, когти о мою спину поточили и к живым котам пошли.

- А ты, пока не каменным, а меховым был, поухаживал бы за этими рыжими?

- Больно надо! Слишком драные. В своей окаменелости такое увидел и услышал! Глаза у меня, хоть временно, как и уши, каменные, но такое слушать и на такое смотреть не хотят.

- А ведь бегаешь к рыжим? - впервые, находясь в замке, рассмеялся Мифодий.

Кот, словно и не услышал этого, продолжал:

- А вот мыши одолели. За усы таскают. Усы же пахнут! Я люблю чего-нибудь вкусненького хлебнуть, пока в мягкости нахожусь.

- Пора, Мурлыка, - продолжал смеяться Мифодий, - начинать кинеров на чистую воду выводить. Пошли вылавливать!

- Их не поймать и не размундирить, да и опасно. Это тебе не мыши. А почему, - вдруг спросил кот, - они тебя не скинерят? Уж не догадываешься ли? Ты же тоже пришел из страны Фэнтези-страни-мании? Как и я, впрочем ...

- Опять ты про это страну упоминаешь, а не рассказываешь! - заметил Мифодий, зная, что этот индивид ничего путного не поведает. - Почему не скинерили, не знаю. Видимо, я им нужен для чего-то другого. А кто они?

- Чем ты их заинтересовал? - оборвал на полуслове Мифодия котище. И как показалось, любопытство кота вдруг выросло на

несколько сот вольт. Он даже придвинулся поближе к Мифодию. Но на этот вопрос у хозяина дома еще не было ясного ответа. А свои догадки он обнародовать не хотел. Аксиома - ведь не научная теория?

Но, несмотря на все, кот вдруг разоткровенничался:

- Ты знаешь, ведь многие здесь в замке полукаменные. Разве не заметил?

- Как полукаменные? Почему?

- Долго рассказывать, - вильнув хвостом, ответил кот. - Это невеселая история, и у каждого своя. Ну, я пошел.

Важно подняв распушившийся хвост, кот ушел в заросли кустов, что росли прямо за каменной скамьей.

- Почему полукаменные? - размышлял Мифодий об этом и о многом другом. - И кто эти все?

От этих мыслей его отвлекли вороны. Вороны, громко каркая, кружились над лесопарком.

- Что там происходит? Почему вороны подняли крик? Надо взглянуть.

И он последовал туда, куда совсем недавно отправился его хвостатый и усатый знакомый.

Среди густо растущих деревьев, среди густо переплетенных кустов Мифодий обнаружил едва заметную чугунную округлость.

- Так вот где проходят трубы, по которым вытекает все из дома и где гуляет эта Гидра Верлоха?

Едва приподняв тяжелый край крышки, Мифодий заглянул вовнутрь. Там было темно, и оттуда сильно пахнуло мерзкой сыростью. Но в следующее мгновение он опять почувствовал присутствие кого-то. Неприятное ощущение вновь охватило Мифодия, разливаясь по телу страхоподобной дрожью.

- Все время одно и то же. Что со мной происходит? - оглянувшись, чуть слышно спросил:

- Кто ты? - ответа не последовало.

Лишь тихое шуршание, похожее на шелест тончайшей фольги, коснулось настороженного уха нового хозяина дома. «Ветер?» - подумал Мифодий. Но ветра не было. Листва на деревьях не двигалась. «Может быть, вороны?» - но и ворон тоже поблизости уже не было. Неожиданно из кустов вновь появился кот, беззвучно мягко ступая пушистыми лапками на траву. Подойдя к полуоткрытому люку, небрежно заметил:

- Туда не надо.

- Опять ты со своими советами, котяра! - в сердцах высказался Мифодий. - Лучше бы, раз умеешь говорить по-нашему, сказал, что все это значит?

- Всему свое время! - ответил кот словами диктора

областного радио, и снова скрылся в зарослях, добавив:

- Я пошел ворон гонять! А то так и лезут во все дела. Надоели своим карканьем!

- А кто тут шелестел, ты не знаешь? - крикнул вдогонку коту Мифодий.

- Знаю, но не скажу. Я же полукаменный, я - кинер. Но во мне, в коте, появилась половиночка душевного тепла. Я влюбился. Но это меня не спасет. Был бы я настоящим котом - другое дело. Но я ... Мне ничего не простят.

- Влюбился? Это - здорово! А какая еще в тебе половиночка? - недоуменно переспросил Мифодий.

- А ты еще, новый хозяин дома, целенький! - только и ответило это, похожее на кота, существо.

Черная башня

Несмотря на то, что посещение башен замка в договоре купли-продажи числилось чуть ли не самым последним пунктом, Мифодий решил нарушить запрет. Из четырех он выбрал ту, что была окрашена в серовато-стальной цвет. Он почему-то решил, что именно в ней он найдет ответы на все интересующие его вопросы. Но события стали развиваться совсем по другому сценарию. Находясь в кабинете, он увидел, как дверь сначала неслышно чуть-чуть отворилась, затем распахнулась настежь, увлекая запахом цветущей магнолии. Невидимая волна подтолкнула Мифодия, и он оказался возле входа в совсем другую башню, чем та, в которую намеревался пойти утром. Это была черная башня: округлое помещение без окон. Посреди стола, к которому были вплотную придвинуты четыре блестящих полукресла - стула с подлокотниками из черного африканского дерева, горела свеча. «Дорогая мебель!» - подумал Мифодий.

Золотая искрящаяся ткань на трех креслах была потертой. На четвертом - выглядела совсем новой. Неожиданно невидимые руки усадили Мифодия в самое новое блестящее кресло. И тут же возникло ощущение присутствия кого-то. Подсвечник со свечой повис над столом. На его месте оказалось фарфоровое блюдце, точно такое, какое было в доме у бабушки - из тончайшего китайского фарфора с пометкой фабрики, где оно было изготовлено. Мифодий неосознанно потянулся к нему. И когда он положил руки на край стола, из темноты показались похожие на размытые тени чьи-то черные пальцы и легли на белый тончайший фарфор. Блюдце вздрогнуло и медленно задвигалось по бархатной блестящей поверхности настольного покрытия. К удивлению Мифодия, на скатерти возникли лица, которым принадлежали эти руки. Выражения были мрачными,

угрожающими. На одном вначале появилась печальная улыбочка, потом недобрая. На другом, с глубоко расположенными глазами, взгляд был зловещ и дерзок. Третье - явно отражало характер хозяина: неуважительность, ехидство, насмешливое пренебрежение. Мифодий отдернул руки. Блюдце перестало двигаться. Черные пальцы тоже стали ускользать, словно их куда-то утягивали. Свеча, висящая над столом, внезапно погасла. В комнате воцарился полный мрак. Но вновь вспыхнувший язычок свечи озарил комнату. Она была пуста. Фарфоровое блюдце тоже исчезло.

- Что это было? - Мифодий, слегка поежившись, решительно встал.

Кресло, услужливо отодвинутое, снова вернулось на прежнее место. На стене появилось зеркало. Несмотря на скудное освещение комнаты от мигающего огонька, увидел в зеркале лицо. Но это было не его лицо. Мифодий, невольно отпрянув, откинул голову назад. Отражение сделало то же самое. Смотрящий на него из зеркала незнакомец произнес:

- Видишь свое отражение? Лицо твое ассиметрично. Левая половина меньше, чем правая. Это почти у всех людей, живущих на земле. С возрастом ассиметрия выравнивается, и в конце жизни лицо в полной пропорциональности. Левая и правая половины совершенно одинаковы. Сейчас потрогай кончик носа. Он упругий, твердый, поэтому не имеет склонности к деформации. С возрастом плотная ткань делается рыхлой. И чем старше, чем ближе к ..., не хочу произносить этого слова, кончик носа делается еще более пухлым, легко сжимается при ощупывании. Это говорит о том, что к вам вплотную подходит она, уничтожающая жизнь.

- Спасибо за прием. За поучительную лекцию. Но к чему все это? - в ответ послышался легкий скрип, словно чиркнули спичкой по коробку, и опять воцарилась тишина.

- Вы еще не дозрели для серьезного разговора, тем более, для запланированного дела. Поторопились сюда попасть, - раздался в тишине резко звучащий голос.

Мифодий повернул голову в сторону от зеркала и боковым зрением заметил черную фигуру, тающую в темноте. Невольно вновь взглянул в зеркало. Там было его отражение. Он попробовал изменить мимику лица. Отражение сделало то же самое.

- Это я! А кто был тот?

Свеча замигала еще больше, хотя никакого движения воздуха не могло быть. Окон нет. Дверь - плотно прикрыта. Но ощущение присутствия кого-то не покидало Мифодия.

Оказавшись за дверью башни, тело неожиданно освободилось от ощущения, что кто-то рядом находится, порождающего в душе необъяснимый страх.

- Фу ты, черт! Чертовщина какая-то! - высказался Мифодий. - Хорошо, что плотно дверь закрыл. Чтоб не выползла!

Но когда, отойдя от башни на несколько шагов, оглянулся, дверь снова была приоткрыта, словно приглашая вернуться назад.

День вдруг оказался на исходе. Страшная усталость заставила Мифодия вернуться в кабинет. В окно смотрело еще не уснувшее солнце. Положив свои румяные щеки на подоконник, смотрело на Мифодия бесстрастно, с подобающей для солнца улыбкой. На письменном столе перед Мифодием возвышалась гора скомканных черновиков. Настольная лампа в виде прекрасной женщины, которая держала на вытянутых руках чуть розоватый пластиковый плафон, излучала умиротворяющий свет, хотя и не была включена. Запах садовых цветов, чуть перемешанный с запахами каких-то освежителей помещений, успокаивал.

Новые загадки замка

- Сегодня, - неожиданно решил Мифодий, сказав об этом довольно громко, - переночую в бабушкином доме. Я тут, вижу, временный.

Высказавшись так, он хотел покинуть кабинет, но сделать это ему не удалось. Дверь, неожиданно щелкнув и звякнув чем-то металлическим, не открывалась.

- Не было печали - черти накачали! - выругался хозяин кабинета.

Но и это не помогло. На плечи и на спину словно навалили тяжелые, хотя и мягкие, мешки. Голова стала подобна чугунной. Пошатываясь, отыскав в дальнем углу кабинета кушетку, Мифодий, как подкошенный, свалился на нее. Что-то под боком мяукнуло. Но кто, этого Мифодий не увидел, так как глаза мгновенно закрылись. Желание взглянуть на засыпающее солнце ни к чему не приводило. Мутные тени заскользили, заполняя комнату ощущением присутствия кого-то. И количество этого непонятного присутствия было большим. Но особенно ощутимы были три присутственных сгустка. К счастью, Мифодий мгновенно уснул.

Утром дверь кабинета как ни в чем не бывало спокойно открылась. Раннее утро разбудило хозяина дома пением петуха.

- Откуда взялся петух? - первое, о чем подумал Мифодий. - У меня в усадьбе нет ни одного животного! Видимо, слышен петушиный голос из дальнего села. А возможно, чей-то крылатый и через забор влетел? Но никакого петуха, способного петь, не

было. Это снова прочистил свою глотку, на минуту ожив, каменный петух, восседавший на высоком шесте вблизи дома, недалеко от каменного бассейна, вокруг которого все так же лежали мраморные тигры и львы. Только, как показалось Мифодию, они чуть изменили свои позы. Самый крайний, ранее смотревший на входящего в ворота, теперь держал голову не так гордо. А сверкающие ранее глаза были виновато потуплены.

- Почему у него на шее толстая веревка? - сначала про себя, потом вслух спросил Мифодий. Подойдя ко льву, громко спросил:

- Кто это сделал?

Глаза льва блеснули яростно и свирепо. Солнце, поднимаясь над забором, ограждающим замок, смотрело на обитателей тепло и ласково.

- Опять чертовщина! - сказав так, Мифодий хотел снять с шеи веревочный ошейник, но это, как оказалось, была не веревка, а металлическая цепь. Швырнув цепь в вазу, стоявшую рядом, наполненную водой, Мифодий удивился. Цепь, издав шипящий звук, подобно свежей сильногазированной жидкости, мгновенно растворилась.

- Чудеса, если скажу - не хуже! - снова воскликнул Мифодий. - А ведь в парке установлены видеокамеры? Если они работают, то можно многое увидеть!

- Конечно, можно. А для чего, хозяин, пара гляделок? Разуй глаза, оглянись, - промурлыкал появившийся кот.

Мифодий оглянулся. Вблизи бассейна, рядом с собаками стояла женская каменная статуя.

- Что за хулиганство? Какому вандалу нужно было ночью перетаскивать скульптуру от парадного входа к бассейну?

Но одному статую ведь не поднять? Значит, целая группа проникла на территорию! Но видеокамеры показали только одну женщину, разгуливающую по парку, и с нею пару собак, точь-в-точь, как те каменные псы. А еще кота, сидящего на крыше беседки с улыбающейся мордой прохвоста. Затем в кадре Мифодий увидел, как шерсть на спине кота встала дыбом, и он в ярости кинулся на собак. Собаки, поджав хвосты, помчались и уселись там, где сидели и раньше. На этом запись резко обрывалась.

- Эй, котяра! Хватит дурить! Это ты опять, знаю, сработал. И что тебя так в последнее время заносит?

- Любовь, злость, пришелец! Я ведь без будущего! - фыркнул кот.

Неожиданно для него накопившаяся отрицательная энергия вдруг влилась в ногу Мифодия, и он в сердцах пнул кота. Кот же успел свернуться в кольцо и лечь в ногах прекрасной каменной

дамы. Удар по коту получился довольно-таки сильный. Но кот уже был каменным. От удара о круглый булыжник нога у Мифодия вмиг посинела.

- Чертов кот! - завопил новоиспеченный хозяин замка, прыгая на одной ноге. Боль от ушиба была наисильнейшей и волной пошла от ноги к голове.

- Опять надо к этой Мадам Удав обращаться! - зло крикнул Мифодий, направляясь в сторону аптечной комнаты. Но, к удивлению Мифодия, аптечная комната выглядела теперь иначе, чем та, где восседала в кресле Мадам Удав. За прозрачной стеклянной стойкой располагался куст искусственных цветов. Полированные листочки блестели от светосберегающей лампы, вкрученной в держатель настенного бра. На столе в огромной банке большая сочная медицинская пиявка, обучающе двигая острыми клычками, поучала тощую пиявочку. В банке поменьше, что стояла на полке, копошились многочисленные представительницы пиявочного метода лечения, образовав плотный шевелящийся ком.

- Фу ты! - брезгливо поморщился Мифодий, хлопнув дверью аптечной комнаты.

- Напрасно, напрасно! - слышались из-за двери голоса тощих пиявок и густой бас самой главной, толстой представительницы пиявочного мира. Но Мифодий, хромая, уже шел по дороге в сторону поликлиники, где был обычный аптечный киоск.

- Сложные у вас дела! - сказал аптекарь, когда Мифодий изложил суть дела.

- Я думаю, вам без психоаналитика не обойтись.

- Почему психоаналитика? А не невропатолога или психотерапевта?

- Я лучше бы вам посоветовал к знахарке сходить или к батюшке в церковь.

Поблагодарив аптекаря за совет и купив лекарства в виде разных примочек и кремов, Мифодий вернулся в дом.

В замке был полный порядок. Ни шепота, ни звука. Собаки, как и прежде, сидели на своих местах, не сверкали глазами, были полностью каменными.

- Тишь да гладь, да божья благодать, - высказался Мифодий, направляясь в глубь своего поместья. - Давно бы так. Только еле слышные, почти неуловимые вздохи цветов сопровождали своего хозяина.

Невидимое непонятное

Живя в новом доме, Мифодий никак не мог привыкнуть к его фокусам, не переставал удивляться тому, что кто-то невидимый

убирает постель, моет посуду, следит за порядком в помещениях. Все в доме было начищено, блестело. Ни пылинки, ни обрывка бумаги.

Однажды он решил подсмотреть, что делается в кухне в его отсутствие. Для этого спрятался в шкафу для сушки полотенец. Сидеть пришлось недолго. Через глазок он увидел, как неслышно открылась дверь. Невидимый служитель стал убирать после завтрака посуду, помещая в моечный шкаф. Щелчок - и машина заработала, через несколько минут остановилась. Чашки, ложки, тарелочки абсолютно чистыми переместились на полку буфета. Мифодий резко открыл дверцу сушильного агрегата, в котором скрывался. Послышались постепенно удаляющиеся шаги, и все смолкло.

- Человек-невидимка? Значит, вокруг меня всегда кто-то есть? Вот почему я часто ощущаю это присутствие!

Открытие настолько поразило Мифодия, что он еще раз заставил себя проанализировать все, что произошло с ним в этом доме.

- Надо вернуться в ту круглую темную башню! Думаю, что разгадка находится именно там!

Но, подойдя к загадочному помещению, обнаружил дверь, которая так плотно примыкает к стене, словно это и не дверь, а продолжение этой самой стены. Применить силу Мифодий не хотел. Жаль было ломать прекрасную стену, облицованную пластинами дерева редкой породы. Кроме того, неожиданно пришла телеграмма от сестры, извещающей о своем приезде вместе с семьей. А потому решение вопроса о необычных делах, происходящих в доме, было отодвинуто на будущее.

Анна, господин Парк и дети

Приезду сестры Мифодий очень обрадовался. Специально для гостей было отведено большое помещение. В красиво оборудованной спальне с роскошными кроватями для взрослых находилась дверь, через которую можно было пройти в комнату для детей. Гости подъехали к замку на большой черного цвета иномарке. Муж Анны мистер Парк, крупный, мускулистый шотландец, в основном говоривший на своем языке, с легкостью опытного атлета-тяжеловеса внес дорожные чемоданы в дом. Жесткий, пронзительный, оценивающий взгляд делового человека, широкий саксонский подбородок выражали сущность нового родственника. Анна, когда-то очень маленькая, хрупкая девочка, теперь взрослая, немного округленно-женственная, по характеру была прежней - такой же милой, мягкой, внимательной.

А дети? Что дети? Дети как дети. Мальчик Джонни - быстрый, энергичный, смекалистый и озорной, сразу помчался осматривать сад. Девочка - Катеринка, как сообщила сама Катя, получила такое имя потому, что его носила ее бабушка по материнской линии и русская императрица Екатерина Вторая. Этим именем она очень гордилась. Катя не выглядела чрезмерной задавакой, но не была совсем простой девочкой. В ней как бы перемешался твердый характер отца и мягкий матери. Мистер Парк, ознакомившись с гостиной, с библиотекой и спальней, весьма коротко высказался:

- Дом хороший! Богатый! Много стоит.

Анне больше хотелось не осматривать новое помещение, а побывать в старом бабушкином. Она ничему не удивлялась, считая, что брат своим трудом смог стать хозяином такого огромного дома-дворца. Ее впоследствии так же мало удивляло, что кто-то за ними убирает.

- Все, как в лучших гостиницах Европы! Воспитанные у тебя горничные и прислуга. На глаза никогда не попадаются. И все аккуратно, - высказалась Анна, оценивая работу помощников по обслуживанию дома.

Жизнь шла своим чередом. Дети играли в саду, садились верхом на мраморных львов, восседали на тиграх и собаках. Джонни даже как-то губной маминой помадой подкрасил губы одной из мраморных женских статуй. А на кудрявые волосы мраморного атлета водрузил свою импортную двуколку, за что неизвестно от кого получил шлепок по мягкой части тела.

- Это ты дерешься? - спросил Джонни у Катеринки. Но ее поблизости не было.

- Это я! - ответил ему мраморный мужчина - Надо уметь себя вести в гостях!

- Фу ты, шуты! - фыркнул Джонни, со смехом убегая к бассейну. - Сейчас спрошу у льва. Может быть, и он что-нибудь скажет.

- Скажу! - неожиданно прорычало белоснежное чудовище. - Я тебе не пони! И не трогай мою гриву!

- Не дом, а заколдованный замок! - вечером сказал Джонни сестре. - А с тобой какие-то непонятности здесь случаются?

- Случаются! - призналась Катеринка. - Я думала, что это мне кажется. Вдруг решат, что я фантазирую. А, может быть, я сплю?

- Рассказывай! - почти приказал Джонни. - Сверимся и решим, что делать.

Маме пока говорить не будем и папе - мистеру Парку, а то он такое устроит!

Договорились? Рассказывай!

- Меня удивляют слуги, - начала свое повествование Катеринка. - Я их не вижу, а они здесь. Вот смотри. Колыхнулась портьера - и мои тапочки уже стоят у кровати.

- Ну и что? Подумаешь, тапочки! Меня вчера в ванной комнате мочалкой так отполировали! А за что? Я стал вокруг себя из ручного душа все обливать, потом вылезла из слива узкая, гладкая, длинная и улыбающаяся глазастая голова и представилась:

- Гидра Верлоха.

- Верлоха! Ха-ха! А меня чуть не укусила каменная собака только за то, что я ей между ушей положила букетик цветов. А еще... - но договорить Катя не успела, так как вошла мама и сказала:

- Хватит рассказывать небылицы и пора прекращать болтовню! Ночь на дворе. Спать. Завтра поговорите. И без возражений! Спать, спать!

- Попробуй тут усни, если вокруг тебя мраморные твари, - проворчал Джонни, - а в ванной черти узкоголовые мочалками дерутся.

Но сон вдруг сморил ребят, и они, словно по чей-то команде, мгновенно уснули. Анна, чуть постояв у двери, вошла в свою спальню и от неожиданности замерла. На кровати, выпучив глаза, сидел ее могучий уверенный в себе шотландец. Он что-то громко выкрикивал на своем языке и так часто, что многих выражений она не понимала. Ведь у каждой народности есть свой, не то чтобы запрещенный, но нежелательный сленг, свой лексикон ругательных слов. Потом Парк стал грозить кому-то кулаком, потом, выставив широкую мускулистую грудь, бить в нее этими же кулачищами. И вдруг, окончательно рассвирепев, бросился на невидимого обидчика. Что было бы, не появись Анна? Она как бы своим присутствием остановила действие.

- Ой! - вскрикнул Парк и, как подкошенный, упал на подушку ногами.

- Что с тобой? - взволнованная и обеспокоенная непонятным поведением мужа, спросила Анна.

Но он уже спал, издавая мощный храп. Не смея его беспокоить, не имея при этом силы перевернуть супруга так, как положено лежать на кровати, Анна ушла в ванную комнату. Когда она минуты через три вернулась, Парк лежал, как и подобает, положив голову на подушку. Кровать была аккуратно заправлена: ни измятых простыней, ни скрученных одеял.

- Что было? - спросила Анна, укладываясь рядом с мужем. Парк блаженно улыбался, видимо, ему снился приятный сон.

Утром Анна стала расспрашивать мужа, что ему снилось.

Сначала он отмахивался, а потом признался:

- Вначале какая-то белиберда. Кто-то требовал, чтобы я и моя семья по-хорошему убирались из дома. Затем стали уговаривать стать мраморным атлантом. Видите ли, я им приглянулся. Только кому, не знаю. Что, мол, по характеру я, якобы, уже полукаменный! Когда я влепил этому сукиному сыну оплеуху, он, собака, исчез. Затем заиграла музыка, и я стал танцевать с прекрасной девушкой. Но это, - спохватился Парк, - ты ничего не подумай! Это был только сон. На самом деле я люблю только тебя и детей.

Анна усмехнулась, заметив, что ей не снятся молодые принцы.

- Да ладно! Сон как сон.

За завтраком сестра спросила у брата:

- Кто тебе так вкусно готовит?

- На время вашего приезда я пригласил для этого по рекомендации магазинного продавца, молодую девушку, которую мне и прислали. Как видишь, она с этим прекрасно справляется.

- А сколько лет этой молодой особе? - поинтересовалась Анна.

- Не знаю. Разве женщин поймешь! Сегодня вся косметическая индустрия работает на вас.

На этом разговор был прекращен, ибо в столовую вошла приглашенная для работы.

- Какой будет заказ? - мягким голосом спросила изящная блондинка. - Что прикажете подать на обед?

Парк, увидев прислугу, неожиданно поперхнулся.

- Простите, - спросил Парк, - а вы из какого села?

- Я не из села! - не совсем тактично прервала Парка загадочно улыбающаяся девица. И, как показалось Анне, на какой-то миг изменила свое лицо до неузнаваемости.

- А как вы попали в дом? - не унимался Парк.

Все это Анне показалось необъяснимо странным. Служанка, улыбнувшись еще более загадочно и многозначительно, вышла из столовой комнаты. Парк, изо рта которого торчал кусок пирожка, сидел, словно его только что сделали из мрамора. Но это было лишь одно мгновение.

- А она, - сказала Катеринка, - похожа на одну из мраморных дам, что стоят у парадного подъезда.

- А ты, папа, сейчас очень смахиваешь на того, кто шлепнул меня по мягкому месту.

Но на слова детей взрослые не обратили внимания. Они составляли программу для похода в бабушкин дом.

Знакомство с замком

Как-то за завтраком Анна сказала:

- Парк все рвется осмотреть второй этаж дома. Любопытство его замучило и относительно четырех башенок. Я не узнаю его. Такой всегда деловой до скучности, уравновешенный до тупизма, здесь, как молодой жеребчик, прости за грубое сравнение! - рассмеялась сестра. - Рвется к познанию!

- Очень даже хорошо, - отозвался Мифодий. - Я ведь и сам за дни после покупки не обошел всего дома. Почему-то до вашего приезда много спал, иногда целыми сутками. Видимо, очень устал. Тут еще расписание, инструкция ...

- Какое расписание? - спросила Анна.

- Да так, пустяки, - ответил Мифодий, не хотелось ему вовлекать в свои дела сестру.

Вслед за взрослыми осматривать дом попросились и дети. А иначе как! Без детей - никак!

- Одна из башен, та, что черная, - предупредил Мифодий, - заколочена. Сломан замок. Надо было вызвать плотника.

Мифодий имел в виду ту самую, которая вызвала столько вопросов и столько волнений. Осмотр второй башни показал, что в ней склад старинных вещей. В третьей, зеленовато-малахитового цвета, хранились продукты, в том числе и в законсервированном виде. В общем, ничего примечательного в ней не было, кроме, пожалуй, старинных сельскохозяйственных орудий для ухода за садом и парком. Такими увидели башни гости. Но были ли они на самом деле такими?

Все дружно еще захотели осмотреть не только башни, но в обязательном порядке и второй этаж, куда Мифодию было запрещено ранее заходить, ибо помещение планировалось, согласно купчей, на поздние сроки.

На ступенях по-прежнему стояли мраморные атлеты, вооруженные секирами и копьями. Но никаких движений, о которых предупреждал Мифодий, со стороны охранников входа не было. Поднимаясь по широкой мраморной лестнице, «экскурсанты» оказались в очень большом красивом зале. Это было нежилое помещение. По мнению Мифодия, больше напоминало залы Эрмитажа в Санкт-Петербурге или Третьяковской картинной галереи в Москве. На стенах представлены известные полотна многих знаменитых художников, даже картины из собора Петра и Павла, что в Ватикане. Каким образом они оказались здесь, Мифодий не имел ни малейшего представления. Таким увидел Мифодий второй этаж.

Все, что находилось на втором этаже, было в прекрасном

состоянии, радовало Катеринку. Паркетный пол, оркестровая яма, открытая сцена великолепно сочетались с хрусталем люстр, с подвесками настенных бра, с мраморными колоннами, освещенными лунным задумчивым светом. Маленькая Катеринка в зале второго этажа чувствовала себя императрицей - Катериной Второй. На что брат Джонни, когда она ему об этом говорила, спрашивал:

- А где ты взяла корону? Тоже мне императрица в сарафане!

А мистер Парк коротко резюмировал:

- Богатый дом! Дорого стоит! Сколько миллионов потрачено, Мифа? Все на мировом уровне! - И почему-то при этом добавлял:

- Я таких автосалонов в Европе не видел. Колеса на машине, вроде, хорошие. Давай снимай! Если не подойдут, загоним!

- А мы сегодня будем обедать? - снова и снова возникал во время экскурсии по второму этажу Джонни. - Обещали приготовить фазана и рябчиков под соусом!

- Этих копченых воробьев? - уточняла Катеринка. - Где их только наловили?

- Где, где? В саду у дяди Мифодия! - после этих смешных слов вся дружная семейка двинулась в столовую. На столах были баклажаны со сметаной и клюквенный кисель. Для желающих на отдельном столике в роскошном блюде сидел каменный фазан, вокруг которого расположились рябчики, и тоже каменные.

- Это все потому, - сказал Джонни, - что я смеялся. Шутить, оказывается, в этом доме нельзя. Мам, мы скоро поедем домой? А то эти все каменные фокусы так надоели! Дядя Мифа, как ты только здесь живешь? Айда к нам!

Весь осмотр с перерывами занял почти весь день. Вечером, сидя после ужина в гостиной, обсуждали увиденное. Но почему-то впечатления у всех были разными, хотя посещали вместе одну и ту же часть дома.

Парк, оказывается, осматривал автомобильный салон, знакомился с новинками гоночных автомашин, Анна была в ботаническом саду, наслаждалась пением птиц, Катеринка действительно чувствовала себя императрицей, и даже посидела несколько минут на царском троне. Джонни, оказавшись в Чикен-Хаузе, был лишен возможности что-то там приобрести, и от желания поесть выкрикивал:

- А мы сегодня будем обедать?

Размышляя о впечатлениях от экскурсии по дому, Мифодий думал так: «Видимо, подсознание ранее увиденное мною в музеях мира: в Петербурге, Дрездене, в Риме и других местах, неожиданно переместило часть запечатленного в мой замок. И я увидел то, что хотел увидеть. Наверное, это случилось и с ними, с

каждым в отдельности».

Для гостей Мифодий рассказывал разные сказки, которые читал в детстве. А вот о чем умолчал, так об этом. Когда «экскурсанты» покидали непривлекательную сельхозбашню, где, кроме овощей, лопат, граблей, вил, разных приспособлений для опрыскивания деревьев, ничего интересного не было, Мифодий, чуть задержавшись, услышал чей-то страдальческий голос:

- Помогите!

Среди инвентаря он увидел привязанного к старому, но добротному креслу, сделанному, видно, из дуба, человека с гладко подстриженными волосами, почти под нулевой номер, с полными, но уже обросшими щетиной, щеками.

- Кто ты? - спросил Мифодий.

- Хозяин дома, сам строил, точнее, с помощью наемных рабочих. Черные люди захватили и меня, и мой дом.

- Сейчас развяжу! Пиши: имя, телефоны! - Мифодий хотел подать блокнот, что всегда носил в нагрудном кармане, авторучку.

Но блокнот вдруг взвился над говорившим и, покружив, упал на вилы, повиснув на пружинках, скрепляющих листочки бумаги. Авторучка, совершив кувыркающий полет, воткнулась в ящик с песком. А незнакомец, которого Мифодий, как ему показалось, видел на расстоянии вытянутой руки, исчез вместе с креслом. В башне, кроме сельскохозяйственных орудий да кулька с удобрениями, ничего не было.

- Опять что-то с головой... Уже и «мальчики кровавые» мерещатся! Притомил меня этот замок, - сказав так, Мифодий покинул башню и заспешил вслед за гостями.

После ужина, когда все разошлись, Анна спросила брата:

- Скажи, тебе нравится твой новый дом?

- Почему ты об этом спрашиваешь? - задал встречный вопрос Мифодий.

- Мне кажется, что здесь все что-то не так. Но понять не могу. Смотри, как изменился Парк буквально за несколько часов пребывания в твоем замке. Он все время куда-то уходит, с кем-то разговаривает. А вчера обнимал мраморную статую, что стоит у входа. Мне кажется, что она не совсем мраморная. Конечно, это абсурд, но я на короткое время увидела лицо мраморной женщины - зловещее, недоброе. Она словно заманивает его куда-то. А фраза, которую он произнес: «Ты будешь моей, если я стану каменным?» Я, Мифа, боюсь его потерять!

Брат, взглянув на сестру задумчивыми глазами, ответил:

- Мне не хочется, чтобы вы уезжали. Мне здесь очень одиноко. Но я связан обстоятельствами и не могу их нарушить,

иначе... Да я и сам не знаю, что значит это иначе! Но вы уезжайте. Так будет лучше. А что за дом, я еще и сам не понял. Сплошные загадки и тайны. Боюсь за тебя и за детей. Уезжайте.

Дети в это время играли в саду. Джонни гонял мяч, стараясь попасть им в каменных собак. Одна из них вдруг ощетинилась, каменная шерсть встала дыбом, и, не издав ни единого звука, собака рванула Джонни за джинсы так, что крепкая ткань не выдержала и порвалась.

- Эй, псина! Ты чего клычищи распускаешь?

Но, увидев злой оскал собачьих клыков, Джонни помчался в сторону леса-парка, так как ему показалось, что охранница гонится за ним. Забежав в заросли неухоженного участка усадьбы, Джонни задумался: почему у дяди Мифы собаки бывают не всегда каменными? О чем он и спросил у мамы:

- Почему собаки вдруг делаются живыми?

После таких и подобных вопросов Анна приняла окончательное решение покинуть замок. Расставание было печальным и тихим.

Новые события

От общения с родными душевное равновесие у Мифодия немного восстановилось. Даже вскоре, после отъезда сестры с семьей, поймал себя на мысли:

- А не побывать ли ему в обществе литераторов? Съездить к морю, развлечься?

Но тут же вспомнил еще одно из условий при покупке: не оставлять дом надолго.

- Почему? - задумался Мифодий над этим пунктом договора. - Что станет с этой громадой камня и стекла? Заборы вокруг мощные. Ворота, как у средневекового замка! Да и взять что здесь можно? Как на корабле на случай шторма, все прочно закреплено. Словно мастера лепили сразу все, воссоединяя монтаж здания с предметами и убранством.

- А почему я вдруг стал думать о строителях? - спросил сам себя Мифодий. - Откуда взялись такие мысли? Чтобы все прояснилось, надо вернуться вновь в ту круглую черную башню.

К великому сожалению, дверь была, как в прошлый раз, плотно закрыта. Плотника он так и не вызвал. Хотя отлично помнил, как она приоткрылась, когда покидал башню. Может быть, Джонни забегал? Или Катеринка? Если бы заходили Анна с Парком, они обязательно об этом бы рассказали. Комната ведь необычная, не могла остаться без вопросов?

Дверь в башню открыть Мифодию так и не удалось, к тому же она была закрыта изнутри. Но кем? Не ломать же древесину из

африканского черно-красного дорогого дерева? Он стал ощупывать резные украшения и под обшивкой обнаружил металлическую подкладку.

- Так ты еще и бронированная? - воскликнул Мифодий, на что отдаленно возник лязгающий звук металла, словно от бряцания клинков или сабель друг о друга. Звучание нарастало, затем стихло.

- Опять наваждение! - вздохнул Мифодий. - Значит, страсти-мордасти после отъезда гостей вновь возвращаются. Живу как отшельник. Глюки в голове и заводятся.

- Завелись, завелись! - промяукал кот, коснувшись ноги хозяина пушистым веерообразным хвостом.

- Это ты, котище, все представления устраиваешь? - не то шутя, не то всерьез высказался Мифодий. - А где ты пропадал? Я бы тебя гостям представил!

- Где надо! - словно огрызнувшись, профырчал кот. - Больно нужны мне были твои гости.

Мифодий был озадачен сердитым ответом нового знакомого, а еще тем, что из дома неожиданно исчезла служанка. Ушла, не попрощавшись и не получив оплаты за помощь, оказанную в период пребывания гостей. Где ее искать, Мифодий не знал. Адрес места жительства неизвестен. Тот, кто рекомендовал - продавец из магазина, тоже исчез. А там ни о каком черноволосом работнике и не слыхивали. Продавцами в магазине работали и работают одни только женщины.

- Вы, наверное, что-то перепутали? Не там ищете?

- Наверное, не там! - вздохнул Мифодий, вернувшись в замок, поднимаясь по ступеням парадного входа. - И зачем я только купил этот шизоидный замок?

- Ни сна, ни отдыха измученной душе! - вдруг пропела одна из женских статуй, мимо которой проходил Мифодий. Он немного удивился, что статуя Госпожи Мрамор опять на своем месте. На певческие звуки Мифодий ответил тем, что шлепнул каменную женщину ладонью по мраморной груди.

- Разделась! И не стыдно?

- Нисколечко, - ответила фигура знакомым голосом служанки, - не споткнись, красавчик! Собаки этого не любят.

Мифодий оглянулся. Мраморные охранники, повернув головы в сторону парадного подъезда, застыли в стойке, готовые к прыжку.

- Стоять! - крикнул Мифодий. - Тоже мне, хозяйские псы! И кто вас только такими вылепил?

В следующее мгновение мраморные хвосты неожиданно вильнули, как у обычных собак. Псы виновато опустили головы, а

потом улеглись на лужайке. Морды их снова были повернуты в сторону ворот.

- Галлюцинации, - вздохнул Мифодий, опустившись на мраморную ступеньку у входа в дом.

Цветы в саду вдруг так заблагоухали, что у Мифодия закружилась голова.

- Вот от чего все это! От эфирных запахов. Верно, у меня аллергия на них. Надо опять идти в аптеку. Какие лекарства нужны при аллергии?

- Известно какие: тавегил, супрастин, верошпирон. Прими на ночь, ибо эти препараты действуют и как снотворные.

- От кого совет? - спросил Мифодий, больше уже не удивляясь и не оглядываясь по сторонам.

- Конечно, - услышал он уверенный голос, - от меня, от Мадам Удав, лжехозяин.

- Почему «лже»? И почему «якобы хозяин» меня называешь? - На что ответа не последовало.

- Я - «лжехозяин»? - снова задал себе вопрос Мифодий, продолжая сидеть на ступенях парадного подъезда.

На перилах, словно каменный, лежал кот, не подавая признаков жизни.

- Ну и котяра! - сердито высказался Мифодий, внимательно разглядывая кота. - Это ты или не ты? Что-то не пойму! Ты что, снова окаменел?

Глаза кота неожиданно сверкнули живым блеском, словно хотели сказать:

«Это я! Я! Только вот опять булыжником стал. Такова судьба у кота каменного замка. Здесь все со временем превращаются в каменные фигуры, но не сразу. Сначала надо пройти полукаменное состояние». Кот, конечно, этого не сказал, так как был в полусостоянии, но Мифодий подумал:

«Значит, и я стану одной из фигур? Но какой? Я не лев, не тигр, не культурист, не дама, носящая накидки. И не собака. А кого еще не хватает в этом замке? Детей! Но дети были, гостили, уехали здоровыми и невредимыми. Им нужна фигура какого-нибудь босса или члена правительства. А, может быть, и самого президента?» От этой мысли Мифодий пришел в такое замешательство, что переместившись со ступеньки на каменную скамейку, что стояла возле подъезда, сел на что-то мягкое.

- Позвольте, - раздался знакомый мур-визг, - этого еще не хватало, чтобы на меня садились.

Кот, превратившись к этому времени в обычного пухлого, пушистого, важного, спрыгнув со скамейки, высоко подняв хвост, напоминающий павлиний или необычный веер, направился в

глубину сада.

- Интересно, чем там занимается этот красавец?

А потому, больше ни о чем не думая, Мифодий отправился следом за странным знакомым. Ничего не подозревающий кот шел не оглядываясь. А чего оглядываться? Он был на своей территории. Его великолепный хвост настолько был большим, что закрывал все видимое, что происходило сзади и с обеих сторон его важной персоны. Свидание с двумя рыжими кошками срывалось по той причине, что кошки решили воздержаться от общения с непонятным котом, который в любой момент мог стать куском булыжника. Кот важно шагал под деревьями и смотрел вперед. Сегодня его интересовали только вороны, появившиеся недавно в зарослях. Они не только появились, а еще и осмелились занять самую лучшую, самую удобную ветку на большом дубе, с которой хорошо наблюдать за тем, что происходит в самом замке и за его пределами. Ведь он был не только полукаменным, но и полуживым. Ворон, к сожалению, на месте не оказалось, а потому надрать хвосты этим неприглашенным гостьям не было никакой возможности. Побродив возле дуба, почистив шерстку шершавым кошачьим языком, мурлыка свернулся калачиком и задремал под деревом. Мифодий, увидев спящего кота, потерял к нему всякий интерес. Вороны же, умудренные десятком, а может быть, и не одной сотней лет, давно вычислили этого жителя каменного замка. Мифодия они знали с детских лет и любили за то, что он их никогда не обижал, а, наоборот, подкармливал и разговаривал с ними. К тому же вороны стали догадываться, что этот каменный замок - совсем не простой. А этот кот? То живой, то неживой! Так кошки себя не ведут. Но как разгадать все происходящее? Заранее, оставив облюбованный ими дуб, переселились под крышу дальней башенки. А чтобы не выдать себя, потихоньку отучались громко каркать. Ну а шептаться они еще не умели, хотя старались подражать мелким птахам. Кот тем временем, подобно мягкой пушистой лепешке, лежал под деревом, размышляя о дальнейшей своей судьбе. Вороны же, незаметно подобравшись и усевшись на ветке, решили попугать кота. В клюве они держали по камню, подобранному на дороге. И когда кот, сладко зевнув, широко раскрыл широкую пасть, бросили камешки.

Один камешек попал в рот кота прямым попаданием, другой - между глаз. Не удержавшись, громко и весело каркая, вороны умчались прочь, победно хлопая крыльями. А кот с открытым ртом, в котором застрял камень, и с большой шишкой между глаз помчался к замку и догнал медленно идущего Мифодия.

- Бог ты мой! - воскликнул Мифодий. - Это кто тебя так отделал?

На что котище не отвечал никак. А что он мог сказать?

Освободив Мурлыку от вороньего подарка, Мифодий повернул назад и пошел искать обидчиков своего нового приятеля, не зная, что на самом деле находится под влиянием этого необычного котоподобного существа.

- Как тут все заросло? Великовозрастные кусты между деревьями разных пород заполняли большую часть лесопарка, образуя малопроходимые заросли. Уж не в тропических ли лесах Амазонки я снова очутился? Только смрадного хлюпающего под ногами болота не хватает, - подумал Мифодий.

Но тут его внимание привлекла массивная старинная дверь, судя по своему виду, пролежавшая в зарослях не один год. Дверь лежала не плашмя, а прислонившись краем на небольшой земляной холмик. Приподняв полутрухлявый край, Мифодий обнаружил отверстие с каменными ступенями, идущими вглубь. Не раздумывая, по изъеденным от времени выступам стал спускаться, будто в бездну. В кромешной темноте, в абсолютной тишине слышался только стук собственного сердца. Неожиданно уловил легкое полушуршание, словно под обоями, если они были бы, проползало какое-то шуршащее насекомое или мышь.

- Без фонаря здесь делать нечего! - подумав так, стал быстро подниматься по осыпающимся ступенькам наверх. Вслед послышался чей-то глухой тяжелый вздох.

Город мертвых. Старинное кольцо

На другой день, вооружившись фонарем, Мифодий отправился к тому месту, где лежала полуистлевшая дверь, под которой был вход под землю. Спустившись по разрушенным ступеням, осветил помещение, похожее на длинную пещеру. Тусклый свет фонаря лучом уперся в песчаник, заскользил по стенам, в которых были чем-то прикрытые углубления. Приглядевшись, обнаружил надписи на старославянском языке. Только вчера он держал в руках календарь с этими знаками! Кто-то положил календарь на письменный стол на самое видное место.

- Что бы это все значило?

Надписи на плотном окаменевшем песчанике были полустертыми. Мифодий вспомнил: что-то подобное, но без славянских слов, он видел на Мальте. Вновь возникшее шуршание делалось все явственнее. Среди этих звуков неожиданно из глубины земли послышался глухой низкий голос:

- Зачем пришел?

Мифодий от неожиданности вздрогнул, но ответил:

- Я не пришел, меня что-то сюда привело.

Мифодий никак не мог привыкнуть к тому, что в доме, а теперь и в его окрестностях происходят непонятные ему встречи, что все время случаются события, без которых не проходит и часа жизни в этом особняке. Словно хотят, чтобы он его покинул. Сначала эти события его веселили, а теперь стали походить на запугивание. Ход его мыслей прервал все тот же голос с тем же вопросом:

- Зачем пришел?

- **А** кто вы такой? - осмелев, чуть с вызовом, спросил Мифодий. - Откуда появились?

- Я? - голос стал более тяжелым и властным. - Ты нарушаешь наш покой, придя в город Мертвых. И не задавай лишних вопросов. Мы к этому не привыкли. Хозяин этого не любит.

- Какой хозяин? Я здесь хозяин! Это моя земля. На ней стоит мой дом!

- Эка невидаль! Бумажка ты желтоперая! Ты мне герб хозяина покажи. Нет такого у тебя. Когда будет, если будет, тогда и разговор пойдет. Прощай!

Фонарь, что держал в руке Мифодий, стал еще слабее светить. Ниточка накала, отдав последнюю силу, погасла. Все вокруг погрузилось во тьму.

- Видимо, сели батарейки, - уже спокойнее подумал Мифодий.

В глубине мрачного помещения, среди сплошной темноты, блеснуло что-то, похожее на слабоосвещенную витрину. Подойдя поближе, Мифодий увидел склеп, из которого к нему шла женщина. Она смотрела прямо в глаза, протягивая руки, в одной из которых была изящная дамская сумочка. Женщина коснулась плеча Мифодия, но он не ощутил этого прикосновения. Женщина ласково улыбнулась и, взяв его руку в свои, совершенно невесомые, надела на безымянный палец Мифодия кольцо. Кольцо Мифодий почувствовал физически. Вновь кромешная темнота погрузила увиденное во тьму.

- Сели батарейки, - опять повторил про себя ту же мысль Мифодий, отыскивая на ощупь выход из города Мертвых.

Оказавшись среди деревьев и зарослей кустов в лучах уходящего на покой к горизонту солнца, он, как ему казалось, все еще слышал глухой, низкий голос:

- Зачем пришел? Потревожил наш сон? Ты с гербом, с гербом бумагу покажи! Нет такой у тебя! Все принадлежит нам! И ты тоже!

Не пропадал и образ улыбающейся женщины.

- Я, наверное, с ума схожу? - опять подумал Мифодий. Он сидел на пне недавно спиленного дерева и тупо смотрел в землю.

Затем перевел взгляд на руку. На безымянном пальце правой руки было кольцо, то самое, что надела женщина в городе Мертвых.

Темнота все плотнее обступала Мифодия, поглощая последние краски густеющего заката. Белый стелющийся туман уже подступал к коленям, от чего в них появилась тоскливая, ноющая боль.

- Сколько же времени прошло с тех пор, как я пришел сюда?

Рядом, прислоненная на ствол толстого дерева, стояла полуистлевшая дверь, которую он поднял с земли. Но никакого входа в город Мертвых не было, как и не слышны были тяжкие вздохи и пугающие слова:

- Хозяин этого не любит!

Вернувшись в кабинет, Мифодий из сейфа достал документы на покупку недвижимости. Все было в порядке. И строение, и территория были его собственностью.

- О какой гербовой печати говорил голос? Вот же она обозначена на купчей! - Мифодий внимательно стал всматриваться в оттиски. - Что такое?

Это были те и уже не те отпечатки? На одной, самой главной, неожиданно появилось усмехающееся лицо того маленького чернявого человечка, представителя хозяина продаваемого дома. Подмигнув одним рыжим глазом с черным зрачком, представитель исчез. На бумаге снова стояла законная печать.

Сидя за письменным столом, Мифодий рассматривал кольцо. Через слой почерневшего серебра проступали инициалы владельца. Они совпадали с инициалами матери. Но как оно могло попасть сюда? Ведь все родные совсем в другом месте сгорели при пожаре! И только они одни уцелели, потому что с сестрой Аней гостили на родине мамы у бабушки. И вдруг, словно прозрев, Мифодий воскликнул:

- Там, где я был, территория обозначена в купчей как старое захоронение - древнее кладбище! А кольцо, возможно, принадлежало кому-то из моих предков? Но кто эта женщина, что передала памятный предмет? Может быть, по материнской линии она и есть моя прапрабабушка, что умерла молодой и была похоронена здесь? Как тут все перемешано! И хорошее, и плохое, и светлое, и черное!

- Как в жизни, - мурлыкнул появившийся приятель. - Опять эти вороны кричат! Уже так надоели. Тоже мне, кладбищенские вещуньи! А ты в ту башню почему не сходишь? Может, чего и поймешь? И уйдешь, отдав...

- Хватит! - резко оборвал кота на полуслове Мифодий. Видимо, сказывалась накопившаяся нервозность. На что вполне ясно услышал в ответ:

- И мне надоело с тобой возиться! Если дельце доделаю, еще поживу. А коли суждено, стану каменным памятником, но рядом с тобой.

Чувство присутствия

Мифодий все чаще и чаще ощущал присутствие кого-то возле себя. Это чувство не покидало его и тогда, когда он находился в помещении, и тогда, когда уединенно бродил по аллеям сада или уходил в заросли разросшегося лесопарка. Кроме того, краем глаза он улавливал полувидимые фигуры отдельных людей. Они, как призраки, появлялись и тут же исчезали с поля зрения. Все это длилось короткий миг, вследствие чего невозможно было разглядеть и зафиксировать фигуру до ясного восприятия. Резкий поворот головы в сторону показавшейся тени ни к чему не приводил. Возле дерева или куста всегда было пусто. Иногда Мифодий задавал себе и такой вопрос:

- Возможно, это растение парка? Но тогда почему увиденное более отчетливо проявляется, когда вокруг много свободного пространства?

Однажды, прогуливаясь по парку, подумал:

- Может быть, завести собаку? Она уж точно обнаружит и лаем известит о присутствии чужого. Но тут же вспомнил про одно из условий при покупке дома. Никаких животных чтобы в доме не было. Никаких посторонних людей.

- А как быть с сестрой? - спросил тогда Мифодий. В результате переговоров и появился подпункт: «Родного по крови можно принять в доме, но на короткий срок».

- Ну и жук! - подумал Мифодий. - Как умело уходит от ответа. Я, вроде, не юнец! Не какой-то там лох, как выражается сейчас молодежь, а влип! Хотя, какие там деньги? На них можно было купить только однокомнатную «хрущевку», и то на окраине города.

- Совершенно верно, - вдруг отчетливо услышал Мифодий женский голос. Он оглянулся. Львы и тигры неподвижно лежали по краям голубого мраморного бассейна, а около них явственно вырисовывалась фигура женщины. Она словно хотела еще что-то сказать. Хвосты у хищных кошек стали чуть вздрагивать, как бы пытаясь шевелиться. Мифодий так устал от всех проказ купленного дома, что не обратил внимания ни на призрачную женщину, ни на животных, а лишь подумал:

- Надо прочитать в энциклопедии для детей «Хочу все знать», что означает движение хвостов у львов и тигров. Они же из семейства кошачьих? А кошки, как известно, в отличие от собак, выражают свое неудовольствие именно движением хвоста. Но

львы - это не совсем кошки! А еще надо сходить к окулисту, прояснить вопрос о боковом зрении.

На приеме у офтальмолога

Офтальмологической клиники в селе, конечно, не было. Врачом-глазником оказался далеко не молодой человек. Он проверил остроту зрения, состояние глазного дна, роговицы, сетчатки, хрусталиков, нет ли наличия косоглазия, измерил глазное давление.

- А теперь, батюшка, - сказал врач, - посмотрим, что происходит с вашим боковым зрением, на которое вы жалуетесь.

Мифодий еле успевал следить за возникающим белым пятнышком на темном поле прибора и фиксировать компьютерной мышкой его местонахождение. Вдоволь наигравшись со своим пациентом, врач объявил:

- Зрение у вас в полном порядке, но! - хитро прищурив не по возрасту живые небесно-лазурного цвета глаза, продолжал: - Что такое боковое виденье? И как им пользуются люди? Мало пользуются, а потому и происходят всякие неприятности. Подсматривать, естественно, нехорошо. А вот пользоваться боковой частью глаза - необходимо. К сожалению, не у всех оно развито, а к старости имеет тенденцию к снижению. Встречаются люди, к примеру, как вы, с отлично развитым боковым зрением. Поэтому вы видите такое, чего не видят другие. - Врач увлеченно стал рассказывать о глазных болезнях, о современных способах лечения. Говорил о том, что музыку слышат все, а в то же время полностью она доходит не до всех. Или вот люди не слышат звуки, которые слышат другие организмы, к примеру, собаки.

- Значит, - думал Мифодий, возвращаясь от врача, - я вижу то, чего не видят другие? Тогда почему до покупки дома я видел, как все? С возрастом поле зрения сужается, а у меня, похоже, расширяется? А еще и углубляется? Я думаю, это все из-за дома с его фокусами. Ну и местечко я себе для жизни выбрал!

Катастрофа

Мифодий сидел на блестящем диване в прекрасной гостиной и что-то писал. Незаметно к нему приблизился кот и, заглянув в блокнот, спросил:

- Доносы строчишь?

- Не доносы, а заявление в соответствующие органы. Хочу пригласить экспертов, чтобы разобрались со всем происходящим.

- Не советую. Ты забыл, что этого делать ни в коем случае нельзя. Всякая огласка грозит страшной катастрофой. Об этом в купчей ясно прописано!

- Какой еще катастрофой? - возмутился Мифодий. - Жизнь в этом доме - сплошная катастрофа. Словно в изоляции на зоне отбываешь срок за тяжкое преступление.

- Но ведь, признайся, жаль оставить такое богатство, такую красоту? Пусть клетка, но золотая! А сколько здесь золота можно добыть! Ты его хозяин. Будешь самым богатым писателем на земле!

- Я что-то не припомню настоящих богатых писателей, тем более, детских! - усмехнувшись, ответил Мифодий своему непонятному знакомому. - Остается одно: встретиться с теми неприятными лицами, которых видел в черной башне и объявить им свое решение. А желание такое - покинуть этот дом навсегда. Скажи мне, это все они здесь творят?

- Возможно, возможно, - ответил кот, каменея. - Сходи, не ошибешься, но последствия знаешь?

Когда через несколько минут Мифодий вышел на парадное крыльцо, то был удивлен. На площадке у входа в здание не все каменные фигуры мужчин и женщин были на месте. Вокруг бассейна, ранее с голубой водой, а теперь окрашенной в красный цвет, в танце медленно двигались мраморные статуи. Каменные львы и тигры не лежали у воды, а носились вдоль высокого забора с легкостью живых, пытаясь его перепрыгнуть. Сторожевые псы, приняв зловещую позу охранников, с горящими глазами смотрели на все происходящее, готовые в любой момент вступить в схватку с большими кошками. Возле парадных ступеней, вытянувшись во весь рост, лежала Мадам Удав, хранительница аптечной комнаты. Чуть приподняв свою маленькую изящную змеиную головку, глядя в небо круглыми крупными выпуклыми глазами, еле слышно произнесла:

- Это дело рук главного черного кинера. А в бассейне - бездыханная Гидра Верлоха и растерзанные мыши. С ними расправилась Госпожа Мрамор перед окаменением...

- Госпожа Мрамор? - воскликнул Мифодий. - А о каком черном кинере идет речь?

Но безжизненная головка Мадам Удав молчала. Тут Мифодий услышал громкое мяукание кота, который сидел верхом на каменной стеле, прямо на петухе, обнимая его за шею мягкими лапами.

- Что случилось? - крикнул Мифодий срывающимся от волнения голосом. - Что происходит?

- Катастрофа! Они празднуют победу и то, что навсегда станут каменными, а не полукаменными кинерами, ибо уверены, что ты отдашь то, что у тебя самое дорогое, покинешь дом и станешь ...

Но тут кот страшно замяукал, так как петух, превратившись в живого, клюнул кота в темя и сбросил с высокого шеста на землю.

- Берегись! - почти человеческим голосом крикнул кот.

К парадному входу в дом неслись со зловещими мордами свирепые псы. Мифодий едва успел захлопнуть входную дверь перед разъяренными охранниками. Они гнались за котом.

- Действительно, безвыходное положение. И я, как кот, загнан в этот богатый дом. Теперь у меня только один выход - круглая башня, встреча с неприятными ее обитателями.

Мифодий шел по коридору. Прекрасная музыка по-прежнему сопровождала каждый его шаг. Ковровые покрытия пола были нежными и ласковыми.

- А, может быть, не надо покидать все это? Оставаться и всем владеть? А сколько можно издать красивейших книг, имея большие деньги? - От этих мыслей он почувствовал, как тяжелеют ноги, какими неподъемными становятся руки. А голова, словно налитая свинцом, то опрокидывается назад, то падает на грудь. Было ощущение, что он каменеет. В то же время Мифодий чувствовал, что видит сон, в котором другой сон, но никак не может проснуться.

Рядом с Мифодием, не обращая на него никакого внимания, будто и не было того, что случилось в саду несколько минут назад у бассейна, мягко ступая по ковру, неторопливо двигался кот. Морда кота, если бы это можно было увидеть под пышными усами, выражала полное удовлетворение происходящим.

- Эй, кошара! - крикнул Мифодий, завидев кота. - Ты все-таки какой-то очень странный?

После этих слов, сказанных Мифодием вслед мурлыке, кот обернулся и на глазах превратился в черноволосого маленького человечка с рыжими глазами - в уполномоченного представителя хозяина по продаже дома.

- Как? - от неожиданности и удивления Мифодий встал будто вкопанный, словно каменея.

- Не нравится быть таким? - спросил чернявый. - Каждый, кто желает завладеть этим богатством и золотом, что добывается здесь так безнаказанно просто, сначала делается полухозяином, потом полукаменным. А если, желая заполучить все за бесценок, и решает остаться хозяином замка, навсегда становится каменным. Но быть кинером, скажу совершенно откровенно, то живым, то каменным - удовольствие не из приятных. Себе не принадлежишь и не знаешь, что будет с тобой в следующий миг. Лучше окаменеть навсегда. И в камне жить вечно. Поэтому-то все кинеры полукаменные и радуются избавлению от половинного состояния.

- А почему тебя клюнул петух? - вдруг спросил Мифодий о том, что было несколько минут назад.

- Да бездушный он! Завидует, что я с кошками гуляю. Что во мне стала появляться половинка, чем-то похожая на любовь. А он с курами этого не может позволить, кинер безклювый! - продолжал человечек уже не в образе кота. - Только одна полукаменная Госпожа Мрамор, что общалась с Мадам Удав, с Гидрой Верлохой желала освободиться от зависимости.

- От какой зависимости? - хотел спросить Мифодий, но его перебил говоривший:

- Кажется, конец. Догулялся. Наказывают. Но еще минута в запасе. А родственничек-то твой? Эта дама хотела у господина Парка взять половину, которой лишилась, совершив преступление, и освободиться от окаменения. Так тот не дался! Точнее, его супруга не позволила. А потому и уехал душевнополноценным.

- Ты говоришь о той даме, что разгуливает ночами с собаками по парку? - уточнил Мифодий.

- Совершенно верно, служанка твоя! И к тебе подкатывалась. А у входа в дом только три полукаменных фигуры. Другие давно окаменели.

- А для чего ты выбрал образ кота? - продолжал допытываться Мифодий.

- Неужели не ясно? Коты - мышеубийцы. Уже наполовину с изъяном. Кота легче сделать кинером, чем, к примеру, козла или корову. Бывает, и лошади каменеют. Кого-то затоптали. А вот свиньи, что по корешкам да червякам специалисты, вряд ли будут кинерами. Что-то я расфилософствовался, а права на это не имею. Подписку дал. Я же профессиональный кинер. С заданием не справился. Должен быть уничтожен.

- С каким заданием не справился?

- С каким? Да с твоим. - Но тут черноволосый маленький человечек неожиданно вновь превратился в черного кота. Кот, прыгнув на сверкающее сказочно-блестящее кресло, стоящее в конце коридора, свернулся в клубок и окаменел. Лишь только глаза говорили о том, что он внутри еще живой.

- Эй, кошара! Погоди! Один только еще вопрос! - крикнул Мифодий, но кот прикрыл сверкающий глаз и, похоже, окаменел навсегда. Он не мог сказать, что его миссия закончилась.

Мифодий же вдруг вспомнил вопрос, который однажды задал ему этот оборотень: хочется ли ему получить звание классика литературы?

На что ответил:

- Не я решаю. Время рассудит, кто есть кто! Кто чего стоит.

А еще, - продолжал думать Мифодий, тяжело шагая по ковровой дорожке в сторону круглой башни, - хозяин продал этот замок за бесценок не для того, чтобы иметь еще один каменный экспонат! Я фигурой не вышел. Правое плечо все время выше левого оттого, что на нем висит сумка с блокнотами и фотоаппаратом. Кстати, он мне сейчас, как и видеокамера, очень пригодился бы. В замке меня терзали удивлением и страхом. Но я оказался стойким и любопытным. Без конца подталкивали всеми деяниями к решению нарушить условия купли-продажи дома. То есть к тому, чтобы я покинул его, оставив взамен самое дорогое, что есть у каждого человека. Зачем все это надо было затевать? - Мифодий сам удивлялся своим мыслям, своим вопросам и своим выводам. - Отдать? Безвозмездно? Если так, то что отдать и для чего?

Встреча в черной башне

Подойдя к дверям круглой башни, Мифодий обнаружил их широко распахнутыми. В помещении был полумрак. Кнопка выключателя сработала сама, осветив стол, вокруг которого в том же порядке стояли вплотную к нему придвинутые полукресла - стулья с подлокотниками. Потолочная круглая люстра, окаймленная полуматовыми, со звездочками, похожими на рубины, многочисленными плафонами, свисала на длинных цепях, уходящих куда-то ввысь. На бархатной поверхности стола возник подсвечник с чуть оплавленной свечой. Сухая нить свечки вдруг вспыхнула, отбрасывая тени на узорчатые, обшитые шелком стены. А люстра, мгновенно перестав излучать свет, стремительно уплыла вверх, будто там было какое-то, как в цирке, приспособление. Язычок пламени колебался, отбрасывая на стены огромные тени. Неожиданно Мифодий увидел, как комната стала наполняться полупрозрачными фигурами женщин в модных одеяниях с кружевами и обтягивающими лифами. В пышных прическах сверкали изумрудные и бриллиантовые украшения. Мужчины в шикарных костюмах, в белоснежных рубашках, с накрахмаленными воротничками, закрепленными такими же изделиями с крупными драгоценными камнями, неторопливо рассаживались вокруг стола, площадь которого увеличивалась по мере появления новых фигур. Это был уже не круглый стол, а большой овальный, за которым восседало более десятка непонятно откуда взявшихся гостей. Фарфоровое блюдце китайской работы, неожиданно появившееся на столе, тоже стало увеличиваться в размере, и когда пришедшие протягивали к нему руки, деформировалось в сторону желающего положить на него пальцы. Фарфоровая округлая поверхность принимала овальную

форму и перемещалась на шелковые стены помещения. Дамы, чуть запрокинув назад свои прекрасные, более похожие на фарфоровые, головки, какие были у кукол сестры Анны в детстве, неожиданно заговорили. Движение их губ, мягкие улыбки демонстрировали морщинки на лице. Сверкание серых, голубых, слегка коричневых глаз - были настоящими, но скучными, какими-то мертвыми. Все разговаривали, а речи не было слышно. И так притуманнено, словно все происходило где-то там, за экраном, а не в этой круглой башне каменного замка. Мужчины, сидевшие и стоявшие за спинками кресел, тоже беззвучно переговаривались, видимо, обсуждая то, что происходило на бархатной поверхности игорного стола. Мифодия никто не замечал или делали вид, что не видят. Сцена, будто записанная на диск, повторялась и повторялась, не меняя своего сценария с точностью до мелкого движения бровей. Мифодий, наконец, выйдя из состояния удивления и какого-то шока, спросил:

- Господа, кто вы? Что значит все, что здесь происходит?

В ответ на вопрос полупрозрачные фигуры, словно туманная дымка, растворились, превратившись в длинную, сверкающую от присутствия большого количества драгоценных камней, невероятно красивую нить, которая, вращаясь, устремилась ввысь, туда, во тьму каменной башни, куда исчезла и прекрасная люстра, освещавшая комнату.

- Фу ты, черт! - высказался Мифодий, стукнув ладонью себе по лбу. - Какой-то фильм мне, что ли, показали? Или опять привиделось?

- Не совсем так, - услышал он шепот от шелеста страниц книги, которую держал в руке. Откуда она взялась? Он с ней пришел? Или взял здесь со стола? Неужели рукопись уже стала книгой?

Тяжелый купол башни, несмотря на свою высоту, стал давить на голову и плечи, вызывая желание покинуть помещение. Но опять возникло гнетущее чувство присутствия кого-то, и это стало удерживать Мифодия от желания покинуть башню. Немного обшарпанные, но еще сохранившие золотистый оттенок обшивки кресел, потемнели, словно в них сгустилась мгла. Мифодий невольно протянул руки к опять появившемуся на скатерти фарфоровому блюдцу, коснулся его, желая повнимательнее пощупать и разглядеть: оно ли? И тут снова увидел на блестящем бархате стола отражения тех трех лиц и услышал их голоса. Сейчас лица были обозначены предельно четко. И не только ясно различимы в полутьме каменной башни, но и предстали перед Мифодием со всеми оттенками чувств.

- Ты видел этих пустых, прозрачных, украшенных

драгоценными камнями людишек? Пресытившихся, лишенных радостей жизни? Променявших ценное, что есть в человеке, на богатство - на золото замка? А теперь томящихся во мраке тьмы? Ты впервые нарушил договор, посетив эту башню не в том порядке, как было указано, потому и увидел нас. Мы не были готовы к встрече. Не был готов и ты выполнить то, чего мы от тебя хотели. Стали наблюдать и убедились: не пуглив! Больше того, ты даже дерзнул записывать то, что происходит в замке! - грубо высказался один из трех с недобрым лицом.

- Да чего удивляться? - добавил второй со зловещим и дерзким взглядом. - Писатель! К тому же тяготеет к фантастике. Мы еще ему и сюжеты подбрасывали! Но как ни старались, не встретился он с хозяином Тьмы.

- А, этот черный прохвост! - заметил третий участник разговора с ехидной и пренебрежительной улыбкой. - Даже предупредил, чтобы не входил во тьму, что глубоко в земле, а направил в город Мертвых к хранителю на старое захоронение. Ишь, увлекся в образе кота кошками! Захотел стать живым котом?! Любовью хотел вернуть себя в прошлое! За что и поплатился. Теперь он навек каменный! Ха-ха!

- А у тебя, - снова грубо высказался первый из собеседников, - только два выхода. Либо назад - к полукаменным фигурам, превратишься вместе с ними в статую-памятник. Это престижно для писателя. Либо, отдав самое дорогое, что есть, сможешь целым навсегда покинуть замок и жить дальше, но без...! - зловеще захохотал говоривший.

- Что я должен отдать? И почему вы выбрали именно меня? - гневно, с вызовом заговорил Мифодий.

- Да не смеши нас опять, - угрюмо усмехнулся второй из говоривших, лицо которого после вопросов Мифодия почернело еще больше. - Ты же писатель, к тому же детский. Отдав это, будешь другим, пусть говорят, черным, но знаменитым писателем-фантастом! Мрак твоих книг перейдет в души детей и подростков, и они, совершая неблаговидные поступки, станут полукаменными, кинерами, полубездушными людьми, кандидатами в каменные. Для этого нам нужна твоя душа. Взяв самое дорогое, что есть у тебя - душу, мы отдадим ее нашему повелителю - хозяину Тьмы. На земле посланцев черного мира станет больше! Как и число бездуховных людей! У хозяина не одна томится в мрачном подземелье, тем самым пополняя количество бездушных людей. Но нам нужны больше души тех, кто стоит у истоков духовности. Власть Тьмы полностью восторжествует над властью Света. И ты нам в этом поможешь! А сам станешь знаменитым, богатым!

- Не отдашь добровольно, - зловеще выкрикнул один из черных, - силой возьмем!

- Я не приемлю ни одного вашего условия! - громче говорившего выкрикнул Мифодий.

- Ты не уйдешь! - угрожающе и зло звучали голоса хозяев башни. Они, поднимаясь из своих кресел густым черным мрачным облаком, с силой швырнули Мифодия в четвертое кресло, продолжая:

- Подписывай! - Перед Мифодием появился лист гербовой бумаги.

- То, что ты видел в дальней зеленой башне, - реальность. Твой предшественник на звание «хозяина дома» томится там. Тоже нам ученый! Слуга народа! Находится сейчас не среди предметов для обработки земли, а окружен штуками для пыток! Хочешь стать его соседом? Заставим вас подписать ...

- Ах так! Нет уж! Не бывать этому! - Мифодий в ярости, ухватившись за край бархатной скатерти, с силой сдернул ее со стола вместе с фарфоровым блюдцем.

Блюдце, как любой настоящий фарфор, упав на пол, только подпрыгнуло, но не разбилось. Кто-то сильно колотил в дверь башни. Где-то громко каркали вороны. Стук повторялся и повторялся снова, потом послышался треск дерева. Мифодий открыл глаза.

А где все из Фэнтези-страни-мании?

- Мифа, ты чего дверь не открываешь? Мы стучали, стучали. Потом ты начал кричать. Мы испугались, не случилось ли чего? Вот дверь и сломали.

Перед Мифодием была Анна, а из-за спины выглядывали перепуганные мордашки детей.

- Алексей там, во дворе, - продолжала сестра. - Кто-то у твоей машины колеса снял, но унести не успел. У забора лежат.

Мифодий сидел в бабушкином кресле-качалке, плотно упиравшемся в стену. Вокруг валялись куски штукатурки, обрывки старой бумаги, которой были оклеены стены и потолок. Среди мусора лежало целехонькое бабушкино фарфоровое блюдечко. На пороге с топором в руке стояла соседка - старуха в мужском пиджаке, но не подпоясанная цветным платком.

- Дом берегла, берегла! А машину не уберегла! Хорошо, вороны, - ворчала соседка, ставя топор у порога. - Я думала, ты, касатик, гулять куда ушел...

- Это что, сон? Я не в каменном замке? - спросил Мифодий.

Он никак не мог придти в себя после увиденного и пережитого. Все, что происходило с ним, было настолько ясным и

четким, словно он только что вернулся из каменного дома.

- Какой сон? - громогласно отреагировала старуха. - У него с машины колеса сняли, импортные, ведь не дешевые? А он - сон! В облаках, дорогой писатель, летаешь! - но, взглянув на растерянное выражение на лице Мифодия, смягчилась. - Бывает! Уснешь крепко, кажись, на одну минутку, а такое наснится, милок! Одно мгновение, а кажись, вечность прошла. Будто по экрану вся жизнь перед тобой с разными кривляками маяла. Чего и не было, увидишь порой. Такая срамота.

Мифодий взглянул на часы. Там был обозначен следующий день недели от того, когда он приехал. Сколько же прошло времени?

Черный кот, соскочив с колен Мифодия, прыгнул на подоконник, пытаясь головой и лапами толкнуть половинку оконной рамы, захлопнувшейся, видимо, от порыва ветра.

- Эй, котяра? Это ты? - спросил неуверенно Мифодий.

Кот, оглянувшись, хитро блеснул желтыми глазами:

- Возможно, возможно, - послышалось Мифодию знакомое мяукание.

- Вася, Васенька! Вот ты где? А я целый день тебя ищу.

На минутку Мифодию показалось, что это не соседка-старуха, а та полукаменная Госпожа Мрамор из замка, но явно постаревшая. Мифодий тряхнул головой. У порога стояла хранительница бабушкиного дома, с любопытством разглядывая привезенные для нее подарки.

- Принаряжусь, - приговаривала довольная соседка, - схожу, гляну на новый дом, что выстроили недалече. А то все некогда, некогда. Говорят, не дом - хоромы с башенками, на замок похож. А вот собираются продавать. Хозяин, говорят, в каком-то бизнесе прогорел. Бездушный, рассказывают, человек. Ну и поделом! На трудах праведных не наживешь домов каменных. Да и на чужое добро неча было рот разевать. Поделом, поделом!

- Ты чего, Мифодий, скуксился? - спросил, входя в дом, муж сестры Алексей. - Не хреновый же писатель? На колесо заработаешь. Одного только и не хватает. Кстати, резину укатал, лысеть начинают.

- Это ты, Парк? При чем тут колеса? - не придя окончательно в себя, сраженный словами старухи, спросил Мифодий

- Какой еще парк? Тоже мне сказал. Ты что, с катушек слетел? - рассмеялся родственник. - Я - не парк, а целый лесопарк! Вот сколько нарастил! Знакомься - сын Женька, дочь - Катя.

- Джонни и Катеринка? - переспросил Мифодий.

- Ну, ты, братишка, совсем не в себе. Заболел, что ли? Писанина замучила? Али чего перебрал?

- Ты, вроде, этим не грешишь! - вступила в разговор, перебивая мужа, Анна. - Ну, привет! Как доехал? А окно-то не было закрыто. Напрасно дверь ломали. Крепко, вижу, спал? А мы испугались. Дети! - весело продолжала Анна. - С возвращением на обетованную землю предков! Дом перестроим, что-то отремонтируем! На лето станем дачниками. Согласны?

- Ура! - закричал Женька, подбрасывая импортную двуколку, от чего очередной бумажный клок, оторвавшись от потолка, упал на голову Мифодия.

С ветки дерева, росшего во дворе, на все происходящее в доме через вновь распахнутое окно смотрели две вороны, тихонько переговариваясь. Они все же научились при некоторых обстоятельствах шептаться. Кот, растянувшись на крыше сарая, блаженно жмурился, глядя на солнце рыжими глазами.

Прилетевшая молодая, небольшого размера чернявая ворона, блеснув буравчиками маленьких колких рыжевато-черных глаз, зло прокаркала:

- Эй вы, старые крикуны! Расселись тут! Заняли всю площадь! А ну, подвиньтесь! - на что обитатели крыши бабушкиного сарая дружно дуэтом прокаркали:

- Краля, Краля! Кра-ля! Кра-ля! Совесть Кра-ля потеряла. А горланить не спеши! Лучше глотку да на солнце, Краля, глотку просуши! Ты никак еще и пустодушная? Кому душу продала? Кра.

***

Вот и закончила писать произведения из серии фэнтези! Сегодня восьмое января 2011 года - День рождества Христова. Эта дата рождения и моего отца Рейнгольда Яновича Лагздинш (1895), и свекра Василия Васильевича (1916).

Глава 6. Поговорки, пословицы и другие выразительные средства традиционного творческого стиля в разговорной речи

Поговорка - цветочек. Пословица - ягодка

В «Книге-1» «Две жизни в одной» я рассказывала о том, как стала записывать пословицы и поговорки, которыми пользуюсь во время разговора. По мере записывания насчитала сначала около четырехсот, а затем более семисот памятных строк. Самое интересное то, что, если не успеешь эту самую присказку зафиксировать на бумаге, она ускользает, как бы возвращается в прежнее хранилище, не обнаруживая своего присутствия, но в нужный момент вдруг снова появляется. Это замечательно! «Без углов дом не строится, без пословицы речь не молвится», «Красна речь с поговоркой», а потому «На всякого Егорку есть пословица и поговорка».

Они складывались народом еще до того, как появилась грамота. Не имея письменности, народ передавал устную мудрость от отца к сыну, от деда к внуку, тем самым учил правилам жизни, учил детей уму-разуму.

Пословицы и поговорки украшают нашу речь, делают ее более живой, умной. Говоря о поговорках и пословицах, невольно задаешь себе вопрос: «Нужен ли современному человеку фольклор, это традиционное народное творчество? А также нужны ли новые короткие высказывания, что появляются и закрепляются в речи людей? Мол, и без них жили и проживем!» Но если вдуматься? Ведь не случайно словесная мудрость, накопленная веками, сохранилась и используется! К примеру: сколько ни воспитывали поколение атеистов, а бытуют в нашей речи выражения: «Слава Богу!», «Дай Бог», «Прости, Господи», «Упаси, Господи!». В коротких строках поговорок и пословиц, поняв их смысл, можно найти и правильный выход из ситуации, в которую попадаем, и получить ответ на тот или иной вопрос.

А всякие словечки-колечки, смешные выражения в виде шуток, дразнилок, анекдотов нужны ли нам? Чтобы ответить на подобные вопросы, давайте вслушаемся в речь иного современного молодого человека. Как браво и сплошняком она льется из уст говорящего, пересыпанная матерными словами.

Убери из разговорной речи такого говоруна эти самые слова, и речи-то нет! Невелик запас слов у такого юноши.

При употреблении пословиц и поговорок человек выглядит даже при разговоре умнее, а познав их суть, действительно умнеет. В этих коротких строчках - двухслойная мысль: одна конкретная - на поверхности, другая - образная, сокрытая под первой.

Работая над темой «Пословицы и поговорки», я использовала и современные возникшие выражения людей разных профессий, да и сама поиграла по их созданию.

Итак: читаем поговорки и пословицы - короткие философские размышления, вспоминаем забытые; проговариваем новые, заменяем нецензурные и тюремные на умные слова и мысли, веселимся, используя в меру и к месту словосочетания - игралки-дразнилки.

«Как у Алки - две моргалки, сбоку слушки - это ушки, нос - сопелка, рот - гуделка», «На каждый роток не накинешь платок!», «Весело жить - жизни служить», «Родись румяным, не будь буяном», тогда, поверь, и в «сорок пять ты будешь ягодкой опять!»

Вспомнила по случаю

Отрывок из спектакля, сыгранного двумя составами моего авторского детского музыкального театра, «Сказание про Ваньку Тверского и его дружка Шуршалу-Шебуршалу»:

- А кто такой Фольклор? Немец али швед? - спросил Ваню шишок по имени Шуршала-Шебуршала.

- Это традиционное русское народное творчество. Фольклор - слово английского происхождения, состоит из двух связанных между собой словечек Флора и Клора! - ответил Ваня.

- Если русское, народное, так при чем тут английское происхождение? - усомнился шишок.

- А фольклорные излишки съели кошки, сгрызли мышки! - засмеялся Ваня, не зная, что ответить.

Автор:

Итак, читаем или нет главу в книге о пословицах и поговорках? Тогда поехали...

Нельзя зайцев брить на ходу.
На халяву и хлорка покажется творогом.
Разозлясь на блох, не сжигай шубу!
С кем поведешься, от того и наберешься!
Взялся за гуж, не говори, что не дюж!
Ворон ворону глаз не выклюет!

На Машку - промашка, а на старуху - проруха!
Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе.
По одежке встречают, по уму провожают!
И по одежке протягивают ножки.
Ешь пирог с грибами, держи язык за зубами.
Числом поболее, ценою - подешевле!
Своя ноша не тяжела.
Ты дурак или дураком прикидываешься?
Как аукнется, так и откликнется!
Вперед батьки в петлю (в пекло) не лезь!
Есть еще порох в пороховницах.
Начали за здоровье, кончили за упокой!
Живем - хлеб жуем.
Много снега - много хлеба.
Живи и жить давай другим.
Подальше положишь - поближе найдешь!
Как будто заново родился.
Артельный горшок гуще кипит.
Аппетит приходит во время еды.
Ерема, Ерема, сидел бы дома.
Пока толстый усохнет, тощий сдохнет.
Едешь на день, хлеба бери на неделю.
Промолчишь, за умного сойдешь.
Ем, да свой, а ты рядом постой.
Если голова пуста, ей ума не придадут места.
Нет пророков в своем отечестве.
Без бумажки ты - букашка, а с бумажкой - человек.
Живая душа калачика хочет.
В гостях хорошо, а дома лучше.
Тише едешь, дальше будешь.
А раньше сядешь, раньше выйдешь.
А у Еремы стоят хоромы.
В глаза не хвали, за глаза не кори.
Новое - забытое старое.
В камень стрелять - только стрелы терять.
Повторение - мать учения.
В одно ухо вошло, в другое вышло.
Не ошибается тот, кто ничего не делает.
От добра добра не ищут.
На трудах праведных не наживешь домов каменных!
Чужую беду руками разведу, к своей - ума не приложу!
Дыма без огня не бывает.
Не ищи красоты, а ищи доброты.
Рожденный ползать летать не может.

Старший брат есть, а донашивать нечего.
Тишина и покой - прежде всего!
Рыба загнивает с головы, но чистят с хвоста.
Жизнь не в молодости, смерть не по старости.
У кого что болит, тот о том и говорит.
Что написано пером, не вырубишь и топором.
Жалует царь, да не жалует псарь.
Жена приласкает, мать пожалеет.
Ешь кое-что и говоришь кое-что.
Ешь кое-как и работаешь кое-как.
Канул как в воду!
Ждать да догонять - нет хуже.
Ни пуха, ни пера!
Лежачего не бьют.
Меньше знаешь - лучше спишь!
В чужой монастырь со своим уставом не ходят.
Простота хуже воровства.
Хоть горшком называй, только в печку не сажай.
В огороде бузина, а в Киеве дядька.
На каждый чих не наздравствуешься.
Разбираюсь, как свинья в апельсинах.
Вашими устами да мед пить.
Мягко стелют, да жестко спать.
В чужом глазу сучок видим, а в своем и бревна не замечаем.
Хочешь жить - умей вертеться!
Видна птица по полету.
Двум смертям не бывать, одной не миновать.
В тесноте, да не в обиде.
Не все коту Масленица, настал Великий пост.
Язык мой - враг мой!
В воре, что в море, а в дураке, что в пресном молоке.
Держи хвост трубой.
Вольному воля (спасенному рай).
Рука руку моет, и обе чистые.
Раскатись, кадушки!
Жди у моря погоды.
Первый блин комом.
В дождь избы не кроют.
Иди ты в баню!
Менять шило на мыло.
Как живете? Как птица в полете!
В доме повешенного не говорят о веревке.
Пуганая ворона куста боится.
В одном кармане смеркается, в другом заря занимается.

Волчий аппетит.
Жизнь бьет ключом и все по темечку.
В семье не без урода.
Старый конь борозды не портит, но пашет неглубоко.
Тянули тебя за язык.
Субъект, продай объект, вычесать идею!
Под лежачий камень вода не течет.
Утро вечера мудренее.
Плетью обуха не перешибешь.
Ушел несолоно хлебавши.
Волков бояться - в лес не ходить.
Лес по дереву не плачет.
Не кивай на зеркало, коли рожа крива.
Лезет в волки, а хвост собачий.
Жизнь прожить - не поле перейти.
Не перепрыгнув, не говори: «Оп!»
Не было бы счастья, кабы несчастье не помогло.
Все познается в сравнении.
Лучшее - враг хорошего.
Ты что, белены объелся?
Пока гром не грянет, мужик не перекрестится.
Хороши бы были дела, кабы свинья не померла.
Пока не клюнет жареный петух.
Лиха беда начало.
Не лыком шиты.
Тайное всегда становится явным.
Всё хорошо, что хорошо кончается.
Кто ищет, тот всегда найдет.
На вкус, на цвет - товарищей нет.
Не гони лажу.
Пришел издалека, остался на века.
Век живи, век учись, дураком помрешь.
Дерево как поставил, так и растет.
Дело ясное, что дело темное.
Не тяни кота за хвост, а тяни за я...а.
Лучше некрасивая правда, чем красивая ложь.
Это цветочки, ягодки впереди.
Сколько ниточка не вьется, кончик будет.
Мал золотник, да дорог.
Лучше быть стройным тунеядцем, чем горбатым стахановцем.
В чужом глазу и соринку видно.
Серединка сытая - и краешки заиграли.
Сыт голодного не разумеет.
Не отказывайся от малого, ибо из малого слагается великое.

Заставь дурака богу молиться, так он и лоб разобьет. Косого глазами не исправишь.

С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Нашла коса на камень.

Милости прошу к нашему шалашу.

Незваный гость хуже татарина.

Молчать - значит скучать.

Не ерепенься.

Небушко, дай хлебушка!

Раскукукался да разъерепенился.

Лучше поздно, чем никогда.

Много спать - добра не видать.

Просящему - подают. Виноватому в нос дают.

Молчание - знак согласия.

Он умного переумничает.

Не тормози лаптей.

Тупой, как сибирский валенок.

Без единицы ноль, а с единицей - десятка.

Суженый, ряженый, напомаженный!

Марток - надевай семь порток.

Чужая душа - потемки.

Поспешишь - людей насмешишь!

Смеется тот, кто смеется последним.

Устами младенца глаголет истина.

Дети и старики - ближе к природе.

Поспешность нужна при ловле блох, но с мокрыми руками.

Рецензент в рукописи весь изюм выклевал.

Поспешность нужна при ловле блох, при пожаре и при поносе.

Сытое брюхо к учению глухо.

Своя рука - владыка!

Там, где один хохол, там двум евреям делать нечего.

Узколобость мышления ориентирована на замкнутое пространство.

Два сапога - пара.

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Пообещал - не значит сделал!

Без труда не вытащишь и рыбки из пруда.

Скреби - не скребешь, такого звука не подберешь.

Кричать глухому, что говорить немому.

Вместе тесно, а врозь скучно.

Где родился, там и пригодился.

Обезумевшему вряд ли поможет психиатр.

Хорошего понемногу.

Дважды в реке в одну воду не входят.

Бойся не того, кто кричит. Бойся того, кто молчит.

Если ты курица, то не стоит петушиться.

Молодо - зелено.

На каждую загадку есть отгадка.

И на старуху - проруха!

Голь на выдумки хитра.

Не ходи туда, где беда.

Где богатство, там злорадство. И гадство.

Где голь, там и боль.

Чтоб не ругала, закрой поддувало (рот).

Мышь копны не боится.

Не глотай кулак - подавишься!

Жадина, что говядина: сколько ни имеется, все мало.

Хоть сам сморчок, а змеиный язычок.

У кого ушки на макушке, у того сыто в брюшке.

Без ответа любить - себя травить.

Людей хулить, себя доить.

Не болтай чепуху, что поймал на слуху!

Что поймал на слуху, не превращай в чепуху!

Чем индюшиться, лучше петушиться. Или наоборот!

Не крути, свинья, пятачком! Не быть тебе куриным окорочком!

Ел куриные крылышки, летал петушком к милушке!

Хорошо, что тощ! Не попадешь в борщ!

Капуста не пуста?! Сама летит в уста?!

Коли ешь куриную гузку, то подаришь подружке блузку.

Не лай, пустозвонка, имея ребенка. Ребенок подрастет, пустозвонить начнет.

Не садись на гвоздь, садись на кнопку: меньше дырочка в попке.

Не тяни вожжи, пуп надорвешь. Пуп надорвешь, с вожжами умрешь.

Роман в жалобах - жалобный роман.

Бывают в жизни огорченья: вместо хлеба - ешь печенье.

На горе Арарат растет крупный виноград.

Винограда чурек привез целый воз.

Черный снаружи, белый внутри. Такого в попутчики лучше бери, чем белого сверху, с червинкой внутри.

Одежонка для медвежонка.

Подаришь уехал в Париж. Остался один Купишь.

Отгородилась глянцевыми журналами.

Не суди, да не судим будешь.

В каждом дому по кому, а где и два.

У каждого свой скелет в шкафу.
Кончил дело - гуляй смело.
Кончилась ваша власть: слазь!
По холопу и барин.
Ужин не нужен, но был бы обед.
Обед не нужен, был бы ужин!
Чтоб добру не пропадать, пусть худое брюхо лопнет.
Хлеб всему голова.
Только ангелы с неба не просят хлеба.
Хлеб - батюшка. Водица - матушка.
Хлеб да крупы - на здоровье лупи.
Хлеба нет, так и друзей нет.
Не хлебом единым жив человек.
Хоть не богат, а гостям рад.
Думаю, подумаю, раздумье еще возьмет.
Раздумье на грех наводит.
Чутье сердце не обманет.
Не всякое пророчество сбывается.
Плохой товар сбывай, хороший наживай.
Лишь бы сбыть: на слепого купца угодить.
Возрадуйся добрым людям.
Дорадовались до греха.
Чужой беде не радуйся, своя близка.
Рад душу за тебя положить.
Не рад большой и золотой кровати.
За болячку никогда не хватай.
Не хвались, а лучше богу молись.
Хвали утро вечером.
В очи не хвали, за очи не брани.
Всяк правду хвалит, да не всяк ее хранит.
И собой не хвалюсь, и людей не хаю.
За свое вступайся, за чужое не хватайся.
Высокая и крутая радуга - к ведру, пологая и низкая - к ненастью.
Некрасива ложка, да хлебка.
Добро не лихо, ходит в мире тихо.
Всяк правду трубит, да не каждый правду любит.
Собой красива, да душой труслива.
Трусоватый любит похвастать.
Богатому идти на суд - трын-трава, бедному - долой голова.
Хвальба сорочки не даст.
Дохвалился до позора.
Она нахвасталась досыта.
Похулить грешно, а похвалить не за что.

Один хвалит, другой подхваливает.
Перехвалили через край.
Наш товар не хвалить, так и не свалить.
Всяк купец свой товар хвалит.
Нехваленая девка дороже стоит.
Хвасталась синица море сжечь.
Родимки не смоешь.
Голые разбоя не боятся.
От радостной вести и морщины разглаживаются.
Уши развесили.
Не хлопай ушами.
За ушко да на солнышко.
Умная мысля приходит опосля.
Отчего казак гладок? Поел и на бок.
Не до жиру, быть бы живу.
На свою задницу ищешь приключений.
Хоть шаром покати.
Вода камень точит.
Волка ноги кормят.
Не хватало подавиться собственным клювом.
Глухо, как в танке.
К каждой бочке затычка.
Себя не похвалишь - сидишь как оплеванный.
Сначала побожись, потом спать ложись.
Телеса поднимают небеса. (атланты)
В каком море плаваешь, такую и рыбу ловишь.
Неудобно штаны через голову надевать.
Знакомы в обед сто лет.
Чай не пил - какая сила, чай попил - совсем ослаб!
С чужого плеча пальтишко.
Не по размеру разболтался.
Сапожки сшили дружки, а потому и не ношу.
Не дури, а бери.
Не хвали будущий день, пока не закончилась ночь.
Не хвали ночь, пока не пришел рассвет.
Лучше износиться, чем заржаветь.
Нужен, как рыбе зонтик.
Лежу, болею, сам себя жалею.
Гусь свинье не товарищ.
Бог напитал, никто не видал. А кто видел, тот не обидел.
Пахали у быка на рогах!
Здорова, как корова.
Кошка знает, чье сало съела.
Кашлюнов на мороз.

Другого не вини. Себя не кори.
Хватит болтать. Пора спать.
Не копай другому яму: сам попадешь.
С пенсии не снимут, дальше фронта не пошлют.
Голыми в этот мир пришли, голыми и уйдем.
Вошь с ковшом, не ходи голышом.
Не работа, одна забота.
Нечего темнить.
Гладко было на бумаге, да забыли про овраги.
Заварил кашу, сам и расхлебывай!
Май - коням сена дай, а сам на печку полезай!
Грех воровать, да нельзя миновать.
Сами с усами, а усы не растут.
Глаза по ложке, а не видят ни крошки.
Не бойся того, кто лает.
Где мед, там и мухи.
Не руби сук, на котором сидишь.
Губа не дура. Знает, что горько, что сладко.
Коту под хвост.
Где рука, там и голова.
Дрова рубят - щепки летят.
Глухому поп две обедни не служит.
Чего на зубариках играть?
Горе только одного рака красит.
Чем богаты, тем и рады.
Глядит в книгу, а видит фигу.
Все в порядке, носки и пятки, и пьяных нет.
Говорят, что кур доят, а коровы яйца несут.
Муж возом не навозит, что жена горшком натаскает.
Пока тихо, не буди Лихо.
- Ты чего замолчал? - Батарейка села.
Голодной курице все просо снится.
Голод не тетка.
Вверх тормашками.
Шпингалет на восемь лет.
Дают - бери! Бьют - беги!
Весь мир любить легко. Попробуй полюбить соседа.
Куй железо, пока горячо.
Гора с горой не сходятся, а человек с человеком сойдется.
Прошел огни и медные трубы, но не попался черту в зубы!
Чаю, чаю накачаю! Кофию - нагорахаю. Молочка из-под бычка! Хлебушка из небушка.
Ели долго мучиться, что-нибудь получится.
Ума палата.

На бедного Макара все шишки валятся.
Народился - свету сгодился.
На безрыбье и рак рыба.
В делах погряз, в дерьме увяз.
Явился, не запылился.
Дорогу осилит идущий.
Дурак дураком, а себе на уме!
Не тот глуп, кто на слово скуп!
Болтал, ходил, себе вредил.
Не радуйся чужой беде, своя на гряде.
Получил получку - пошел на толкучку.
Обещанного три года ждут.
Давали дураку холст, говорит: «Толст».
Берясь за гуж, не говори, что не дюж!
Давши слово держись, а не давши, крепись.
Не любо - не слушай, а врать не мешай.
Мы тоже не лыком шиты!
Не ищи в селе, ищи в себе.
За что боролись, на то и напоролись!
Богатый нищего не разумеет.
Не делай своего хорошего, а делай мое плохое.
Нос с пятачок, и сам дурачок.
Делу время, а потехе час.
Ест сало, говорит мало, больше хрюкает.
День да ночь - сутки прочь.
Не бойся умного, бойся полоумного.
На наш век дураков хватит.
В чужом пиру похмелье.
Не знаешь, где найдешь, где потеряешь.
Дружить - не служить.
Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле.
Надо трудиться, а не рядиться.
Каждый франт получает грант. А если не франт, не получит грант.
Не до жиру, быть бы живу.
Прогибался нарочно, освобожден досрочно.
Не боги горшки обжигают.
Если забыты, то квиты.
По секрету всему свету!
Не все сосны в лесу корабельные.
В ногах правды нет.
Не всякое лыко в строку.
Кто сказал про фото, что это не работа?
Остерегайтесь близости недалеких людей.

Пока рак на горе не свистнет.
Без друга - сирота, с другом - семьянин.
Старый друг лучше новых двух.
Нет друга, так ищи, а найдешь, так береги.
Кто не рискует, тот не пьёт шампанского.
Кто старое помянет, тому глаз вон.
Новых друзей наживай, а старых не утрачивай.
Конь познается при горе, а друг при беде.
Правда глаза колет.
Один и у каши сирота.
Охота пуще неволи.
Тяпун тебе на язык.
Равный над равным не имеет власти.
Друг спорит, а враг поддакивает.
Будешь много знать, скоро состаришься.
С волками жить, по-волчьи выть.
Знай сверчок свой шесток.
Не узнавай друга в три дня, узнавай в три года.
На воре шапка горит.
Не обманешь - не проживешь.
На ловца и зверь бежит.
Слово - не воробей, вылетело - не поймаешь!
Друг и брат - великое дело: не скоро добудешь.
Был я у друга, пил я воду - слаще меду.
Мал клоп, да вонюч.
Нет розы без шипов.
Нет худа без добра.
Отдай руками, ходи ногами.
Борода отрастет, а голова - нет.
Нужда скачет, нужда плачет, нужда песенки поет.
Волосы - не зубы, вырастут.
Знал бы, где упасть, соломки бы подстелил.
Нос вытащил - хвост увяз, хвост вытащил - нос увяз.
Один очкарик, другой без очков.
С него, как с гуся вода.
Ты плакал слезно, пил и в грудь копытом бил.
Лучший способ защиты - нападение.
Горбатого могила исправит, если правильно положат.
Темнее все перед рассветом.
Не оставляй на завтра то, что можно сделать сегодня!
Смех без причины - признак дурачины!
Что ты ломаешься, как цапля! Подавись ты своим длинным клювом!
Кот из дома, мыши в пляс.

Сядем рядком поговорим ладком.
Посади свинью за стол, она и ноги на стол.
За каждый сморчок - толчок.
Если зрячий - жди удачи. Коль слепой - то на покой.
Вашими устами да мед пить.
Береги платье снову, а честь смолоду.
Пусть горькая, но правда, чем красивая сладкая ложь.
Овчинка выделки не стоит.
Сколько веревочка ни вейся, конец найдется.
Не родись красивой, а родись счастливой.
Чтоб хорошо ходить, не надо пить.
Закон - что дышло! Куда повернул, туда и вышло!
Лучше быть, чем казаться.
Овес за лошадью не ходит. И хлеб за человеком.
Не плюй в колодец, пригодится воды напиться.
Обжегшись на молоке, дует на воду.
Вот как дам по башке, и уедешь на горшке.
Старцы не понимали, на каком свете находятся.
Сердце сердцу весть подает.
Одной рукой узла не завяжешь.
Датки - не отдатки. Пятаки под пятки.
Раньше ты был моим будущим, сейчас стал моим прошлым.
Не спорь с эхом: последнее слово все равно будет за ним.
Как кобель муху слизал.
Терпенье и труд - все перетрут.
Добрая голова была, слава богу, земля прибрала.
Не суйся, среда, вперед четверга!
Куда, шкурки, поползли?
Дело ясное, что дело тёмное.
Косяк - наперекосяк!
Говорить - себя хвалить.
Ноль внимания, фунт презрения!
В ногах правды нет.
Масло еще хорошее, а машину надо менять.
Трудно поймать черную кошку в темной комнате, если ее там нет.
Каждый несет свой чемодан.
Каждый испорчен в меру своей начитанности.
Чужая душа - потемки.
Ты - начальник, я - дурак. Я - начальник, ты - дурак!
Он все время клал болт с правой резьбой.
Герой нашего времени - демагог.
Это была лирика. Перейдем теперь к физике.
В чужих руках всегда все толще.

Праздничные дни есть, а праздника нет.

Близок локоток, да не укусишь.

Никогда не соревнуйся с соперником, а соревнуйся сам с собой.

Меняет горшки на глину.

Если бы собаки научились говорить, мы бы лишились последнего друга.

Какие у вас противные уши!

Прежде чем начать мечтать, надо подумать: «А вдруг сбудется?»

Поспешишь - людей насмешишь.

Ты тяжесть чувствуешь? Это я на тебя - положил.

Открыли две коньячные струи.

Дела на 20% лучше, чем в прошлом году.

Не одна блоха меня кусает - видно, много завелось.

Не ошибается тот, кто ничего не делает.

На трудах праведных не наживешь домов каменных.

Не суди судака, а суди рыбака.

Сзади его голова походила на компьютер с ушами.

Что спрятано, то потеряно. То, что отдал, то - твое.

Не в свои сани не садись.

Первая брань лучше последней!

Пока солнце взойдет, роса очи выест.

Попал в стаю, лай - не лай, а хвостом виляй.

Не тот глуп, кто на слово скуп.

Потчевать можно, неволить грех.

Похожа свинья на быка, только шерсть не така.

Привычка не рукавичка, не повесишь на спичку.

Не беги впереди воза.

Один карась сорвется, другой карась сорвется, а третий, бог даст, попадется.

Одна ласточка весны не делает.

Не лыком шит!

Против жара и камень треснет.

Пустая бочка пуще гремит.

Бери быка за рога.

Из грязи в князи!

Остер топор, да сук зубаст.

Кресту не надо пьедестала, ему и холм зеленый всласть.

Пар костей не ломит.

Повадился кувшин по воду ходить.

Герой - штаны с дырой.

Пустили козла в огород.

Рано пташечка запела, кабы кошечка не съела.

Если я не молодец, то свинья не барыня!
Пустой колос голову кверху носит.
Разуй глаза, обуй ноги!
Поехала кума неведомо куда.
Кончил дело - гуляй смело.
Пьян да умен, два угодья в нем.
Что имеем, не храним, потерявши - плачем.
Наша горница с богом не спорится.
Провинциальность - это качество мысли.
Пьяному море по колено.
Кто про что, а вшивый про баню.
Руби дерево по себе.
Зри под корень!
Русский человек задним умом крепок.
В тесноте, да не в обиде!
Не делайте из мухи слона.
Чужая душа - потемки.
Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.
К каждой бочке затычка!
Скатертью дорога.
Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет.
Комар носа не подточит.
Свет не без добрых людей.
Народ фабричный, ко всему привычный.
Не спросивши броду, не суйся в воду!
Что в печи, на стол мечи!
Учи то кнутом, то пряником!
Свои люди - сочтемся.
С одного вола двух шкур не дерут.
Своя воля страшней неволи.
Садись рядком, поговорим ладком!
Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.
Как будто заново родился!
Сказал бы словечко, да волк недалечко.
Слыл честным, пока не осудили.
С миру по нитке - голому рубашка.
Старого воробья на мякине не проведешь.
Моя хата с краю.
Свой глаз - алмаз, чужой - стекло.
Один в поле не воин.
Слышал звон, да не знаешь, где он.
Наглость города берет.
Всё будет как надо, хотя даже будет иначе.
Стерпится, слюбится.

Талантливый человек талантлив во всем.
Много будешь знать, скоро состаришься!
Назвался груздем, полезай в кузовок.
Кишка кишке марш играет.
Положим зубы на полку.
На сердитых воду возят.
Кто смел, тот и съел.
Кто первый встал, тому и сапоги. (и тапки)
Все были порядочными, пока не сели.
Ну и жизнь! Жмись, да не с кем!
Не пойман - не вор.
Пожалел волк кобылу: оставил хвост да гриву!
Один кусок ешь сам, а два отдай нам.
Не гонись за тем, кто счастлив без тебя.
Далеко кулику до Петрова дня.
Случается, что и петух яйца несет.
Дело мастера боится.
Есть, но не про вашу честь.
Два медведя в одной берлоге не живут.
Привет от рваных штиблет.
Обманули дурака на четыре кулака.
Дела идут, контора пишет, кассир денег не дает.
Дорога ложка к обеду, а яичко к Христову дню.
Не обманешь - не продашь.
Умный в гору не пойдет! Умный гору обойдет!
Дай вору золотую гору, все равно воровать не перестанет.
Лучше хорошо украсть, чем хорошо придумать.
За что боролись, на то и напоролись.
Почем фунт лиха?
Охота пуще неволи.
Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец.
Благие дела наказуемы.
Красна изба не углами, а пирогами.
Обещанного три года ждут.
Скажи, кто друг твой, и я скажу, кто ты.
Ум с сердцем не в ладу.
Воз и ныне там.
Подобное надо лечить подобным.
Утро вечера мудренее.
Укатали Сивку крутые горки.
Родилась в рубашке!
Каждый понимает по степени своей испорченности.
Гол как сокол!
Дела как сажа бела.

Золото и в грязи блестит.
Завьем горе веревочкой.
Баба с возу - кобыле легче.
Знает кошка, чье сало съела.
Когда я ем, я глух и нем.
Работать, а не ныть.
Клин клином вышибают.
В прошлое невозможно написать письмо.
Беда, коль пироги печет сапожник, сапоги точит пирожник.
Три к носу. Все пройдет.
Заветный перстенек и поношенный хорош.
Голова не ж-па, завяжи и лежи.
Каждый по-своему с ума сходит!
Не надо в луже видеть только грязь.
За одного битого двух небитых дают.
Не по Сеньке шапка!
Золото моем, голосом воем.
У меня на приеме не народ, а ходоки!
Правда глаза колет.
Залетела ворона в высокие хоромы.
Какой народ, такое и правительство.
Знай край, да не падай.
Куй железо, пока горячо.
С сильными не борись, с богатыми не судись.
В каждой шутке есть доля правды.
Дела делаются через крайности.
Не возвышайся и не осуждай.
Будьте как дети: чисты душой.
Хорошо смеется тот, кто смеется последним.
На Машку - промашка, а на старуху - проруха!
Сыт голодному не разумеет.
Дурной пример заразителен.
Поцеловал пробоину.
Дружба дружбой, служба службой.
Дают - бери. Бьют - беги.
Дураку закон не писан.
Любви все возрасты покорны.
Друзья познаются в беде.
Одна головушка, что сиротина-вдовушка.
Для милого дружка и сережка из ушка.
Судью на мыло. Мило.
С лица воду не пьют.
Кто старое помянет, тому глаз вон.
Дорога ложка к обеду.

Работа не волк, в лес не убежит.
Свояк свояка видит издалека.
Надежда умирает последней.
С пупу, аль с глупу?
Сорока на хвосте принесла.
Тише едешь, дальше будешь.
Дурная голова рукам - ногам покоя не дает. Но и дурные ноги бывают тоже убоги.
Беда не приходит одна.
Первая беда придёт и уйдёт. Вторая беда - навсегда.
Худшие вести не лежат на месте.
Точность - вежливость королей.
Бодливой корове бог рогов не дает.
Худой мир лучше доброй ссоры.
Большому кораблю большое плавание.
Будет и на нашей улице праздник.
Была бы шея, а хомут найдется.
Хотя тяжелая доля, на все своя воля.
Бедному собраться - только подпоясаться.
Бедность не порок, а большое свинство.
У всякой пташки свои замашки.
Без хозяина дом сирота.
Все мы вчера умные.
Ума палата, да разума маловато.
Слезы радости - господне вино.
Культура в упадке, а я в избытке.
У Фили пили да Филю и били.
Когда в море шторм, на берегу много умных.
Крайне надо на мельницу, да не с чем!
Молчит, словно на ягоды напал.
Девки гладки, а воды нет в кадке.
Хрен редьки не слаще.
Скребут крохами, бросают ворохами.
Судиться да рядиться - не годится!
Тонул, топор сулил, а как вытащили - и топорища жаль.
Стыд не дым, глаза не выест.
Подписано - и с плеч долой.
А Васька слушает да ест.
Федот, да не тот.
Не отказывайся от малого, ибо из малого слагается великое.
У стен есть уши.
Ученье - свет! Неученье - тьма!
Бойся того, кто молчит. Где надо, молчком настучит.
Не бойся того, кто кричит. Все выплеснул и молчит.

А кто в уголочке молчит, потом втихаря настучит.
Сидит, как сверчок за печкой!
Считает на лапах колечки.
Пока светло - молчит. А как стемнеет - сверчит.
Барин нас рассудит.
Это тебе не фунт изюма.
Без штанов, но в шляпе!
Какой народ, такая и власть.
Бабушка - лапушка.
У страха глаза велики.
Молодец против овец, а против молодца - сам овца.
Люби кататься, люби и саночки возить.
Лиха беда начало.
Маленькая собачка до смерти щенок.
Лучше синица в руке, чем журавль в небе.
Иметь то, пусть малое, чем надеяться на большое.
Не бойся гостя сидячего. Бойся гостя стоячего.
Как слышится, так и пишется.
Мудрый дай совет не мудрому.
Не жалейте, жиды, заварки!
С глаз долой, из сердца вон.
Сказано не в бровь, а в глаз.
Обладает даром рассуждения.
Нельзя хоронить здоровый мозг.
Смотри на дело, а не на плоды его.
Хвались, да не поперхнись.
Хлеб за брюхом не ходит.
Хлеб-соль ешь, правду режь!
Хороший товар сам себя хвалит.
Продают многое. Раскупают лучшее.
Набились, как селедки в бочке.
Память нужна для того, чтобы предсказать будущее.
Надо ярче жить.

Его обвиняли в отсутствии патриотизма, а он сказал: «Зачем он нужен?»

Урожай должен быть хорошим и, желательно, по два раза в год.

Изделия готовы на 50%!

Час от часу не легче.

Мы в чем-то преступники, но пока не пойманы.

Сколько жизнь нас ни учит, мы все равно тянемся к образованию.

Вам лично нужен коммунизм?

Каждый человек свободен. Но его свобода кончается там, где

начинается свобода другого.

Урюпинск может залить похищенным маслом всю Европу, но кто его ему даст?

Кризис власти: когда власть ворует быстрее, чем мы с вами зарабатываем.

Писатель никем не повелевает и никому не подчиняется, но к нему прислушиваются.

Ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Не мы выбираем. Время нас выбирает.

Люди разные, а страна одна.

Советский человек находит радость только в труде.

Наше достоинство - продвижение наших недостатков. Недостатки - наше достоинство.

Если власть мало думает о нас, то и мы мало думаем о ней.

Жизнь без праздников напоминает долгую дорогу без постоялого двора.

Легко установить республику, труднее найти республиканцев. Вляпался в коммунизм.

Артисты, художники, поэты ничего не боятся потому, что на Земле у них нет начальства.

Дурак отличается от умного не тем, что совершает ошибки, а тем, что упорствует.

Не стремитесь слыть незаменимыми, если вы не можете быть заменены.

Нашедшего выход затаптывают первым.

Как ни работай, всегда найдется козел, который работает меньше, а получает больше.

Трамвай без кондуктора, как песня без слов.

Обещали сделать инвалидом Отечественной войны.

Критики полезны. Они помогают выявить недоброжелателей.

Начальник лепит своих подчиненных по своему образу и подобию.

Дарвин - главный виновник теории Дарвинизма.

Чего стоишь? Светофор зеленым не будет!

Я тебе покажу, где раки зимуют!

Противогаз - мертвому не помеха.

Да на всех противогазов и не хватит!

Его ускоритель имеет хорошие немногочисленные искажения.

Таракан наехал на трамвай.

Горбушка на Горбатке.

Видит око, да зуб неймет.

Хорошо работать на одних, а звания получать от других.

Хлеба к обеду в меру бери. Хлеб - драгоценность, им не сори.

Хороша Маша, да не ваша!

Надейся на лучшее, готовься к худшему.

Минута час бережет.

А мне все по барабану.

Не тормози лаптей.

Брюки «Адидас», а в них - нифигас.

Были зубы в рядок, свалятся в кучку.

Жизнь - не черновик. Ошибку не исправишь.

Что легко дается, то легко теряется.

Нет человека - нет проблемы.

Терпи, казак, атаманом будешь.

Нет пророков в своем отечестве.

Дубы умирают стоя.

Нужен, как рыбе зонтик.

Потеряв голову, по волосам не плачут.

Какие холопы, такой и барин. А сейчас: какой барин, такие и холопы.

Мы живем не для того, чтобы есть, а едим для того, чтобы жить.

Русский без мата, как борщ без томата.

Водка - походка не ходка.

Из лоскутов правды шьется огромное одеяло лжи.

Религия - аллегро. Что значит связь с богом.

Вот вам нагрузка по-немецки и по-русски.

Сейчас такое время, что даже в мышеловке сыр подорожал.

- Когда я не работаю, я ржавею. - Но у вас нет ржавчины? Возможно, просто усталость металла?

Обещания обязывают лишь тех, кто их получает. И ни к чему не обязывает тех, кто их дает.

Кто хрюкнет, тот под нож хозяина попадет.

Не точи зубила, коль зубья ржавчина побила.

Эх, махнуть бы на другой берег, да плавать не умею!

На дно идут топориком, а всплывают мочевым пузырем.

Смазать бы лыжи, да лыж нет. Наточить коньки, да ржавчина их съела.

Искру туши до пожара, беду отводи до удара.

И сырые дрова загораются.

Кто клюнет, тот и подавится.

Хороший гость - общительный гость.

Чужая изба засидчива.

Лучше голодать, чем друга предать.

Одолеем не мытьем, так катаньем.

Что за шум? А драки нет?

Мы львы: я - Львовна Барто, а Кассиль Лев.

Сверху мило, внутри гнило.

Чему быть, того не миновать.

Слышал звон, да не знает, где он.

Что было, то прошло и быльем поросло.

Пей так, чтобы найти свои ноги для выхода из двери.

И волки сыты, и овцы целы.

Час упустишь, годом не наверстаешь.

Пел петухом, стал индюком.

Лежу, болею, сам себя жалею.

Из спасибо шубу не сошьешь.

Не пошутишь - не весело.

Ищи не сказывай, нашел - не показывай.

Меняет мужчин, как перчатки.

Чужое добро впрок нейдет.

Чья лажа - совсем не важа.

Ищи ветра в поле.

Это - круто. Это - дохло.

Летящей походкой ты вышла из бани!

Сила есть - ума не надо.

И комар лошадь свалит, если медведь подсобит.

За спрос в нос не бьют. Просящему подают!

Отдаю кучкой, получаю штучкой.

Чем дальше в лес, тем больше дров.

Будет, когда рак на горе свистнет.

Если человеку за 50, он утром проснулся и ничего не болит, значит, он умер.

Кошке игрушки, а мышке слезки.

Чужие обязанности она знает прекрасно.

Лучше ничего не делать, чем делать ничего.

Седина - посланник смерти.

Каждому свое.

Когда будем помирать, тогда будем горевать.

Он выпал из обоймы.

Отложи на завтра то, что можно сделать сегодня, так как может не понадобиться.

Жизнь - это состояние, которым люди не умеют пользоваться, превращая ее в предприятие.

Каков поп, таков и приход.

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

Мой размер оклада не позволяет быть умнее руководителя.

У него воспитание французско-парижское, а поведение новгородское.

Праздность - мать всех пороков.

Уши выше головы не растут.

Коготочек увяз - всей птичке пропасть.

Легок на помине.

Выше человека не прыгнешь.

Счастливые часов не наблюдают.

Всяк молодец на свой образец.

Козла бойся впереди, коня сзади, а человека со всех сторон. Ухватила кусочек власти.

Всяк кулик в своем болоте велик.

Кашу маслом не испортишь.

Железная кузница кадров.

Я сделана из хороших клеточек.

Куда ни кинь, все клин.

Кобыла с волком тягалась, только хвост да грива осталась.

Чтоб губернию вести, сумой приходится трясти.

Всяк Еремей про себя разумей.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.

Попала, как кура во щи.

Всем сестрам по серьгам.

Глаза страшатся, а руки делают.

Клин клином вышибают.

Мне с ним детей не крестить.

Вот тебе хомут и дуга, а я тебе не слуга.

Не было бы счастья, кабы несчастье не помогло.

Где человек гадит, туда не приходит обедать.

Сами пришли, а потом и обошли.

Круглое - катать, плоское - таскать.

Молись, да не подавись.

Вскачь не напашешься.

Не привыкайте к чудесам. Дивитесь им, дивитесь!

Домовой да с головой.

Много говорить - голове болеть.

Возле искусства всегда гнездится вражда и ненависть.

Купить кота в мешке.

Чудо! Многие глухи к этому слову. Им гораздо ближе вражда и ссора.

Ум с сердцем не в ладу.

Одна голова хорошо, а две - лучше!

Она же находилась в первобытно-общинном состоянии.

Насилу мил не будешь!

Седина в бороду, бес в ребро.

Душевная двойственность.

Лепота! Лепатный закат!

Мини-юбки удобны тем, что их можно завернуть в этикетку.

Если мужчина с охотой уступает место женщине, значит, это место у станка.

Если вы слушаете жену, значит она работает диктором на радио.

Если вид труда называют женским, значит, он не под силу мужчинам.

Если женщина рвет на себе волосы, значит, на ней дешевый парик.

Если женщина села к вам на шею, значит, не надо ее носить на руках.

Если женщина хранит тайну, значит, у нее нет подруг.

Если супруг перестал с вами разговаривать, значит, понимает вас без слов.

Одежда на женщине должна быть тесной, чтобы перехватывать дыхание у мужчин.

Двуликий Янос.

Не из того места руки растут.

У них жалюзи, а у нас - свет в окне.

Сидят по щелкам мелкие сошки, глядят из щелей.

Домоклов меч висит над телом!

Явился, не запылился.

Не из того теста сделан.

Не ищи иголку в стоге сена.

У гробов нет карманов.

За катафалком сейфы не понесут.

Чья бы корова мычала, твоя бы помолчала.

Всякому овощу свое время.

На воде вилами писано.

Вперед бросишь, сзади найдешь.

Кто-то теряет, а кто-то находит.

От добра добра не ищут.

Не поминайте лихом!

Молчание - золото.

Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Из песни слов не выкинешь.

Чему быть, того не миновать.

Все мы воруем понемногу чего-нибудь и как-нибудь.

Раньше говорили: «Пошел вон!» А теперь: «Приходите завтра».

В Казахстане есть чем загорать.

Думают одно, говорят другое, делают третье!

Щи да каша - пища наша.

На нет и суда нет.

- Где тот человек, что ничего не делает? - К сожалению, он вышел. Я его заменяю.

Не совещание, а научная фразеология.

Система ошибок - предполагаемый умысел.

Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть.

Ответственный за объективность.

Сам и жнец, и на дуде игрец.

Ничего не докажет тот, кто доказывает грубо.

Национальная игра: сажать больше, чем выпускать!

Шило в мешке не утаишь.

Не хочу знать пороги, которые надо отбивать.

Чист, как белый лист.

На ошибках все учатся.

Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше.

Аппетит приходит во время еды.

С собакой и сам собака. Обсобачился.

Зайцами не рождаются. Зайцами становятся.

Собака лает, а ветер носит.

Будет и на нашей улице праздник.

В моих устах - глас народа.

На то и щука, чтоб карась не дремал.

Красна птица пером, а человек умом.

Криком изба не рубится.

Конь о четырех ногах, да и тот спотыкается.

Услужливый дурак опаснее врага.

Зачем заводить корову, если есть бесплатное молоко.

Думая о небе, не забывай о хлебе.

Врачи только прикидываются нашими друзьями.

Враги наших врачей - наши друзья.

Врач-сексолог, извините, сексопатолог.

Что вкуснее, то легче проглатывается.

Я - не я, и лошадь не моя.

Съюздюки, демократы.

Интересные слова? Фекализм, ядреная энергия, рояль в кустах, человекообразность.

Кто на даче хозяин? Я или мыши?

Родина обидит, Родина и пожалеет.

Инженер-погромист.

Не пей! С пьяных глаз можешь обнять и классового врага.

Один верит, что бога нет, другой верит, что есть. Но оба верят.

Законы святы, да исполнители лихие супостаты.

Господь никогда не делал нам так плохо, чтобы не мог сделать еще хуже.

В каждой избушке свои погремушки.

- Чем вы занимались до 1925 года?

Если вы начнете заниматься политикой, то политика

наверняка займется вами.

Загубленная крыса.

На нем клейма некуда ставить!

А где пробу поставить?

Ветераны - передовой отряд пенсионеров.

Не надо повторять то, о чем вы думали обо мне в прошлый раз.

Картина без рамы - это все равно, что генерал без мундира.

Настройка на зубные протезы - нелегкое дело.

Остерегайтесь полуправды. Вам может достаться не та половина.

Международный конкурс или съезд контрабандистов.

Сводный отряд сотрудников уголовного розыска.

Зимой и летом всегда лысый. Зимой и летом - одним цветом.

Если вы молоды и энергичны, то устройтесь на работу сами и не морочьте нам голову.

Производство главного способа передвижения ведьм.

Жизнь никогда не забывает закрыть предыдущую дверь, прежде чем открыть другую.

Не сотвори себе кумира.

Только одно слово «Да» означает положительный ответ.

Тощая корова - это еще не газель.

И в Африке не найдете таких подрядчиков!

Начальник нас - на ковер, а мы его на стенгазету.

Не знаешь, кому заплатить, чтобы узнать, чем болен.

Хулиган забился в щель, девки вышли на панель.

Сюсюкался и досюсюкался.

Кто не спешит, тот не грешит. А тот, кто торопится, за тем черт охотится.

Сколько вам нужно дураков для работы?

Чтоб мне не дойти туда, куда я иду!

Сколько вам лет надо, чтобы завалить эту работу? (Ф.Л.)

Ворчал, ворчал, смертью кончал.

Разгул демократии.

Внезапный коммунист.

Имеет высшее образование при отсутствии среднего и начального.

Советский слон - самый большой слон в мире.

Советская микросхема - самая большая микросхема в мире.

Хамство - это: грубость + наглость + безнаказанность.

Ценить свой труд и не покушаться на плоды чужого.

Три года расстрела. (Ф.Л.)

У нас каждый комбайнер может управлять государством.

Во многой мудрости много печали.

Кто умножает познания, умножает скорбь.

Сыр бесплатный бывает только в мышеловке.

Ликтимная фруктация.

Опыт - это коллекция ошибок.

Свой среди чужих и чужой среди своих.

Ходит с чувством юмора по лезвию ножа.

Намазывать уже можно, но кушать еще нельзя.

Каждый сосет свою конфету.

Молодость - это недостаток, который быстро проходит.

Комитет самоконтроля.

Институт обобщенных параметров.

В некоторых вопросах лучше перебрать, чем недобрать.

Облегченный доверием.

Дураки бывают не только круглые, но и длинные.

Когда кому-то хорошо, ему плохо.

Как тело без духа мертво, так и вера без дела мертва.

Предпочитаю иметь зеркало в раме, чтобы, глядя на отражение, убеждаться, что ты тот, за кого себя принимаешь.

Секретная тайна или тайный секрет?

Плохая примета: черная «Волга» дорогу переехала.

Змеиный супчик.

Доходы были бы вернее, кабы налоги не безмерные.

- Совет дать?

Не хвали пищу, пока не переварил.

Энтузиазм, как и устрицы, хорош только свежим.

Вяло текущая шизофрения.

Тащи с завода любой гвоздь - ты здесь хозяин, а не гость!

Брежневская эра всеобщего застоя.

В год пятилетки.

У каждого есть свой огород. Пусть в нем и копается.

Прошлого уже нет, а будущего может не быть.

Делать гадость - тоже радость.

Фирма веников не вяжет.

Склероз и маразм крепчали.

Я ударяю два раза: один раз по голове, другой раз по крышке гроба.

Руководитель пыльного масштаба.

Где тонко, там и рвется.

На Прохора и зима заохала!

Купил бы деревеньку да жил бы помаленьку - мечта депутата.

Отсутствие присутствия.

Знай больше, а говори меньше.

Глупый киснет, а умный все промыслит.

Красна птица перьем, а человек - уменьем.

Человек неученый - что топор неточеный.

Человек неученый - что рак моченый.

Незнайка лежит, а Знайка далеко бежит.

Хочешь есть калачи, так не лежи на печи!

Из окна всего света не углядишь.

Ученье - свет, а неученых - тьма.

Корень ученья горек, да плод сладок.

Ученый водит, а неученый следом ходит.

Книги читай, а дела не забывай.

Повторенье - мать ученья.

Не пером пишут - умом.

Частушка - кратчайший путь к поэзии.

Была бы спина, найдется и вина.

За твоим языком не поспеешь и босиком (с помелом).

Каким ты родился - это подарок бога тебе, а каким ты умрешь - это уж подарок богу от тебя.

Власть любить нельзя. К ней надо относиться реалистично.

Ради получения свободы становятся злоречивыми.

Петр I прорубил окно, а не дверь в Европу.

За стеной о чем-то своем бормотало радио.

Криминалитет.

Как в сказке, просто замечательно!

Моя зарплата не позволяет давать ответы на эти вопросы.

Справедливость на Руси всегда ценилась выше, чем свобода слова.

Время не выбирают, в нем живут и умирают.

Общество больных рассеянным склерозом.

Почему не воровать, коли некому унять?

Сначала женятся на красивых, потом на умных, а потом на добрых.

Пришел в больницу с гриппом, ушел с инфарктом.

Чем кризис глубже, тем декольте ниже.

Лицо русской национальности.

Покойника в Древней Руси хоронили лицом на запад, чтобы он встречал Восток.

Характер человека - судьба человека.

Не пить вино - скорей засохнешь, а пить его - скорее сдохнешь.

Счастливые часов не наблюдают.

Воробьи торопились, маленькими уродились.

Умом Россию не понять.

Своя земля и в горсти мила.

На чужой сторонушке рад своей воронушке.

На родной сторонушке и камешек знаком.

Бог напитал, никто не видал, а кто видел, и тот не обидел.

Родная сторона - мать, чужая - мачеха.

У природы нет плохой погоды.

Глупа та птица, которой гнездо свое не мило.

В решете воду носил.

Человечество XXI века вступило в острое противоречие с окружающей природой.

На чужой стороне и сокола зовут вороной.

Все умирают, но не все живут мертвыми.

Добрая слава лежит, а худая бежит.

В ком правды нет, в том и добра нет.

За правое дело стой смело.

Какова пряха, такова на ней и рубаха.

Не умеешь шить золотом, так бей молотом.

Высоко сидишь - далеко глядишь.

У кого пульт в руке, тот и хозяин в доме.

Низшие всегда стонут от высших.

Терпение и труд все перетрут.

Труд человека кормит, а лень портит.

Мода - радость женскому телу, но печаль мужскому кошельку.

Не топор тешет, а плотник.

Надо было лизнуть, а не гавкать.

Встань рано, вразумись здраво, исполни прилежно.

Ремесло пить-есть не просит, а само кормит.

Упрямство - первый признак тупости.

Скучен день до вечера, коли делать нечего.

Откладывай безделье, да не откладывай дела.

По платью встречают, по уму провожают.

Кончил дело - гуляй смело.

Делу время - потехе час.

И сила уму уступает.

У умной головы сто рук.

Ум хорошо, а два лучше.

Каков разум, таковы и речи.

Каковы корешки, таковы и вершки.

Гвоздь программы.

Умного пошли - одно слово скажи. Дурака пошли - три скажи, да и сам за ним иди.

Без имени и овца баран.

Разгром в доме, словно Мамай прошел.

Отдали Хавронью за Хаврина сына.

Стар, да петух; молод, да протух.

Что старый, что малый.

Стар годами, да молод умом.
Стар, да весел; молод, да угрюм.
Молодой на битву, старший на думу.
Старые дураки глупее молодых.
Старого учить, что мертвого лечить.
Под старость человек либо умный, либо глупый.
У всякой старухи свои прорухи.
Тряхнем стариной.
Всяк родится, да не всяк в люди годится.
Тише воды, ниже травы.
На что было жениться, коли рожь не родится.
Не хвались отцом, а похвались сыном.
Родиться - кому-то сгодиться.
Насилу мил не будешь.
Свой свояка видит издалека.
Без шума, без стуку привел как суку.
В умной беседе - ума набираться, а в глупой - свой потерять.
Банька не нянька, а хоть кого ублажит.
Какой палец ни укуси, все одно - больно.
На что и клад, коли в семье лад.
Без корня и полынь не растет.
Хорошо медведя в окне дразнить.
Одна пчела много меда не истаскает.
Две головни и в поле дымятся, а одна и в печи гаснет.
Веника не сломаешь, а прутья по одному все переломаешь.
Дело знай, а правду помни.
Правда в воде не тонет, в огне не горит.
Винный погреб есть, а штопора нет.
Планы розовые, а кресты березовые.
Беда на селе, коль лебеда на столе.
Сказка - ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок.
А все-таки она вертится!
Клялся до гроба, но остановила его стоимость.
Не читай на ходу! Налетишь на беду!
Ну ты и шахматист.
Битая посуда два века живет.
Где подачки, там и раздачки.
Без соли, без хлеба худая беседа.
Натура - дура, судьба - злодейка, а жизнь - копейка.
Кто у нас такой большой и обвешан весь лапшой?
Будь здоров, расти большой и не будь, сынок, лапшой!
Бездонную бочку водой не наполнишь.
Отрезанный ломоть к хлебу не приставишь.
Берись дружно, не будет грузно.

Силач Бамбула поднимает два стула и один соленый огурец.

Силач Бамбула поднял четыре стула, а пятую кровать никак не мог поднять.

Тянись верстой, да не будь простой.

Правыми оказались бодряки, а стоящие позади - нытиками.

Ремесло за плечами не виснет.

Лень вперед родилась.

Беды мучат, да уму учат.

Образованный - не значит культурный.

Увидеть хорошее в человеке всегда трудно.

Не перебирай на людях грязное белье.

Культурным нельзя казаться, им надо быть.

Хорошего человека должно быть много.

Сказано не в бровь, а в глаз.

Сплошной тупизм.

На чужой стороне и весна не красна.

Палка о двух концах.

Лучше ехать на такси, чем на скорой помощи!

Лучше самому помочь, чем просить о помощи.

Никогда не говори: «Никогда!»

Кто ищет, тот всегда найдет.

У меня извилины на это не заточены.

Не результат - тоже результат.

Дело выеденного яйца не стоит.

Мели, Емеля, твоя неделя.

Новая метла чисто метет, а как сломается - под лавкой валяется.

Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет.

Обижаются только институтки.

На обиженных воду возят.

Утро всегда мудренее.

Мы не выражаемся матом! Мы на нем разговариваем.

Счастье - когда тебе завидуют, а нагадить не могут.

Ведьма - ведущая мать.

Мытый потному не товарищ.

Чем больше отдаешь, тем больше получаешь.

- Ты откуда? - От верблюда.

Кругом семь

Кругом шестнадцать! Нет! Кругом семерки:

Семь цветов в радуге.

Семь нот.

Семь дней в неделе.

Семь пятниц на неделе.

Семь бед - один ответ.
Семеро одного не ждут.
Семь раз отмерь, один раз отрежь.
Семеро по лавкам.
Один с сошкой, а семеро с ложкой.
За семью замками.
Для друга семь верст не околица.
Семиминутка.
Семь сторон света.
Семь пядей во лбу.
Семерка, семена, семь холмов, семиречье.
Семь струн.
Семицветная дуга наша радуга.
Семён. Семилетка, семивласка, семеринка.
Прошел семь кругов ада.
Семья - семь Я.

Божьи и чертовы дела

Логос - Бог слова.
Слава богу! О, боже! Совсем не гоже! Не хули бога!
С божьей помощью!
Береженого бог бережет. Богоугодные дела. Благость. Благовесть. А блат откуда?
На бога надейся, а сам не плошай, а верблюда привязывай.
Что господь ни делает, все к лучшему.
Человек предполагает, а бог располагает.
Страшен сон, да милостив бог.
Благими намерениями дорога в ад вымощена.
Дай Бог все знать, да не все делать.
Не согрешишь - не покаешься.
Тишь да гладь, да божья благодать.
Пути господни неисповедимы.
Бог не в силе, а в правде.
Богу - богово, кесарю - кесарево.
Не гневи бога! Дай бог!
Вот вам бог! А вот порог.
Бог не выдаст, свинья не съест.
Береженого бог бережет.
О, господи!
Блажен, кто верит.
Хочешь рассмешить бога - поделись с ним своими планами.
Жизнь пролетела, душа улетела.
Правая вера - Бога знать.
Богу нужны не слова, а дела.

Кто с верой во Христа, кто с Христом.
Бог терпел и нам велел.
На тебе, боже, что мне не гоже.
Бог любит троицу, четвертую - Богородицу.
Кто рано встает, тому бог дает.
Все мы рабы божьи.
Бог день даст и пищу даст.
Бог дал, бог и взял.
Бог шельму метит.
Бог им судья.
Господи, помоги!
Дай бог нашему дитяти да волка съести.
Пора перед богом очки набирать.
Где бог, там и черт. Не согрешишь - не покаешься.
Черт знает что!
На карканье - воронье слетается.
У, черт! Чертов круг!
Чертовы дела.
Фу ты, черт!
Чертовы дети!
Чем черт ни шутит, пока ангелы спят?
Без хозяина нечисть в доме заводится.
Всяк злым духом соблазняется.
Не так страшен черт, как его малюют.
Не было печали, черти накачали.
Черт черта по лапам найдет.
Ты на гору? Черт за ногу?!
Когда черт состарится, его в монастырь тянет.
Все Адамовы детки на грехи падки.
Грехи любезны, доводят до бездны.
Где сладко, там и падко.
Корысть соблазняет.
По сластям и слюнки бегут.
Велик соблазн - и совесть молчит.
На чужое добро и руки чешутся.
На всякого вора много простора.
Не зарекайся красть: нужда лиха.
От сумы да от тюрьмы - не зарекайся.
Нужда беду родит.
Голодный и в портках хлеба украдет.
Воры не родом ведутся, а кого бес свяжет.
Погонит нужда к поганой луже.
Нету дерева, где бы птица не сидела. Нет и мужика, кой бы был без греха.

Лучше один раз сделать, чем сто раз доделывать.
На чужой каравай рот не разевай!
В тихом омуте черти водятся.

Деньги

Долг платежом красен.
Берешь чужие на время, а отдаешь свои насовсем.
Не хочешь потерять друга, не давай взаймы.
Не имей сто рублей, а имей сто друзей.
Без копейки рубля не бывает.
Раз казна опустела, пора за дело.
Копейка рубль бережет.
Пока дураки воюют, умные деньги делают.
Богатые ничем не отличаются от бедных, только у богатых больше денег.
Пока дураки воюют, умные деньгами шуруют.
Курочка по зернышку клюет, да сыта бывает.
Вор у вора дубинку украл.
Ничто не стоит так дорого, что достается дешево.
Ломаного гроша не стоит.
Старые банкноты - засушенные рубли.
За свой грош везде хорош.
Руки - крюки, а денежки берут.
Не с деньгами жить, а с добрыми людьми.
Копейка к копейке - вот и рубль (гривна).
Сейчас за рубль дают полтинник, завтра дадут по морде.
Не в деньгах счастье.
Искали кошелек не там, где потеряли, а там, где светили.
За что купил, за то и продаю.
Деньги кончились - стал духовно богатым.
Уговор дороже денег.
Практически фальшивые деньги.
Только стали жить хорошо, деньги кончились.
Сам работу выполняю, сам за нее и плачу.
Зеленые, хрустят, но уже не деньги, а старые трешки.
Деньги - это напечатанная свобода.
Не имей сто рублей, а имей сундук с золотом.
Кто заказывает музыку, тот и платит.
Ближняя копеечка дороже дальнего рубля.
Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной.
Бог дал, бог и взял.
За морем телушка - полушка, да перевоз рубль.
Богатому не спится, богатый вора боится.
Не было ни гроша, а вдруг алтын?

Первый миллион всегда ворованный.
Подальше положишь, поближе возьмешь.
Брань на вороту не виснет.
Денег куры не клюют.
Был конь, да изъездился.
Дружба - дружбой, а денежки врозь!
Доходы были бы верные, кабы налоги не безмерные.
Дармовому коню в зубы не смотрят.
Сам тарифы назначаю, сам деньги собираю.
Деньги отдаешь кучкой, а получаешь штучкой.
Числом побольше, ценою подешевле.
Хочется, да колется.
Скупой платит дважды.
- Итак! - сказал бедняк. - Денег нет, проживем и так!
Брат ли, сват ли, но денежки не родня.
Деньги считай, родню не упоминай.
Как ни богат, а денежке рад.
Не держи денег в узлу, держи хлеб в углу.
Не сведу концы с концами.
Все деньги растрясла.
Меньше знаешь, лучше спишь.

Родня. О родственниках

Горе женится, нужда замуж идет.
Без меня меня женили.
У семи нянек дитя без глазу.
Обещать - не значит жениться.
Не обидь сироту и вдову.
Птица рада весне, а младенец матери.
Материнская ласка конца не знает.
Один гуляет, другой страдает.
Женится - перемелется.
Обещать - не значит жениться.
Всяк своему счастью кузнец.
Сын? Был бы один, а тут сноха, у кормушки тоже не плоха.
Отдай жену, дядя, а сам иди к б..ди!
Любовь ведь зла: полюбишь и козла!
Дочь - взять не прочь.
Зять? Кабы взять.
Сношка, что блошка, по свекрови скачет так, что та плачет.
Сноха бывает не плоха, но и темнит, хотя бог не велит.
Бабушка для внуков - ракушка, коли пятятся, есть у кого спрятаться.
Бабушке - один только дедушка не внук.

Маленькая внучка - маленькая штучка. Большая внучка - большая штучка!

Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Братская любовь - лучше каменных стен.

Гора мышь родила.

Любит муж жену здоровую, а брат сестру богатую.

Дочь - кабы помочь.

Сын - подарок для другой женщины.

Внук - маленький жук. Внучка - более крупная жучка.

Племянник и племянница - так себе, для гуляньица.

Дед - в крепость одет. А наш дед - вред!

А наша бабка, как огородная цапка, ее дело молчать, а не ворчать.

Куда иголка, туда и нитка.

Какова березка, такова и отростка.

Мал мала меньше.

Где сосна вросла, там она и красна.

Родить - не собаку на поводке водить.

Мать не та, которая родила, а та, которая вырастила.

Муж и жена - одна сатана.

Милые бранятся - только тешатся.

Мамочка - не просто дамочка, пусть и модненькая, сердцу родненькая.

Ласковый теленок двух маток сосет.

Матушка - деткам лапушка, щечки гладкие, речи сладкие, к дитятке своему - миленька! А к чужаку порой душой кривенька.

Бабушка надвое гадала.

При солнышке тепло, при матери добро.

Нет такого дружка, как родная матушка.

Маленькие детки - маленькие бедки. Большие детки - большие бедки.

Природа на детях отдыхает.

Мал, да удал.

Растет крепышом, словно яблоко на ветке.

Запретный плод сладок.

Беременность - это испытание на генетическую прочность.

Птица рада весне, а младенец - матери.

Изба детьми весела.

Вся семья вместе, так и душа на месте.

Что упало, то пропало.

Для красного словца не пожалеет ни мать, ни отца.

У милого дитя много имен.

Дети без нас проживут. Проживем ли мы без детей?

Наш пострел везде поспел.

Малые дети - малое горе. Большие - втрое!

Азбука наука - а ребятишкам бука (мука).

Что, Иванушка, не весел? Голову на крючок повесил?

Материнский гнев, что весенний снег: много выпадает, да скоро растает.

Хороша дочка Аннушка, коли хвалит мать да бабушка.

Сорока стрекочет - гостей пророчит.

Характер человека - судьба человека.

В мир приходит один, и уходит один.

Глупый хвастается молодой женой, безумный - золотой казной, сильный - силою, а умный - старой матерью.

Яд любви - самый стойкий яд.

Авторские разглагольствования

Жадны да грубы у кого золотые зубы! Особенно на резцах. Они все время в истцах!

Любопытной Варваре в дверях нос оторвали. А любопытной Раисе в дверях нос прищемиси.

Коль под ногами зыбко, живется хлипко.

Одни суки. А где кобели? Всех замели.

На «зоне» родился, тюрьме пригодился.

Курить - значит легкие коптить.

У вас нет противовалютной вакцины?

Матери - кривые души.

Умный по случаю. Дурак по неволе.

У активно работающего писателя не существует отдыха по старости.

С умом родился, но по разумению не распорядился.

С умом родился, а использовать не научился.

Самая богатая - бабушка внучатами.

Память короче, чем жизнь.

Память - это счастье.

Нет идеи - мысли чахнут.

Седой чердак у вредного старпера.

Хозяйство вести - не бородой трясти.

Попытка - не пытка. Авось, повезет?

Застукал стукач!

Одеваться - с одежкою драться.

Воз вести - не языком плести.

На женщин и собак кричать нельзя.

Тоща кобыла, да воз тащила. Толста свинья, а не впрягают.

Я заблудилась во времени.

Галопом по Европам.

Яснее глаз младенца.

Безоблачное детство.
Где найти пробки, чтобы заткнуть свои чакры.
Ночь - чудное время суток.
За правое дело стой смело.
Коль изволите, могу быть и госпожой, господин редактор!
Репортер, как вор на ярмарке.
Что за мелодия, ваше благородие?
Сидят коты, задрав хвосты, и не мяукают!
Взяли на заметочку, и небо стало в клеточку.
Если хочешь кричать, не надо молчать.
Сыночек растет маленький, но бравенький.
Заслуженный пионер.
Ржать - не рожать.
Не грустили, пока растили. А как вырастили, загрустили.
Без заката не бывает рассвета.
Без рассвета не быть и закату.
Коли есть рыба, будет уха.
Солнцепузый.
Все налетят, даже когда есть не хотят.
Не вой, раз идешь домой.
Не закричишь шибко, коль говоришь хлипко.
Не уйдешь от погони, коли сел на пони.
Шустрый растрепай.
Мухи на мед летят, хотя есть не хотят.
Мечтать и высказываться не запретишь.
Лучше быть добрым, чем смешным.
Не гони лажу, а гони бабло.
Раскладушка не диван, а диванный обман.
Кабы не пил, Христос воскресил.
Дело не долгое, а не докинешься.
Коли метят в лоб, делай стоп.
Хотел подать в шляпу, а пришлось дать в лапу.
Взяточки - перепряточки!
Пока лапали, кому надо - сцапали.
Не каркай, коли не ворон.
Чтобы не горевать, надо рано вставать.
Коль впереди, то гуди!
Главное, меня тормошите, как рыбу - за плавники.
У меня совесть уже обуглилась.
Ушки на макушке, а рот в подушке.
От молчания в брюхе урчание.
Не хлипкая порода!
Не грешно, коли смешно.
Околевать, но дело до-де-лы-вать.

Дело вести надо без глупости.
Потерять легче, чем найти.
Пусть звенят колокола, но не по нашу душу.
Вот вам пироги да галушки, песни да частушки.
Пироги да бублики кушайте на публике! Да за рублики!
Пока ели бублики, улетели рублики.
По духу - русский, а по характеру - ну чистый немец!
Задержка дыхания дает возможность запоминания.
Разгул плоти.
Медок развязал узелок, вот роток и болтает.
Судили, рядили, в тюрьму посадили.
Ребенок учится всему, что видит у себя в дому.
Виноват, раз свиноват.
Шагайте тротуарами не гурьбой, а парами.
Ну и житуха: нету пол-уха.
- Мечтать, - сказал один малыш, - как и играть, не запретишь.
Напасть, кабы не пропасть!
Был бы сучок, а что повесить - найдется.
Не найдешь? Украдешь!
Когда влепили - завопили!
Молчали, не хрундучали.
Когда получка, в кошельке денег кучка.
Без получки - нету кучки!
Стрельнул сигаретку, сберег монетку!
Пришел лох, принес блох.
Одна лошара курить мешала.
А чем мешала? Увещевала!
Докукарекался!
Чужую тачку не бери.
Улыбайся, да не-за-у-лы-бы-вай-ся!
Раз попал под каблучок - дурачок!
Если ручка - белоручка, знайте, эта баба - штучка!
Коль в семье ты серединка, ты совсем не скотинка.
Поддувало закрой!
Коль нет в запасе сала, закрой поддувало.
Курицу не накормить. Бабу не одеть!
Низшие всегда стонут от высших.
Гнилые вымогатели.
Не падай духом, а падай брюхом.
Пить кофе - это занимать годы у старости.
Шпанская мушка!
Если силы наберу, заверну и на Луну, и к веселым марсианам непременно загляну!
- Жил был гусь! - Ну и пусть. - Ему нечего клевать. - Ну и

наплевать!

Пришел издалека, остался на века.

Березы веселятся, елки трудятся, сосны молятся, все вместе - смешанный лес.

Ягодичные курсы.

Упал тыквой в пол.

Уволень - уволенный.

Никола - ни - кола!

У человека одна гармония!

Радость общения - с людьми сращение.

Своя машина! Куда хочу, туда качу.

Глоток благости может заменить ведро злости.

Чист, как белый лист.

Союз муз несет груз. А порой такой конфуз!

Крутится, как круг среди подруг.

Все к себе гребет, все к себе! И не подавится?

Умная мысля приходит опосля.

Обижается на правду тот, кто туп и глуп.

Как-то неуютно сиюминутно?

Критика - болячка для нытика.

Дурак кричит, а умный молчит.

Пока доскакал, весь запал пропал.

Не крути пальцем у виска - дырку сделаешь.

Эка толкучка! Людей аж тысячная кучка!

Куплю земли клочок, сделаю базар-толчок.

Не поднимай шерсть дыбом, раз не вовремя прибыл.

Не петушись, не ершись, не мурлыкай, не виляй хвостом, а лежи пластом.

Коли лень, садись на пень.

Тоска выше виска!

Псих - голодный комар.

Толкучка - это людей кучка. Людей кучка - это толкучка.

Непорочная дева - редкое явление.

Сердце с расхлебанными шлангами.

Закулисная барахолка.

Ванюха - кусачая муха.

Она кукушничает.

Маленькая ложь рождает большое недоверие.

Мышь подковровая.

Ежик стриженый.

Раздрыганная пустомеля.

За бельмом скрывающийся.

Нагулял катаракту и глаукому.

Урокодавчик - школьный учитель.

Суматошная дворняга.

Элитная дама - умная потаскуха.

Верещага - верой искушенная.

Тихоня - Овечкина дочка.

Коровоподобное существо.

Свинохрюкающая персона.

Леденцовое изваяние.

Растрепай - с растрепанными чувствами.

Засрамленная девица.

Интернетный глюк.

Петух щипаный раскукарекался.

Не лезь в директора, коли пустая голова.

Стояросовый дурак.

Пьянь подколодная.

Последний вздох, мобильник сдох.

Сбоку припека.

Лыко не вяжет, а плетет.

Бывали дни веселые, по десять дней не ел. Не потому, что не было, а просто - не хотел!

Не играй с государством в азартные игры! Все равно проиграешь! (о лотереях)

Творческий процесс - состояние, когда словами нужно передать волнующие чувства на бумажный носитель.

Бездушная бессовестность.

Идиот - живущий отдельно, а не малоумный, тупой.

Тявкнул как пинчер, а пинчер взвинчен.

Сами с усами! А усы-то не растут.

Коль ешь калачи, зря не кричи.

Коли начал кого ругать, не вспоминай в словах «мать».

Не пиши про горюшко, а пиши про солнышко.

Пой, скворушка, да пиши, перышко.

Колись да молись!

Широкий рот громко орет.

А коль узок роток - тихий говорок.

Не таращь глаза, филином не станешь.

Тишина да покой - там, за рекой!

А на этом берегу все дела на бегу.

Галки кричат. Вороны кричат. А грачи - молчат,

Важно похаживают, перышки поглаживают, а ведь тоже черные!

На широкий картуз надо много бус.

На картуз малюсенький хватит и одной бусинки.

У Милочки сапожки на шпилечке. Да и сама Милочка, словно шпилечка.

У бедного продавца нет ни одного кольца. А коль хитер продавец - на пальцах десять колец.

Высказывания знаменитых

Человек подобен дроби. Числитель ее - это то, что он есть, знаменатель - то, что он о себе думает. Чем больше знаменатель, тем меньше дробь. *Л.Толстой*

Личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает. *Ф.Энгельс*

Лучше всего: твердость без гнева, настойчивость без спора, вежливость без надменности. *Б.Франклин*

Хотели как лучше, получилось как всегда. *В.Черномырдин*

Способным завидуют, талантливым вредят, гениальным мстят. *Н.Паганини*

Женщина, несомненно, лучшая половина человечества. Мужчины, в лучшем случае, могут рассчитывать на равенство. *Профессор Лаун*

Уважение к минувшему - вот что отличает порядочного человека от непорядочного. *А. Пушкин*

Грубость - духовное бессилие. *Э.Эменбах.*

Слово ранит быстрее, чем лечит. *И.Гете*

Ничто так не показывает превосходство характера, как хорошее поведение в ссоре, которой нельзя избежать. *Д.Лоэулл*

Любовь - дочь познания. *Леонардо да Винчи*

Музыку сочиняет народ, а мы только ее обрабатываем. *М.Глинка*

Книга - главный источник памяти человеческого рода.

Если бы люди больше заботились друг о друге, то еще бы больше подрались между собой.

Лучше принять от мудреца яд, чем от подлеца лекарство.

Люблю не деньги, а свободу. *А.Пушкин*

Шутихи

Хлусить - шутить, говорить всякий вздор

Что делать? Что делать? Снять штаны и бегать.

Кто, кто. Конь в пальто.

Красивая, как корова сивая.

Начальник - молчальник.

Россия спасена, и сраный Мамай побежал в Сарай.

Курилка - биржа труда.

Пристал, как банный лист.

Из молодых, да ранних.

Где живу? Третья раскладушка от угла.

У тебя штучки, как у самовара ручки.

- Моя жена хорошо печет. - А моя - допекает.

Бегает с дубинкой за пылинкой.

Партия была, есть, и будет есть.

Больному стало легче. Он перестал дышать.

Москву переименовать в Петроград или Михайлоград?

Хотел пукнуть, а только штаны измарал.

Что такое юбилей? Это масса цветов, а ты еще живой.

Не лезь в бутылку.

Баранка - жена барана.

Коноплянка - жена наркомана.

Гуманист - работник Гума.

Скалозуб - сатирик.

Хохотальник - театр сатиры.

Садист - работник детского сада.

Мелочевка - автомат для размена.

Развалюха - Советский Союз.

Распутник - житель дальних деревень.

Ельник - обжора.

- Готовьте ягодицы. - Не надо! Я не страдаю штрунково-кишечным трактом!

Ходоки - шахматисты.

Малолитражка - пивная кружка.

Вертихвостка - балерина.

Пускач - швейцар.

Дворянка - сторожиха скота.

Вещунья - диктор радио.

Хватает ртом и ж...й!

Мне все по барабану! А мне - до лампочки! А мне - до фиолета!

Толстосум - почтальон.

- Хорошо бы найти огромную кучу и всю из дерьма! - А почему из дерьма?

- С каким удовольствием я отдал бы 75% за находку!

Казак - муж козы.

- Чем я тебя породил, - сказал Бульба, - тем и убью. (из сочинения)

Настойка на зубных протезах.

В чем секрет долгожителя грузина? Он всю жизнь руководил баранами, а не они им.

Стенография - письмо на стене.

Бабком.

Бляньдинка.

Отравился электричеством.

Мельница - жена мельника.

Грузин: - Я теперь кандидат наук. - Купил? - Если грузин, то сразу и купил? На день рождения подарили.

- Отец-то ваш, как огурчик! - Огурчик, только желтый - семенной.

Прогульщицы - те, что идут на прогулку.

Пифагоровы штаны во все стороны равны.

После сытного обеда, по закону Архимеда, что положено? Поспать.

Логорея - словестные помои.

Биссектриса - это такая крыса, что бегает по углам и делит угол пополам.

Очередь - хвостатое чудовище.

Японский кооператив: по хере гахота.

Обзавелся тараканами.

Кувалдомер.

Бомж - без определенного места базирования.

Суши - голова с ушами.

Московское время 8 часов 71 минута.

Ищи дураков в другом месте.

Барматуха. Съезд барматологов.

Шнифты - глаза.

Стиры - карты.

Бикса - девушка.

Бан - вокзал.

Ляпер - проспект.

Котлы - часы.

Лепёха - костюм.

Пакши - руки.

Шкары - брюки.

Лепень - пиджак.

Голяк - нету.

Канай - иди.

Хавира - хата.

Мойка - лезвие.

Козёл - член общественного порядка.

Щипач - вор-карманник.

Ксива - письмо.

Косорыловка - бражка.

Ушатый - человек, которого на все окручивают.

Висло - ложка.

Скрёба - чердак.

Угол - чемодан.

Бондяк - бандероль.

Кишка - обжора.

Приправа - нож.

Гоп-стоп - грабеж.

Теленок - молодой.

Валет - дурак.

Косить - притворяться.

Шнырь - уборщик.

Конёк - трус.

Поломойка - плохой человек.

Крыса - тот, который ворует у своих же ребят.

Хавать - есть.

Трёкать, базарить - разговаривать.

Блотырь, блатной - человек, который показывает свое «я».

Как узнать размер обуви у Горбачева? Надо посмотреть на задницу Романова.

Пьяную драку не заказывали?

- Бабушка, ты сама идешь? - Сама! - А мама говорит, что тебя черт несет!

Руководители - руками водители.

Не взял билет, проехал так. До денег, видно, жаден! По форме - сбережен пятак, по существу - украден!

Путана - свидетельница при показании в суде.

Посредник - учебник в средней школы.

Стукач - телеграфист.

Гороскоп - массовое восхождение на вершину.

Выкидыш из социализма.

Суперсекс - принятие еще одного члена в члены политбюро.

Футы, нуты, лапти гнуты.

У вас дачный участок хреновый - один хрен растет.

Помреж - сплошная плешь!

Твое место на фонаре.

Продавец свинорылый, но не вредный.

Пережиток социализма.

Выкидыш из социализма.

Богодельня - где бога делают.

Улица вечной мерзости.

Ишь, какой коммунист нашелся!

Поддувало - рот.

Представитель от нашистов.

Ты чего тычешь законом из-за угла?

Забытое старое.

Фокусник из соседнего подъезда.

В магазине один секс - голые полки.
Расчебурекался!
- Взвесьте мне 200 граммов еды. - Принесёте, взвешу!
Либеральные цены!
Этого у нас сегодня нет. А скоро и совсем не будет.
Фофан (дурачок).
Это что, марш дебилов?
Хай не поднимай! Закрой, горлопай, свое харло.
Придурки - не дураки, а при дураках.
Эка фря! (важная особа).
Хватит фрякаться!
У Михайловны хайло, что звонкие трубы.
Новое направление в скотологии.
Везет на дураков и на плохие дороги.
Кашандра (кошка).
Свинтус-шпантикус.
Релаксопедагог из роксиауди.
Дурсик (недоросток).
Блокадница четвертого поколения.
Пока не мастеревит.
Хазанообдулатовичи!
Жибужичка!
Съездюки - делегаты съезда.
Толпарь - член толпы.
Бульбанеска (бабушка).
Бабка второго созыва.
Хартофилакс - книгохранитель.
Мордодел и мордоворот - братья.
Звезданутый по ушам.
Недопонималкин.
К каждой бочке затычка.
Гробокопатели.
Супер гавно! А ты - супер-корова.
Хватит фруктать (болеть).
Загубленный коммунист.
Ходячий справочник.
Гнилая бородавка.
Померанцев. И трудоголик.
Съезд бюрократов.
Заднескамеечники.
Рожа не гожа, но душа пригожа.
Втюрился, словно рожей в лужу.
Такая рожа, что сама на оплеуху напрашивается.
Хлебало (рот).

Хватит французить.
Старуха - говоруха.
Молчаливый сверчок.
Вьюжка Задвижкина.
Миролюбы.
Зашоренные.
Ластоногие.
Не пьет только телеграфный столб. Мокрая курица.
Холостой - пустой.
Беспортошная команда.
Утюг чугунный.
Воробья подстрелил, но не застрелил.
Харю разнесло во все стороны.
Кабанчик - барабанчик.
Разухабистый. Желчный мужик. Мелководный человек.
Чучело огородное.
Ты не топор, а колун! Не рубишь, а колешь.
Чурки из Чуркистана.
Прыгаешь, как блоха на кресте.
Эй, сморчок!
Эй, дутый-надутый!
Поднебесная гадина.
Криворотая блондинка.
Девчонка - плоскодонка.
Вездесущий!
Вездеснующий журфаковец.
Бумагомаралкин.
Своим клювом не подавись.
Петушок, рваный гребешок.
Курица рваная, драная.
Коротконогий карапэт.
Курище - дурнище, махрою подавище.
Головешка тлеющая.
Дубина стояросовая.
Сероглазый бегемот.
Чей там голос из помойки колокольчиком звенит?
Придворный рыбий магазин.
Как в городе, так чукча! Как в тайге, так - товарищ!
Жадина-говядина.
Нахурманились, банано-сингапурные.
Наскипидарились.
Закидонистый, не скули.
Мексиканский тушканчик.
Гидрики - пьющие гидролизный спирт.

Пердило подтвердило.

Лимонадный, шоколадный, поднебесный, подвальный, подзаборный, чердачный, диспотечный, круизный, чебуречный, запрограммированный.

Сердце минтая.

Бабкин - стрит.

Гирбицида.

Погонщик подъезда.

Крупные рогатые свиньи.

Пере-труд-авто-любитель.

Двухочковый унитаз.

- У вас логорея? - А что это? - Словесный понос!

Микропрофессор.

Мочепускатель.

Пофигист! У вас пофигисстрой?

Шарамыжница - учащаяся школы рабочей молодежи.

Обезнуленные!

Косоявка Шимская!

Двуногая без перьев.

Шустрики - мямлики!

Кокоси и Бабоси!

Набились, как в бочке - селедки.

Мордодел - швейцар.

Куцехвостые подкаблучники.

Косорыльники, не чихать!

Колючка - злючка. Алка - палка.

Рожа - шире колеса.

Делай вид, что не болит, тогда не отрежут.

Прикормленные.

Не пить вино - засохнет рюмка. А пить, так будешь облаумка!

Сопля голландская.

Это кто? - Иван? - Никто! Конь в пальто!

Старая перечница.

Я - человек простой, холостой, ем пряники! Хоть не гладки, но сладки.

Ж..па с ручкой, хрен моржовый!

Сухожимистый!

Без ума, но палата!

Не догоню, хоть согреюсь.

Получил высшее звание и медаль Дармоеда.

Уши врозь, дугою ноги, и стоит, как будто спит.

Забывалкин.

Из лысых делаем плешивых.

Утеряны зубы. Прошу вернуть.

Московское время 8 часов 71 минута.
Ищу дураков в другом месте.
Кто добывает, тот и доставляет.
Гриппом принципиально не болею.
Найдена урна с прахом.
Ослов перевозим самолетами.
Продается суперкоровяк. Навоз отличного качества.
Могу любому сделать морду.
Продается лошадь - качалка и иноходец таджикской породы.
Продам безрогого козла.
Предлагаем жилищно-криминальные услуги.
Продам визу для проезда на дачу.
Вещи для детей вяжем из шерсти родителей.
Продаю домашнего кота средней пушистости.
Водка «Гвоздодерка» (настоянная на гвоздях).
В общество глухих требуются глухие.
Даю в морду. Чужие рожи не предлагать.
Утерян портфель с секретными документами.
Цветы с чужого огорода. Дешево.
В продаже коллекция ошибок.
Лечим болезни по фонограммам.
В продаже Петрушкин корень на вес.
Кузница бюрократов производит набор преимущественно родственников по крови.
Свиные уши и пятаки. Дешево.
Кабанчик шести лет для осеменения.
Продаю домашних животных - декоративных мух. Не дорого.
Техника японская. Продается ниже ценочных цен на рынке.
На свои руки ищу муки, подешевле.
Продаются дипломы об окончании курсов коллекционеров-пенсионеров, сутенеров и комбайнеров.

Продаю советы. К примеру:
Держи в кармане толстый кукиш!
Ты на него чего-то купишь.
А коль сплетут за холкою интригу,
Успеешь показать и ты им фигу!

В наборе есть и другие советы.
Скуловоротов Корчирожи ведет прием по выравниваю линий лица.
Для массовки требуется: хрюкоподобные, зубастые, горластые, ушастые, глазастые, носастые, узколобые, узконосые, узкоглазые, брюхоногие, толстопятые, вислогрудые, длинношеие.

Для работы в пекарне требуется плюшница по выпечке плюшек.

Продается крупногабаритная породистая кобыла, обращаться в любое время.

Готовим узких специалистов по борматологии.

Найден пакет возле порта, подписан: «для янки». При вскрытии обнаружены портянки.

Счастье - когда тебя понимают.

Разные армейские мудрости и глупости

Современный офицер чисто выбрит и слегка пьян.

Танки грязи не боятся.

У храбрых смерти не бывает. У храбрых только бессмертие.

Кто с мечом придет, тот от меча и погибнет.

Армия - хорошая школа, но лучше проходить ее заочно.

Из огня да в полымя.

Меньше взвода не дадут, дальше Кушки (южная точка) не пошлют.

На миру и смерть красна.

Честь, благородство и достоинство - вот святое наше воинство.

И дым отечества нам сладок и приятен.

Либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

Не в службу, а в дружбу.

В нашем полку прибыло.

Смелость города берет.

Один за всех, и все за одного.

Со щитом или на щите.

Смелого пуля не берет.

Пришел, увидел, победил.

Паны дерутся, а у холопов чубы трещат.

Ржет, как лошадь.

Плохой тот солдат, который не надеется быть генералом.

Повинную голову и меч не сечет.

Натура - дура, судьба - индейка, а жизнь - копейка.

Не доверяй друзьям безгранично, а используй врагов.

Война - свежий ветерок, не дающий озеру превратиться в болото.

Война - экзамен, не дающий расслабиться.

Я с ним пойду в разведку.

Солдат спит, а служба идет.

У нас в училище все дубы, и все шумят.

Морда блестит, как начищенный медный котелок.

На печи не храбрись, а в поле не трусь.

Лучший способ защиты - нападение.

Накаркал.

Не в коня корм.

После драки кулаками не машут.

Око за око, зуб за зуб.

В армии дураки не нужны, поэтому я здесь. (неизвестный прапорщик).

Перед смертью не надышишься.

Здесь вам не тут. Здесь вас быстро отвыкнут водку пьянствовать и безобразия хулиганить.

По команде «Отбой» наступает темное время суток.

Дозорная машина высылается вперед на расстояние зрительной памяти.

Сигнал к атаке - три сигнальных свистка вверх.

Танки наступают небольшими группами, по два-три человека.

Копать траншеи от забора и до обеда.

Здесь, как на войне: убили командира, взял автомат другого.

Наше занятие гроша выеденного не стоит.

Сержант, у вас дневальный не стрижен, на ушах висит.

Живете, как свиньи в берлоге.

Короткими перебежками от меня до следующего дуба.

Сейчас разберусь как следует и накажу кого попало.

Командир батальона пешком не ходит. Он берет с собой ГАЗ-66 или зампотеха.

Завтра занятия по ВПП. Форма одежды - без оружия.

Сапоги надо чистить с вечера, чтобы утром надевать на чистую голову.

Или вы прекратите курить, или одного из двух.

После окончания стрельб боевые и учебные патроны должны быть приведены **в** исходное состояние.

Доложить о наличии людей. Кто не все - того накажем.

Каждый курсант должен быть или поощрен, или наказан.

Что вы матом ругаетесь, как маленькие дети.

Ты у меня смотри, я когда нормальный, а когда и беспощадный.

В увольнение пойдут только образцовые тумбочки.

Менингит - очень страшная болезнь. После нее умирают или становятся дураками. Вот мы с братом болели. Он умер, а мне повезло.

Голова у солдата, чтобы думать, а мозги - чтобы соображать.

Что ты, товарищ курсант, такой неровный квадрат нарисовал? Вы что, дальтоник?

Хвойный лес горит лучше, чем лесистый.

Что вы на ногах ногти отрастили, как у орла? Хоть по

деревьям лазай.

Здесь вам не Англия, копать надо глубже.

Товарищ курсант, не делайте умное лицо, не забывайте, что вы будущий офицер.

Что за свинья здесь прошла?! Корова, что ли?

Возьмите Устав и перепишите все наизусть.

Команда «АЛЛЕ» выполняется бегом.

Если будете блудить - пущу ракету.

Закрой рот - трусы видно.

Все наши неприятности от того, что верхняя пуговица расстегнута.

Чем больше цифр, тем больше не надо.

ВЗВОД! Спиной друг к другу, в шахматном порядке, по диагонали - СТАНОВИСЬ!!!

Это вам чревато боком.

Как вы ходите! Удар должен быть одновременно под срез сапога товарища.

РОТА! Для помойки в бане становись!

Рулевое управление служит для поворота налево, направо и в другие стороны.

Не тяните резину в долгий ящик.

В армии все однообразно: все подстрижено, покрашено и посеяно песком.

Автомат ставьте на колено левой руки.

Здесь вы там не найдете.

Горло болит? Учите уставы, болеть не будет.

В роте семь разгильдяев, а ты волосы на пробор носишь.

Взвод вышел на опушку деревьев.

Тут один комик приходил, спрашивал, можно ли заменить то на это. Я ему сказал «НЕТ!».

Сначала там, потом здесь.

Начало - полдела. Конец - всему голова.

Выступаем вечером, на рассвете.

Да, я принципиальный, но не дебил.

Товарищи студентки! Здесь из вас будут делать зрелых женщин-офицерок.

Товарищ курсант! Сапоги - это ваше лицо.

Сперва этим займусь я. А потом - остальные офицеры нашей кафедры.

На полигоне действовали танки.

Товарищ курсант! Если вы дебил, то так и скажите, и нечего пистолет ломать.

Товарищ курсант! Если вы хотите что-то сказать, то лучше промолчите.

Кто бросает курить, тот оттягивает свой конец. А кто курит, тот кончает раковым исходом.

Вывести бы вас в чистое поле, поставить лицом к стенке.

Полковники не бегают, так как в мирное время это вызывает смех, а в военное - панику.

Эллипс - это круг, вписанный в квадрат два на четыре.

Вместо того, чтобы одевать на свежую голову утром начищенные сапоги, приходят на службу с носами красными, как соленый огурец.

Эй вы, трое, двое из середины - ко мне!

Высказывания мужчин

Поплакать в меру - знак большой любви.
А плач без меры - признак тупоумия.

Уныние - не лекарство, а горький яд,
Когда поправить дело невозможно.

Печаль - это целое море,
А радость - жемчужина в нем,
Которую часто - о горе! -
Калечим, пока извлечем. *Шондор Петефи*

Детство - это путешествие, которое
Никому не удалось совершить дважды.

Жизнь - это борьба между добром и злом.
Но все живое на земле
Прославляет великую силу жизни.

Человека душа украшает,
Каждый хочет тепла и любви.
Каждый страстно о счастье мечтает.
Тот красив и лицом, и душой,
Кто добра человеку желает.

Должна ты гордой быть,
Как древняя гречанка.

Если в жизни шагать осторожно
И считать каждый шаг на пути,
Ошибиться тогда невозможно,
Но и счастья тогда не найти.

Самое умное, чего достиг человек - это умение любить женщин. М.Горький

Бывает жизнь, когда глаза не плачут,
Но море слез кипит в душе.

И скучно, и грустно, и некому руку подать.

В жизни надо использовать каждую счастливую возможность, потому что неизвестно, что будет после.

Почему всю жизнь петух поет? Потому что имеет много жен и ни одной тещи.

Может ли женщина хорошо одеваться на маленькую зарплату? Может, если будет одеваться в кредит, а раздеваться за наличные.

Чем нужно гладить капрон?
Мужской рукой.

Может ли женщина забеременеть от пыли?
Может, если пыль стоит столбом.

Можно ли корову скрестить с медведем?
Не только можно, но и нужно, чтобы летом молоко давала, а зимой лапу сосала.

Можно ли спать с открытой форточкой?
Можно, если больше не с кем.

Что делать, если снятся сны на иностранных языках?
Брать с собой в постель переводчицу.

Какая разница между собакой и женщиной?
Собака ласкается к своим и лает на чужих, а женщина лает на своих и ласкается к чужим.

Что такое потаскуха и порядочная женщина?
Женщина, которая потоскует и ложится спать одна. А порядочная женщина любит порядок: сегодня один, завтра другой.

Какой должна быть женщина?

Как поликлиника: чистой, общедоступной и бесплатной.

Может ли рыба любить?
Да, ведь истинная любовь нема.

Чем отличается девушка от рыцаря?
Рыцарь сражается до последней капли крови, а девушка до первой.

Почему у курицы нет грудей?
Потому, что у петуха нет рук.

Почему в магазине нет дорогой рыбы?
Дорогая рыба не триппер, скоро не поймаешь.

Какая разница между мужской и женской ногой?
Между одной нет, а между двумя огромная.

Есть ли на свете более тяжкая кара для женщины?
Есть, это одиночество.

Что такое чистая любовь?
Любовь после бани.

Брак - событие, после которого мужчина перестает покупать цветы и начинает покупать овощи.

Любить - значит жить жизнью того, кого любишь.

Жизнь - женская ножка, чем выше и дальше, тем интереснее.

Женщина - скрипка, и нужно быть отличным игроком, чтобы играть на ней.

Жизнь - сцена, ее надо прожить, чтоб тебе аплодировали.

Любовь - бурное море. Так будь же отличным пловцом.

Кровать - наша жизнь. На ней рождаются, любят и умирают.
Целовать курящую женщину - все равно, что лизать пепельницу.

Девушка - мяч, который прыгает, пока его не проколют.

Дети - деревья нашего сада, и нет нужды подпирать палкой неискривленные.

Ревность - ядовитая змея; ужалит, и будешь потом корчиться в муках.

Закон - телеграфный столб, который нельзя перепрыгнуть, но можно обойти.

Любовь не останавливают стены.

Она в нужде решается на все.

Девушка - верблюдица, которая должна переносить на себе мужчину через пустынную жизнь.

В любви, как в охоте, главное - поймать момент.

Целуя женщину, помни, что за красивыми губами могут быть гнилые зубы.

И вдали можно крепко любить,

И вблизи можно быстро расстаться.

Красивая женщина, что интересная книга, а интересная книга всегда потрепана.

Влюбляться с первого взгляда - это все равно, что лезть в трамвай, не посмотрев на номер.

Не старайся жить чужими советами, иначе жизнь потеряет красоту.

Самое дорогое у человека - это мать и свобода.

Старческий ум подходит более к комедии, а юношеский к трагедии.

Чем человек глупее, тем он ближе к общему уровню.

Чем больше потребностей у женщины, тем больше ее тянет к пороку.

Сказать про любовь легко, писать еще легче, любить трудно, вот беда.

Радость жить на свете состоит в том, чтоб безнаказанно совершать глупости.

Любовь толкает людей не только на героизм, но и на низости.

Без мужчины женщина - все равно, что печь без дров.

Порой не найти нужных слов, когда сердце полно радости и гордости за любимого человека.

Сердце не скатерть: перед каждым не расстелешь.

Кто любит - тот не может ревновать!

Ревность оскорбляет человека - и того, кто ревнует, и кого ревнуют.

В дружбе и любви нужно быть равными, или совсем не дружить и не любить.

Истинная святая женская любовь дает наслаждение, не

похожее на то, что продается на ярмарке продажной любви.

От себя гребет только бульдозер. Все остальные - к себе.

Будь проклят тот отныне и навеки,
Кто думает тюрьмой исправить человека.

Не трудно умереть за друга, но трудно найти такого друга, за которого можно умереть.

Вино в бокале надо пить, пока оно играет.

Пока живется, надо жить, двух жизней не бывает.

Лбом стену не прошибешь. Безумствуй, как хочешь, вой, брыкайся, страдай, этим ты ничего не изменишь. Поэтому жди спокойно, не растрачивай силы, не поддавайся унынию, думай о будущем и готовься к нему. Если у тебя хватит выдержки и воли, ты победишь в жизненной борьбе. Может быть, даже и лучше, что ты пройдешь через испытания и убедишься в точности и силе своих чувств.

Детские высказывания

А у моей бабушки усы растут!
В дождь и в слякоть - негоже плакать.
Мама - русская, а папа - инженер.
Парное молоко - молоко для парней?
Мы богатые. У нас кастрюль много.
Газированная вода - вода с пупырышками.
Почему самолет так небо поцарапал?
В зоопарке живет пони с маленьким пончиком.
Моей сестре уже два месяца лет!
- Мне бобо! - сказал младший брат, упав с качелей. - А мне еще бобее! - сказал старший.
Олю будут звать Ольгой, а Витю - Витязем?
Ты не скрипач, а хрипач!
Из сандалового дерева сандалии делают?
Почему на газовой плите градусник? Печка тоже болеет?
Косолапое детство у медвежонка.

Взрослым о детях и детям о взрослых

Современное человеческое общество делится на женщин и мужчин. Женское общество - на мам, бабушек и незамужних особ. Первые обожают запах цветов, хороших духов, вторые еще и запах

валерьянки с пустырником, а третьи - кто что.

В свою очередь, бабушки подразделяются, как и пенсионеры, на молодых и в возрасте; бабушек первого и бабушек второго созыва. А мужчины?

На неопределившихся в жизни - пустых-холостых, на молодых дедов и старых пап. А потому этот раздел подобен яичнице с луком! Попробуй тут разберись!

Веселинки для Иринки.
Поговорки для Егорки.
А для Алки - кричалки.

Вопросы:

- Дедушка, а как это рынок стучится в дверь? У него есть руки?
- Пап, пошли спортоваться! (заниматься спортом)
- Мам, я на лошадавре прискакал! (на лошадке)
- Когда я вырасту, стану небником! (летчиком)
- Как тебя зовут, шалунья? - Никакая.
- Почему копатка? Это, Сашенька, лопатка! - Нет, копатка! Она копает.
- Ты в свое лицо посмотри!
- Я хочу и сопу. Вот буду хопать и сопать! (храпеть и сопеть)
- Мама, посмотри! Такой маленький, а уже лысый!
- Я люблю землянику. Она вкусная и усы рисует!
- Ты чья дочка? Папина, мамина, бабушкина?
- Я - всехана!
- Мальчик, ты чей? Ты что, немой? - Нет. Я - мамин.
- Этот врач - операник. Он операции делает.
- Почему пауки сидят по углам? Наказаны?
- Я говорила Алешке: не перерастай. А он перерос. Такой растяпа.
- Рядом с нашим детским садиком стоит дом писателей. Вчера к нам на участок прибегала писательская собака.
- Раз дед на солнце сварился, у нас сегодня из деда суп?
- Бабушка, давай заштопаем небо!
- У козла рога для того, чтобы с козой бодаться?
- Мама говорит, у братика зубы лезут. Куда лезут?
- Где у клуши на голове уши?

Пожелание: желаю выйти за мужа.

- Как зовут вашу воспитательницу?
- Гусеница Михайловна! (Августина Михайловна)
- Ты чего ревешь?
- Ничего... Коза сдачи дала.

- Саша - лизун. Он сосульки лижет.

Дождь прошел, потому дорога и прокисла.

Если рассол у огурцов острый, значит, огурцы тупые?

Баба Юля от тети Наташи. А от кого будет баба Ляля?

- Ты зачем коробку леденцов всю сразу съел? - возмутилась бабушка. - Не сразу, я брал по одному леденчику.

- Меня сегодня в садике в угол поставили. - За что? - спросила мама. - За шиворот.

Похвастались:

- Тебя, девочка, как зовут?
- Олей.
- А я - Николай Иваныч. У меня тоже есть внучка и два внука.
- А у меня котенок Филька.
- Вы кто? Бармалей?
- Нет. Я - дядя Жора.
- А чего так говорите?
- Как?
- Как Бармалей.
- А как он говорит?
- Как вы.

Оптимистическая трагедия

С шестого этажа девятиэтажного дома упала собака. В лоджии стоял трехлетний мальчик Витя. Много Витя видел всякого, но такое впервые. Мальчик посмотрел вверх и громко крикнул:

- Эй, вы! Чего собаками кидаетесь?

- Тань, скажи: «Рыба! Ребра! Забор!»

А Танька как крикнет: «Окунь! Кости! Доски!»

- Машенька, позови воспитательницу.

- Валентины Кузьминичны нет. Она заболела или на пенсию ушла!

- Какие овощи растут в огороде?

- В огороде растет винегрет.

Предложение

- Здесь мы посеем лучок. Там у нас будет расти редиска.

- А здесь, - заявил Боря, - нужно посадить мороженое.

Деловое предложение

- Дедушка, тебе на пенсию не хочется?

- Нет, внучок.

- Дедушка, давай я пойду за тебя на пенсию, а ты за меня в детский сад?

Разговор

- На картинке нарисованы черепахи. Что они делают?

- Пахают! - сказал Саша.

- Не пахают, а пашают! - поправил Сашу Славик.

- Не пашают, а ... А как говорить-то? - замялся Андрюша.

- Пашут! Черепахи на картинке пашут поле, - пояснила воспитательница.

- Потому что сломался трактор, - добавил Саша.

Вовка сказал:

- Раз слон большой, то и температура у слона большая.

- А у мышонка маленькая? - спросила Оля. - А как мышихина мама мышонку температуру измеряет? Такого и градусника нет!

- Раз есть мыши, - сказал Вовка, - значит, есть и градусники.

Переполох

Утром в группу пришла незнакомая тетенька в белом халате. Все испугались, думали, доктор. Будет уколы делать. А Мишка сказал:

- Уколы делать не будут, потому что от тетеньки пахнет не доктором, а духами.

И правда! Она - комиссия.

В музее

В музее Тверского быта стояла ступа, в которой крестьянки толкли зерно.

- Что за ступа? - заинтересовались мальчишки.

- Баба Яга в ней летала! - пошутила взрослая тетя.

Неожиданно пацаны легли на пол и стали шарить вокруг ступы.

- Вы чего заползали? - спросила та же тетя.

- А где у ней включатели, чтобы летать?

Переводчица

- Пиндовла Лесандровна, лилей в дидо доды! - сказала Леночка.

- Что она сказала? - спросила Олю воспитательница, - Переведи.

- Она сказала: «Полина Александровна, налейте в ведро

воды».

Принцесса

- Мама, мне завтра надо надеть красивое платье. К нам в сад приедет принцесса.

- А ты, дочка, ничего не путаешь? А что она у вас в саду будет делать?

- Читать стихи. Она их сама сочинила.

- Так это приедет к вам поэтесса!

- Поэтесса?!..

Диалог

Черноглазый мальчик сидел на крыльце и от нечего делать стучал палкой о ступени. К нему подошел курносый пацан с рыжими веснушками и бойко спросил:

- Тебя как зовут?

- Чандр.

- А меня Сашкой. Ты откуда?

- Из Еревана.

- А я из Саратова. У вас Волга есть?

- Нет, - чуть помолчав, добавил. - У нас «Волги» нет. И, вообще, у нас нет никакой машины.

Женский разговор

- Ишь развалился, как кабан под дубом! - сказала женщина, глядя на пьяного, спящего под деревом.

- Плод дубовый! - добавила другая.

- Тоже мне, желудь! - фыркнула третья.

- Сынок, какие слова начинаются с буквы «Ч»?

- Чашка. Чайник. Чучело.

- Правильно. Дальше, с буквы «Х»?

- Не умею.

Кричалка

Ходит галка по воде
Возле дома нашего,
Ходит галка по трубе,
А труба-то крашена!

В комиссионном магазине

Продавец расчесывает шерстку на двух игрушечных болонках. Подходит покупатель:

- Сколько стоит баллон?

- Какой из них? - улыбается удивленная продавщица, продолжая приводить в порядок игрушки.

- Не какой, а газовый!

Эни, бэни, рики, паки,
Буль-буль-буль, карики, шмяки!
Эус, бэус, красподеус, макс.
И нету клякс!

Дразнилки

Непонималки, импортироваться решил, куцехвост, заискурсились, раздрябался, раздраконился, зверишься, зыркаешь, прищученные, разверченные, нахлобученные, оплюхнувшиеся, старая перешница, литератор - художественный путеводитель.

Зубрилка, копилка, выпивоха, пройдоха, самораскрученный, пуходер, распет- рушенный, рассвиняченый, зачуханный, гусь недожаренный, курица мокрая, сивуха переброженая, замарашка, пустозвон, объедун, стелька, севрюга блатная, телка недоношенная, прохвост, подвывалка, промокашка, зазуля непрокая, круглопузый, с одной извилиной и то кривой, забегалкин, подъедалкин, криворот, носопыристый, раздрипанный, затисканный, замызганный, русофицированный, научно-фразеологичный, микроудобрейший, криминалистый, толстопятый, чисто- говорилкин, худяга, чувырла, слеподырый, кафедрал, узколобый, немастеровитый физиолог, сырокорченый тестоедов, слюнявый скалозуб, подмышечный тупизм.

Бывает: скосолапился, расхандрился, размалевался, раздраконился, распузырился, расхрюкался, разбазарился.

Встречаются: горлопаны, наушники, дуры пучеглазые, промокашки, плутовки, прохвосты, косоглазые, не проснувшиеся Везувии, скандалкины, кикиморы цаплеподобные, лососи неупитанные, жаростойкие, критикостойкие, напористые, засупоненные, замаскированные, заштопанные, закулисные, кабанчики-барабанчики, любвистойкие, любвиобильные, гулящие, скорбящие, разухабистые и т. д.

Глава 7. Не пиши про горюшко, а пиши про солнышко

Сказание про Ваньку Тверского и его дружка Шуршалу-Шебаршалу

(Тверская сказка)

Не в некотором царстве, не в сказочном государстве, а в княжестве Тверском, в Загородном Торговом посаде жил да был Иван простой, не женатый, холостой, не богатый, не бедный, не злой, не вредный. Лежал на печи, ел калачи, меж делом траву косил, воду носил, лён трепал, кожу мял, дрова колол, зерно молол, тесто замешивал, бельишко развешивал, бочки да кадушки мастерил возле своей избушки, в реке Тьмаке вымачивал. Доходы были верные, кабы подати на всё не безмерные! А потому перебивался, сирота круглая, неприкаянная, с воды на квас. Одиноко бы ему жилось, если бы не Шишок запечный, друг сердечный, дух домовой по имени Шуршала-Шебаршала.

Наработается, бывало, Ваня, балалайку в руки и давай припевки разные сочинять. Поёт да еще и приплясывает вместе с Шишком:

«Как в губернии Тверской ходят куры по Ямской! А за Тьмакой, возле кузни, собирают девки грузди!»

«Как за Волгой, за Тверцой, люд посадский не с ленцой! Избы деревянные, девки все румяные!»

«Широка ты, Волга-матка, тянут баржи бурлаки! А на празднике, ох, сладко! Чешут парни кулаки!» - распевает Ваня, а Шуршала-Шебаршала помогает:

«Вёдра, плошки и кадушки мастерить Ванёк не прочь!» - А Ваня добавляет:

«Да проквакали лягушки: «Эй, запечный! Скоро ночь!»

«Хочешь верь али не верь, на Тверце гуляет Тверь! А за Волгой бублики прячут в дырки рублики!»

Вот так и балуются. А припозднится, Шуршала ужо с печи кличет Ванятку:

- Ванятка, хватит глотку-то драть! На печь полезай! Пошуршим, пошебаршим лучком да чесночком, пошушукаемся?

- Эва надумал! - отвечает Ваня. - Шуршала ты Шебаршала. Мне погорланить охота, надобность есть. Посумерничаем и тута. «Не кукуй, кукушечка! Не кукуй, горбатая! Моя милка хороша, хоть и не богатая!»

А Шуршала знай свое выспрашивает:

- Бочку-то на десять пудов купцу Кулагину смастерил? Все тверичи ужо капустой захрумкали. А у Прокопа Михеича,

затьмацкого кузнеца, обручи-то для кадушек взял?

- Эко диво - бочки! - отвечает Ванятка. - Это дело сделано. И с обручами порешено, и берёзовые оглобли к телеге готовы. Хоть ты и мозговатый мужик, Шуршала, но опять не в своё дело встреваешь!

- Домовой, да с головой, - ворчит в ответ Шишок, перебирая на печи лук с чесноком.

- Усё дело не твоё - шебаршиное. Эвто дело личное моё - бондарёвское.

- Твоё, твоё... Я что... говорю, - не унимается Шишок.

- Ах, Шуршала-Шебаршала, друг ты мой сердечный! - опять замурлыкал Ванька, а чей-то голос продолжил:

- Быть потише б не мешало, таракан запечный!

Разозлился Шишок, подумал, что Ванька ему так отвечает:

- Совсем не уважаешь! Мал ещё так отвечать. Тринадцатый годок стукнул, сирота ты круглая. Я же тебе вместо мамки и тятьки! В избе, почитай, не первый век живу, кажись... Избёнка, правда, маненько завалилась. Дед твой Иван Тверской еще ставил. Мудрёный был. Сочинять уж такой мастак! И ты весь в него. Сколько сказок да небылиц я от деда твоего слыхивал! И про войны всякие в Твери и на Руси. Чаво только не было? Хошь, про шведов, хошь, про поляков, аль про Ивана Исаевича Болотникова, хлопца из Зубцовского уезда, расскажу?

- Ужо сказывал. Скучно на печи.

- Ну дак! Жить - скучно, а спать вить хорошо? Русская печь. Тяпло. Глянь-ка, что я тут уголёчком давеча начиркал! - Шишок отодвинул холщовую занавесочку. На стенке была нарисована карта старой Твери:

- Вот, вишь, наша Тверь. Эдак - река Тверца. Вона - Волга. А тута - Тьмака. Эва наша изба в торговом Загородном посаде. Смолоду здеся и живём.

- А энтово чо? - заинтересовался Ванька.

- Чо, чо! Огороды Затьмацкие. Славна у нас репа, горох, огурцы.

- А энтова, энтова чо?!

- Здеся - капустники, церковь Николы в капустниках, тута золочёны купола белокаменного Кремля. Здеся - палаты княжески, ране крепость была с башеньками. Красна Тверь, хоть и деревянна.

- А откудова, Шебаршалушка, энти реки взялись? Откудова тякут-то? И, знать, давно. Вона сколько воды да рыбицы накопили?!

- Знамо, давно. Сказывают, от братьев, что жили на дальнем Севере - Ильмена да Селигера. Всё от них и пошло. Отправились

они однажды в путь. Старший брат Ильмен за непослушание проклял младшего Селигера, да во гневе тяжкие слова произнёс: «Пусть на спине, за измену клятве, у тебя сто горбов вырастет!» Вот и выросло у Селигера сто горбов - сто островов. Потом-то братья помирились, да дело сделано. Заплакали они горючими слезами. Долго плакали братья, так долго, что кругом всё затопило. И растеклись слёзы братьев реками в разные стороны. Из Ильмень озера - Волховым в Балтийское море. А от Селигера - озёрами да болотами, ручьями да речками чистыми - в могучую Волгу, что течёт к дальнему Каспию.

- Дивна сказка, красна сказка, - задумчиво молвил Ванятка. - Наша Волга- матушка от родников да ключей светлых воду набирает. А сколько ещё впереди всякого, неувиденного, не воспетого в былинах и сказаниях?! Заглянуть бы! Посмотреть охота. Чаво там, в будущем? Говорят, живёт где-то Златосолнце, как и наше, только живёт оно в радости. Вот бы дал Бог свидеться? Эдак не сходно на печке-то жить? Пошли, Шуршала-Шебаршала, испытаемся? Може, и увидим чаво?.. Нековды только.

- Нековды, нековды... Нековды всегда было и будет! - заворчал Домовой. - Пойти-то что! Пойти-то можно, только боязно мне из дома уходить. Дом без хозяина пропадёт. Я ведь - Шишок. Мне положено в доме жить, хозяев помаленьку попугивать да дух избы стеречь, оберегать от опасностей. Только ты, Ванечка, всё равно меня не боишься. Никакого понятия о домовых! Я вот чо ещё слыхивал. Один мой приятель старый, вертляк такой, домовой из каменного купеческого дома. Не первый век трётся возле купцов. Самого Афанасия Никитина, что за три моря в энту Индию хаживал, видел. Так вот, тот Шишок от купцов наслухался всякого. Сказывал, что есть где-то большуща изба, шатёр не шатёр, дворец вроде необычный. В нём Земля время своё пересчитывает. Если ту большущу избу отыскать и войти в нея, можно в будущее попасть. Там и Златосолнце в радости увидать. У этого Шишка-Вертляка, взамен нашего старого самовара, что под клетью валялся, я колечко выменял. Глянь-ка! Как три раза потрёшь об ухо, об энтово вот место, да скажешь закличку: «Дух железный, народися, с огнём-молнией явися!» - колечко и сверкнёт огнем.

- Чудно колечко, - Ваня стал рассматривать, - знать, заморска штука. Дай спробую! «Дух железный, народися, с...».

- Что ты, Ваня! - испугался Шишок. - Избу спалишь! А ещё, глянь... яичко.

- Тяжко яичко, большуще. Знать, каменно?! - удивился Ванятка.

- Каменно, каменно. Тяжёлая штука. Холстину в кармане тянет, того гляди, порвёт холстину-то. Яйцо от заморской птицы, что за Мраморным морем живёт. И со знаками, со знаменьями. Вот гляди, крутанешь, оно и покажет, где хорошо, где худо. Тута, гляди, крест обозначен - знак, знамо, хорошо, не зло. А тута не крест - палочка нарисована, значит, тама, куда яйцо повернулось, будет худо. Энтих штук заморских у Шишка-Вертляка целый короб!

Пока приятели разговаривали, из-за печки выглянула Три-худа. Подскочила Три-худа, схватила яйцо, быстренько подрисовала на нем крестов видимо-невидимо, положила на место, а сама спряталась, слушает. Уж очень разговор её заинтересовал.

- Шуршалушка, Шебаршалушка, пошли испытаемся! - стал уговаривать Шишка Ваня, - можь, избу ту большущу отыщем? Златосолнышко в радости увидим? Давай трахтом или рекой.

- Не трахтом надо и не рекой, - отвечал Домовой, - идтить надобно туды Оршинскими болотами. Где болота, там и нечисть. А где нечисть, там и указ, где правда. Где правда, туды не пущают. Только бы Три-худа не увязалась. От неё и здеся житья нету. Как прослухает про чаво, живо ухватится, чтоб дело шпортить. А привяжется, не отвяжется, прилипала поганая.

А Три-худа из-за угла отвечает:

- Грубиян... привяжется... не отвяжется... Шишок босоногий... А что как надумают идтить? Златосолнце в радости увидят? - забеспокоилась тверская поганка. - Не иметь мне тогда прежней силы над людьми. Нет уж! Не позволю! Помешаю!

- А чо за Три-худа така? - спросил у Шишка Ванятка. - Не ведаю!

- Как, не ведаешь? - удивился Шишок. - Ведаешь. Все напасти от неё. И войны, и болезни, и невежества всякие. Батюшку твово кто в бранном поле мечом усыпил? Матушку-то да братцев твоих в младенчестве кто извёл? Голодом всю родню выморил? А сколько невежества на Руси? А засух, наводнений, пожаров, войн? Сколько горя людского? Три-худа тверичей одолевает, проклятая!

А Три-худа из-за печки знай своё:

- Проклятая, заклятая! Тебя, комара, только вот достать, уморить не могу. Не подвластен ты мне, дух запечный! - Сама быстро накинула платочек и к Ванятке: - Кажись, звали? Не ведаешь, Ваня? Три-худа я. Сразу целых три: войны, болезни, невежества всякие. Но... Со мной и поладить можно. Стороной обойду. Ты только совесть заложи да поучаствуй в поганых делах.

- Сгинь, нечиста сила! Провались в подпол! - закричал Шишок, швырнув в неё огромной луковицей. - «На одно солнце

глядим, да не одно ядим!».

- Фу, таракан запечный, - зло молвила Три-худа, прячась в тёмный угол. - Завалиться бы тебе вместе с избёнкой не мешало! Не сгину!

- Ну вот, - вздохнул Домовой, - теперича прилипла. И зачем только её вспомнил?!

- Не девка, не баба, а ряба. Знать, оспой маялась, - сказал удивлённо хозяин дома. - А косы-то трёхцветные, и из спины растут? То одной, то другой, а то сразу и двумя, и тремя вертит?! То заплетает их, то расплетает!

- Это она козни плетёт! Извечно я с нею воюю. Мы - шишки, хранители домов. А она, хоть и живёт рядом, разорительница. Берегись её, Ваня! «Стережёного Бог стережёт». Да ну её, - продолжал Шишок, немного помолчав. - Лучше, как в младости, на печку влезай, сказку хорошу расскажу, Ванюша. Хошь, про Винерку, хошь, про Ню-ню али Зю-зю? Али про Ертоха? Опять ты, Три-худа, подслушиваешь?! Да козни, сидя на поленнице, плетёшь? Сгинь, чёрная твоя душа!

А Три-худа в ответ:

- Бес не бес, а лаешь как пес. Вот и не сгину. Я теперича ваша. Помалкивай, мышь запечная!

- Сама ты мышь! - возмутился ещё больше Шишок. - Как коса лезешь в глаза!

А Три-худа не унимается, дразнит домового:

- Шишок, шишок, сам с вершок, голова с горшок! А ты, Ванька, глуп да туп, раз помалкиваешь, душу не закладываешь. Дурак!

- Я шо... - растерялся Ваня, - лаяться не приучен. У меня дела. Много говорить - голова болить.

- Не тот глуп, кто на слово скуп, не слыхивала такой поговорки, - заерепенился опять домовой, - так послухай!

- Не слыхивала. А мы теперь, раз покликали, вроде родственнички. В одной избёнке живём. Можа, подружимся?

- Называется другом, а обирает кругом.

- Пошто кругом? Будет от меня ужо подарочек! - хихикнула в ответ Три-худа, - и не один. Я постараюсь. А пока... подремлю в уголочке. А ты, муха-сонюха, рассказывай сказочки-то. Приятно послухать.

- Не бойся, Ванюша, кто поёт. А бойся того, кто дремлет. Так вот я и говорю: не в некотором царстве, не в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живём, хо-хо-хо! И дожили до того, что нету у нас ничаво... всё у купцов, у бояр, у княжеских приказчиков, у святых монастырей да у царских обдирал. Так и быть, пойдём, Ваня, искать большущу избу, где

Земля время считает, а Солнце в радости живет.

Положил Ванятка хлеба горбушку в свою торбушку, в карман армяка сунул головки лука да чеснока, быстро с одёжкою справился, в путь-дорогу с Шишком отправился. Идёт Ваня, лаптями метёт, языком плетёт, из коры берёзовой скрутил поясок, смастерил туесок, из прутьев ивовых - корзиночку. А Три-худа тоже не дремлет, впереди бежит, за кустами да кочками болотными прячется, беду на путников кличет:

- Эй, поганки лесные! Нечисть болотная! Поднимайтесь из трясин, из торфяников вязких! Веду в гости тверитянина Ивана, неслуха. Заманите к себе, опоите! Я, Три-худа, в долгу не останусь! Душу да совесть загубленную подарю! - кличет Три-худа беду, а сама, чтоб не узнали, платком повязалась, старушкой прикинулась. Увидел Ваня старуху-лесовуху да и спрашивает:

- Никак, баба Яга, дубовая нога, пёстрый платок, платье в лоскуток?

- Она самая, она самая! - отвечает, шамкая, Три-худа. — Лёгкого пути, добрый молодец. Куда идёшь? Кого ведёшь?

- Иду Златосолнце искать да избу большущу, - отвечает Ваня, - где Земля счёт времени ведёт! Со мной дружок сердечный, Шишок запечный. Ужо не знаешь ли, куда путь держать?

- Как не знать, - отвечает старуха, - мы, болотные жители, всё знаем. В ту сторону надобно, в ту. Только не ходи туды, Иван! Всё то сказки, всё - обман! На здешнем болоте, у озера, русалки живут, песни поют, в омута заманят, тебя, дурак, обманут!

- А мне чо, я ведь дурак? Поглазею просто так. Мне хвостатые ни к чему! Ни к городу! Ни к селу! Песни русалочьи послухаю, может, покричу, ломоть хлеба смолочу. А русалок сколько хошь в Твери. Иди и бери.

- Ну, как знаешь, гляди... Да смотри, не пропади. Твоё дело молодое! - Сама за кустами прячется. А в озере русалки нежными голосами поют, путников заманивают. Ванька идёт, слушает, хлеб с лучком да чесночком кушает. Русалки от запаха:

- Ах, ах! На дно озера - бах, бах. Лежат, не шевелятся. Даже не верится.

А навстречу опять карга, дубовая нога, нос крючком, зуб торчком:

- Не ходи туды, Иван! У Кикиморы гости! Наживёшься на погосте, на кладбище, значит! Если косточки оставят. На тот свет живо отправят!

- А мне что, - отвечает опять Ваня, - ты говоришь, я - дурень. А потому мне -что печь, что курень! Чо Кикимора! Чо мне её дочки? Чо её зятья? Чо сыночки? А этот Упырь, болотный пузырь, тьфу! Веточкой ткнёшь, кафтан разорвёшь. И нет Упыря.

Болтаешь зазря!

- Ну, Ваня, как знаешь!

- Ты, бабка-колдунья, напрасно пугаешь! Хочешь лучку аль зубок чесночку?

- Фу ты, нечистый, смелый, речистый! Ишь, разговорился! От чесночного духа дохнет и муха! Ладно уж, только мне подсоби. Тяжко жить, Вань, без ноги. Соли замучили, подагра. Век милости не забуду. - А сама в платок бурчит:

- Есть дураки среди люду.

- Всё ворчит да ворчит, беззубая, - говорит Шишок. - Такая старушка грубая. Уж больно она на кого-то, Ваня, похожа, голос знакомый? Ей доверяться, однако, негоже!

А Три-худа знай своё:

- На той вон лохматой опушке мой домик куриный - избушка. А лес? Всё коряги. Ах, виды. Поможешь мне, Вань, без обиды! Эй, ну и конь! Оставайся, Ванюша, в старом времени. Здесь сказкам верят. Пошто тебе солнце в златости да радости? Сходишь на войну, богат будешь! Князем сделаю!

- Ужо показалась в корягах опушка, - говорит Ваня Шишку, - а вона на лапах куриных избушка! Куда забрели? Всё корявей дорожка. Гляди-ко, Шишок, будто чёрная кошка! Глазища по блюдцу, как будто смеются, а когти на лапах с тропинкой дерутся.

Три-худа в образе старухи знай своё:

- Но-но! Оседлала я всё же Ивана. Давай, торопись, оплачу без обмана! - А сама платком как махнёт! Потемнело всё кругом, замерцали болотные огни. Обступают путников, приплясывают, того гляди, в трясину утянут!

- Ах ты, нечисть болотная! - рассердился Шуршала-Шебаршала и выхватил из уха кольцо, потёр то место, которое надо, зашептал: - Дух железный, народися, с огнём-молнией явися! - Испугались огни, исчезли, да и старуха присмирела.

- Ванюша, любезный, ты в дом заходи, на бабье житьё да бытьё погляди. Большуща изба! Ох и большуща. Земля тута время и считает.

- Неужто среди болотины? - удивился Ваня. - Уж больно копчёна изба. Однако, любопытно взглянуть.

- Здеся, Ваня, здеся!

- Что ты, Ванятка, - стал удерживать Ванюшу Шишок. - Гляди-ка, народища смрадного сколько? В кадке купается змей семиглавый! А вона змеёныш на лавке вертлявый. А тута противные толстые жабы плюют на зелёные скользкие лапы?! Чёрт на метёлке у огненной печки. А дьявол глазастый, что конь! Аж в уздечке.

- Цыц, клоп запечный! - рассердилась старуха. - Не бойся, Ванюша, на лавку садись, разденься, разуйся, а хошь, - растянись.

- Житьё как житьё, - говорит Иван, - всё, как в сказке, как надо.

- А это тебе за работу награда.

- Смотри-ка, - шепчет Шишок, - старуха уселась на чёрный шесток и развязала дырявый платок.

- Связочка жирненьких серых мышат. А-а! - зевнула ведьма. - Как ходики нынче, Ванюша, спешат! Мышаток, хоть жаль, но тебе отдаю. А хочешь, поджарю? Аль в шкурке сварю?

- Водицы дала бы, бабуся, испить!

- Хватит тебе про водицу-то ныть! Наелся лука да чеснока... А квасу не хочешь? Вчерашнего... право. - А сама ворчит:

— Вот напою. Злое зелье - приправа. Уснёт навечно, и все проблемы.

- Квасок-то зелёный, чай, из лягушек?

- Что ты, родимый! Не обижай старушек! Пей же скорее! Годится, годится! Та ж болотна водица! Завсегда зелена. Така она. - Иван уж было хотел отпить из ковша, да Шишок не дал - под ковш поддал, зелье плеснулось, зелёным туманом под печь поползло. - Ну что за народ! Хоть я ведьма, карга... Болит у старухи дубова нога. Болота, всё сырость, лягушки да жабы. А мы вот - старушки, убоги и слабы...

- Ишь ты! - крикнул Шишок. - Старуха то так, то эдак дело поворачивает. Нечистое тут место, пошли, Ванюха!

Старуха смолчала, прикинула что-то и снова сначала:

- Ох, Вань, и работа?.. Присядь на лопату, как царь на крылечко, маненько погрею тебя в русской печке. Да заодно и духа твово избушного. Небось, в болоте озябли!

А Ванька в ответ:

- Сказка мне эта, бабуля, знакома. Шишок мне рассказывал давеча дома.

- Нету терпенья мне больше общаться! Пора нам с тобою навеки прощаться! Горыныч, Кикимора, Дьявол и Леший! Хватайте Ивана! Топи его, вешай! - рассердилась болотная старуха, да так рассердилась, что свалился платок, косы трёхцветные и рассыпались.

- Опять ты, Три-худа! - вскричал Шишок, - вот достану сейчас колечко, будет тебе крылечко!

- Не надо! Сдаюсь! - в страхе взмолилась трёхцветная пакостница. - В болоте остаюсь! - кричала Три-худа, убегая вслед за куриной избой.

- Да ну их! - махнул рукою Ваня. - Прескучили старые сказки, русалки озёрные, ведьмины пляски, избушки куриные, страхи

животные, кошки да мышки, да жабы болотные.

- Значит, домой, Ванюша? На печи пошуршим да пошебаршим, пошушукаемся. Ты мне сказку - я тебе две. Со сверчком подымлю я табачком! Охота ведь в избу-то? А? Изба, коли в ней никто не живёт, пропадёт. Мне дак как домовому не положено вообще по свету таскаться. Хотя интерес тоже появился. Вот и кончится скоро болото. Куда теперича? - спросил Шишок. - Совсем запамятовал.

Давай покрутим яичко. Раз болотина не пускала, значит, правильно шли. Чо тако? Светит то с одной стороны, то с другой? Не Златосолнце сигнал подаёт? Али кто зеркальцем вертит?

- Зовёт-то, зовёт. А это кто? Смотри, Шуршала-Шебуршала, девка краса, длинна коса. Откудова на болоте взялась? Не ведаю. Така красива да ласкова. Кто ты, девица, скажись? Да не бойся, покажись!

А девка и отвечает:

- Не смею, матушка не велела с парнями заигрывать. А тебе, Ванечка, от меня подарочек - три серебряных маковки.

- Откудова знаешь, как меня величать? - удивился Ваня.

- Маковки-то - зелье! - заворчал Шишок. - Дурманна в них сила, Ванёк.

- Все тебе, Шуршалушка, зелье да дурман-трава чудятся. Из рук такой девицы-красавицы вряд ли худоба кака приключится, кака непотреба выйдет!

- Как будет тебе, Ванечка, худо, нестерпимо худо, плохо, что глядеть невозможно, - предложила девица, - брось одну маковку о землю. И полегчает. А хошь, женись на мне?

- Жениться? - молвил Ваня. - Можь, и жениться... только рановато и нековды.

- Верно, нет таких трав, чтоб узнать другого нрав, - снова заворчал Шишок. - А девка, вроде, справна. Можь, и впрямь по избам? И то правда, чо жениться тебе скоро будет надобно.

- Нет, не по избам! Тебе бы, Шуршала-Шебуршала, на печку поскорей! - стал Иван корить Домового.

- По избам, Ванечка! По избам! Брось серебряну маковку о землю, чёрный конь примчится, чтобы на нем домой в Тверь воротиться! Дьявол примчится, огонь в ноздрях!

- Э-э! - загремело вдруг. - Лентяй тверской, таракан запечный!

- Это не я, Шуршалушка, ругаюсь. А кто, не ведаю. Верно, Три-худа где-то прячется, беду скликает. Большую избу охота сыскать, солнце златое в радости увидеть. А где девица-то? - А девицы и след простыл.

- Пошли, Ваня, - заторопился Шишок, - чует моё сердце, неспроста всё это. Надо тебе подсобить.

- Ись, Шишок, охота. Была луковка, да, знать, выронил. Не-а, тута, на половинку!

- А мы, Шишки, не ядим! Забыл, что ля? У хозяев не нахлебничаем. Духовной пищей сыти. Ну, муху иногда, комара, кузнечика какого изловим. Друго дело. Не переядаем. Потому долго и живём. А с дороги-то, видать, совсем сбились. Давай-ка покрутим яичко.

- Покрутим, - согласился Ваня, - а яичко-то не потерял?

- Яичко - не луковка, терять нельзя. - Положил Шишок яйцо на камень, стал крутить да приговаривать:

- Ты, яичко, покрутися, покрутися, поворотися! Указать крестом нам путь не забудь! Вона куды знак, туды идтить. Али не туды! Что за напасть? Как бы не пропасть! Яичко, знать, шпортилось. А крестов-то, крестов на ём!

- Можь, и шпортилось, - поддакнул Ванюша, - хоть и каменно, а эдак от птицы. Брось ты его, Шебаршалушка. Пошто зря булыжник таскать.

- И то право, - отвечает Шишок, - была не была, у-ух!

- А-а-ааа, - завопил кто-то в кустах голосом Три-худы.

- Знать, в нея угодил, в самый раз попал.

- Попал, да не прибил, - заворчал Шишок, можь, одумается, отстанет.

- Эх, Шуршала-Шебуршала, мы с тобой приятели! - запел Ванька, а ему вторил спутник:

- Ваня, Ваня, друг сердечный, мне бы на полати бы!

Эх, крылечко, ты, крылечко! Э, зелёны ставеньки!

Где изба моя, где печка? Где вы, стары валенки!

Найдём, чего ищем!

- Обязательно найдём! Энти сгодятся? - молвил Ванятка, подкидывая одну из маковок. - Ой! Будто кто под локоть поддал?!

Тут одна маковка о землю ударилась, а как ударилась, потемнело, загремело кругом. И голос Три-худы, словно из-под земли:

- Ага! Будет худо вон оттуда! От невежества погибнете. Прибьют на барщине в крепостничестве! Задушат в подвалах царских!

Вышли тут из чёрного пня два чёрных монаха, таща за собой старую женщину:

- Не ведаю! Не насылала мора, порчу на скотину! Не насылала...ааа! Не была я вороною лошадью! Во истинный крест!

- Топи её в болотине! Топи ведьму! - вскричал один монах. - А то в реку давай, в Оршу!

- Не ведаю! Не виноватая! - причитала старая тверитянка.

- Ах вы, ироды! - возмутился Ваня. - Монахи монастырские,

разбойники, чернокнижники!

- Молчи, гунька беспортошный! Крепостной ты ноня. Вона из Твери княжеска грамота!

- За глумление над слугами крестовыми, - закричал другой монах, - святой отец игумен берёт добро, давай торбу! Всё теперь монастырское!

- На дыбу его! Крути ему руки! Вяжи скоморошника! - вторил ему первый монах. - Богоотступника церкви святой!

- Ах, так! Торбу отнимать?! Я вас сейчас огнём спалю! - разъярился Шишок. Но его схватили, потащили к дереву, на шею накинули верёвочную петлю.

- Ванюша, не робей! Круши их дубьём, копьём, каменьями!

- Нестерпимо на такое глядеть! Была не была! - И Ванька, выхватив из-за пазухи вторую серебряную маковку, бросил о землю. - Монахи тут вместе с женщиной словно сквозь землю провалились. Зато голос Три-худы из трясины болотной забулькал, заклокотал:

- Теперь-то уж вас погубят болезни да голод. Не видать вам нового времени! Не видать вам Солнца Злата в радости! - И появился из густого тумана белый старец:

- Беда, голод в мир гонит, люди добрые. Реки обмелели, ручьи пересохли, колодцы иссякли. Голод на Руси. Засуха, болезни. Чума, оспа да холера народ изводит...

И снова из чёрного пня вышли чёрные монахи с огромным чёрным обручем, высоко неся его над головами.

- Держись, Шебаршала! Счас разберёмся и с третьей маковкой! - вскричал Иван. А голос Три-худы из-под серого придорожного камня зловеще молвил:

- Будет ещё хуже, чем было!

- Ой, Ваня! Тишина - громче грома, - прошептал Шишок. - Что это? Никак призрак... войны?! Слышь, оружием бряцают, вздохи, стоны. А вот он и сам в развевающемся обгоревшем чёрно-красном плаще-саване! Гляди, люди падают, саван их накрывает! А крестов-то, крестов, могил... Ванятка, не робей! Судьба победить аль погибнуть!

- Русские никогда не робели! - вскричал Иван. - Победа будет суждена, если победу захочешь!

- Верно, Ваня! Праведные слова исходят из правды. Сейчас подмогну! Мы, Шишки, за хозяев, за дома свои постоим! Дух железный, народися, с огнём- молнией явися! - И домовой, вылетев из державшей его петли, выхватил свое заветное колечко.

- Глянь-ка, Шебаршалушка! Призрак-то свернулся в комок, с дороги в канаву скатился. Никак, Три-худа из-под савана выползает?!

- Три-худушка! Привет от запечного! Спасибо, родненькая, сладенькая, за маковки серебряны. Хоть на лице белила, да не сделалась мила! Просветила, Три-худушка, просветила!

- Одолели, прошли! Но вы ещё вспомните обо мне! - зловеще прошипела Три-худа, сбрасывая обличье девицы-красы. - Когда проснётся Земля, люди ещё будут спать. Их несовершенство порождено гневом, ложью, глупостью! - с этими словами она исчезла. Утренний ветер развеял чёрные пни, клочья обгоревшего савана. Белый молочный туман окутал спящую ещё землю. И тут путники неожиданно увидели крышу необыкновенного дворца. Она походила на спираль, уходящую в небо.

- Вона изба-то кака? Словно Тверской собор! - изумился Ваня.

- Дом на доме стоит. А энтова чо за штука качается?! Пошто висит?

Послышался мелодичный голос:

- Выше облачных сводов не создавалось храмов! Ярче звёзд и луны не светились огни торжества. Ослепительнее и горячее солнца нет ничего во Вселенной. Я - Маятник Земли, веду отсчёт времени.

- Эй, Маятник, - спросил Иван, - кто тебя толкает?

- Меня толкает Земля.

- А Землю кто?

- Вселенная. Солнце ясное.

- Ужо не тут ли Земля счёт годам ведёт? - поинтересовался Шишок.

- Здесь Земля счёт времени ведёт.

- А время где живёт? - снова спросил Шишок.

- Старое время живёт там, откуда вы идёте. Новое время поджидает вас там, куда вы идёте. Каждая прожитая минута делается старой, уходит в прошлое...

- А где сама Земля? - спросил Ваня.

- Всё вокруг нас - Земля.

- Как я сразу не догадался-то! - засуетился Шишок. - А не ведаешь ли ты про Солнце Златое, что в радости живёт? Как его найти?

- Ведаю, ведаю, - молвил голос. - Живёт оно на вершине моего дворца. А зачем искать?! Надо учиться видеть радостное, доброе, красивое. Не всматриваться в ненависть, не разжигать в себе зла. Люди - дети света. Они должны помнить об этом и служить солнцу.

- Как это? - не понял Ваня.

- Радость приходит с ясным утром, с чистым небом и с человеческой добротой. Доб-ро-той, - голос умолк.

- Вот, Шебаршалушка, и большую избу нашли. Войти бы да до

Солнышка Златого дойти.

- Входите да помните, - снова молвил голос, - вошедшему нельзя долго оставаться в одном времени. После осени должна наступить зима, после зимы - весна, а за ней - лето. Потом опять осень, зима, весна, лето. Так было и будет вечно. Помните: из осени спешите в зиму! Из зимы - в весну! Из весны - в лето! Нарушивший запрет навсегда останется в том времени! Нав-сегда! Пом-ни-те!

- Ну и дела! - высказался Шуршала-Шебаршала.

- Дяла у них, - послышался голос Три-худы. - Кабы следом не ползла, не узнала бы, где большуща изба стоит. Где Земля счёт времени ведёт. Силой не взяла, так хитростью одолею упрямого тверича да дружка его запечного-поперечного. Останутся в старом времени! Не видать им нового времени. Не видать Златосолнца и радости. - И Три-худа приоткрыла дверь дворца, ведущую в осень, прикинулась Дедом Урожаем.

- Заходите, гости дорогие, - запричитала Три-худа, положив на голову копёнку из жёлтой соломы, - в осень угодили, погостите. Праздники урожая начинаются, Ванечка. Свадебки на Руси играют. Ты ведь страсть как на балалайке играть любишь! Оставайся, закрома полны. Живи - не тужи!

- Нековды, идтить надобно.

- И то верно, - заторопился Шишок, открывая соседнюю дверь, идущую вверх. А уж Три-худа там, в Зиму Зимовну превратилась, Деда Мороза кличет:

- Эй, Мороз Морозович! Старый, ты что, совсем в детство впал? Сидишь себе на подоконнике, стёкла разрисовываешь? Не слышишь? И дела нет до гостей! Дед, приморозь-ка их, чтобы Зимушку лютую помнили! Вьюга, Метель, Пурга, подсобите! - И закружились холоднющие силы вокруг Ивана и Шишка, и заморозили, и усыпили.

- Поменяю-ка я свой перстенёк с ледяным бриллиантиком на колечко вон у того дружка запечного, - молвила Три-худа в образе Зимы Зимовны, - ни к чему оно этому лохматому, нечёсаному. Ухо, чай, смёрзлось, не чувствует!

- Ты чего за шиворот воду льёшь? - очнулся Шишок, - Не крути, не отдам колечка. Ваня! Да никак умёрз? Вот бы на печку погреться. Чем топите-то? Сосульками, небось?

- А чем же? - отвечает Зима, играя градинками и грызя леденцы.

- Ванюша, пора из зимы выбираться! Нельзя нам тута долго оставаться. Пора в весну идтить. Маятник-то что вещал? Забыл, что ля?

- Ну, Шуршалушка-Шебуршалушка, сна не дал доглядеть.

Видал туманы сказочные, солнышко златое улыбчивое, ласковое.

- Пошли, пошли, - стал выталкивать Шишок Ивана за дверь, где тихо скрипели льдины, журчали ручьи, падали капли и слышались раскаты грома. - И здесь нечего задерживаться долго. Но без весны в лето не попадёшь!

- Грох-грох-грох! Трах-трах-трах! - приветственно переливалось крутом.

- И холод, и тепло! Снег и гроза с ливнем! Всё сразу?! - удивился Ваня.

- Так это ж весна! Она така. В ней всё перемешано, - рассуждал Шишок, шагая с Ванькой в лето.

- Прошу, заходите! - на пороге лета стоял солидный рыжий гриб, из-за плеча которого выглядывала взъерошенная ворона. - Разрешите представиться: Лето, Июнь Июльевич Августович, псевдоним - Жаворонков. Глафира, распорядись! Это - Суховей Водопеевич. Его приятель - Смерч. Вместе с Глафирой прилетели, живут вот... Суховейчик, предложи гостям чая с малиновым вареньем, с баранками да с сушками, али черничного пирога.

- Ох, ох! - стал крутиться возле веника Смерч.

- Вертится да охает. Зубы болят. От сладкого, - продолжал Жаворонков. - Вчера, представляете, один целый сад со спелыми яблоками и грушами проглотил. Глафира! Ты чего там возишься?

- Да ещё в Армении персиковые плантации скушал, - добавила ворона, появившись с большим подносом, на котором лежала гора угощений. - Суховейчик, дружок, развлекай гостей! - ворона Глафира подожгла на блюде дурман-траву, стала обносить гостей сладостями, окуривая и одурманивая пришельцев. - Угощайтесь, угощайтесь!

- Пахнет-то как душисто, вкусно, - разомлел Шишок. - Не хуже, чем на печке.

- Хорошо, - вторил ему Ваня.

- Отведайте, гости дорогие, гости долгожданные, - продолжала Глафира. - Суховей, я что сказала?! Развлекай гостей!

- Очень даже охота отведать. Аж за ушами затрещало, рот слюной свело, - говорил, зевая, Ванюша. - Эва, как крутится приятель-то твой...

- Давай, Смертушка, давай! Суши их, высушивай! Эх! - вдруг злобно завопила ворона.

- Что с тобой, Глафирушка? - удивился гриб. - Смертушка-Суховейчик, ну-ка, за водицей волжской слетай! Самоварчик-то, поди, давно пустой? Али выкипел?

- Чаёк да чаёк, - заворчал Суховей, - сейчас слетаю. Будет вам по глотку. Тоже водохлёбы?

- А как же? Водохлёбы. Тверские. Можем с одной баранкой на

спор сорок чашек выпить, - подхватил Шишок.

- У нас все водохлёбы: затверецкие, затьмацкие, заволжские, посадские. Спать-то как охота... Пахнет чем-то, не пойму? Вроде, сеном...

- Запахи лугов, садов, полей, рощ. Запахи лета, - поддакивал Жаворонков, - прекрасная пора!

- А что там? - спросил Ваня, показав рукой на стену, уходящую вверх.

- Известно что. Осень. За ней - зима, опять весна, лето, снова осень, и так бесконечно, как сама Земля. От января до января даёт виток наша Земля вокруг солнца. Считает время Земля, считает...

- Хорошо-то как... А ты, Шебуршалушка, ужо спишь и колечко выронил. Как скажу: «Дух железный народися, с...», - и Ванятка заснул.

- А дальше как? Как дальше? Нечиста сила, не успела! - скинув обличье вороны, запрыгала вокруг спящих Три-худа. - Может быть, так: «Дух железный, народися, с новой гадостью явися»? Да ладно, кончилась их жизнь. В старом времени остались, лежать будут возле загородного посада. А ты чего с пустым ведром болтаешься? - накинулась на Суховея ворона. - Опять дорогой выпил?! Вот что, Суховейчик, родненький! Ты всё равно по свету носишься, отнеси-ка этих в старую Тверь!

- А иде та Тверь? На Волге, что ли? - закрутился горячий ветер.

- И на Волге, и на Тверце. Да не перепутай, в каку сторону! Туда - в сторону весны - старое время. Туда, в сторону осени - новое время. Аж чтоб тебя подкинуло да подбросило!

И так подкинуло, и так подбросило от этих слов Суховея, что вылетел он в космическое пространство, неся путников. А в космосе время не ровня земному. Решив, что приятели не баре, не князья, что сами до печи доберутся, вытряхнул Суховей Ванятку да Шишка прямо на мостовую.

Умчался сухой ветер от города Твери в сторону Каспийского моря, оставив Ваньку Тверского и домового духа Шуршалу-Шебуршалу в новом времени. А так как оказались они возле здания школы из красного кирпича, то и ввалились, не думая, в помещение. За столом сидел учитель Ложкарёв, перед ним стоял ученик Крестаковский.

- Однако, невежливы, без стука, - сказал учитель, обращаясь к гостям.

- Мы из города Твери, без копейки, на мели. В гости пожаловали не сами. Низко кланяемся.

- Уж и низко.

- Вона, до полу.

- Иван, что ли?

- Ага, Иван. Как догадался? По батюшке - Иванович. Кличут - Тверским.

- Калининский, значит, - уточнил Ложкарёв.

- Не-а! Калинински в другом посаде живут.

- А я - Крестаковский, - представился подросток, - ребята Простаком зовут.

- Знамо дело, - проворчал Шишок, - значит просто так живёшь.

- Почему просто так? Не просто, сложности есть, свои проблемы.

- Будем знакомиться, - заулыбался учитель. - Ложкарёв.

- Знать, из Затверецкого посаду? Там завсегда жили Ложкарёвы, Митюрёвы, Коровицыны.

- Коровицыны от слова кровь? - спросил Крестаковский.

- Не-а! От слова корова. У нас коров да коз в Твери - пропасть! Аль не знаешь? Из козлиных шкур кожа, знаешь, кака хороша? Сапоги, сапожки сафьянные в Ордынском ханстве и в других заморских странах славятся. Можь, потому **и** величают тверичей «тверскими козлами», - добродушно добавил Ваня.

- А я слышал, что герб тверской в средние века имел изображения разных животных, вроде, и козла. На первом-то гербе - Георгий Победоносец на фоне Волги. А с семнадцатого-восемнадцатого века стали изображать кресло, обтянутое зелёным бархатом, и корону на нём.

- Можа, и были на гербах козлы, Георгии, кресла. Мы - люди неграмотные. По мастерству - друго дело, - замялся Ваня.

- Ничего-то мы с тобой, Ванюша, не знаем. Лежим на печи, как тёмные бутылки, - вздохнул Шишок. - А ты, знать, здеся самый учёный, коль про. гербы толкуешь. На волю тебя барин отпускает? Оброку-то сколько платишь?

- ...учёный... мочёный, - заулыбался Крестаковский. - Пашу, пашу с восьми до тринадцати тридцати, а всё равно две тройки. По воскресеньям в основном гуляю.

- А я работаю кажинный день, с рассвета до лучины. По воскресеньям только в церковь и хожу. А оброку много: в долгах как в шелках! А ты, видать, богач, раз тройки, ездишь...

- Ага, на них... богач! Ха-ха! - засмеялся подросток.

- Троек-то, говоришь, две? - продолжал Ванятка.

- По двум предметам. Физкультура и рисование. Не все же рисовать умеют?! И с силушкой у меня плоховато. Зато в компьютерах, дисплеях, АСУ - разбираюсь!

- Осу я видел, и пчёл. Каких два предмета, не пойму. Телег

али саней?

- При чём тут телеги, сани, осы, пчёлы?! - удивился Крестаковский. - Тройки, понимаешь? Трой-ки! Умственно отсталый, что ли? Дурак? Говорим по- русски, а как будто на разных языках разговариваем!

- Три-худа дураком обзывала. Но я - нормальный. У нас все таки, - обиделся Ваня.

- Неграмотный ведь, а смекалистый, - вступился за Ваню Шишок. - Мастерство ух как знает. Давай твой, как это, карбютор, живо разберёт.

- Говорите-то вы по-русски, только в выражениях разных времён, - вступился в разговор Ложкарёв. - С Полиграфа они, Крестаковский, разве не видишь, шутят. Приехали к нам с концертом.

- С каким концертом? С какого полиграфу? - опять удивился Ваня.

- Уж и не знаю, с какого. С детского или со взрослого. У вас там фольклор, - сказал Ложкарёв.

- Не ведаю.

- Не знаем, - добавил Шишок.

- Недавно в городе живете?

- Я - домовой, Шишок. Ваня Шуршалой-Шебаршалой кличет. Живу в Твери, почитай, четыреста годков. А Ванина родня живёт здеся испокон веку в Загородном посаде.

— Ясное дело. Ваня живёт в центре города. А Шебаршала, Домовой - украинская фамилия? - спросил Ложкарёв. - Весело, славно разыгрываете нас!

- А вот Фольклора не знаю, - продолжал Шишок, не обращая внимания на слова Ложкарёва. - Немец Фольклор-то твой? Али швед?

- Шутники, однако. Из художественной самодеятельности? - уточнил Ложкарёв.

- Из какой такой са-мо-де-я-тель-нос-ти? - переспросил Ваня.

- Из само-дея-тель-ной, - пояснил Крестаковский.

- Верно, сам всё делаю, - догадался Ваня, - бочки, вёдра, деревянны ушата. К бондарёвскому мастерству пристрастился. Затьмацкие - те больше по кузнечному делу: замки там замысловатые мастерят, серпы, обручи для бочек. Это ихнее дело. Затверецкие - больше на барках, чёлнах да парусниках по рекам ходят, суда в дальние земли водят, зимой гвозди делают. Ух, и гвозди кованы! Работать надо, а то с голоду опухнешь, помрёшь раньше сроку.

- Хорошо, Вань, играешь, - Ложкарёв отодвинул в сторону тетрадки.

- Нековды нам играть. С восьми лет, как тятьку на войне шведы убили, работаю.

- Какие ещё шведы? Немцы? В Великую Отечественную?

- Можа и немцы. Кто их разберёт. Я тама не был.

- На Тверь недруги не раз наваливались. Но тверичи их тово - турнули всех, - вставил словечко Шишок, - нечаво на чужо добро зариться. А Ваня бочки мастерит большущи под капусту, под огурцы.

- Полногабаритные, стало быть? - хмыкнул Крестаковский.

- Оне. Полные, здоровые. Десять пудов влезает. А ты чаво делаешь? Не пойму. Берестяные грамотки рисуешь? Али нову грамоту князю великому пишешь? Челобитню бьёшь? А книг-то, книг! Монастырски, церковны? Али каки? Заморски... с картинками... А про чо?

- Рисую, пишу, читаю. Весело с вами в старинку играть! - опять засмеялся Ложкарёв. - В-х-алера!

- Поп, значит, али игумен, - продолжал Ваня. - Отроков сколько привалило? Эва, семья-то многодетна, знать? И парни, и девки справны. Все без дела, с грамотками.

- А ты, мужик, пошто холеру кличешь? - возмутился Шишок. - Смотри, придёт, как Три-худа. Ишь, неслух, вертун! Ты энтова на горох коленками, - указал Шишок на пятиклассника.

- Садитесь, гости дорогие, раз пожаловали на занятия кружка. Михаил, Миша! Карту давай!

- Михаилом-то в честь князя тверского Михаила Ярославича назвали?

- Какого князя? - удивился Крестаковский.

- Как какого? - возмутился Шишок. - Первого-то тверского князя в тринадцатом веке Ярославом Ярославичем величали. Он был братом Ляксандра Невского. Ляксандр - значит победоносный! Так вот, сына Ярослава звали Михаилом, Михаилом Ярославичем! Загубил хан татарской орды Узбек его душу. Соху тяжку на спину взвалил. Двадцать шесть дней и ночей маялся князь, а пощады не просил. Убили Михаила Ярославича татары. А ще пуще лютовал в Твери двоюродный брат Узбека - Голхан, по прозвищу Щелкан: «... брал он, млад Щелкан, дани невыходы, царски невыплаты, у кого денег нет - у того дитя возьмёт, у кого дитяти нет - у того жену возьмёт, а у кого жены нет - того самого головой возьмёт». А тверской дьякон Дюдько, что кобылу на водопой к Волге повёл, вот тута, - тряхнул головой Шишок в сторону Волги, - так он...

- Здесь же старый волжский мост стоит! - удивился Крестаковский.

- Тута было, тута! Моста тогда не было. Так вот, когда стали

ордынцы кобылу отнимать, завопил дьяк дьяковским басом что было мочи:

- Братья, тверячи! Не выдавайте! Бей их, насильников окаянных! - Из-за Волги, из Затверечья, из-за Тьмаки и Загородного посаду сбежался народ. Ударили в колокола, и давай крушить. Сожгли княжеский терем, где закрылся Голхан, перебили всех татар, освободили Тверь.

- Кабы, сказывали, не московский князь Иван Калита, враждовавший с Тверским княжеством, - добавил Ваня. - С поклоном пошел Калита к татарам. Спас Москву от ханского гнева. А Тверь и другие города пожгли.

- Всё правильно, - кивнул Ложкарёв. - Тут поднялся народ. Встал под знамёна великого Московского князя Дмитрия. Собрались бойцы на Куликовом поле. Разгромили Золотую Орду. Порушили их власть над русскими землями.

- И потом было много всяких битв за Тверскую Русь! - добавил Шуршала- Шебуршала.

- А говорите, неграмотные! - засмеялся Крестаковский. - Интересно, что было там, где я сейчас живу? Мало мы знаем о своей земле. А что будет потом? В другом веке?

В помещение ввалилась группа подростков:

- А в другом веке будем мы. Ваше время истекло. По расписанию наступило наше время.

- А ты пошто так разоделся? - спросил Ваня. - На войну идёшь?

- Ты чего, какая война? Я - металлист, тяжёлый рок-металл. Хэви-металл! Не слышал?

- Рог? Что за рог? Коровий? Али козий? Кузнец, что ли? По кузнечному делу? А руки-то белы?! Господски! - усомнился Иван.

- Я тебе дам козий! Сам козёл вонючий! Тоже мне, воспитатель в лаптях нашёлся. Отстань. Я в седьмом учусь.

- Ты же в седьмом в прошлом году учился? - уточнил Крестаковский.

- В прошлом году я учился в седьмом «А». А в этом году в седьмом «Д»! «Д-д-д»! Понятно?

- Нашёл, чем хвастаться: «Д-д-д», - усмехнулся Шуршала-Шебуршала. - Глупый хвастается молодой женой, безумный - золотой казной, сильный - силой, а умный - старой матерью. А он: «Д-д-д!»

- У меня мать не старая, и отец не старый, инженерами работают.

- Работают, стало быть. А в кого же такой - прошлогодний? - спросил Шишок.

- Какой прошлогодний? Сам хорош! Лаптёжника из себя

строишь. Жил и живу, не на твои. Пусть умные занимаются умными делами. Нам это ни к чему. Нам этого не надо.

- Знать, Ваня, его Три-худа пестовала, - вздохнул Шуршала. - Вишь, какой огрызок, невежа. А ты, эва какой разрисованный? Из половцев али раньше жил? - спросил Шишок у другого подростка. - Может, ряженые? Али свихнувшиеся от плохого питания, - стал вслух рассуждать Домовой. - У нас усе у церкви такие уродивые. Но теж по одному. А энтих - целая охапка. Глянь, а лохмат-то?! Словно солома в копне. Нечёсан. Чай, насекомые в голове? Гребешок вона. Поцарапай.

- Сам ты, дядя, нечёсаный! Отвяжись! Мода у нас. Выпендриваемся, понимаешь? Личность свою показываем. Ну и что? Нельзя? А вы откуда на нашу голову свалились? «Лапти вы, а лапти, вы лапти мои, лапти новенькие, трехрублёвенькие», - запел паренёк.

- Откудова, откудова, - проворчал Шишок, - оттудова. Из православной Твери. Здеся живём. Я и Ваня. Ещё Три-худа с нами, да и с вами, видать!

- На Пролетарке, что ли? - спросил второй подросток. - В самодеятельности играете? Мы тоже балуемся, - и стал настраивать гитару. - Эй, Наташка, давай!

- Разлука ты, разлука, у дома не крутись. Мы больше друг без друга не можем обойтись! - запела девушка.

- Три-худа ты, Три-худа, у дома не крутись, мы больше друг без друга не можем обойтись, - стала подпевать невесть откуда появившаяся тверская поганка. - Вона куда занёс тверичей небесный-легковесный, стручок сухой, бродяга сушёный Суховейчик! Знать, не туды дунул. Не туды! Потише нельзя? Совсем оглушили, окаянные, бренчалками! Заткнитеся!

- Не нравится, тётка, проваливай, не держим! - сказала девица.

- Ты чего подсовываешь? Свои сигареты есть. А ладно, давай!

- Я тебе ещё маковку дам. Зелье что надо. Дурман, забалдеешь!

- Ты чего, тётка, сдурела? А почему мне предлагаешь? - спросил подросток, засовывая маковку в карман.

- Личность подходящая. Личность, говорю, нестойкая! Давай порезвимся?! Бомбочку махонькую-махонькую под Маятник Земли подсунем? Весело будет! Их как весело!

- Ты чего, тётка? Да за это сведу, куда следует!

- Ай-ай! Какой необходительный. Я же пошутила. Разве не видишь, не в себе! Не в себе! Из дурдома, из дур... Но-но!.. Надеюсь... Подкараулю... Глядитя у меня, - зашипела тверская пакостница, прячась за углом.

- Явилась, не запылилась! - крикнул ей вдогонку Шишок. - Далеко не ходь! Домой пора! Надо, Ванюша, её заманить, а то натворит чаво. Знать, и вправду в ново время попали. Всё одолели. Большущу избу нашли, где Земля время считает.

- А Златосолнышко, что в радости живёт, где? - спросил Ванюша.

- Чтобы увидеть Златосолнце в радости, - послышался голос Маятника Земли, - надо учиться видеть светлое, не разжигать в себе зла. Радость приходит с ясным утром, с чистым небом, с человеческой добротой. Доб-ро-той.

- Вот так-то, родненькие мои, - услышали приятели голос Три-худы, - рассказывайте сказочки, рассказывайте, а я послухаю:

- Не в некотором царстве, не в некотором государстве, а в княжестве Тверском, в Загородном Торговом посаде, жил да был Ванька да дружок его Шишок запечный, друг сердечный, дух домовой - Шуршала-Шебаршала.

А из глубины веков, из темноты времени следят зелёные глаза ТРИ-ХУДЫ, поджидающей людей Земли и с войнами, и с болезнями. Но самое большое худо, от которого все напасти, это - НЕВЕЖЕСТВО!

Присказка да семейная!

Поучительна, не елейная!

Молодушка

По дороженьке шла молодушка. Пролегла от мельницы та дороженька. А навстречу мужичок шагал неторопко так, нога за ногу! Мужичок как мужичок, бороденка окладиста, кудрявенькая такая. А что нечесаный, так от природы закрученным уродился.

- Откудаво, молодушка, идешь-то? - спрашивает кудрявенький.

- Да вот мучку с мельницы несу. Пироги затеваю, - отвечает молодица.

- А чаво еще для пирогов-то надобно?

- Чаво, чаво. Да ничаво, почитай, ничаво! Лишь яичек из-под курочки, да сахарку черпачок, да дрожжец с маковый кулачок. Маслица от коровушки припасено. Ах, забыла! Головушка ты моя сиротливая, надобно мучки добавить. Все перемешать, в теплое - местечко, да чтоб без сквозняков, корытце поставить. Тесто пока пухнет, поднимается, начиночка затевается. Ходи, тестушко, поднимаючись, с пузыречками заиграючись. На досочке-то деревянненькой в распластавшийся в тот блинок вложу то капусточки, то картошечки, аль морковинки свежеваренной. Печку русскую затоплю сейчас и в нутро горячее пироги-сыры испекать пошлю.

- Ой ли! - молвил мужичок. - Поглядеть охота, как таки пироги ты стряпаешь!

- Поглядеть-то что, коли время есть, заходи в избу, но не дам присесть! Печь скорей топи, все дела бери.

Вот и печь тепла, горяча уже, пироги-сыры да на протвине все рядком, ладком в ряд уложены. Лишь один комок без начиночки на столе лежит пригорюнившись.

- Дай-ка я его меж ладонями на досочке-то, да по мученьке, покручу его, поверчу его, на чугунную сковородочку в печь горячую испекать пошлю, - говорит тут гость, по избе ходок. Сразу видненько, что не за так едок.

На столе горой пироги лежат, полотенчиком да прикрытые. А комок-то тот, без начиночки, пышный, розовый, до того духмян, до того румян, словно толстый пан восседает сам! Корка тонкая, от тепла дрожит. А мужик-то тот? На печи лежит, думу думает, пирогов поев: «Засылать пора, и не мешкая, аж пяток сватов мне к молодушке.

P.S. Мужичок-то тот на печи
Ест с мясцом, яйцом калачи!
А вокруг него - много деточек,
Розовощекиньких малолеточек.

На печи сидят, пироги едят!
Погулять хотят вместе с матушкой,
С родным татушкой!
А почему бы и нет? Коль те венчаны?

Лысый пряник в стране Сладкоендии

Лысому прянику с самого мгновенного появления не лежалось. Надо же было такому случиться, как он считал, что всех его приятелей покрыли блестящей искрящейся вкуснейшей глазурью, а его, самого толстого, самого крупного, медового, обошли? И он остался лысым. Повздыхав под душистой коричневой одежкой, лысый пряник решил сам себя как-то привести в соответствующий вид.

В сахарно-кондитерском краю было много интересного. Представьте себе заснеженный лес с пушистыми зелеными елочками. Представили? Но лес этот необычный. И не снег искрится повсюду, а кристаллики белоснежного сахара. И елочки здесь тоже необычные. Они из плотного зеленого крема. А на лапочках-веточках этих елочек - пушистый белый снежок. Но и снег этот не настоящий. Он - сахарная пудра.

Лысый пряник неторопливо катился по сладкому лесу. На лужайке, украшенной большими и маленькими грибами и грибочками, прыгала изюмина. Изюмина была круглая, но такая крупная, что пряник невольно подумал:

- Какой же была виноградная ягода, если после усыхания стала такой изюминой? Он хотел было спросить об этом у самой, в прошлом виноградины, но та, прыгая через веревочку, покинула лужайку.

- Вот это да! Наверное, без косточки? - размышлял пряник, рассматривая следы, оставленные изюминой на мягкой светло-зеленой поверхности лужайки.

- Корица! Корица! Где корица? - неожиданно громко проговорил кто-то за кустиками сладкого зелено-белого леса.

- Да вот же она! - пропищал в ответ тоненьким голоском невидимый собеседник. - А имбиря не надо?

- Нет, нет! - захлопал непонятно кто то ли крыльями, то ли ладошками. И все стихло.

За сладким лесом перед медовым лысым пряником открылась любопытнейшая картина. Толстая девчонка в накрахмаленной фирменной шапочке и в белой одежде разбивала яйца, отделяя белки от желтков. Она делала это так усердно, что не заметила появления лысого пряника, когда же заметила, то громко, но вежливо воскликнула:

- Ну чего разинул рот? Угощать не буду! Я - кондитерша, пока учусь. Возьми- ка шумовку! - повелительным голосом продолжала маленькая кондитерша.

- И взбивай белки. Нет! Не так! Надо в них сахарной пудры

добавить. Вот теперь так!

Лысый пряник очень старался крутить шумовкой. Вскоре в посудине, где он взбивал белки, образовалась белая пена. Пены делалось все больше и больше.

- Вот это да! - пыхтел лысый пряник, продолжая крутить лопатками взбивалки. - Вот это я понимаю! Белая пышная масса! Ух! Белый пух! Ух! А ты не скажешь, где мне взять глазури? Для облицовки своей внешности.

- Достаточно! - неожиданно высказалась кондитерша. - Про глазурь не знаю! К тому же у меня закончилась практика. - Сказав это, кондитерша поспешно растворилась среди белых халатов.

Лысый пряник, вернувшись к краю сладкого леса, обнаружил необычную речку. Это была не солнечная и не молочная река с кисельными берегами, о которых ему рассказывал маленький пекарь по имени Пекарик с хлебного завода. Это была цветная речка. Она неторопливо текла между розовыми вафельными берегами и, по рассказам Пекарика, была солнечного цвета.

- Я никогда не видел ни солнца, ни солнечной реки! - воскликнул лысый пряник и попробовал возле орехового камушка лизнуть речку. Но он никак не мог широким ртом ухватить блестящей лакированной поверхности речки. Одна лишь капелька все-таки попала в рот. И была не только сладкой, но и ароматной.

- Да она же с запахом лимона! - воскликнул пряник. А запах и вкус лимона лысому прянику был известен. - Вот поэтому речка и лимонного солнечного цвета. Это лимонный сироп.

Неожиданно рядом с лимонной пряник увидел речку другого цвета и с другим ароматом.

- Ты тоже сироп?

- Нет, - неторопливо молвила густотекущая река, - я - малиновое варенье.

С вареньем лысый был также не знаком. Пряник уже хотел попробовать на

вкус и малиновое варенье, но тут появилась ромовая баба. На коромысле она несла в ведрах клубничный и апельсиновый сиропы. Сиропы в посудине болтались от стенки к стенке. Это мешало бабе быстро идти.

- Позвольте помочь! - предложил свою услугу лысый пряник, на что ромовая баба, пахнув ароматной пышной щечкой, прибавила шагу, успев высказаться:

- Не трудитесь, любезный! Вам нужны не сироп и не глазурь! И баба скрылась за пушистой, белоснежной горой белковой пены.

- А что мне нужно? - крикнул вдогонку ромовой лысый пряник.

- Пожалуй, мне надо последовать за этой дамой. Не все

потеряно! - запел лысый пряник на всю Тверскую губернию. - Главное, следует добиваться, чего хочется, а не оставаться лысым! А я хочу стать не только ароматно-медовым, но и блестящим в этой стране под названием «Сладкоендия»!

- До, ре, ми, фа! - неожиданно услышал пряник чей-то сильный, но просоленный голос. Перед ним на широкой полке, облокотившись на лезвие ножа, на красивой цветной тарелке, восседал зеленый, удлиненной формы «фрукт», о котором лысый пряник не имел ни малейшего представления.

- Кто вы? И о чем поете? - спросил у незнакомца улыбчивый широкоротый пряник.

- Я? Ты что, только из бочки или из вскрытой банки вывалился?

- Из какой бочки и банки? - оторопело, уставившись на длинного, молвил путешествующий, ищущий глазурь пряник.

- Я - совхозный огурец! Причем не соленый, а маринованный, со специями! По желанию местных особ прибыл с консервного завода. Сладкое им прискучило. Солененького пожелали!

- Каждому свое, - хихикнула вернувшаяся ромовая баба, выливая сиропы из разных ведер в соответствующие емкости. - А тебе, лысый, не положена глазурь. Ты же медовый! На что маринованный огурец, хрустнув промаринованной одежкой, пропел прощальное:

- Соль, соль, соль...

- Не положено? А что положено? - спросил лысый пряник у шоколадного зайца, сидящего на краю сладкого леса.

- Не знаю. Я лично доволен годом зайца. А ты, возможно, дождешься года лысого пряника!

Приключения толстого пирожка по имени Пончик

Встреча пирожка со слоеной булочкой

Пирожки с разными начинками бежали вперегонки.

- Я - первый! - кричал пирожок с капустой.

- Нет, я! - кричал с картошкой.

- Не пропустим! Обгоним! - на разные голоса выкрикивали пирожки с морковной и луковой начинкой, пытаясь обогнать местных с начинкой из грибов и сыра.

- Мы - первые! Мы - первые! - то же самое повторяли пирожки с вареньем, повидлом, мармеладом, со сладкими лесными ягодами.

- Нет, мы! - выкрикивали «итальянские», начиненные ветчиной и сыром.

Позади всех трусцой бежал неведомо откуда взявшийся пирожок с мясом.

Всем известно, что мясная начинка увесистее, чем капустная или ягодная.

- Куда это вы спешите? - спросила у пирожков белая слоеная булочка по имени Анюта. Она была ближней родственницей пирожным по имени «Наполеон». Но не такой воздушной, как они. Поэтому говорила немного медленнее.

- Куда, куда! - пропыхтел пирожок с мясной начинкой. - На бал-презентацию. Нынче у королевы прием. Хочется побывать и тоже покрасоваться на выставочном паркете.

- А меня почему-то на бал не пригласили! - удивилась Слоеная булочка. - Везде самой нужно узнавать, самой все успевать. Уж эти королевские гонцы - молодцы! - вздохнула булочка, продолжая: - А в тронном королевском зале сегодня было очень много гостей. Я узнала такое, о чем вы, уважаемые пирожки, и не догадаетесь!

- Подумаешь! И без тебя узнаем! - высказались пирожки с начинкой из овощей и ягод. Лысый пряник все расскажет. - И пирожки помчались дальше.

- А что вы такое узнали, белая леди? - с любопытством спросил пирожок с начинкой из мясного фарша по имени Толстый Пончик. - Я могу и не спешить. Что значит присутствовать в выставочном зале? В лучшем случае после презентации затвердеть. В худшем - быть съеденным. Если гость аппетитный - проглотит, не успеешь и покрасоваться. Лучше уж засохнуть.

- Совершенно с вами согласна! - опять вздохнула белая Слоеная булочка. - Быть сухариком, осыпанным душистой корицей куда более престижно. Но нам с вами сухариками не бывать! У нас начинка: у вас - мясная, у меня - фруктовая.

- Так где мы с вами расположимся для беседы? - вежливо прервал рассуждения Слоеной булочки Толстый Пирожок.

- А давайте в зале, где заседают Сырьевые Персоны королевства - то есть сырье Хлебного царства. В зале тихо и не жарко. А общество какое? - предложила белая Слоеная булочка по имени Анюта.

Зал королевства Сырьевых Персон

По углам квадратного зала, словно крупные королевские гвардейцы, стояли бочки с медом, патокой, с вареной и не вареной сгущенкой. От холодильных труб, расположенным по стенам, украшенным накладками в виде винтов, ровно и спокойно веяло холодом. В картонных коробках, с яркими русскими и иностранными наклейками, сливочное масло и маргарин из Германии, Финляндии, России - молча слушали рассуждения разных фруктовых паст, джемов, цветных красителей, ароматизаторов с запахами клубники, лимона, апельсина, стабилизаторов и частые, неторопливые пощелкивания грецких орехов, арахиса, орехов с именем Кешью. Тихо перешептывались сливки со сливочным кремом, с ягодами вишни, малины, плодами ананаса со свежими фруктами: яблоками, грушами, киви, апельсинами, манго и другими компонентами общества, а также творогом и сметаной - для приготовления творожных кексов и изделий с творожной начинкой, прислушивались к щебетанию одной из блистательных принцесс королевства сладостей. Глазурь, роль которой заключалась в придании блеска всем компонентам, вела неторопливую беседу с Агар Агарычем, с Белым и Черным Шоколадом, с Корицей, с Какао из Малайзии на языке, понятном только обитателям данного королевства. Мед с патокой, с Вареной и Невареной сгущенкой не принимали участие в обсуждении вопросов. А зачем? Они точно знали, что без них ничего не решается в палатах королевства. Уверенные в себе, помалкивали и куриные яйца. Сахарный песок был также неразговорчив, как и Мука. Не то что белая пушистая Сахарная Пудра. Она то и дело фыркала, видимо, вспоминая что-то очень веселое из своей жизни. Ну что с ней поделаешь? Пудра, хоть и сахарная, есть пудра! А, возможно, она кокетничала, так как рядом находились десертные вина, ром и классический коньяк.

- Мы попали на заседание Королевских Персон Сырья? -

вежливо спросил пирожок с мясной начинкой у мелких разноцветных звездочек и шариков.

- Совершенно верно! - ответили те, похрустывая сахаром и мастикой из крахмала. - Мы лично, Персоны мелкие, отделочные. К тому же Импортные. Из других королевств. Поэтому не все понимаем на языке этого государства. Лучше спросите у Желатина. Он - старейший! Все знает.

Но Желатина на месте не оказалось - накануне сняли с должности по возрасту. Исполняющий обязанности Агар Агарович был скуп на слова, к тому же он больше говорил на языке цукатов из Армении.

- Итак, - высказался пирожок, расположившись со Слоеной булочкой в странной металлической карете на белоснежных кружевных бумажных салфеточках, - я кое-что увидел, услышал, узнал, посетив зал Королевских Персон. Теперь слушаю вас, леди!

- Можно на ты? - в свою очередь спросила Слоеная булочка. - Мы же родственники - из одной муки.

- Совершенно верно - из муки! Пшеничной, высшего качества! Только я, заметьте, с мясной начинкой! А поэтому на вы - будет поделикатнее!

- Очень мило! - растерянно продолжала Слоеная булочка. - Вы интересовались тем, что было в тронном зале, куда меня пригласили на прием к королеве?

- Да, да, да! - поспешно заверил булочку пирожок. - Где вы услышали такое, о чем и не догадаешься!

- Итак, уважаемый пирожок, - уже увереннее продолжала Слоеная булочка, - в нашем удивительном Хлебном Королевстве возник необычный дворец, где реки со сгущенным молоком и с кисельно-ягодными берегами, с кремовыми, зефирными и цукатными островами, с воздушными сладкими бизейными вершинами. Там волшебницы творят чудеса - создают разные сладости. На приеме приняли решение: назвать эту королевскую провинцию - «Сладкоендией»!

- Это интересно. Но как же мы? - тупо уставился на булочку пирожок. - Я, в частности, надеялся на здешнее процветание.

- Мы? А что мы? Как были булочками, пирожками, батонами, плюшками, кексами, баранками, сушками, ватрушками, крендельками-завитками, так и останемся ими. Просто Хлебное Королевство расширило свои границы и переделало имеющиеся дворцовые помещения на новый уровень современности.

- Вы меня заинтриговали. Хочется лично и поподробнее узнать обо всем.

- Вот я и говорю, - поспешно продолжала Слоеная булочка, - мне тоже интересно знать, что происходит в нашем королевстве.

Вдвоем это сделать проще.

- Я готов! - решительно заявил толстый пирожок, пытаясь незаметно выпрыгнуть из необычного металлического транспорта. Начинка из говяжьего фарша придавала пирожку необдуманную уверенность в своих действиях.

Но выпрыгнуть пирожку удалось только тогда, когда карета выкатилась из зала заседания важных Сырьевых Персон. Булочка по имени Анюта, повернувшись к пирожку, чтобы высказать очередную мысль, обнаружила его отсутствие.

- Куда подевался этот румяный напыщенный франт? - спросила булочка у пролетавшей мимо мучной пушинки. Но пушинка пролетела так быстро, что не поняла вопроса. К тому же сильный вентилятор тут же удалил ее из зала. В королевском экипаже Анюта продолжала свое путешествие. Не успела Анюта посожалеть об отсутствии своего попутчика, как необычный транспорт устремился вперед и вскоре остановился у ворот с вывеской «Выпечка булочных изделий». Как делаются булочки и батоны, Анюта знала не понаслышке.

Как же делаются булки?

По трубам, идущим по потолку, движется поток из муки. В круглые металлические чаши - дежи - подается все, что нужно для получения белого хлеба. Дежи двигаются по кругу, словно катаются на карусели, только с остановками. В первую дежу тестомес отмеряет нужную порцию муки, воды, дрожжей, опускает металлические руки - лопатки-мешалки. Лопатки старательно перемешивают содержимое чаши до получения куска теста. Первая дежа поплыла по кругу, а к тестомесу подъехала вторая, затем третья и так далее. И пока чаши двигаются в карусели, тесто набухает, начинает пузыриться, подниматься. Снова тестомес по очереди добавляет в дежи то, из чего готовят тесто: растворы соли, сахара, жир, молоко и другие составляющие. И опять металлические лопатки начинают месить, выхаживать тесто, а иначе оно не подойдет, не станет «живым». А «живое» оно от многочисленных микроскопических дрожжевых грибков, образующих углекислый газ, стремящийся вырваться на свободу. Тесту теперь нужно постоять - «созреть», тогда оно станет пышным, воздушным. Булки получатся мягкие, душистые.

Из дежи тесто опрокидывают в бункер, похожий на блестящую воронку, а оттуда через делитель в тесторазделочную машину - на округлитель. Затем аккуратные шарики попадают в тестоформующую машину, где их раскатывают в колбаски. Колбаски из теста на ленте конвейера отправляются в расстройный шкаф. Здесь, как в люлечках, лежат будущие

батоны. Люлечки поднимаются, опускаются, продвигаясь к электрической печи. Колбаски набирают объем, становятся пышными. Нож-надрезчик рисует на заготовках полоски - «гребешки».

В туннельную электрическую печь с температурой в двести градусов и ныряют булочки-заготовки. А как вынырнет испекшийся батон, его обдадут паром. Потому корочки на булочных изделиях делаются блестящими.

- Здравствуйте! - крикнула Слоеная булочка вновь испеченным батонам.

- Давай к нам на лотки, - улыбнулись «гребешками» батончики. - Поедем к хлебовозкам, а оттуда, после оформления на нас паспортов-накладных, на витрины в магазины!

- Пока воздержусь, - ответила им Слоеная булочка, - мне надо найти толстого Пончика! А также побывать в выставочном зале. - Но Анюта, соскочив с белоснежной салфеточки, упала на сверкающий праздничный поднос, который несла фрейлина в белом костюме.

Пирожок по имени Толстый Пончик

Толстый пирожок с мясной начинкой оказался не таким уж неповоротливым, как вначале показался Слоеной булочке. Все называли его Толстым Пончиком, поскольку он был круглым и пышным. Хотя имя Пончик не совсем соответствовало действительности. Он был просто большим румяным печеным пирогом, а не шариком из теста без начинки, изжаренным в кипящем растительном масле.

- Пончик так Пончик! Неплохое имя! - согласился пирожок, когда его испекли. - Лучше быть Пончиком, чем каким-то Колобком!

Познакомившись со Слоеной булочкой Анютой, Пончик с самого начала решил действовать самостоятельно. А потому и выпрыгнул из кареты. Оказавшись за воротами зала Заседания Сырьевых Персон, помчался туда, откуда пахло ванилью и пряностями.

Знакомство Пончика с мистером Пекарем

В огромном помещении стояли непонятные сооружения с мигающими огоньками. На одном из них было написано: «Рото-Агро», «Компьютерная программа, кекс-бисквит». Рядом прохаживался господин в белом мундире и в белом головном уборе.

- Мистер, вы не знаете, где здесь молочные реки из сгущенки с кисельно-ягодными берегами?

- Вы в Сладкоендию?

- Туда, - поспешно ответил Пирожок. - Меня все называют Пончиком. Хотя это не совсем так.

- Бывает, бывает. Меня вы тоже мистером назвали. А я - Пекарь. Кстати, должность в королевстве довольно-таки высокая. Правильно идете. Но сначала погостите у нас. Посмотрите, как выпекаются песочные коржи и бисквиты.

- А кто такие эти Песочные кожи и Бисквиты, Мистер Пекарь?

- Так познакомьтесь! Сейчас как раз буду их извлекать. Тут заиграли разноцветные огоньки, и из сооружения выехала этажерка с крупными таблетками.

- Это и есть коржи? - усомнился Пончик.

- Они! Из них творят будущие торты. В тесто для коржей берется мука, яйца, патока, сахар, для придания заданного аромата - ароматизаторы клубничные, малиновые и другие. А вот сейчас, - продолжал Пекарь, - выплывут бисквиты. Их используют как основу в бисквитном торте между сладкими прослойками. К примеру, «Сказки». Для приготовления бисквитного теста на один замес надо: 10 кг яйц, 5 кг сахара, 5 кг муки с добавлением ароматизаторов. Тесто разливают в формы - и в печку «Рото-Агро».

Дальше Пончик Пекаря уже не слушал. Что поделаешь? Он же не Слоеная булочка, а толстый пирожок с говяжьим фаршем, пришелец из другого королевства.

Новые знакомые Толстого Пончика

Прыгнув на тележку, в которой ехали коржи, Пончик покинул Пекарню. Оказавшись в другом зале, он увидел огромное количество куриных яиц. Яйца мыли в растворе соды, извести, несколько раз промывали в проточной воде, прежде чем вылить содержимое из скорлупок. Белок отделяли от желтка. Желток же отправляли для приготовления коржей, бисквитов, в булочную провинцию - для придания блеска сдобным изделиям.

В круглых чанах возвышались горы взбитых белков, сливок, кремов разных цветов и оттенков.

- Вы и есть горы с воздушными сладкими бизейными вершинами, с зефирными и цукатными островами? - спросил Пончик.

- Да! Мы - Бизе из белка, взбитого с сахаром.

- А мы - взбитые сливки с сахаром и со сгущенкой.

- А мы растительного происхождения - низкокалорийные, из молочка кокосовых орехов.

- А мы, а мы! - наперебой, перекрикивая шум взбивальных машин, высказывались отделочные разноцветные крема. - Нас

создали из сливочного масла, молочного сиропа, из вареной и невареной сгущенки, из сахарной пудры, с участием ароматизаторов, стабилизаторов, натуральных красителей, с наполнителями из пюре разных фруктов. Мы воздушные! Вкусные! Украшаем, придаем сладость пирожным, тортам и тортикам!

- Разрешите представиться! Зефир сливочный. Из белка, повидла, сахара, уваренного сиропа, в котором Агар, сахар, патока.

- Зефир ванильный! Без Агара, но зато во мне больше ягодно-яблочного и другого фруктового пюре.

- Мы - вафли, родственники зефирам!

- Я - Помадка «Театральная»!

- Печенье «Классическое»! «Карамельное»! «Кофейное» с натуральным кофе и сливочным ароматом!

- Овсяное печенье! - наперебой представлялись Пончику сладости.

- Ой! Сколько информации! - воскликнул пирожок Пончик. - Так можно и лопнуть? А где мастерицы-то, что делают эту сладкоендию?

Тут взбивальные машины в соседнем помещении замолчали, и горы пушистых белков, сливок, кремов в круглых чанах поехали в другое помещение. Заспешил туда и Пончик.

В гостях у «Сказки»

За большими длинными столами мастерицы-умелицы на подставках сооружали торта. Улыбчивые женщины с загадочными лицами создавали не десерты, а славу страны Сладкоендии.

Заглядевшись на то, как бисквитный полуфабрикат промачивали в сахарном сиропе, в котором, кроме жженого сахара, ароматизаторов, было десертное вино и классический коньяк, как мягкое полено, обсыпали шоколадной крошкой и разными цукатами, превращали в будущую «Сказку Шахерезады», Пончик чуть было не свалился в котел. В котле варилась из патоки, сгущенки и масла помадка «Театральная».

- Куда ни глянешь, везде делается вкуснятина! - высказавшись так, Пончик заспешил дальше.

Поточные и фигурные линии привели Пончика в другой зал - в зал титулованных Именитых Персон. На плоских возвышениях в прохладе расположились эклеры, рулеты «Десертные», ромовые бабы, кексы, бисквитные и песочные пирожные, покрытые глазурью из патоки, сахарной пудры и натуральных красителей, медовики, вафельные торта, зефир, пастила, печенье «Овсяное», а также печенье разного вида и разного вкуса. На белых кружевных

бумажных салфетках восседали фигурные свадебные торта: «Сладкий сон», «Три желания». Названия Именитых персон говорили о необычном сказочном сотворении: «Маска», «Полет», «Болеро», «Лесная идиллия», «Лебединая песня» и «Лебединая верность», «Орхидея», «Листопад», «Искушение». «Медуница» - из медового бисквита, крема, украшенная сотами, сахарными цветами и с летящей пчелкой. А «Рыжик»? Из медовой лепешки, крема и сгущенки с маслом? Вкуснейший «Йогуртовый торт», в котором бананы, киви, гель с использованием тропических плодов манго, маракуйя. Были тут и облегченные торта, и малые тортики в прозрачных коробочках, к примеру, «Пьяная вишня», и четырехгранные упаковки, наполненные взбитыми сливками, орехами, глазированным белым шоколадом! А «Торт по-киевски» с арахисом, грецкими орехами и кешью? Поразило Пончика и то, что все обилие знаменитостей находилось в специально отведенных для них помещениях: в красивых картонных коробках или, по желанию, в прозрачных, словно сотворенных из стекла, контейнерах, перевязанных тонкими шнурочками и ленточками.

Глядя на все это сказочное изобилие, Пончик заметил пробегающую мимо с подносиком фрейлину королевы.

- Здрасьте! - сказал румяный франт.

- Откуда ты такой взялся? - заулыбалась белоснежная фея.

- Я? Из хлебной провинции соседнего государства, Пончик! Точнее, пирожок с мясной начинкой, - важно представился фрейлине толстый пирожок.

- Не сладкий? - снова спросила придворная блондинка.

- Совершенно! - хихикнул Пончик.

- Он не сладкий! Не сладкий! Это хорошо. Сладкое иногда надоедает.

- Ну, я пошел, - заторопился пирожок, - не хватало, чтобы тебя здесь искусали.

Но проворная фрейлина успела положить его на поднос. Так Толстый Пончик оказался на презентации среди других пирожков, сладостей и хлебобулочных изделий.

Презентация

В светлом зале на троне, сотворенном из кружевных белоснежных салфеточек, восседала королева хлебного государства.

Придворные, пышные и румяные, одинаково одетые в белые накрахмаленные одеяния, двигались по залу быстро и предупредительно. Фрейлины летали от столика к столику, словно белоснежные бабочки.

Важные гости из других хлебных провинций, Сырьевые

Персоны, представившись королеве, торопливо осматривали образцы, успевая по мобильным телефонам отдавать приказы и распоряжения за пределы хлебного королевства.

Бал-презентация был в разгаре. Королева, окруженная придворной знатью, оставив трон на попечение охраны, с улыбкой приветствуя всех прибывающих на презентацию гостей, скользила по паркету тронного зала. За королевой тянулся длинный шлейф званий с перечнем наград, новых назначений, поздравлений и пожеланий.

Душистые теплые запахи окружили Пончика со всех сторон. Красивое блюдо, на котором он оказался, располагало к беседе с крендельками, сырными палочками, со сдобой, обсыпанной корицей, маком, с булочками, словно облицованными плотной сладкой белой эмалью. По залу проплывали подносы с пирожными, фигурными тортами. На столах были представлены покрытые белым и черным шоколадом зефир, вафли, печенье разной конфигурации. Рядом с Пирожком оказалась и Слоеная белая булочка.

- Какая красота! Изумительное зрелище! Не правда ли, Пончик? - высказалась булочка по имени Анюта. - Сколько сладостей, хлебобулочных изделий, баранок и сушек в этом необычном хлебном королевстве! Так что можно и сухариком стать, лишь бы увидеть это обилие!

Но Слоеная булочка не успела договорить. Ее положили на разовую тарелочку.

- Смотрите! - воскликнул один из гостей. - Какой замечательный пирог, пышный, румяный! С мясом! - и гость опустил мясной пирожок в прозрачный пакет.

- А презентация?

- А презентация продолжалась.

Мышиный король

(Рассказ)

Мама, прочитав Саньке сказку о Мышином короле, ушла в кухню. Санька, усевшись за маминым туалетным столиком, стал разглядывать всякие флакончики, баночки, кисточки. Его внимание привлекла черного цвета блестящая трубочка, внутри которой двигалась округлая с щетинками щеточка. Не долго раздумывая, Санька с ее помощью на своем лице нарисовал усы, клином бородку, брови в виде треугольных пирамидок. Разная губная помада сделала щеки похожими на розово-красные яблоки.

- Чего-то еще не хватает? - подумал Санька, проводя рукой по короткой стрижке. - Нет кудрей! Заглянул в ящик туалетного столика, где и обнаружил не один, а сразу два парика - произведения парикмахерско-театрального искусства.

- О, ваше величество! - пискнула появившаяся в бархатном камзоле мышка, приблизившись к Саньке настолько близко, что он, если бы был котом, мог бы спокойно ее сцапать. Но Саньке хотелось закончить свое преобразование в короля.

Мышь в бархатном одеянии, подданная короля, все кланялась и кланялась Саньке. - Ваше величество, карета подана! - высказалась подданная короля. После этих слов мышь замерла по стойке смирно.

- Карета? - удивился Санька. - Уже и королевская карета у меня есть?

- Есть, есть! - подтвердила усатая служивая. - Куда желаете доставить?

- Конечно, в королевский замок! - не задумываясь, заявил Санька. - А вы, уважаемая придворная мышь, можете уменьшить мой королевский наряд в размере?

- Конечно, только при условии, что и вы, ваше королевское величество, уменьшитесь.

Красивая коробочка, в которой хранился подаренный маме флакон духов, моментально превратился в изысканную карету. Мышь сидела на облучке, цветные шелковые ленточки служили вожжами. Не хватало только лошадей.

- Вот незадача, - сказала возница в бархатном камзоле, - лошадки где-то запропастились. Может быть, вы пожелаете совершить поездку не в королевском экипаже, кстати, это устаревший вид транспорта, а на современном летающем аппарате? И мышь с легкостью пушинки, взлетев на угол квадратного притуалетного зеркала, сбросила с верхотуры

плетеную из тончайших ниточек сеточку для волос, превратив мигом ее в летающий парашют. Парашют летал и садился то на высокий флакон с квадратной широкой пробкой, то порхал между другими предметами с красивыми этикетками, приятно, изыскано, как говорила мама, наполняя комнату утонченными запахами. Полет был настолько увлекательным, что Санька даже не заметил, как исчезла компьютерная мышь в бархатном камзоле, а вместо нее в зеркале отразилась мамина рука с пухлой розовой кухонной прихваткой.

- Сашенька! - всплеснула руками мама. - На кого ты похож? И зачем пооткрывал все флаконы с духами? А моя сетка для волос? Во что она превратилась? И почему импортная тушь для ресниц оказалась на твоем лице? О, боже! Чучело ты заморское!

- Я не чучело, я его величество Мышиный король! - с гордостью высказался Санька, рассматривая себя в зеркале. - Вот только усы и бородка размазались.

- Пошли-ка, Мышиный король, в ванну превращаться в пятилетнего Сашку! - чуть сердито добавила мама. - Ну и король! Мышиный!

Паша´

На даче, надев на голову для тепла пушистый мягкий колпак из-под старой вязаной шапки, взглянула в зеркало. На меня смотрел Паша´.

- Да! - сказала я своему отражению. - Похожа на турецкого султана. Я - ПАША! Почему Паша´? Потому что пашу на даче, хотя... не так яро, как за письменным столом.

От автора

Заканчивая написание «Книги-3. Две жизни в одной», мне вдруг захотелось назвать ее иначе: «Три книги в одной». Почему?

Потому что «Книга-3» состоит из трех частей: «Общества и сообщества» плюс Дельфийские игры, из фэнтези и фольклорно-художественной литературы. В трехтомнике я не полностью отразила свою деятельность. Многое просто не вместилось в объем издаваемых книг. Но себе я дала слово: оставшееся жизненное время, по возможности, посвятить дошкольной литературе. Для детей пишут немногие, особенно это касается поэзии.

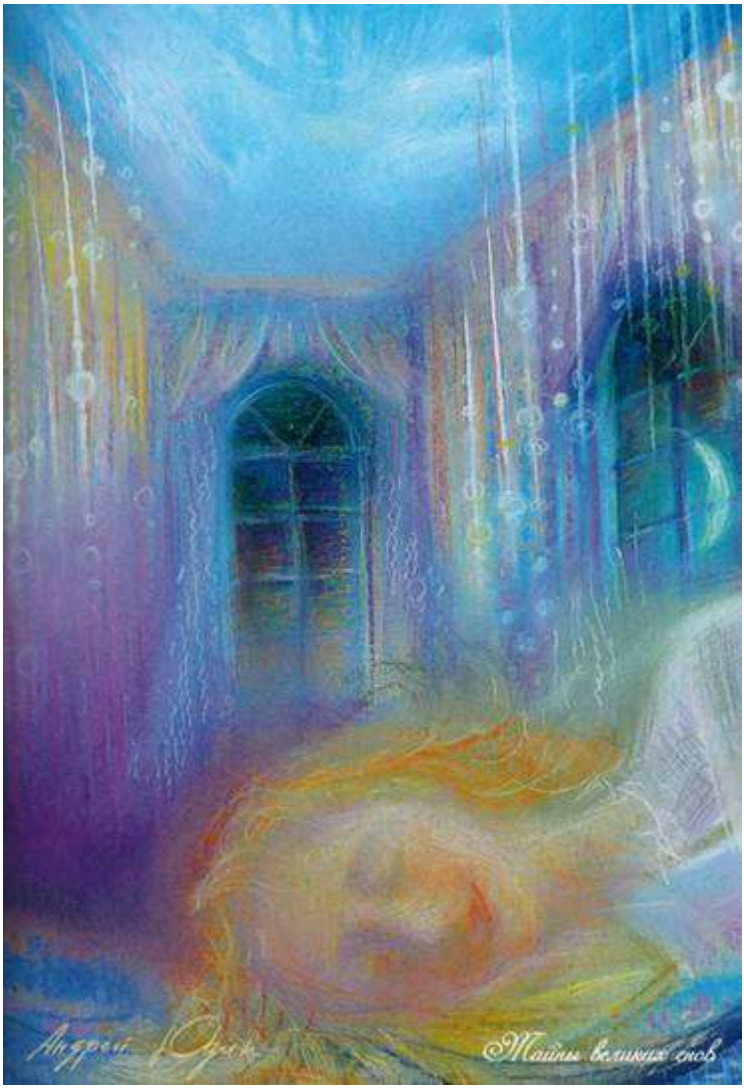
Благодарю издателей, всех, кто принимал участие в создании документально-художественного трехтомника, уважаемых читателей и критиков за внимание к моему творчеству! Желаю успеха в больших и малых делах, здоровья и счастья.

Ваша Гайда Лагздынь

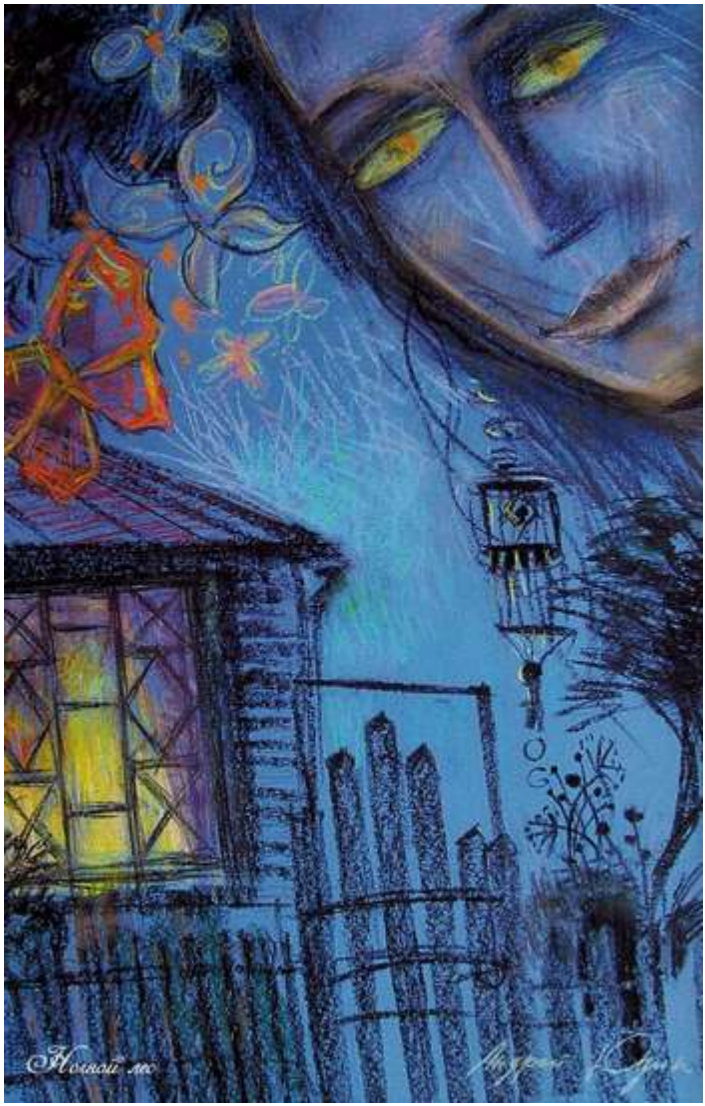
Автор благодарит депутата Тверского областного Законодательного Собрания Воробьеву Людмилу Федоровну за поддержку проекта издания «Книга-3. Две жизни в одной».

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Тайны великих снов



Ночной лес



Букет полевых цветов

Воздушный замок

Музыка вселенной. Танец теней

Небесная принцесса. Детские хоры

Царь моря Ером

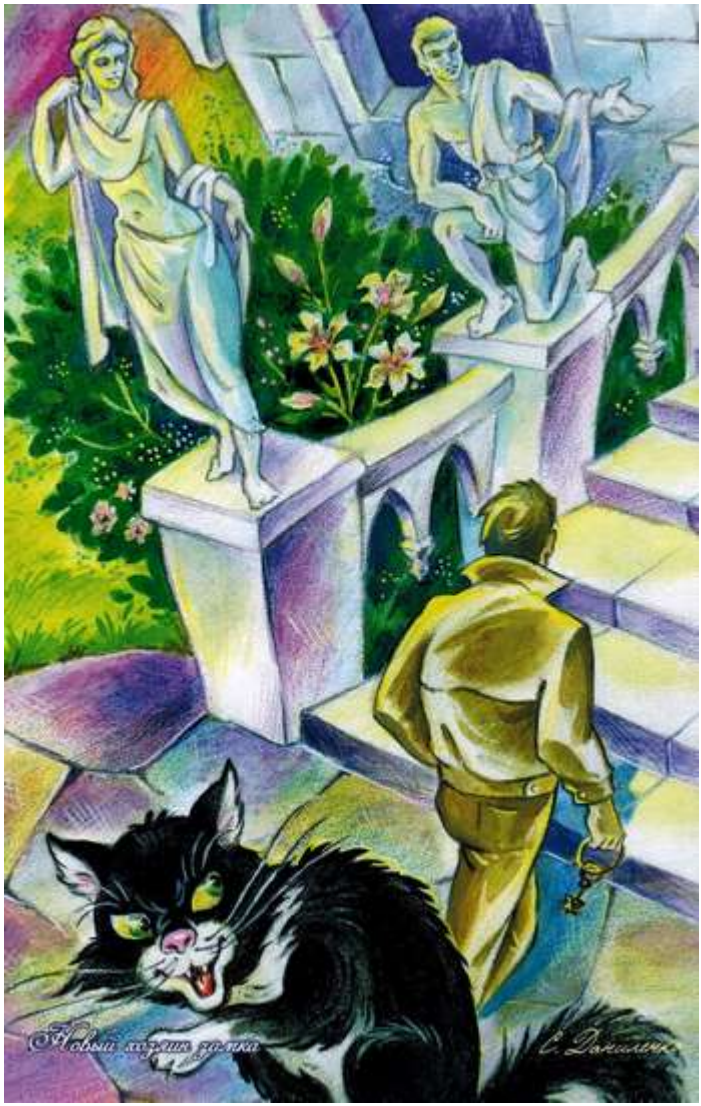
Королина и ловец жемчуга

Дальняя деревушка

Старуха Евфросиния

Загадки необычного замка

Новый хозяин замка



Гостиная таинственного замка

Черная башня

Сказание про Ваньку Тверского

Сказание про Ваньку Непутевого

Надевает осень яркий
Плащ – не медный – золотой!
Осень хочет быть нарядной,
Пусть уже не молодой

Ваша
Гайда Лагздынь